

АДМИНИСТРАЦИЯ ГУБЕРНАТОРА ПЕРМСКОГО КРАЯ
ДЕПАРТАМЕНТ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ. ПЕРМСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ОТДЕЛ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ГОУ ВПО «ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**А. В. Черных, Т. Г. Голева,
М. С. Каменских, С. А. Шевырин**

Белорусы **в Пермском крае:** **очерки истории** **и этнографии**

ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО
МАМАТОВ®
www.mamatov.ru

С.-Петербург 2013

УДК 94(470.53)
ББК 63.3(2Рос-4Пер)
Б43

Авторский коллектив:

Александр Васильевич Черных, д-р ист. наук,
гл. науч. сотрудник Отдела истории, археологии и этнографии Пермского
научного центра УрО РАН, профессор Пермского государственного
гуманитарно-педагогического университета

Татьяна Геннадьевна Голева, канд. ист. наук,
ст. науч. сотрудник Отдела истории,
археологии и этнографии Пермского научного центра УрО РАН,
вед. науч. сотрудник Института развития образования Пермского края

Михаил Сергеевич Каменских, канд. ист. наук,
научный сотрудник Пермского государственного гуманитарно-
педагогического университета

Сергей Андреевич Шевырин, канд. ист. наук, доцент Пермского
государственного гуманитарно-педагогического университета

Рецензенты: *Е. Ф. Фурсова*, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник
Института археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск), *С. В. Грунтов*,
канд. ист. наук, старший научный сотрудник Центра исследований белорусской
культуры, языка и литературы НАН Беларуси (г. Минск).

Исследование выполнено: в рамках гранта РГНФ № 13-01-00072 «Этно-
культурные процессы у народов Урала в конце XIX — начале XXI в.», в рамках
международного гранта «Апотропейные функции материальной культуры на-
родов Урала и Беларуси (конец XV — XXI в.)» РГНФ № 12-21-01002 (Россия),
в рамках проекта № 029а-Ф Программы стратегического развития Пермского
государственного гуманитарно-педагогического университета.

Подготовка издания осуществлена в рамках гранта РГНФ «Апотропейные
функции материальной культуры народов Урала и Беларуси (конец XV —
XXI в.)» РГНФ № 12-21-01002 (Россия).

Издание осуществлено за счёт средств краевой целевой Программы раз-
вития и гармонизации национальных отношений народов Пермского края на
2009–2013 годы, на средства проекта № 029а-Ф Программы стратегического раз-
вития Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета.

*Рекомендовано к печати Редакционно-издательским отделом
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета*

В монографии на основе архивных, опубликованных в печати и полученных
в результате полевых исследований этнографических источников рассматривают-
ся особенности формирования и этнокультурные процессы у белорусов в Перм-
ском крае на протяжении конца XIX — начала XXI в. Впервые в коллективной
монографии авторами рассмотрены основные этапы формирования и миграций
белорусов в Прикамье, их численность и расселение, особенности функциониро-
вания языка и этнической культуры как в прошлом, так и настоящем.

Издание рассчитано на специалистов в области истории и этнографии,
но будет интересно и широкому кругу неравнодушных к истории и этнографии
читателей.

ISBN 978-5-91076-098-5

© Черных А. В., Голева Т. Г., Каменских М. С.,
Шевырин С. А., 2013
© Издательство «Маматов», оформление, 2013

АДМІНІСТРАЦЫЯ ГУБЕРНАТАРА ПЕРМСКАГА КРАЮ
ДЭПАРТАМЕНТ УНУТРАНАЙ ПАЛІТЫКІ
РАСІЙСКАЯ АКАДЭМІЯ НАВУК
УРАЛЬСКАЕ АДДЗЯЛЕННЕ. ПЕРМСКІ НАВУКОВЫ ЦЭНТР
АДДЕЛ ГІСТОРЫІ, АРХЕАЛОГІІ І ЭТНАГРАФІІ
ДАУ ВПА «ПЕРМСКІ ДЗЯРЖАЎНЫ ГУМАНТАРНА-
ПЕДАГАГІЧНЫ УНІВЕРСІТЭТ»

А. В. Чарных, Т. Г. Голева,
М. С. Каменскіх, С. А. Шавырын

Беларусы ў Пермскім краі:

нарысы гісторыі
і этнаграфіі

Publishing
MAMATOV
www.mamatov.ru

С.-Петербург 2013

У манаграфіі на аснове архіўных, апублікаваных у друку і атрыманых у выніку палявых даследаванняў этнаграфічных крыніц разглядаюцца асаблівасці фарміравання і этнакультурныя працэсы ў беларусаў у Пермскім краі на працягу канца XIX — пачатку XXI ст. Упершыню ў калектыўнай манаграфіі аўтарамі вывучаны асноўныя этапы фарміравання і міграцыі беларусаў у Прыкам'і, іх колькасць і рассяленне, асаблівасці функцыянавання мовы і этнічнай культуры як у мінулым, так і ў цяперашнім часе.

Выданне разлічана на спецыялістаў у галіне гісторыі і этнаграфіі, але будзе цікава і шырокаму колу неаб'ядкавых да гісторыі і этнаграфіі чытачоў.

ВВЕДЕНИЕ

Этническая история и традиционная культура народов Пермского Прикамья до настоящего времени вызывают исследовательский и общественный интерес. Данная книга является пятой в серии, посвящённой этнодисперсным группам народов Среднего Урала. В рамках проекта уже подготовлены и изданы исследования «Немецкие хутора Прикамья» (2008), «Поляки в Пермском крае» (2009), «Эстонцы в Пермском крае» (2010), «Китайцы на Среднем Урале» (2011) [Вайман 2008; Поляки 2009; Черных 2010; Каменских 2011]. Настоящая книга посвящена белорусам Пермского края. Представленная монография «Белорусы в Пермском крае: очерки истории и этнографии», как и предыдущие исследования, рассматривает вопросы миграционного притока в регион и формирования белорусского населения Пермского Прикамья, сохранившиеся комплексы традиционной культуры, современные этнокультурные процессы и общественное движение.

Белорусы — один из народов многонационального Пермского края. По данным последней переписи населения 2010 года, численность белорусов в регионе составила 6 570 человек. Они входят в число десяти наиболее многочисленных этнических сообществ Пермского края, занимая в списке народов седьмое место после русских, татар, коми-пермяков, башкир, удмуртов и украинцев. Белорусы вписали свои страницы в многотомную историю Пермского Прикамья, в то же время история белорусов на территории края теснейшим образом была связана с событиями мировой и отечественной истории. Именно общероссийские события и миграционные волны определили основные этапы переселения белорусов в начале XX века, в предвоенный и послевоенный период XX века. Этнокультурные процессы, сохранение этнической идентичности, сохранение и презентация этнической культуры белорусов важны как для изучения истории и этнографии региона, так и для современного развития этнокультурного потенциала Пермского края.

Историю и этнографию белорусов в России нельзя назвать неисследованной темой. Целая серия работ раскрывает особенности миграционного движения и формирования белорусского населения

в регионах России (см.: [Верещагин 1978; Белорусы в Сибири 2000; Белорусы в Сибири 2011; Очерки истории 2002; Белорусы в Оренбуржье 2001]), его адаптации на новых землях в восточных губерниях страны, особенности расселения и своеобразие сохранившихся этнокультурных комплексов [Багашев, 2010; Багашев, 2012; Бережнова 2006; Бережнова 2007; Бережнова 2009; Майничева 1997; Майничева 1998; Майничева 1999; Майничева 2001; Фёдоров 2009; Фурсова 1999; Фурсова 2000; Фурсова 2003, Фурсова 2011]. Большая часть научных исследований посвящена изучению белорусов, проживающих в регионах Сибири. Научными центрами изучения белорусов в России стали Новосибирск, Тюмень, Омск. Однако, несмотря на значительное число публикаций, проблематика этнографических исследований до настоящего времени не исчерпана как тематически, так и регионально.

О белорусах, проживающих на территории Урала (в Свердловской, Курганской, Челябинской, Оренбургской областях, Пермском крае, Республиках Башкортостан и Коми), в том числе имеющих и компактные ареалы сельского расселения, до настоящего времени нет ни исторического, ни этнографического монографического исследования. Историография белорусов на Урале ограничивается несколькими справочными публикациями в энциклопедических изданиях, посвящённых народам того или иного региона [Дашкевич 2007, 178–179; Шитова 2002, 295–318], отдельными этнографическими статьями, в которых раскрываются особенности календарной обрядности белорусов Урала [Ворончихина 2003, 2004; Купальские песни 2012], процессы сохранения и трансформации их этнической идентичности [Богордаева 2010]. Лишь белорусам Оренбургской области посвящён отдельный сборник статей «Белорусы в Оренбуржье», в котором опубликованы материалы научно-практической конференции [Белорусы в Оренбуржье 2001]. По большей части материалы сборника имеют историческую тематику, однако и они фрагментарны как хронологически, так и тематически.

Первые публикации о белорусах Пермского Прикамья относятся к началу XX века — периоду, когда шло активное переселение белорусов в регион. В немногочисленных опубликованных статьях и заметках этого периода раскрываются особенности освоения белорусскими крестьянами территории Пермского Прикамья [Гросман 1913; Поездка 1909; Справка 1911]. В дальнейшем, на протяжении почти столетнего периода, изучение белорусского населения в регионе не проводилось. Не освещались ни вопросы истории, особенностей миграционного притока и формирования белорусского населения в регионе в разные

периоды прошлого века, ни особенности этнокультурных комплексов компактных групп белорусов в районах Пермского края. Изучение этой темы было начато лишь в 2008 году в рамках реализации проекта «Этнодисперсные группы народов Среднего Урала» авторами настоящего исследования. В период с 2008 по 2013 год состоялось несколько экспедиционных выездов в районы некогда компактного проживания белорусов, начаты архивные изыскания. Часть результатов, полученных в ходе архивных и полевых этнографических исследований, уже опубликована. В нескольких статьях раскрыты комплексы календарной обрядности белорусских переселенцев в Прикамье [Черных 2012а; Черных 2012б], проанализирован сохранившийся в регионе комплекс традиционной кухни белорусов [Черных 2013], исследованы основные этапы миграции с территории Белоруссии в Прикамье, динамика численности белорусского населения в регионе [Черных 2014]. Итогом работы по изучению белорусского населения края стала настоящая монография.

Как видим из настоящего обзора, история белорусского населения Урала была представлена лишь несколькими очерковыми работами. Таким образом, следует констатировать, что вопросы истории формирования и этнокультурные комплексы белорусов Урала в исторической и этнографической литературе освещены крайне фрагментарно. Предпринятое авторами исследование является первой историко-этнографической монографией о белорусах одного из регионов Урала — Пермского края.

Целью настоящего исследования является изучение особенностей формирования и этнокультурных процессов в белорусском сообществе региона. Для чего предпринято исследование миграционных волн и потоков с территории Белоруссии в Пермский край в конце XIX и в XX веке, добровольных и принудительных миграций, особенностей расселения и численности белорусов в регионе, этнической идентичности, а также комплексов материальной и духовной культуры.

Территориальные рамки исследования определены современными границами Пермского края, в прошлом — западные уезды Пермской губернии (Кунгурский, Оханский, Осинский, Пермский, Соликамский, Чердынский).

Хронологические рамки работы включают период конца XIX — начала XXI века. С конца XIX столетия начинаются активные миграционные потоки белорусов на территорию Урала и Пермского Прикамья, что определило нижнюю хронологическую границу исследования.

Этнокультурные процессы у белорусского сообщества региона изучаются вплоть до настоящего времени, что позволяет определить верхнюю границу началом XXI века.

При подготовке настоящего исследования был использован значительный круг источников как опубликованных, так и находящихся в музейных и архивных собраниях.

Основными же для подготовки настоящего исследования явились полевые материалы авторов. Как отмечалось выше, полевые исследования среди белорусского населения проводились в период с 2008 по 2013 год. Экспедициями 2008, 2012, 2013 годов изучались белорусы — потомки переселенцев начала XX века в Сивинское имение Крестьянского поземельного банка в Сивинском районе Пермского края: в сёлах и деревнях Сиве, Екатерининском, Диево, Буб, Большом Самылово, Шестинке, Мошково, посёлках Юбилейном, Северном Коммунаре и других. Во время полевой работы проводились опросы старожилов по этнографическому опроснику, изучались семейные архивы, сохранившиеся предметы быта. Полевые материалы представлены историческими преданиями, семейными историями о переселении в начале XX века, текстами, раскрывающими особенности хозяйственных занятий, быта, традиционной кухни, семейной и календарной обрядности. Личные наблюдения были необходимы при изучении современных этнокультурных процессов на данной территории. Полевые материалы, полученные в Сивинском районе Пермского края, стали основой для подготовки раздела о традиционной культуре белорусского населения этой территории, существенно дополнили другие разделы работы. Полевой материал получен также у потомков спецпереселенцев 1930-х годов в Гайнском и Кочёвском районах Пермского края. Кроме того, полевые исследования проводились в городе Перми с целью выявления особенностей современных этнокультурных процессов и общественного движения белорусского сообщества края. Для подготовки издания использован материал фольклорных экспедиций 1970–1980-х годов в Сивинский район Пермской области, содержащий записи текстов обрядового фольклора, исторических преданий, описания обрядовых комплексов семейного и календарного циклов, хранящиеся в фольклорном архиве кафедры русской литературы Пермского государственного национального исследовательского университета.

Существенная часть информации об истории формирования белорусской общности в Пермском Прикамье, миграционных процессах была извлечена из собраний Государственного архива Пермского края

(ГАПК, г. Пермь), Пермского государственного архива новейшей истории (ПермГАНИ, г. Пермь), архивного отдела администрации Сивинского района (АОАСР, с. Сива), а также архивных материалов Пермского краеведческого музея (г. Пермь), Коми-Пермяцкого краеведческого музея (г. Кудымкар), Сивинского районного краеведческого музея (с. Сива), Мемориального центра истории политических репрессий «Пермь-36» и других.

Наиболее ценными и информативными для изучения истории формирования белорусов в западных уездах Пермской губернии в начале XX века представляются материалы Пермского отделения Крестьянского поземельного банка (ГАПК. Ф. 204), коллекция метрических книг Пермской губернии (ГАПК. Ф. 719), хранящиеся в Государственном архиве Пермского края. Для истории советского периода значимыми представляются архивно-следственные дела на репрессированных Пермского государственного архива новейшей истории, раскрывающие страницы истории белорусов в Прикамье в 1930-е годы. Материалы разных архивных фондов раскрывают также процессы эвакуации с территории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (ПермГАНИ. Ф. 105; ГАПК. Ф. 176, 302, 1313), организованное добровольное переселение белорусов в Молотовскую область в послевоенные годы (ПермГАНИ. Ф. 105; ГАПК. Ф. 476, 493, 1271). Архивный фонд Пермского областного управления статистики (ГАПК. Ф. 493) содержит наиболее полные материалы переписей населения советского периода, позволяет не только проследить изменение численности белорусов в районах Пермского Прикамья, но и показать степень владения ими родным белорусским языком.

Важными для выявления особенностей принудительного переселения с территории Белоруссии в Прикамье, жизни переселенцев в посёлках Пермского Прикамья являются архивные материалы Мемориального центра истории политических репрессий «Пермь-36», Пермского краевого отделения международного общества «Мемориал». Архивные материалы данных фондов представлены в основном воспоминаниями бывших спецпереселенцев об особенностях их выселения, жизни в спецпосёлках Пермской области.

Опубликованные источники в большинстве своём представлены статистическими материалами переписей населения конца XIX — начала XXI века [Первая 1904; Уральский ежегодник 1925; Всесоюзная перепись 2002], списками населённых пунктов округов Уральской области [Список: Пермский округ 1928; Список: Кунгурский округ

1928]. Содержательную информацию о формировании населения, особенностях хуторского хозяйства в Сивинском имении Крестьянского поземельного банка содержат опубликованные справки о заселении и развитии имения [Справка 1911]. Данные статистические и справочные материалы в совокупности раскрывают особенности расселения белорусов в регионе, а также динамику их численности в исследуемый период.

Отдельные краеведческие, публицистические материалы средств массовой информации в некоторых случаях также выступают источниками для настоящего исследования, так как содержат исторические предания, воспоминания пермских белорусов [Гросман 1913; Поездка 1909; Касперович 1991; Федосеева 2001; Федосеева 2006; Старовойтов 2001 и др.]. Публикации в средствах массовой информации раскрывают и современное общественное движение белорусов Пермского края, деятельность общественных организаций [Максимович 2007; Максимович 2012; Белорусский культурный центр 2002].

Таким образом, комплексность историко-этнографического исследования обусловило использование разных видов источников, которые в своей совокупности позволили проследить добровольные и принудительные миграции белорусов в Прикамье, определить особенности комплексов традиционной культуры и динамику этнокультурных процессов на протяжении исследуемого периода. Большая часть материала, выявленного в архивных и музейных собраниях, полученного в ходе этнографических экспедиций, вводится в научный оборот впервые.

Структура работы определена основными этапами становления и развития белорусского сообщества Пермского Прикамья. Первый очерк раскрывает особенности формирования белорусского населения в Пермской губернии в конце XIX — начале XX века. Третий очерк посвящён миграционным и этнокультурным процессам у белорусов в советский период. Четвёртый — современным этнокультурным процессам. Отдельная глава исследования отражает особенности традиционной культуры белорусов Сивинского имения. Иллюстративный материал, помещённый в приложении к настоящему изданию, представляет историю, материальную и духовную культуру белорусов Пермского края.

Авторы искренне благодарят всех жителей Сивинского района, с которыми встречались во время этнографических экспедиций: их воспоминания и личные архивы стали основным источником для подготовки некоторых разделов книги. Слова признательности адресуются

В. Д. Федосеевой (с. Буб), предоставившей архивную информацию и фотоматериалы о деревне Борейково. Особая благодарность администрации Сивинского района и лично Н. Б. Мироновой, сотрудникам Сивинского районного краеведческого музея Е. В. Кокшаровой, Е. Г. Кругловой, Е. П. Шустровой, а также Екатерининской и Бубинской средним общеобразовательным школам за неоценимую помощь в проведении полевых исследований на территории района. Авторы также признательны Пермскому краеведческому музею, Коми-Пермяцкому краеведческому музею, Сивинскому районному краеведческому музею, общественному музею спецпереселенцев и жертв политических репрессий села Юкеево Кочёвского района за предоставленную возможность использовать музейные предметы и опубликовать архивные материалы и фотографии. Слова благодарности — председателю Общественного центра белорусов Пермского края В. С. Максимовичу за помощь в подготовке раздела об общественных институтах пермских белорусов.

За полевые исследования и помощь в подготовке настоящего издания благодарим наших коллег И. А. Подюкова, М. В. Крысову, М. Е. Суханову, Д. И. Ваймана, а также студентов Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета О. Евдокимову, Е. Власову, Д. Масленникова, К. Худякова, Р. Трофимову и других, принимавших активное участие в полевых исследованиях и сборе материала.

БЕЛУРУСУ
В ПЕРМСКОМ ПРИКАМЬЕ
В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Очерк 1

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О БЕЛОРУСАХ

Белорусы — один из восточнославянских народов Евразии. Большая часть белорусов проживает на территории современной Республики Беларусь, где их численность составляет 7 957 252 человека, или 83,7 % всего населения страны (2009) [Кто живёт 2012, 26]. Общая численность белорусов в мире — около 10 млн человек [Здоровец 2005, 38]. Белорусы также проживают в России (521,4 тыс. — 2010 г.), Польше (около 250 тыс.), Латвии (97,1 тыс.), Литве (42,9 тыс.) и в Украине (275,9 тыс.) [Кто живёт 2012, 20].

Этногенез и консолидация белорусов происходили на территории Верхнего Поднепровья, Среднего Подвинья и Верхнего Понемонья (Полоцкое княжество) в период с XIII по XVI век в результате распада древнерусской этнической общности [Кто живёт 2012, 22]. Ранее территория современной Белоруссии была заселена восточнославянскими племенами — дреговичами, кривичами, радимичами. Изначально находясь в составе Киевской Руси, эти племенные образования в эпоху политической раздробленности в XIII–XIV веках вошли в состав Великого княжества Литовского, в рамках которого и произошло формирование белорусов [История 1996, 283]. Важным этнообразующим фактором для белорусского народа был язык. Известно, что западный диалект древнерусского языка — древнебелорусский — в Великом княжестве Литовском выполнял функции государственного языка [Белорусы].

Само название «белорусы» восходит к топониму Белая Русь, который закрепился за белорусскими землями после их вхождения в результате разделов Речи Посполитой в состав Русского государства в XVIII веке [История 1996, 265]. Собственно этническое самосознание белорусов формируется к концу XIX века. Как самоназвание этноним «белорусы» получил широкое распространение лишь после образования Белорусской ССР в 1919 году [Григорьева 1994, 110]. В августе 1991 года в Минске принята Декларация о государственном суверенитете Белоруссии (Республики Беларусь), которая положила начало существованию этого народа в рамках независимого государства [Декларация о государственном суверенитете].

Белорусы говорят на белорусском языке восточнославянской группы славянской ветви индоевропейской языковой семьи. Различают крупные юго-западный и северо-восточный диалекты, между ними выделяется переходная группа среднебелорусских говоров, на которых основывается белорусский литературный язык [Кто живёт 2012, 42–43].

Для современных белорусов характерен русско-белорусский билингвизм. В 2009 году 5 851 254 (73,53 %) белоруса заявили о свободном владении белорусским языком, но при этом лишь 2 073 853 (26,06 %) указали, что обычно говорят по-белорусски дома (в 1999 году белорусский язык считали своим родным 85,6 % белорусов, а дома на нём общались 41,3 %) [Распределение населения]. При этом по-русски дома говорят 5 551 527 (69,77 %) белорусов, а в Минске эта доля возрастает до 87,29 % [Предварительные результаты].

По вероисповеданию современные белорусы преимущественно православные, но есть и католики [Белорусы 2011, 99].

Традиционные занятия белорусов — земледелие, животноводство, а также пчеловодство, собирательство, рыболовство. Традиционные поселения — сёла, деревни, выселки, хутора. В национальной одежде в сравнении с другими славянскими группами преобладает белый цвет [Белорусы: Народы России]. В традиционной кухне большую роль играют продукты земледелия — мука, крупа, овощи, картофель. Наиболее древний вид растительной пищи — каши из ячменных зёрен, проса, овса, ячневой и гречневой круп. Традиционные напитки — квасы. В духовной культуре белорусов отличают яркое и самобытное песенное творчество, архаичные элементы календарной и семейной обрядности.

БЕЛОРУСЫ В РОССИИ И НА УРАЛЕ

Этнические территории русских и белорусов были сопредельными, поэтому последние издавна проживали в западных областях России: Смоленской, Орловской, Тверской, Калужской [Народы России 1994, 111]. Массовый характер миграция белорусов в восточные губернии России приобрела во второй половине XIX века, в основном в центральные и северо-западные районы России, в Сибирь, на Урал и Дальний Восток, юг России [Кто живёт 2012, 27]. Согласно материалам переписи 1897 года за пределами Белоруссии проживало 540 тыс. белорусов [Народы России 1994, 112]. Не прекращался миграционный поток и в начале XX века [Сидельников 1973, 13]. В этот же период диаспоры белорусов складываются в городах России. В г. Санкт-Петербурге

в 1910 году проживали около 70 тыс. белорусов, составляя вторую по численности этническую группу северной столицы [Кто живёт 2012, 28]. В советский период добровольные и принудительные миграции были связаны с промышленным строительством, коллективизацией сельского хозяйства, раскулачиванием. В годы Великой Отечественной войны значительное число белорусов было эвакуировано на Урал и в Сибирь, часть из них так и осталась жить в этих регионах. В послевоенные годы белорусы активно участвовали в больших промышленных стройках, в освоении целинных земель. Значительную часть миграционного потока обеспечивала система организационного набора, привлекавшая переселенцев из Белоруссии для работы в лесные посёлки и леспромысловые хозяйства [Народы России 1994, 112].

На протяжении второй половины XX века численность белорусов в РСФСР постоянно увеличивалась, достигнув в 1989 году 1 206 000 человек (пятый по численности этнос). В 1991 году, когда Белоруссия была провозглашена независимым государством, количество белорусов в России стало снижаться. Причины этого явления кроются как в естественном снижении численности и миграционном оттоке населения, так и в ассимиляционных процессах. За период с 2002 по 2010 год численность белорусов в России снизилась с 807 970 до 521 443 человек¹. Сегодня самые значительные группы проживают в следующих регионах: Москва, Санкт-Петербург, Калининград, Карелия [Национальный состав].

Деятельность большинства белорусских общественных объединений в современной России сосредоточена в рамках Федеральной национально-культурной автономии (ФНКА) «Белорусы России», учреждённой в 1999 году [Федеральная автономия]. Сегодня белорусские общества существуют практически во всех крупных городах, а также в пограничных с Белоруссией регионах России.

Формирование белорусского населения на Урале происходило в контексте общего миграционного потока в восточные регионы России. Ареалы расселения белорусов в регионах Урала складываются в начале XX века. Белорусы-переселенцы обосновываются во всех уральских губерниях – Уфимской, Пермской, Оренбургской.

---

¹ Если в 1989 году белорусы являлись пятым по численности этносом РСФСР, то в 2010 году они не входят даже в десятку крупнейших по численности этносов страны. См.: Население Российской Федерации по владению языками. Предварительные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года [Электронный ресурс]: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики РФ. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/per-itog/tab5.xls (дата обращения: 28.02.2012).

Ареалы расселения и поселения белорусов возникают в Уфимском, Белебеевском, Стерлитамакском уездах Уфимской губернии. Первые в этой губернии появились уже накануне XX столетия [Народы Башкортостана 2002, 299]. Уфимская губерния относилась к числу обеспеченных землёй, поэтому переселенческий поток в конце XIX — начале XX века именно сюда был значительным в отличие от других губерний Урала. К 1913 году в Уфимском уезде обосновалось 865 хозяйств, 5,6 тыс. белорусов, свыше 1,7 тыс. человек осели в Белебеевском уезде, несколько белорусских посёлков появилось в Стерлитамакском уезде [Народы Башкортостана 2002, 299]. Приток и расселение белорусского населения продолжались вплоть до 1917 года. Очаги сельского расселения белорусов-переселенцев начала XX века в настоящее время сохраняются в юго-западных, южных и центральных районах Республики Башкортостан [Народы Башкортостана 2002, 298–300, 316].

Несколько поселений белорусов в начале XX века отмечены в Оренбургской губернии [Дашкевич 2007, 178].

Один из значительных ареалов современного расселения белорусов на территории Урала находится в восточной части Свердловской области и включает Таборинский и часть Ирбитского района [Ворончихина 2004, 123]. Основная часть самоходов Свердловской области представлена выходцами из Витебской и Виленской губерний, а также могилёвцами — уроженцами Могилёвской губернии [Богордаева 2010, 163–164; Купальские песни 2012, 2]. Формирование белорусских поселений в этом районе относится к началу XX века [Богордаева 2010, 163–164], численность их была значительной. В 1930 году Таборинский район Уральской области (позднее — Свердловской) имел статус национального белорусского района [Таборинский район].

Приток белорусского населения на Урал продолжался и в советский период. В довоенный период он был связан с проводимой индустриализацией: строительство новых промышленных предприятий требовало притока рабочей силы. Коллективизация сельского хозяйства также привела на Урал раскулаченных белорусов, находящихся в спецссылке [История сталинского ГУЛАГа 2004, 117]. Новая миграционная волна была вызвана Великой Отечественной войной, эвакуацией в тыл, в том числе в регионы Урала, населения и промышленных предприятий [Дашкевич 2007, 178–179; Потёмкина 2006]. В послевоенный период массовые миграции белорусов на Урал были связаны с политикой привлечения трудовых ресурсов, так как регионы Урала нуждались в рабочей силе. Если на северном Урале белорусы работали в основном в лесной

промышленности, в других сферах промышленного производства, то на южном они осваивали целинные и залежные земли [Дашкевич 2007, 179]. Однако переселенцы из Белоруссии советского периода не создали компактные ареалы расселения на Урале, достаточно быстро адаптировались и интегрировались в принимающем сообществе.

В настоящее время в регионах Урала отмечено более 50 тыс. белорусов, из них в Челябинской области — 13 035 человек, в Республике Башкортостан — 11 680, в Свердловской области — 11 670, в Пермском крае — 6570, в Оренбургской области — 5590, в Курганской области — 2502 [Национальный состав].

БЕЛОРУСЫ В ПЕРМСКОМ ПРИКАМЬЕ ПО ДАННЫМ ПЕРЕПИСИ 1897 ГОДА

Появление белорусского населения в регионе приходится на конец XIX — начало XX века, за счет миграционного притока из западных губерний России. Первая всеобщая перепись населения 1897 года отметила в Пермской губернии 266 человек, что составляло менее 0,01 % от всего населения губернии [Первая 1904, 96–97]. Наибольшее количество белорусов проживало в зауральском Верхотурском уезде — 167 человек (62,8% всех белорусов губернии). На территории современного Пермского края в шести западных уездах отмечены 92 белоруса. В том числе в Пермском уезде — 51 человек (55,4% всех белорусов западных уездов губернии), из них в городе Перми — 25 человек; в Осинском уезде — 3 человека, в Оханском уезде — 5 человек, в Соликамском уезде — 8, Чердынском уезде — 5, в Кунгурском уезде — 20. Всего в шести уездах, таким образом, перепись учла 92 человека, расселённых дисперсно по территории Прикамья [Первая 1904, 96–97]. Более половины белорусов Прикамья составляли жители губернского и уездных городов.

Белорусы Пермской губернии по данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года*

Местность	Всего белорусов	Муж.	Жен.
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>
<i>Пермский уезд</i>	51	29	22
в г. Перми	25	13	12
в уезде без города	26	16	10

<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>
Кунгурский уезд	20	16	4
в г. Кунгуре	20	16	4
в уезде без города	–	–	–
Осинский уезд	3	3	–
в г. Осе	–	–	–
в уезде без города	3	–	–
Оханский уезд	5	3	2
в г. Оханске	2	1	1
в уезде без города	3	2	1
Соликамский уезд	8	3	5
в г. Соликамске	–	–	–
в уезде без города	8	3	5
Чердынский уезд	5	4	1
в г. Чердыни	3	3	–
в уезде без города	2	1	1
Итого	92	58	34

* Составлено и подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Вып. 29–32. Губернии: Орловская, Пензенская, Пермская, Подольская. СПб., 1904. Т. XVI. С. 94–97.

Анализ возрастных групп белорусов показывает, что большая их часть находилась в репродуктивном возрасте: до 9 лет – 13 человек (18,1%), 10–19 лет – 19 человек (26,4%), 20–29 лет – 7 человек (9,7%), 30–39 лет – 16 человек (22,2%), 40–49 лет – 10 человек (13,8%), 50–59 лет – 4 человека (5,6%), свыше 60 лет – 1 человек (1,4%). Обращает на себя внимание преимущество категорий в возрасте до 19 лет (44%) и 30–60 лет (36%). Все грамотные и имеющие образование выше начального были русскоязычны, грамотных на нерусском языке среди белорусов не было, что создавало благоприятные условия для дальнейших адаптационных и ассимиляционных процессов в русскоязычной среде.

Распределение белорусов Пермской губернии по возрастным группам*

Возраст (лет)	Грамотных по-русски		Грамотных на др. языке		Получивших образование выше начального		Всего	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>	<i>8</i>	<i>9</i>
Пермский уезд								
До 9	–	–	–	–	–	–	2	7

<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>	<i>8</i>	<i>9</i>
10–19	–	2	–	–	3	3	6	8
20–29	1	–	–	–	3	–	5	–
30–39	1	2	–	–	7	1	9	4
40–49	–	–	–	–	3	1	3	2
50–59	–	–	–	–	1	–	3	1
Свыше 60	–	–	–	–	1	–	1	–
Итого	2	4	–	–	18	5	29	22
<i>Кунгурский уезд (н/д)¹</i>								
<i>Осинский уезд</i>								
До 9	–	–	–	–	–	–	–	–
10–19	–	–	–	–	–	–	–	–
20–29	–	–	–	–	–	–	–	–
30–39	2	–	–	–	–	–	2	–
40–49	–	–	–	–	–	–	1	–
50–59	–	–	–	–	–	–	–	–
Свыше 60	–	–	–	–	–	–	–	–
Итого	2	–	–	–	–	–	3	–
<i>Оханский уезд</i>								
До 9	–	–	–	–	–	–	–	–
10–19	–	–	–	–	–	–	1	–
20–29	–	–	–	–	–	–	–	–
30–39	–	1	–	–	–	–	1	1
40–49	–	–	–	–	1	1	1	1
50–59	–	–	–	–	–	–	–	–
Свыше 60	–	–	–	–	–	–	–	–
Итого	–	1	–	–	1	1	3	2
<i>Соликамский уезд</i>								
До 9	–	–	–	–	–	–	1	3
10–19	1	–	–	–	–	–	1	1
20–29	–	–	–	–	–	–	–	–
30–39	–	–	–	–	–	–	–	–
40–49	–	–	–	–	–	–	1	1
50–59	–	–	–	–	–	–	–	–
Свыше 60	–	–	–	–	–	–	–	–
Итого	1	–	–	–	–	–	3	5
<i>Чердынский уезд</i>								
До 9	–	–	–	–	–	–	–	–
10–19	1	–	–	–	1	–	2	–
20–29	1	–	–	–	–	–	1	1
30–39	–	–	–	–	1	–	1	–
40–49	–	–	–	–	–	–	–	–

¹ В материалах переписи данные по возрастным категориям и уровню образования белорусов в Кунгурском уезде не отражены.

<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>	<i>8</i>	<i>9</i>
50–59	–	–	–	–	–	–	–	–
Свыше 60	–	–	–	–	–	–	–	–
Итого	2	–	–	–	2	–	4	1
Итого по губ.	7	5	–	–	21	6	42	30

* Составлено и подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Вып. 29–32. Губернии: Орловская, Пензенская, Пермская, Подольская. СПб., 1904. Т. XVI. С. 126–157.

По вероисповеданию белорусы были отнесены к двум группам — православные и единоверцы (91,3%) и римско-католики (8,7%), что в принципе соответствует конфессиональному облику белорусов того времени. Следует отметить и довольно высокий уровень грамотности белорусов — 63%, в то время как средний уровень по губернии составлял лишь 18,9%. Уровень грамотности у мужчин был выше (74,1%), чем у женщин (44,1%). При этом римско-католики были грамотны на 100%, а у православных и единоверцев грамотными были 59,5%.

Распределение белорусов Пермской губернии по вероисповеданию*

Вероисповедание	Всего		В т. ч. грамотных	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>
ПРАВОСЛАВНЫЕ И ЕДИНОВЕРЦЫ				
<i>Пермский уезд</i>	27	22	18	8
в г. Перми	11	12	10	7
в уезде без города	16	10	8	1
<i>Кунгурский уезд</i>	15	4	12	3
в г. Кунгуре	15	4	12	3
в уезде без города	–	–	–	–
<i>Осинский уезд</i>	3	–	2	–
в г. Осе	–	–	–	–
в уезде без города	3	–	2	–
<i>Оханский уезд</i>	3	1	1	1
в г. Оханске	1	–	1	–
в уезде без города	2	1	–	1
<i>Соликамский уезд</i>	3	5	1	–
в г. Соликамске	–	–	–	–
в уезде без города	3	5	1	–
<i>Чердынский уезд</i>	1	–	1	–
в г. Чердыни	–	–	–	–
в уезде без города	1	–	1	–

<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>
РИМСКО-КАТОЛИКИ				
<i>Пермский уезд</i>	2	1	2	1
в г. Перми	2	1	2	1
в уезде без города	–	–	–	–
<i>Кунгурский уезд</i>	1	–	1	–
в г. Кунгуре	1	–	1	–
в уезде без города	–	–	–	–
<i>Осинский уезд</i>	–	–	–	–
в г. Осе	–	–	–	–
в уезде без города	–	–	–	–
<i>Оханский уезд</i>	–	1	–	1
в г. Оханске	–	1	–	1
в уезде без города	–	–	–	–
<i>Соликамский уезд</i>	–	–	–	–
в г. Соликамске	–	–	–	–
в уезде без города	–	–	–	–
<i>Чердынский уезд</i>	3	–	3	–
в г. Чердыни	3	–	3	–
в уезде без города	–	–	–	–
Итого по категории	6	2	6	2

* Составлено и подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Вып. 29–32. Губернии: Орловская, Пензенская, Пермская, Подольская. СПб., 1904. Т. XVI. С. 98–125.

В материалах переписи отражены сведения о роде занятий белорусов. Всего отмечено 14 групп, самая распространённая из которых – «Земледелие» (30,5%). Но достаточно весомо представлены категории «Железные дороги» (18,1%) и «Деятельность и служба, частная прислуга, подёнщики» (13,5%). Их наличие подтверждает, что среди белорусов были и вольнонаёмники. Несколько белорусских семей также жили кустарными промыслами – «Обработка керамики», «Обработка металлов», «Торговля» и др. В целом белорусы были довольно плотно вписаны в систему сложившихся трудовых отношений и были представлены во всех наиболее крупных отраслях хозяйства.

Распределение белорусов Пермской губернии по роду занятий*¹

Пермский уезд

Род занятий	Самостоятельные		Члены семей	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>
Администрация, суд и полиция	5	–	–	2

¹ Данные о роде занятий белорусов в Кунгурском уезде в материалах переписи не отражены.

<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>
Вооружённые силы	2	–	–	–
Деятельность и служба, частная прислуга, подёнщики	1	4	–	–
Доход с капитала и недвижимого имущества	1	–	–	–
Земледелие	2	1	4	5
Обработка металлов	1	–	1	–
Не определившиеся	1	–	–	2
Железные дороги	8	–	1	4
Почта, телеграф и телефон	1	–	–	2
Трактиры, гостиницы, меблированные комнаты и клубы	–	1	1	1
Итого	22	6	7	16

* Составлено и подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Вып. 29–32. Губернии: Орловская, Пензенская, Пермская, Подольская. СПб., 1904. Т. XVI. С. 202–205.

Распределение белорусов Пермской губернии по роду занятий*

Осинский уезд

Род занятий	Самостоятельные		Члены семей	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>
Деятельность и служба, частная прислуга, подёнщики	1	–	–	–
Земледелие	1	–	–	–
Торговля питейная	1	–	–	–
Итого	3	–	–	–

* Составлено и подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Вып. 29–32. Губернии: Орловская, Пензенская, Пермская, Подольская. СПб., 1904. Т. XVI. С. 230–234.

Распределение белорусов Пермской губернии по роду занятий*

Оханский уезд

Род занятий	Самостоятельные		Члены семей	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>
Администрация, суд и полиция	1	–	–	–
Земледелие	2	1	–	–
Учебная и воспитательная деятельность	–	1	–	–
Итого	3	2	–	–

* Составлено и подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Вып. 29–32. Губернии: Орловская, Пензенская, Пермская, Подольская. СПб., 1904. Т. XVI. С. 234–237.

Распределение белорусов Пермской губернии по роду занятий*

Соликамский уезд

Род занятий	Самостоятельные		Члены семей	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>
Деятельность и служба, частная прислуга, подёнщики	–	–	1	–
Обработка минеральных веществ (керамики)	1	–	–	2
Земледелие	–	–	1	3
Итого	1	–	2	5

* Составлено и подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Вып. 29–32. Губернии: Орловская, Пензенская, Пермская, Подольская. СПб., 1904. Т. XVI. С. 238–241.

Распределение белорусов Пермской губернии по роду занятий*

Чердынский уезд

Род занятий	Самостоятельные		Члены семей	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>
Администрация, суд и полиция	1	–	1	–
Общественная и сословная служба	1	–	–	–
Земледелие	1	–	–	1
Итого	3	–	1	1

* Составлено и подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Вып. 29–32. Губернии: Орловская, Пензенская, Пермская, Подольская. СПб., 1904. Т. XVI. С. 242–245.

Перепись даёт наиболее полные данные о белорусах в Прикамье в конце XIX века, так как другими источниками по этому периоду мы не располагаем. Массовое заселение и освоение некоторых районов Прикамья белорусами начинаются в начале XX века, и отмечены уже в материалах более поздних переписей населения.

БЕЛОРУССКИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ В СИВИНСКОМ ИМЕНИИ КРЕСТЬЯНСКОГО ПОЗЕМЕЛЬНОГО БАНКА НАЧАЛА XX ВЕКА

Формирование значительного переселенческого массива белорусов в Пермском Прикамье в начале XX века связано с деятельностью Крестьянского поземельного банка. Пермским отделением Крестьянского

поземельного банка в 1898 году «от Конкурсного Управления по делам умершего несостоятельного должника гвардии ротмистра Никиты Никитича Всеволожского за 1.200.000 рублей» было приобретено большое имение в северо-западной части Оханского уезда Пермской губернии [Гросман 1913, 4–5].

История имения, приобретённого Крестьянским поземельным банком, связана с дворянским родом Всеволожских. В 1773 году Всеволод Алексеевич Всеволожский, действительный статский советник и обер-прокурор Сената, приобретает часть строгановских имений в Пермском Прикамье [Мухин 1998, 132]. В 1790-е годы возникает село Сива как центр Сивинских имений Всеволожских [Шумилов 1998, 477]. В 1882 году пермские земли Всеволожских были разделены между очередными наследниками. Жена гвардейского полковника Елизавета Никитична Сатина, урождённая Всеволожская, получила свою часть Сивинского имения в Оханском уезде — в Бубинской волости 13898 десятин 1776 сажен и в Екатерининской волости 6106 десятин 624 сажени. Общее количество земли, доставшееся по разделу Елизавете Никитичне, составляло 25 953 десятины 1453 квадратные сажени. Егермейстер Высочайшего Двора, действительный статский советник Всеволод Никитич Всеволожский получил в пожизненное своё владение «участок земли в 30 000 десятин, расположенный в Екатерининской волости смежно с участком, выделявшимся по разделу Екатерине Никитичне Сатиной». Но это «пожизненное владение» было, в сущности, довольно условным, и действительное владение, по формальному арендному договору, оставалось за братом Никитой Никитичем. Отставной ротмистр лейб-гвардии конного полка Никита Никитич Всеволожский получил на свою часть в Оханском уезде из Сивинского имения волости: Сивинскую, Бубинскую и Екатерининскую (за исключением наделённой и отходившей по разделу к госпоже Сатиной земли). В этих волостях значилось свободных земель 97 943 десятины 55 квадратных сажен, а в общем в Оханском уезде 98 137 десятин 297 квадратных сажен (ГАПК. Ф. 297. Оп. 3. Д. 314. Л. 10–12).

В 1886 году, главным образом ввиду необходимости произвести срочные расчёты с сонаследниками, Н. Н. Всеволожский заложил своё имение в Нижегородско-Самарском Земельном банке. Сивинское имение было оценено в 800 000 рублей, под него была выдана ссуда в 480 000 рублей, целиком ушедшая на покрытие старых долгов и на расчёты с сонаследниками (ГАПК. Ф. 297. Оп. 3. Д. 314. Л. 13). В 1889 году Никита Никитич Всеволожский был объявлен несостоятельным

должником, по делам его было учреждено конкурсное управление (ГАПК. Ф. 297. Оп. 3. Д. 314. Л. 14). Н. Н. Всеволожский умер в 1896 году. Всё своё имущество он завещал бывшей жене Марии Гавриловне Савиной, но она не воспользовалась своими правами, «очевидно, потому что с получением "наследства" соединялось более хлопот и дрызг, чем какой-либо выгоды» (ГАПК. Ф. 297. Оп. 3. Д. 314. Л. 15).

В 1898 году Сивинское имение было приобретено от конкурсного управления Крестьянским поземельным банком [Поездка 1909] по купчей крепости, утверждённой старшим нотариусом Пермского окружного суда 16 ноября 1898 года (ГАПК. Ф. 204. Оп. 1. Д. 44. Л. 8). В 1900 году банк приобретает земли в северо-западной части имения, принадлежавшие к тому времени нижегородским купцам Максимовым¹. В 1904 году к Сивинскому имению банком было куплено и смежное с ним имение Е. Н. Сатиной в количестве 8011 десятин [Поездка 1909]. Таким образом, во владении Крестьянского поземельного банка оказалось почти всё Сивинское имение Всеволожских. Сивинское имение Крестьянского поземельного банка состояло из Бубинской, Екатерининской, Сивинской и Сатинской дач, а в административном отношении состояло из трёх волостей: Бубинской, Екатерининской и Сивинской [Поездка 1909]. Небольшая смежная земельная дача с Сивинским имением в северо-западной части известна в документах как Тюменское имение, или Тюменская дача Крестьянского поземельного банка. Земли в этом небольшом имении также осваивались белорусскими переселенцами (ГАПК. Ф. 204. Оп. 1. Д. 70. Л. 32; Ф. 716. Оп. 3. Д. 1185). Земли, купленные у купцов Максимовых, в некоторых документах обозначены также как Максимовская дача (ГАПК. Ф. 719. Оп. 9. Д. 1262). Несмотря на то, что в имении уже проживало русское старожильческое население, численность которого составляла в трёх волостях 11 518 человек [Поездка 1909], оставался значительный фонд неосвоенных земель.

Для ликвидации имения и распродажи свободных земельных угодий в 1899 году было предпринято межевание Сивинского имения на крупные земельные участки, которое было закончено к 1901 году [Поездка 1909]. С 1900 года земли в Сивинском имении стали приобретать

---

¹ Эти земли также в прошлом входили в Сивинское имение Всеволожских, однако в 1889 году они были куплены помещиком Басовым, а в 1890 году владелец продаёт их нижегородским купцам братьям Максимовым, которые развернули в этом районе лесозаготовки. Часть земельных угодий, удалённых от сплавных рек, братья преподносят в качестве подарка владелице соседнего имения Е. Н. Сатиной, которая также продаёт землю в 1904 году банку [Давыдов 1968, 3; Сивинский район 2004, 62–63].

переселенцы из разных губерний России, в том числе и из западных, белорусских. В освоении Сивинской дачи принимали участие русские, белорусы, украинцы, коми-пермяки, латыши, поляки, представленные выходцами из более чем 25 губерний России, в том числе Виленской, Витебской, Волынской, Вятской, Гродненской, Каменец-Подольской, Казанской, Киевской, Ковенской, Лифляндской, Минской, Могилёвской, Новгородской, Орловской, Пермской, Полтавской, Псковской, Санкт-Петербургской, Тверской, Уфимской, Херсонской, Черниговской (ГАПК. Ф. 204. Оп. 1. Д. 70). Наибольшее число переселенцев в имение из других губерний дала Могилёвская губерния, на втором месте по числу переселенцев следовала соседняя Вятская губерния, на третьем — Псковская; Лифляндская губерния стояла на четвёртом месте [Справка 1911, 2]. Среди этнических групп белорусы составляли вторую по численности группу переселенцев после русских.

Среди переселенцев из западных губерний были выходцы из белорусских Виленской, Витебской, Гродненской, Минской и Могилёвской губерний. Ко времени подворной переписи переселенцев 1910 года в Сивинском имении уже находилось 379 семей переселенцев из названных губерний, или 2444 человека, составлявших 31,5% от всего числа домохозяйств переселенцев и 32,1% от всего переселенческого населения [Справка 1911, 4]. Согласно документам Крестьянского поземельного банка и метрическим книгам, начало переселения приходится на 1901–1903 годы и продолжается наиболее активно до 1914-го, а в некоторых случаях вплоть до 1917 года (ГАПК. Ф. 204. Оп. 1. Д. 70, 98; Ф. 716. Оп. 3. Д. 1185; Ф. 719. Оп. 9. Д. 1240, 1241).

Освоение имения и прибытие переселенцев из западных губерний были облегчены тем, что к этому времени в связи с завершением строительства железнодорожной ветки Пермь — Котлас районы Среднего Урала были соединены с северо-западными регионами России [Алфёрова 1998, 198]. Железнодорожная магистраль Вятка — Пермь проходила в непосредственной близости от Сивинского имения, и станции Бородулино и Очёрская (Вознесенская) приняли основной поток переселенцев.

Документы крестьянского поземельного банка и метрические книги церквей с. Сивы и с. Екатерининского позволяют проследить места выхода поселенцев на территорию Сивинского имения Крестьянского поземельного банка. Белорусы были выходцами из разных западных губерний России — Минской, Могилёвской, Виленской, Витебской,

Гродненской [Справка 1911, 10–11]. Материалы подворной переписи 1911 года показывают итоги освоения Сивинского имения и соотношение числа переселенцев из западных, белорусских, губерний [Справка 1911, 10–11].

**Места выхода и количество переселенцев в Сивинское
имение Крестьянского поземельного банка (по губерниям)
на 1911 год**

Губерния	Количество домохозяйств	% от числа домохозяйств переселенцев из белорусских губерний	% от числа домохозяйств всех переселенцев	Количество населения	% от числа переселенцев из белорусских губерний	% от числа всех переселенцев
1	2	3	4	5	6	7
Виленская	10	2,6	0,8	87	3,6	1,14
Витебская	8	2,1	0,6	52	2,1	0,7
Гродненская	1	0,26	0,1	5	0,2	0,06
Минская	6	1,6	0,5	47	1,9	0,6
Могилёвская	354	93,4	29,4	2253	92,2	29,6
Итого:	379	100	31,5	2444	100	32,1

На момент проведения переписи домохозяйств Сивинского имения лидерами в освоении земель северо-западного Прикамья были выходцы из Могилёвской губернии, составившие, как видно из приведённых материалов, треть всех переселенцев. По количеству хозяйств и населения Могилёвская губерния находилась на первом месте среди всех российских губерний, давших переселенцев в этот район Прикамья [Справка 1911, 10–11].

Переселенцы из Могилёвской губернии были представлены выходцами из разных уездов — Оршанского, Чериковского, Климовичского, Могилёвского, Быховского, Рогачёвского, Сенненского, Чаусского. Можно указать и некоторые населённые пункты, откуда переселялись белорусы. Так, выходцы из деревни Лавреновки Оршанского уезда Аленовичской волости обосновались на участке № 55 Сивинской дачи, из села Аленовского (Аленовичи) проживали на участке № 245 Екатерининской дачи, из деревни Колковичи — на участке № 80 Екатерининской дачи, уроженцы деревни Межиево проживали

в селе Сиве, из деревни Заболотье — № 53 и 57 Сивинской дачи. Из этой же волости переезжали из деревень Михиничи и Больше-Михиничи. Обосновались в Сивинском имении и выходцы из других волостей уезда — Ново-Толочинской (уч. № 57 Сивинской дачи), Баранской (№ 61 и 16 Сатинской дачи), из села Переволочня и хутора Пушкинского Кохановской волости, Мошковской волости (№ 30 Сатинской дачи), Добромыслянской волости (участки № 95, 126, 60 Сатинской дачи) (АОАСР. Ф. 75. Оп. 1. Д. 49, 58, 60). Другие уезды губернии также были представлены выходцами из разных поселений.

Минская губерния была представлена, например, выходцами из Речитского, Минского, Борисовского, Новогрудского уездов, Виленская губерния — Вилейским уездом (переселенцы из Вязинской волости, например, обосновались на участках № 71 и 151 Сатинской дачи), Витебская губерния — Городокским, Витебским, Себежским уездами (ГАПК. Ф. 719. Оп. 9. Д. 1259, 1256, 1258, 1261, 1263, 1264, 1265). Белорусы Сивинского района и сегодня помнят об исторической родине своих предков: *«У нас мама была с Западной Белоруссии, раньше они были Литвой, Виленская губерния. А папа был с Могилёвской губернии. Они поженились уже здесь в четырнадцатом году»* (Сивинский район, с. Екатерининское); *«Наши жили в Самозванке, а приехали с Витебской губернии, теперь Богушевский район, деревня Бельки — мама, папина деревня Новосёлы. У нас вся родня в Витебской области теперь»* (Сивинский район, с. Сива).

На основе разных источников можно проследить, какие населённые пункты Сивинского имения были основаны выходцами из тех или иных мест. Выходцы из деревни Старая Каменка Старинской волости Чериковского уезда Могилёвской губернии обосновались на участке № 24 вблизи деревни Мокино посёлком в шесть дворов (ГАПК. Ф. 790. Оп. 5. Д. 872. Л. 19, 35).

Выходцы из деревень Мошковской волости Оршанского уезда Могилёвской губернии обосновались на участках № 180, 220 и 222 Екатерининской дачи, позднее на этих участках отмечены переселенческие посёлки Ядринский, Куксовский, Мошковский, Бельский и другие, а позднее и деревни Ядринцы, Березники, Мошково (ПКМ. Карта Сивинского имения; ГАПК. Ф. 719. Оп. 9. Д. 1241, 1242).

На участке № 6 Екатерининской дачи обосновались выходцы из Каковчинской волости Сенненского уезда Могилёвской губернии, среди которых Николай и Пётр Афер, Кондрат Слесаренко (ГАПК. Ф. 719. Оп. 9. Д. 1241). Позднее посёлок получил название Шестинка,

или Степанова. На соседнем участке № 7 также обосновались выходцы с этой же волости Могилёвской губернии, позднее деревня была известна как Седьминка, в которой проживали Яков и Семён Куксенко, Стефан Кукса, Пётр Козырев, Максим Шебяка (ГАПК. Ф.719. Оп.9. Д. 1241, 1253).

Значительный земельный надел № 245 Екатерининской дачи также осваивали переселенцы из Могилёвской губернии, из Могилёвского и Оршанского уездов. На этом участке значатся выходцы Кохановской волости Оршанского уезда, Бобрской волости Сенненского уезда, Тетеринской и Павловичской волостей Могилёвского уезда. Кроме хуторов здесь отмечены переселенческие посёлки Борейковский, Домикановский, Морозовский, позднее — деревни Морозовка, Борейково и Домикановка. Среди жителей деревни Борейковой — переселенцы из деревни Хильковичи Павловичской волости Могилёвского уезда Филипп и Анастасия Борейко (ГАПК. Ф.719. Оп.9. Д. 1256).

Подробные данные о местах выхода переселенцев в Сивинское имение приводятся в таблицах, составленных на основе метрических книг церковей сел Сивы, Екатерининского, Серафимовского, Буба, Чурсово Оханского уезда Пермской губернии начала XX века.

Переселенцы в Сивинское имение Крестьянского поземельного банка*

Виленская губерния

Уезд	Волость	Населённый пункт	Участок или посёлок Сивинского имения	Имена и фамилии переселенцев
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>
Вилейский	Вязынская		№ 219 Сатинской дачи	Мирон Покладок
				Тарасий Покладок
			№ 154	Стефан Суднокович
			№ 220 Сатинской дачи	Косма Жолнерович
		Колочено		Антоний Богдан
	Велейская		№ 151 Екатерининской дачи	Николай Бедрицкий
		№ 180	Иосиф Стельмах	

Витебская губерния

Уезд	Волость	Насе- лённый пункт	Участок или посёлок Сивинского имения	Имена и фамилии переселенцев
1	2	3	4	5
Витебский	Веляшковская		№ 7 Сатинской дачи	Иоанн Игнатенко
			№ 84 Сатинской дачи	Алексей Мутелев
			№ 248 Сатинской дачи	Нестор Кудлов
Городокский	Мишневичская		№ 68 Сатинской дачи	Василий Красненко
Полоцкий	Ловожская		№ 79	Симеон Дятлов
Себежский	Чайкинская		№ 173	Мирон Филиппов

Гродненская губерния

Уезд	Волость	Насе- лённый пункт	Участок или посёлок Сивинского имения	Имена и фамилии переселенцев
1	2	3	4	5
Бельский	Пасынковская		№ 180	Артемий Корышкинич

Минская губерния

Уезд	Волость	Насе- лённый пункт	Участок или посёлок Сивинского имения	Имена и фамилии переселенцев
1	2	3	4	5
Бори- совский	Ухвальская	с. Ухвала	Завод Шишкова (п. Северный Коммунар)	Елена Крачковская
		д. Дубровы	№ 55 Сивинской дачи	Федот Бельский
			№ 48	Федор Макаревич
	Дмитровичская		№ 218	Кирилл Тихонович
Игуменский	Узденская		№ 789 Максимовской дачи	Юлиан Шамков
Ново- грудский	Жуховичская		№ 53	Константин Солодуха

1	2	3	4	5
Речитский	Ровенско-Слободская			Иоанн Решетников
			№ 61	Савва Федорович Авкентий Агунович Онисим Агунович
	Малодушская		№ 59	Диомид Василец

Могилёвская губерния

Уезд	Волость	Насе- лённый пункт	Участок или посёлок Сивинского имения	Имена и фамилии переселенцев	
1	2	3	4	5	
Климо- вичский	Забельшинская		№ 263 Екатеринин- ской дачи	Игнатий Прошкин	
			№ 63	Алексей Шевцов Григорий Михалченко Артемий Сычѳв Даниил Левенков Яков Прошкин Савва Тимошенко	
			№ 61	Сергей Морозов	
	Милославичская		№ 59	Александр Троховцев Ермолай Троховцев	
	Роднянская	д. Малаш- ковичи			Андрей Агеев
			№ 61	Никита Агеев Иоанн Агеев Трифон Морозов	
	Тимоновская			Пѳтр Шилин Иоанн Шилин	
	Хотимская		№ 40	Константин Титков Тимофей Штукин	
	Хотовижская		№ 61	Александр Блохин	

1	2	3	4	5
Могилёвский	Вейнянская			Давид Половков
	Павловичская	с. Павлович	№ 62 Сивинской дачи	Фёдор Аблуков
			№ 54 на участке Матица	Георгий Климков Косма Цывчиков
			п. Доми- новский	Симеон Козлов
			№ 245 п. Борей- ковский	Аксентий Борейко Константин Чучков
		д. Рубеж	№ 245	Филипп Матаракин
		д. Хилько- вичи	№ 245 п. Борей- ковский	Анастасия Борейко Филипп Борейко
		с. Павло- вич	№ 245	Емельян Моисеев
		д. Дорош- ковичи	№ 245	Аввакум Коников
		д. Каске- вичи		Агрипина Бубирикина
		д. Мартья- новичи		Панкратий Красовский Наум Косачев
			№ 57	Елисей Мазок
		Тетеринская	Зелен- ковой	№ 33 Сивинской дачи
			№ 245 Екате- рининской дачи	Мария Головкова
			п. Моро- зовский	Александр Головков
	Глубо- кой			Тарас Головков
	Мстислав- ский	г. Мсти- славль	№ 149 Екате- рининской дачи	Мещанин Павел Слюнько
			д. Ольховка	

1	2	3	4	5
Оршанский	Аленовичская		п. Матица	Никифор Щербенков
			№ 245 п. Морозовского	Григорий Щербенков
		с. Аленовичи		Малахий Стародуб
			№ 245 п. Борейковский	Наум Мачеха Пётр Салай
			№ 55 Сивинской дачи	Алексей Комар
		д. Большие Михиничи	№ 53 Сивинской дачи	Евдоким Богдан
		д. Заболотьё	№ 53 Сивинской дачи	Фёдор Жуковский Николай Атращенко Стефан Ермолович
		д. Любартово	№ 60 Сивинской дачи	Максим Володько
		д. Межиево	№ 60	Стефан Шебеко
		д. Паршни	№ 60 Сивинской дачи	Антоний Шебеко Никифор Шебеко
		д. Тюльпин		Михаил Василенко Борис Кондрашко
			№ 55	Павел Хмылович
			№ 57 Сивинской дачи	Иван Ивановский Зиновий Масалович Антоний Василенко
			№ 60	Константин Маковский Борис Конюшко
		хут. Чуватово	№ 55 Сивинской дачи	Яков Петров
	Баранская		№ 59 Сатинской дачи	Лука Лаут
			№ 83	Фёдор Лысенок
	Кохановская		№ 245 п. Домикановский	Пётр Коротких
			№ 245 п. Морозовского	Михаил Гончаров
			№ 45	Герман Белянков Андрей Онищенко
		с. Переволочня		Григорий Щербенко
		хут. Пушкинский	№ 245	Феодора Короткова
	Мошковская		№ 180	Стефан Конюшевич Антон Куксевич Макар Кукчин
д. Луговцовой			Варвара Куксевич	
		№ 220	Фёкла Ескевич	
		№ 222	Моисей Косачин Илларион Мосолович Антон Куксевич Степан Коровский	

1	2	3	4	5	
Оршанский	Серокотнянская		№ 18 Сатинской дачи	Игнатий Пожарский	
	Старо-Толочинская	с. Новое село	с. Сива	Пётр Зайцев	
		д. Ревятичи	№ 56 Сивинской дачи	Пётр Короткий	
		с. Соколино	№ 56 Сивинской дачи	Михаил Волого	
		д. Узгой		Онуфрий Рик	
	Старосельская	Воронцевичи			
		№ 41	Антоний Новиков		
Рогачёвский	Луковская		№ 56 Сатинской дачи	Пётр Мутилов	
Сенненский	Бобрская		№ 245 п. Морозовского	Тимофей Адамов	
	Заречно-Толочинская	д. Малые Ляхи		Мария Зарубина Владимир Беззубиков	
	Каковчинская			№ 6	Николай Афер Пётр Афер Кондрат Слесаренко
				№ 20	Давид Шмуратко
				№ 7	Яков Куксенюк Симеон Куксенюк Стефан Кукса Пётр Козырев Максим Шебяка
				№ 10 Сатинской дачи	Пётр Суходол
				№ 275	Косма Шарец
		д. Буда			Ермолай Шареуч
		д. Грузды	№ 235		Екатерина Софроненко
		Мошканская		№ 193 Сатинской дачи	
			№ 53		Иоанн Янчиленко
			№ 18 Сатинской дачи		Яков Авферюнок
	Ряснянская		д. Берёзовка Бубинской волости		Варвара Казакович
			№ 180		Владимир Киреков

1	2	3	4	5
Чаусский	Гладковская		№ 24	Илья Думченко
	Голеневская		№ 283 Тюменской дачи	Евстрафий Шерков
			№ 60 Сивинской дачи	Филипп Конаков
			№ 223 Сатинской дачи	Василий Ильин
Радомльская			Филарет Мамонтов Евфимий Мамонтов Филипп Мамонтов	
Чериковский	Кричевская	Околица Свиная	№ 145 Екатерининской дачи д. Ольховка	Михаил Топлыга Георгий Станкевич
				Пётр Севастицкий
		Околиц Сокольничи	д. Ольховка	Александр Даницкий Анастасия Слонько Аристарх Граховский Филипп Ратобылский
	Малятичская		№ 145	Никита Ялуга
	Ново-Ельнянская			Михаил Полвовиков
	Старинская		№ 23	Михаил Лапуйда
			№ 24	Яков Думченко Трофим Михаленко Иоанн Маркелов Фёдор Кубарев
	Ходынская		№ 173	Владимир Топлыга

* Составлено по материалам метрических книг храмов с. Екатерининского, Чурсово, Сивы, Серафимовского, Буба 1901–1918 гг. (ГАПК. Ф. 719. Оп. 9. Д. 1241, 1242, 1253, 1254, 1256, 1258, 1259, 1260, 1261, 1262, 1263, 1264, 1265, 1266, 1268).

На новой родине белорусы часто разделяли себя по месту выхода из той или иной губернии. Поселившиеся в Сатинской даче Сивинского имения выходцы из Виленской губернии именовались *виленцами*, а большая часть переселенцев, представленная выходцами из Могилёвской губернии, именовалась *могулями, могилями, моголями, могилёнками*.

Обратный отток населения, свойственный переселенческим территориям, был незначительным. Имение покинули лишь две семьи из Виленской губернии (15,38%) и 18 семей из Могилёвской губернии (4,64%) [Справка 1911, 2].

Стратегия переселения обычно была такова: «ходоки» от семьи или деревни прибывали в имение, где им предлагали свободные участки. После осмотра выбранный участок можно было оставить за собой на некоторое время. По возвращении на родину можно было внести задаток, в таком случае участок считался запроданным. Однако в ряде случаев и без внесения задатка участок закреплялся за заявившим на него права (ГАПК. Ф. 204. Оп. 1. Д. 11, 98). Через некоторое время, как правило, весной к началу земледельческого сезона, в имение на выбранный участок прибывала вся семья переселенцев. Однако известны примеры, когда переселенцы без предварительного осмотра земли через ходоков прибывали в имение семьями [Гросман 1913, 2, 4].

Как происходило заселение белорусами новых земель, показывают и некоторые воспоминания потомков первых переселенцев: *«Приехали из Белоруссии <...> Большинству приехавших здесь не понравилось, было видно, что в деревнях живут бедно, да и климат значительно холоднее, чем в Белоруссии. У дедушки денег было мало, дальше ехать он не решился. Так, в 1901 году мой дедушка Думченко Емельян Андреевич вместе с 5 товарищами в Екатерининском сельском совете образовали посёлок из 6 домов — участок № 24. Рядом в двух километрах находилась деревня Мокино из 10 дворов, где жили русские — местные старожилы. Семья дедушки и других приехали весной 1902 года, до лета с малыми детьми семьи жили на квартирах в Мокино, взрослые помогали достраивать избы, чтобы к осени могли жить все семьи в своих избах... Избы ставили среди сырого леса, так как чистого места не было, одно было положительно, что для изб и других построек лес рубили на месте...»* (ГАПК. Ф. 790. Оп. 5. Д. 872. Л. 35).

Основными причинами переселения, указанными прибывающими в Сивинское имение белорусами, были безземелье, малоземелье и безлесье. Выходцы из Могилёвской губернии так указали причины своего переезда: безземелье отметили 75 глав семейств, малоземелье — 104, безлесье — 10, худоземелье — 5, чрезполосицу — 1, малоземелье и безлесье — 159 [Справка 1911, 4]. Нехватка земель как основная причина переселения со старой родины отмечается и в большинстве сохранившихся у пермских белорусов исторических и семейных преданий.

ИСТОРИЧЕСКИЕ И СЕМЕЙНЫЕ ПРЕДАНИЯ ПЕРМСКИХ БЕЛОРУСОВ

Одним из источников сведений о переселении белорусов в Пермское Прикамье выступают исторические предания — устные прозаические рассказы, повествующие о разных исторических событиях и лицах прошлого, претендующие на достоверность [Азбелев 1993, 275; Феоктистова 2003, 75]. Среди видов отмечаются предания: исторические, местные, с топонимическим мотивом, о заселении и освоении края [Азбелев 1993, 275; Криничная 1993, 277]. Все они так или иначе повествуют о событиях как общенациональных, так и местных, локальных. Сегодня фольклористы также часто употребляют термин «устная историческая проза», включающий целый пласт несказочной прозы [Криничная 1987, 5; Приказчикова 2009, 5].

Исследователи неоднократно отмечали, что устная проза, хранящая воспоминания, является популярным жанром в народной среде и представляет интерес для изучения истории края и традиционной культуры народа [Приказчикова 2009, 5]. Для преданий как фольклорного жанра характерна своя специфика, сюжеты и мотивы. Историческая проза является неотъемлемой частью традиционного фольклора всех народов. Не составляют исключение и пермские белорусы, имеющие свой богатый пласт исторической прозы.

В ходе полевых исследований фиксировались предания об особенностях заселения и освоения белорусами Урала. Причём рассказы записывались от второго, третьего и четвёртого поколений переселенцев, не являвшихся непосредственными участниками описываемых событий. Процесс устной передачи информации от поколения к поколению очень важен для бытования предания как фольклорного жанра.

Достаточно распространённым типом сохраняющихся преданий являются предания с топонимическим мотивом, объясняющие происхождение названия того или иного географического объекта, но чаще всего повествующие о наименовании населённых пунктов. Из всего комплекса топонимических преданий белорусов в Прикамье можно выделить несколько основных, наиболее распространённых сюжетов:

- о перенесении названий населённых пунктов с мест прежнего проживания переселенцев;
- о названиях, возникших в Прикамье в связи с особенностями природного ландшафта региона;
- о сохранении номеров переселенческих участков в названиях населённых пунктов.

«Рассказывают, старики наши, отцы где-то были в Белоруссии. Сюда приехали — кругом лес и поляна кругленькая. Там и начали строить деревню, поэтому и назвали деревню Круглая. Деревня, говорят, была 40 домов» (записано от А. К. Паздниковой; Сивинский район, с. Екатерининское).

«У нас у деревни два названия — Замаланья и Мошково. Замаланья потому, что речка течёт Маланья. А Мошково потому, что там, в Белоруссии, тоже была деревня Мошково. И решили, что Замаланья, это уже некрасиво как бы что ли, и назвали Мошково» (Сивинский район, д. Мошково).

«А Березники назвали так, рассказывали родители. Когда они приехали сюда из Белоруссии, в лес заехали, там дорога была в Ларино, тут были здешние жители, Оськино, Ларино, Николёнки, Решетники — это местные жители были. Была дорога в Ларино, не дорога, тропа по лесу. И вот тут небольшой кусочек, полянка такая, может, сотка, две, и кругом этой полянки берёзы росли, и вот назвали Березники» (Сивинский район, д. Березники).

«У нас здесь две деревни было рядом — Шестинка и Седьминка. Шестинка ещё жилая деревня, ещё живут несколько семей. История, знаете, какая, поскольку тут вырубались леса, переселенцам давали участки, они были по номерам. Вот это был шестой участок, вот поэтому Шестинка, вот Седьминка, это был седьмой участок, так и назвали — Седьминка» (Сивинский район, д. Шестинка).

«Деревня была могулёвская — Домикановка. Домикан был Коротких, отец у матери. Она говорила. Деревня была названа в его имя. Сейчас там только берёзы, берёзы плачут, старые стоят. Они приехали в 1906 году, мама у меня ещё там родилась в Белоруссии, она 1900 года» (Сивинский район, д. Домикановка).

Ещё одним пластом исторической прозы являются семейные предания, раскрывающие особенности переселения и места выхода тех или иных родственных и семейных коллективов, образование новых поселений. Такие предания уточняют некоторые особенности формирования белорусских поселений в Сивинском имении, характер самого переселения и его причины, а также рассказывают о местах прежнего проживания переселенцев в западных губерниях Российской империи. Наиболее характерны для исторических преданий мотивы, раскрывающие причины переселения, сложный процесс переезда, обустройства на новом, «пустынном» или «покрытым лесом» необжитом месте, сложность взаимоотношений с местным населением. Такого рода

предания сохраняются в коллективной памяти, а значит, доступны для изучения.

«А вообще белорусы поселились в Екатерининском сельском совете и в Серафимовском и в Малой Сиве. Вот если корни рассматривать, то и папа, и мама у меня приехали из Белоруссии. Но приехали они сюда маленькими детьми. Вот, раньше жили в Могилёвской губернии. Они, наверно, приехали сюда столыпинской реформой, ну, чтобы получить землю, потому что в Белоруссии земли было мало, да и болотистая. Вот они и приехали сюда. Им дали землю в Серафимовском сельском совете, в Зотино. Это вот дед мой будет, да. Стук Кузьма Мартынович — это мой дед. Он приехал сюда не один, у него были двоюродные братья. А папа сюда приехал мой, он вообще маленький был. И вот они поселились в Зотино. Хутор у них был, они на хуторе жили. Зотино — это село. А около Зотино где-то хутор назывался, я не знаю, как он у них назывался, хутор-то. Папа ведь говорил, но я уже забыла. А мамыны родственники приехали в Екатерининский сельский совет. Им землю-то там дали, в Папоротке. И они из Могилёвской-то области, губернии сюда приехали мамыны вот родственники. Там у них деревня была Папоротка, и они сюда приехали, тоже назвали Папоротка. Её сейчас нет. Они там все поселились. Троховцевы, это вот по маме. Троховцевы, Елисеевы там, Мосоловичи, Полтановичи — это всё мамыны родственники» (записано от В. Д. Щенниковой, 1942 г. р.; Сивинский район, с. Буб).

«Наша деревня Березники. Приехали из Белоруссии, где деревня была, дак, говорят, лес был. Лес, только дорога была. Кругом был лес. А потом строились все. И деревень было много. А там земли мало было. Здесь был лес, горел, выгорел, ну, чистили, сеяли, садили. Земли было достаточно. Много приехали, много. Вот было три брата, приехали, у нас фамилии всё Куксевичи. Куксевич Савелий был, Куксевич Назар, Куксевич Пётр, Куксевич Фома, Куксевич Тихон, Куксевич Антон, Куксевич Михаил. Это всё в нашей деревне жили. Это всё хозяева отдельные, Куксевичи. Тридцать домов в деревне было. Жили только могли — белорусы. Могилёнки. А русские сперва звали “могилёнки”. Там Машкова деревня, там тоже все могилы. Была Машкова деревня, ну, Замаланья её звали, Машкова звали» (записано от Е. П. Ермолович, 1925 г. р., родом из д. Березники; Сивинский район, с. Сива).

«Они приехали сюда по разведке — заслали ходоков, эти ходоки определили место на равнине, где и была расположена наша деревня Жуковка. Равнина, окружённая четырьмя реками — Сива, Крековка, Каракулка, Бренёвка. Вот четырьмя реками — эта была равнина.

Вот ходоки выбрали такое место, и тут поселились белорусы. Жили очень дружно, первые приехали сюда жуковские. <...> Жуковский Григорий Евдокимович приехал первым. После них приехали мы, наша семья, Стародуб. И в честь того, что приехал первый Жуковский, и деревня была названа Жуковка. И их везли на поезде, их кормили очень хорошо даже в то время. Да. Они помнят. Потому что хлеб им давали, воду давали. Вернее, приезжали на станцию, им сразу говорили: “Запасайтесь водой, запасайтесь продуктами”. И в Москве вот у них была, с Гомеля они ехали до Москвы, а в Москве их пересаживали как бы сюда, к нам, на Урал. И вот со слов няни, моей бабушки, няня ещё маленькая была тогда, она, говорит, очень хорошо относились. Говорит, дежурные по станции говорили им — идите, вот там вода, там кипяток, набирайте, берите. И горячую пищу разносили по вагону. Да, приехали до Верещагино. А с Верещагино на лошади. Оттуда везли небольшие в основном сундуки, всё у них было при себе, только при себе. Вот у нас даже сундуки кое-какие были сохранены. Наши, например, приехали, когда мама рассказывает, но она уже здесь родилась, мама непосредственно. А вот бабушка рассказывала, как ночевали в лесу, под зелёной ёлкой. Ну, обошли, равнины определили: здесь будет деревня, потому как внизу протекала река. Кругом тайга, непроходимая тайга. Вот они организовали себе шалаш. Нарубили веток. И вот переночевали, и утром сразу за работу. Начали расчищать лес. Убирать. И как рассказывала мама, как они этими доставали... Дерево срубят, а корни ведь надо убрать, потому как пень, корни... Так они там делались такие ваги, под вагу подкладывалась большая чурка. И вот этой чуркой... вагою на чурке они выкорчёвывали корни. И, таким образом, каждый из приехавших себе разрубал полосу для посева. Вот первая полоса была — полоса Жуковских. Они приехали. Вторая полоса была — полоса Стародуб. Малофей Романович, вот он приехал со своей семьёй, это мой дед. Мой дед — Стародуб Малофей Романович. Вторая полоса. Третьи приезжали — Василенки. Это их была полоса. Четвёртые приезжали Ермолевичи, это их была полоса. Вот они размеряли пока что эту равнину. Вначале, вот она говорит, что у них на всех было, трое в основном они были — Жуковские, Стародуб и Василенко. У них была одна, ну, лошадь, конь там. Одна лошадь. Они на ней работали. Это для них было большое подспорье. А жить иначе как, надо было вот раскорчёвывать, освободить землю, вырубать эту тайгу и засеять хлеб. Они приехали весной. Очень ранней весной. Чтобы что-то, как-то... Посеять в этот год — они ничего ещё не посеяли, потому как пока занимались раскорчёвыванием и прочим, они не успели.

Они хотя бы обустройством этим занимались» (записано от Р. М. Абричкиной, 1941 г. р., родом из д. Жуковка; Сивинский район, с. Сива).

«Березники — вся белорусская деревня была, там 36 домов было, все белорусы. Каменка — тоже белорусы. Мошково — тоже белорусы. Приехали с Оршанского уезда, с Орши, в общем, с Белоруссии. Это наши родители. Это был 1909–1910 год. Добровольное заселение Урала. Родители приехали сюда, а мы уже здесь родились. Переезжали, были специальные вагоны. Значит, едут: одна половина перегорожена как жилое помещение, рядом, если везёшь корову, корова с тобой едет или лошадь, кто там что везёт. Это вагоны были специальные. Это мои родители приехали небольшие, по 16, по 15 лет, с родителями приехали сюда, здесь уже потом женились. Было, конечно, объявлено, даже была земля разделена по кварталам. В Сиву едешь, какой хочешь участок оканавлен, со всех сторон лес, дороги были настроены, мосты, всё готово — приезжай, бери, даже первый год давали семена бесплатно, а во второй год свои семена должны быть. Какой квартал выберешь, вот тебе скажут, пожалуйста, ваш участок, селись. Сразу тут же валят деревья и строят себе жильё сразу, тут же в лесу, на пнях вот этих. А потом раскорчёвывали лес вот этот. Валили, спиливали, а потом раскорчёвывали, получалась пахотная земля. Дядька у меня возвратился обратно, мои родители приехали, их четверо сыновей было: Мефодий, Фома, Тихон и Назар, и Киприян ещё. Он, Киприян, приехал, посмотрел на это всё, развернулся и поехал обратно. И там, в Белоруссии жил, а мои родители остались здесь. Первое время в палатках, как шатёр. Приехали они как раз весной, когда тепло было. Шатёр, знаешь, в лесу наставят такие с сучьями палки такие, как вроде крыши и травой закрыто это всё, там тепло и не промокает, хоть и дождь пойдёт, вот первое время жили так, а потом сразу же стали строить дома. К зиме уже жили в избах» (записано от А. Т. Куксевич, 1926 г. р., родом из д. Березники; Сивинский район, с. Екатерининское).

«Я не знаю, с какого района Могилёвщины мои родители, но они приехали из деревни Папоротка Могилёвской области. И приехали они в 1907 году в деревню Папоротка. Ехали они семьями. У нас здесь много ведь деревень могулёвских, их могулями и звали. Почему-то вот в нашей деревне были фамилии: Воробьёвы, Елисеевы, Троховцовы, Половковы, Гончаровы — они были белорусы. Они с белорусской деревни приехали. Моя бабушка — Зиновья, она была из белорусской деревни. Они приехали одни с мужем, и у них был сын Сергей, который родился в 1905 году, а приехали они в эту Папоротку в 1907 году. В 1907 году организовалась

Папоротка. Они приехали на голый лес, они быстро стали строить дома, быстро обзаводиться хозяйством. Другие приехали три брата, да зять, да ещё кто-нибудь, у них быстро дело пошло. А наши-то приехали вдвоём, и поэтому они вырубали 5 гектар с одной стороны поля, Воробьёвское там было в Папоротке, с другой стороны 3 гектара и жили-то бедненько. Вот это то, что рассказывал мне отец, это я вот помню. Отец и его семья приехала в 1907 году, и деревня образовалась в 1907 году эта Папоротка. Здесь ещё могилёвские деревни были: Мошково... Белорусы-то ехали за землёй, они же жили на болотах — им нужна была земля, а здесь же земли — сплошной лес, лес корчевали...» (записано от З. И. Барановой, 1949 г. р., родом из д. Папоротка; Сивинский район, п. Юбилейный).

«Мы уже третье поколение здесь. Дед мой в Белоруссии жил, потом переехал сюда, отец мой здесь уже родился. Приехали деды, а тут всё везде был лес. Сначала приехали вот эти Борейко, деды, вот они образовали, организовали деревню. Потом привезли своих детей сюда. Вот среди детей-то была и наша бабушка, Борейко Евдокия, это они уже были тут в 1903 году. В Белоруссии там народа было много, и земли не было. Начальство сказала, вот езжайте на Урал, разрабатывайте себе участки, стройтесь и живите. Там на сколько-то лет им ссуду давали и деньги давали. Только вот здесь везде был лес. А вот как из Белоруссии приехали Борейко, прадеды вот приехали сюда, и деревня Борейко стала. Сначала приехал прадед с двумя сыновьями, вот они здесь маленько начали жить, и ссуду-то получили, маленький домик построили, а потом уже привезли свои семьи...» (записано от Н. А. Филимоновой, 1950 г. р., родом из д. Борейково Сивинский район, д. Малая Сива).

«Как мама рассказывала, белорусы здесь с 1905–1906 года. Сами мы, наша семья, жили на хуторе. Километр от деревни Ядринцы, две семьи вот жили на хуторе — мои родители и дедушка с бабушкой, у мамы родители. Они были из Белоруссии. Приехали, вот они и рассказывали. Тут был лес. Нам сказали: “Будете жить здесь!”. Вот они и начали здесь строить сами жильё. Рассказывали, что деды жили под ёлками, когда лес вырубали, дома строили мало-мальские, потом начали всё больше, и больше и расстроились. С Могилёвской области приехали. Из белорусов все могилы были. Ну, сначала они одиночно жили, потом вот колхозы стали образовываться. Рассказывали, что добирались сюда когда, пожары местами были. Приходилось даже прятаться под мостами и в речках...» (записано от Л. И. Глухих, 1947 г. р., родом из д. Ядринцы; Сивинский район, с. Екатерининское).

«Я интересовалась корнями, дети всё равно, может, кто-то заинтересуется, откуда мы. Как здесь оказались, как они переезжали. Здесь банковские земли были, банк был какой-то, и вот эти все земли были поделены на участки. А в Белоруссии же мало земель, мало леса было, и банк известил, чтобы приехали. И вот отец поехал сюда, ну там не один, их очень много с Белоруссии-то приехали, вот там вот Сатино. Вот они приехали, им выдали участки, вот там поделённые. К участкам дороги были, даже и сейчас называются “банковские дороги”. Идёт дорога среди леса, оканавленная, между прочим. Им выделили участки, и вот этой семье, его отцу выделили участок.

Так, семейство белорусских крестьян Покладок Иосифа Андреевича. Они нашли своё пристанище на Урале, на далёкой пермской земле. За что всех стали белорусских, кто вот приехали, звать могулями. Могули, могули, а кто могули? Это что они из Могилёвской области приехали, вот. Выбрав место жительства — почти необитаемое место в Сатинских лесах. Ну, в общем, им лес выделили — и всё, и вот они приехали, и вот один из таких участков Иосиф Андреевич Покладок с сыновьями и женой Марией Ивановной стал осваивать. Вот этот его сын Мирон был у моего мужа отец, Лукьян — это уже как бы его дядя, потом Тарас, сколько их было: Парамон, дочь Анна, Анастасия, Федосья, Вера основали своё семейство и поселились на хуторе Покладковском. Ну, раз они уже им выделили, как назвать, назвали Покладковский хутор, в дремучем лесу на 219-м участке. Сначала построили дом-временку, всё работать приходилось вручную, рубили лес, корчевали. Ну, это, конечно, я всё со слов свекрови, ну она мне рассказывала. Расчищали участок, начали сеять зерно, разводить огороды. Из Могилёвщины в эти места по соседству приехали обосновывать свои хуторяне: это Ивановские, Сыромятинские, Коробейниковы, Логиновы, Могилёвские, Любровские, и это всё оттуда приехавшие. И уже когда все стали, в эти дни приехали, обосновались, и вот эти начали другие приезжать, это всё уже соседи. И там вот всем уже участки давали, так поимённо им и назывались. Все обживали свои участки, разрабатывали целые поля, были большие урожаи, заводили скот, лошадей, коров, свиней, овец, кур. Ну, жили нормально, когда уже все, значит, обосновались» (записано от А. П. Покладок, 1932 г. р.; Сивинский район, пос. Северный Коммунар).

ИТОГИ ОСВОЕНИЯ СИВИНСКОГО ИМЕНИЯ

Итоги освоения белорусами Сивинского имения можно увидеть по материалам переписи 1926 года. В этот период в Сивинском районе Пермского округа Уральской области белорусы занимают среди всех

этнических групп второе место по численности после русских и составляют 6,6% от всего населения района — 42 456 человек, то есть 2811 человек [Список: Пермский округ 1928, X, XXX]. В «Списке населённых пунктов» 1928 года в Сивинском районе отмечено 164 хутора, посёлка и деревни, в которых белорусы были преобладающим населением [Список 1928, 294–404]. Среди 15 деревень, в которых они проживали, деревни Березники, Брунишева, Верх-Демьянка, Мошкова (Замаланья), участок № 6 (Степанова), Ядринская (Ядринцы), Борейкова, Домикановка, Жукова, Ерёминская (Криуленский), Матица, Морозовка, Круглое (Кругловская). Белорусы составляли большинство и в белорусско-русских деревнях Конькова Гарь, Котоминка, Цурановская [Список: Пермский округ 1928, 294–404]. Белорусские хутора просуществовали до 1939–1940 годов, когда в результате политики ликвидации хуторов, малодворных поселений их жители были переселены в более крупные деревни и сёла, в итоге национальный состав многих поселений оказался смешанным.

Расселение белорусов в сельской местности Уральской области в 1920-е годы

Район, населённый пункт	Число хозяйств (сл.)	Численность населения (чел.)	Среди них белорусов (чел.)	Другое население
1	2	3	4	5
Сивинский район				
<i>Екатерининский с/с</i>				
<i>Березинское З.О.</i>				
хут. Барановского	2	9	9	
д. Березники	22	130	130	
<i>Брунишевское З.О.</i>				
хут. Амосова	2	11	11	
д. Брунишева	9	54	54	
хут. Минина Марка	1	6	6	
<i>Верх-Демьянское З.О.</i>				
д. Верх-Демьянка, хут. Новикова Василия	4	24	24	
<i>Верх-Першеновское З.О. (уч. № 11)</i>				
хут. Куксенко	2	12	12	
хут. Пахомовой	1	4	4	
хут. Шебеко	2	16	16	

1	2	3	4	5
<i>Вятско-Хуторское З.О.</i>				
хут. Тихонович Кирилла	1	8	8	
<i>Глазовское З.О.</i>				
д. Глазовская	17	90	8	82, рус.
<i>Глушатское З.О.</i>				
д. Глушата	11	44	2	42, рус.
<i>Грибулёвское З.О.</i>				
хут. Тихомировой	1	6	6	
<i>Думченковское З.О.</i>				
хут. Думченко Павла	1	2	2	
хут. Думченко Ильи	1	7	7	
хут. Думченко Моисея	1	3	3	
хут. Думченко Сергея	1	8	8	
хут. Думченко	2	10	10	
<i>Екатерининское З.О.</i>				
с. Екатерининское	58	234	12	221, рус.
<i>Козловско-Хуторское З.О.</i>				
хут. Афер	1	7	7	
хут. Козлинской	1	7	7	
хут. Козловых	2	8	8	
хут. Семаш	2	12	12	
хут. Суходолова Егора	2	9	9	
хут. Турок	1	8	8	
<i>Козьминское З.О.</i>				
хут. Кузьминых	2	20	11	9, рус.
<i>Коньковское З.О.</i>				
д. Конькова Гарь	17	87	68	19, рус.
<i>Котоминское З.О.</i>				
хут. Захаренковых	2	18	18	
п. Капанова	2	9	9	
д. Котоминка	19	117	69	48, рус.
хут. Куксикова	1	8	8	
<i>Мошковское З.О.</i>				
д. Мошкова (Замаланья)	19	120	113	7, пол.
<i>Паниковское З.О.</i>				
хут. Анисимова Амоса	1	8	8	
хут. Антонова Ефима	1	7	7	
хут. Григорьева Павла	1	8	8	
хут. Гусева Ивана	1	6	6	
хут. Гусева Семёна	1	2	2	
хут. Кириллова Василия	1	5	5	
хут. Коновалова Павла	1	7	7	

<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>
хут. Минина Тимофея	1	6	6	
хут. Пантелеева Фёдора	1	4	4	
хут. Семёнова Григория	1	5	5	
хут. Стельмах Ивана	1	4	4	
хут. Степанова Константина	1	7	7	
хут. Степанова Сергея	1	8	8	
хут. Тимофеева Василия	2	11	8	3, рус.
<i>Папоротское З.О.</i>				
д. Папоротка	11	67	8	59, рус.
<i>Плетнёвское З.О.</i>				
хут. Ругалевых	2	10	4	6, рус.
<i>Старинское З.О.</i>				
хут. Кубарьковых	2	7	7	
хут. Лапуйдина	1	5	5	
хут. Маркеловых	2	12	12	
хут. Михаленко Моисея	2	11	11	
хут. Михаленко Трофима	1	4	4	
<i>Сулаевское З.О.</i>				
хут. Шестакова	1	9	9	
<i>Толотинское З.О.</i>				
хут. Володько	1	2	2	
хут. Мамонтова, Бякова и Злобина	3	15	6	9, рус.
<i>Участок № 6</i>				
д. Участок № 6 (Степанова)	15	68	68	
<i>Участок № 7</i>				
хут. Козырева Василия	1	3	3	
хут. Куксенюк Агафьи (Гапули) и Куксенюк Григория	3	13	8	5, рус.
хут. Куксенюк Игната и Куксенюк Трофима	2	10	10	
хут. Куксенюк Максима	1	2	2	
хут. Куксенюк Семёна	1	5	5	
хут. Куксенюк Степана	2	7	7	
хут. Муха	1	11	11	
хут. Шебеко Андрея	1	6	6	
хут. Шебеко Ефима и Игната	2	15	15	
хут. Шебеко Леонтия	1	6	6	
хут. Шебеко Максима	2	10	10	
хут. Шебеко Максима	1	7	7	
хут. Шебеко Романа	2	7	7	
хут. Шебеко Степаниды	1	5	5	
хут. Шебеко Тихона	1	8	8	

1	2	3	4	5
<i>Участок № 10</i>				
хут. Долгих Ивана	1	8	8	
хут. Долгих Тимофея	1	3	3	
хут. Исаенко	1	8	8	
хут. Легонькова	1	8	8	
хут. Никитина Ивана	1	4	4	
хут. Никитина Петра	1	8	8	
хут. Овчинникова	1	7	7	
хут. Половкова Фёдора	1	6	6	
хут. Половкова Якова	1	12	12	
хут. Поселенцева Василия	1	5	5	
хут. Поселенцева Михаила	1	4	4	
хут. Поселенцева Платона	1	4	4	
хут. Суходолова Андрея	1	5	5	
хут. Штукина	1	9	9	
<i>Участок № 12</i>				
хут. Сидоровича Ивана	2	11	8	3, рус.
хут. Сидоровича Якова	1	6	6	
<i>Участок № 21</i>				
хут. Шебеко Ивана	1	3	3	
хут. Шебеко Игнатия	1	8	8	
<i>Участок № 45</i>				
хут. Анищенко Андрея	1	4	4	
хут. Анищенко Карпа	1	11	11	
хут. Шкуровых	2	13	13	
<i>Участок № 180</i>				
хут. Гоцманович	1	8	8	
хут. Купчина Дмитрия	1	5	5	
хут. Купчина Ивана	1	7	7	
хут. Купчина Николая	1	8	8	
хут. Купчина Прокопия	1	6	6	
<i>Шмуратковское З.О.</i>				
хут. Суходолова	1	8	8	
поч. Шмуратковский	2	15	15	
<i>Ядринское З.О.</i>				
хут. Иванова Екима	1	9	9	
хут. Козлова Ивана	1	8	8	
хут. Курбатова Василия	1	6	6	
хут. Палтанович	1	8	8	
хут. Масаловичей, Стельмах Егора, Стельмах Дмитрия, Стельмах Кузьмы	5	21	21	
д. Ядринская(-цы)	10	61	61	

1	2	3	4	5
<i>Зотинский с/с</i>				
<i>Дударевское З.О.</i>				
хут. Тюшино	1	6	6	
<i>Коковчинское З.О.</i>				
хут. Шеланухи Ивана	1	7	7	
хут. Шарец Ермолая, Шарец Абрама, Шарец Филиппа	3	15	15	
хут. Шарец Игната	1	7	7	
<i>Мало-Чернавское З.О.</i>				
хут. Тюлина Гаврила, Тюлина Власа, Тюлина Ивана, Тюлина Семёна	4	21	21	
<i>Овчинниковское З.О.</i>				
хут. Горбунова Семёна	1	9	9	
хут. Кукченко Сергея	1	8	8	
хут. Миронько и Гречихи	2	11	11	
хут. Софроненко Марка	1	6	6	
<i>Поносовское З.О.</i>				
поч. Тюмоновский	7	28	28	
хут. Шарцева (№ 50)	3	15	15	
<i>Цурановское З.О.</i>				
д. Цурановская	10	40	23	17, рус.
<i>Кизьвинский с/с</i>				
п. Тиминский	4	30	18	12, рус.
<i>Серафимовский с/с</i>				
п. Лобарева (уч. № 277)	5	31	31	
д. Ольховка	25	140	45	95, рус.
хут. Участок № 275-в (Шарец)	2	7	7	
хут. Участок № 275-г (Скороходов)	1	7	7	
<i>Сивинский с/с</i>				
хут. Аблукова Григория	1	4	4	
хут. Аблукова Фёдора (Никольский)	1	6	6	
хут. Бельской Е. (Якимовка)	1	2	2	
хут. Бельского Прохора	1	4	4	
хут. Бельского Степана	1	5	5	
хут. Бельского Фёдора	1	6	6	
д. Борейкова	27	127	127	
хут. Василенко Антона	1	4	4	
хут. Василенко Дмитрия	1	7	7	
хут. Василенко Михаила М.	1	6	6	
хут. Василенко Михаила	1	5	5	
хут. Василенко Степана	1	6	6	
хут. Ветошкина	1	6	6	

<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>
хут. Ветошкина Якова	1	3	3	
хут. Волога Павла	1	9	9	
хут. Гончарова Петра	1	3	3	
хут. Гончарова Фёдора	1	4	4	
д. Домикановка	20	88	88	
д. Ерёминская (-ский, Криуленский)	7	45	45	
д. Жукова	11	62	62	
хут. Кабанова Андрея	1	5	5	
хут. Кабанова Степана	1	2	2	
хут. Кабанова Устина	1	3	3	
хут. Копанева Василия	1	8	8	
хут. Копанева Ивана	1	6	6	
хут. Коротких Василия (Браневка)	1	6	6	
хут. Коротких Ивана	1	3	3	
хут. Костенец Дмитрия	1	4	4	
хут. Костенец Карпа	1	8	8	
д. Матица	7	39	39	
хут. Машаракина	1	5	5	
хут. Мазкова	4	18	18	
д. Морозовка	19	117	112	5, рус.
хут. Никитина Михаила	1	8	8	
хут. Петрова Якова	1	7	7	
хут. Салай	1	7	7	
хут. Салай Василия	1	3	3	
хут. Салай Михаила	1	9	9	
хут. Хлебникова Ивана	1	6	6	
хут. Шавня (Якимовка)	2	6	6	
хут. Шавня Алексея	1	4	4	
<i>Шульдинский с/с (бывш. Малосивинский)</i>				
поч. Бураковский (Куракулский)	4	21	8	13, эст.
хут. Буриловых	2	6	6	
поч. Гаревой (Верх-Канцар)	3	17	6	11, рус.
хут. Голубева Осипа	2	12	12	
хут. Гончаровых	2	8	8	
хут. Егоровых и Науменко	5	27	9	18, рус.
д. Круглое (-овская)	29	162	155	7, эст.
хут. Масленникова (М. Сива, уч. № 60)	1	8	8	
хут. Сафроненковых	2	9	9	

БЕЛОРУССКИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ В СТЯПУНИНСКОЙ ВОЛОСТИ ОХАНСКОГО УЕЗДА

Кроме Сивинского имения Крестьянского поземельного банка, включавшего три западные волости Оханского уезда – Бубинскую, Екатерининскую и Сивинскую, белорусы основывают несколько хуторских поселений в восточной Стряпунинской волости Оханского уезда¹. Впервые появление переселенцев из западных белорусских губерний России отмечено в 1914 году (ГАПК. Ф. 719. Оп. 9. Д. 16. Л. 93–95). В материалах Всероссийской переписи населения 1920 года по Стряпунинской волости² жители белорусских хуторов № 3 и 4 отмечали, что проживают 5 лет, а пятилетний ребёнок отмечен родившимся в Стряпунинской волости (ГАПК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 72. Л. 36, 64, 79). Таким образом, 1914–1915 годы можно считать временем формирования данного переселенческого белорусского массива в Стряпунинской волости Оханского уезда.

Из выявленных источников можно заключить, что основу переселенцев в этот район Пермского Прикамья составили выходцы из Новогрудского уезда Минской губернии, среди них – переселенцы Городейской волости Константин Бруп, Иосиф Сен, Константин Береген, Фома Кодусь и другие. Кроме того, отмечены выходцы из Ястребинской волости того же уезда и губернии, а также переселенцы Старинской волости Чериковского уезда Могилёвской губернии (ГАПК. Ф. 719. Оп. 9. Д. 16. Л. 93–98, 105–106; Ф. 77. Оп. 1. Д. 72. Л. 36, 64, 79).

В 1928 году в Стряпунятском сельском совете Ленинского района Пермского округа Уральской области отмечено 13 хуторских поселений, в которых проживали белорусы, общая их численность составила 107 человек [Список: Пермский округ 1928, 186]. После 1928 года сведений о данных хуторах не выявлено. Со второй половины XX века ни один из названных населённых пунктов не существует. Территория, на которой находились белорусские хутора, в настоящее время относится к Краснокамскому району Пермского края.

---

¹ Особенности формирования белорусского населения в этом районе исследованы нами лишь на основе метрических книг с. Стряпунинского Оханского уезда. К сожалению, других документов, в том числе раскрывающих приобретение земли белорусскими крестьянами, авторами не выявлено.

² В подшивке материалов Всероссийской переписи населения в Пермской губернии летом 1920 г.: Стряпунинская волость, выявлено 3 анкеты на жителей белорусских хуторов (ГАПК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 72. Л. 36, 64, 79).

**Расселение белорусов в Ленинском районе
Пермского округа Уральской области**

Район, населённый пункт	Число хозяйств (ед.)	Численность населения (чел.)	Среди них белорусов (чел.)	Другое население
1	2	3	4	5
<i>Стряпунятский с/с Ленинского района Пермского округа</i>				
хут. № 1	1	7	7	
хут. № 1-а	2	4	4	
хут. № 3	1	6	6	
хут. № 3-а	1	5	5	
хут. № 4	3	13	13	
хут. № 5	2	7	7	
хут. № 5-а	3	10	10	
хут. № 6	1	10	10	
хут. № 6-а	2	8	6	2, рус.
хут. № 7	1	6	6	
хут. № 7-а	1	3	3	
хут. № 8	4	18	18	
хут. № 9	2	12	12	
Итого	24	109	107	2, рус.

**БЕЛОРУССКИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ
В БОГОРОДСКОЙ ВОЛОСТИ
КРАСНОУФИМСКОГО УЕЗДА**

Ещё один ареал расселения белорусов в Пермском Прикамье складывается в южной части Пермской губернии — в Богородской волости Красноуфимского уезда. Значительные земельные участки в восточной части волости на водоразделе начинают осваиваться с начала XX века¹. Метрические книги церквей села Мосинского и посёлка Тюш Богородской волости свидетельствуют, что появление первых переселенцев на этой территории приходится на 1910 год. Именно этим годом датируются первые записи о церковных требах выходцев из разных губерний России (ГАПК. Ф. 719. Оп. 6. Д. 237). Осваиваются эти территории выходцами из Вятской, Казанской, Могилёвской губерний, соседних

¹ К сожалению, к настоящему времени в архивных собраниях не выявлены документы, освещающие выделение данной земельной дачи и приобретение участков переселенцами, поэтому информация об освоении этих территорий остаётся неполной.

уездов и волостей Осинского, Кунгурского и Красноуфимского уездов Пермской губернии. Среди переселенцев отмечены русские, чувашаи и белорусы.

Белорусское население Богородской волости, также отмеченное метрическими книгами с 1910 года, представлено выходцами из разных губерний — Могилёвской, Минской, Гродненской. Переселенцы-могилёвцы представляли Шкловскую волость Могилёвского уезда (Мина Снитко) (ГАПК. Ф.719. Оп.6. Д.238. Л.135 (об)), Чаусскую волость Чаусского уезда (Савва Биндилев, Терентий Таранков, Мартын Сутоцкий, Филимон Корнеев) (ГАПК. Ф.719. Оп.6. Д.237. Л.116 (об), 121 (об), 125 (об); Д.238. Л.104 (об)), Горецкую волость Горецкого уезда (Роман Кордюков) (ГАПК. Ф.719. Оп.6. Д.237. Л.116 (об), Маслаковскую волость Горецкого уезда (Харитон Григорьев, в том числе из деревни Полна этой волости — Григорий Баричев) (ГАПК. Ф.719. Оп.6. Д.237. Л.119 (об); Д.241. Л.47–319), Романовскую волость Горецкого уезда (Алексей Карпов) (ГАПК. Ф.719. Оп.6. Д.238. Л.63 (об); Ф.719. Оп.6. Д.238. Л.66 (об), 70, 84); Савскую волость Горецкого уезда (Прокопий Кордюков, Матфей Стреженев, Ефросинья Сорокина, Филимон Новиков, Илья Новиков) (ГАПК. Ф.719. Оп.6. Д.238. Л.66 (об), 70, 84); деревню Караси Городищенской волости Горецкого уезда (Пётр Васильев, Леонтий Фидаренко, Агриппина Иванова) (ГАПК. Ф.719. Оп.6. Д.238. Л.116 (об)), деревню Слижи Городищенской волости (Дорофей Козлов) (ГАПК. Ф.719. Оп.6. Д.241. Л.47–319), деревню Новосёлки Городищенской волости (Николай Нехаев) (ГАПК. Ф.719. Оп.6. Д.241. Л.47–319). Гродненская губерния представлена выходцами из Гродненского уезда Голынской волости, в том числе деревня Зубры (Филипп Лукашевич, Илья Циунчик, Феодосия Галко) (ГАПК. Ф.719. Оп.6. Д.241. Л.47–319). Минская губерния представлена выходцами из Слуцкого уезда Грозовской волости, деревня Мусичи (Дмитрий Жданов) (ГАПК. Ф.719. Оп.6. Д.241. Л.47–319).

В начале 1917 года все переселенческие посёлки, в том числе и белорусские, были выделены из Богородской волости и объединены в отдельную Покровскую волость (ГАПК. Ф.719. Оп.6. Д.237. Л.191).

К 1928 году в этом районе Прикамья отмечено девять посёлков, в которых проживали белорусы. В посёлке Успенском (Гиндеряк) отмечены только белорусы, в других они проживали совместно с русскими и чувашами. Общая численность белорусского населения в них составила 380 человек [Список: Кунгурский округ 1928, 50–52].

Расселение белорусов в Кунгурском округе Уральской области

Район, населённый пункт	Число хозяйств (ед.)	Численность населения (чел.)	Среди них белорусов (чел.)	Другое население
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>
<i>Кунгурский округ, Богородский район</i>				
<i>Верх-Тюшинский с/с</i>				
п. Стародумовский	11	60	28	32, рус.
<i>Верхшуртанский с/с</i>				
п. Малиновка	13	36	3	33, рус.
п. Крещенский (Ниж. Собачка)	21	100	68	32, рус.
п. Михайловский	17	80	33	38, рус.
п. № 19	12	48	31	17, рус.
п. № 33	12	75	39	36, рус.
п. № 72	13	57	26	23, чув.
п. № 73	14	59	4	55, чув.
п. Успенский (Гиднеряк)	35	148	148	
Итого:	148	663	380	

К сожалению, после 1928 года сведений о белорусах на этой территории Прикамья не выявлено. Со второй половины XX века ни один из названных населённых пунктов не существует. Территория, на которой были основаны белорусские посёлки, в настоящее время относится к Октябрьскому району Пермского края.

БЕЛОРУССКИЕ БЕЖЕНЦЫ В ПРИКАМЬЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

События Первой мировой войны вызвали огромные потоки гражданских беженцев с театра военных действий в западных губерниях России. Первые беженцы появились уже в 1914 году, люди бежали от обстрелов и бомбардировок, подальше от линии фронта. До весны 1915 года поток беженцев в основном был стихийным. Жители прифронтовых населённых пунктов уезжали в близлежащие спокойные прифронтовые районы. И только единицы, имевшие родственников в глубине России, уезжали на время войны к ним.

Весной 1915 года немецкие войска перешли в наступление, и линия фронта продвинулась на территорию Галиции, Западной Украины и Белоруссии. К стихийному беженству в это время добавилась организованная эвакуация населения. В начале июня 1915 года Ставка Верховного Главнокомандующего русской армии пошла на крайнюю меру: войска получили приказ о том, что оставляемая неприятелю тер-

ритория «должна быть превращена в пустыню, то есть очищена — как от населения, так и от всего того, что могло составить для врага известную ценность» [Курцев 1999, 101]. По всей линии фронта началось принудительное выселение крестьянства, в первую очередь мужчин призывного возраста «от 17 до 45 лет», чтобы сохранить кадры для пополнения армии и лишить врага трудовых ресурсов [Курцев 1999, 100–101]. К концу 1915 года беженцев в России уже было 2,7 млн человек, в том числе и из белорусских губерний [Курцев 1999, 99]. На 1 февраля 1917 года количество беженцев со всех фронтов составило 3 200 512 человек [Саматыя 2003]. Основная масса беженцев из Беларуси осела в центральных губерниях России, в Поволжье. На 1 июня 1916 года количество беженцев составляло 2 757 735 человек. Из них 38 % были выходцами из Гродненской губернии, 8,6 % — Виленской, 3,7 % — Минской, 3,7 % — Витебской губерний. Около 47,1 % от общего числа беженцев составляли жители Беларуси [Саматыя 2003].

Пермская губерния также стала одной из территорий, которые приняли беженцев из западных районов страны. Согласно сведениям начальника Пермской губернии, прибыло 100 тыс. вынужденных переселенцев. Местные власти распределили это количество по уездам, пропорционально количеству населения в них, с некоторыми изменениями в зависимости от местных условий. Таким образом, на Верхотурский уезд пришлось 10 тыс. человек, Екатеринбургский — 15 тыс., Ирбитский — 3 тыс., Камышловский — 8 тыс., Красноуфимский — 5 тыс., Кунгурский — 8 тыс., Осинский — 10 тыс., Оханский — 9 тыс., Соликамский — 7 тыс., Чердынский — 3 тыс., Шадринский — 11 тыс., Пермский — 15 тыс. человек. Самыми крупными национальными группами среди первой партии беженцев были «немцы-колонисты», русские, латыши, поляки и евреи [Баженова 2011, 21–27].

Первые беженцы из белорусских губерний прибыли в Пермскую губернию осенью 1915 года. Расселили их в Кунгурском, Осинском и Чердынском уездах (ГАПК. Ф. Р.-25. Оп. 2. Д. 8. Л. 3–85). В августе 1919 года 38 белорусских семей проживали в Осе (из деревень Кобельки Домачёвской волости Брестского уезда, Замошино, Новодворцы, Боровики Пружанского уезда, Станковицы Волковысского уезда Гродненской губернии, г. Гродно, деревни Коляда Добринской волости Бельского уезда Холмской губернии), 118 семей проживали в Кунгуре (из деревень Пеньки, Кобылино, Заречная Гродненской губернии, Еланки Брест-Литовского уезда, городов Минска, Люблина (Польша), Ковно) (ГАПК. Ф. Р.-25. Оп. 2. Д. 8. Л. 3–85), 13 семей в Чердыни и уезде (ГАПК. Ф. Р.-25. Оп. 2. Д. 8. Л. 3–85).

**Из «Списка беженцев, проживающих
в г. Чердыни и уезде на 29 августа 1919 г.»
(всего в списке 63 семейства, из них 13 – белорусских)***

№	Название беженцев и их семейное положение	Лета от роду	Национальность	Когда прибыли в г. Чердынь	Откуда прибыли	Куда желают отбыть на жительство
1	2	3	4	5	6	7
1	Плескович Николай Осипов.	44	белорус	25 сентября 1915	Заштат. городок Нарва Бельского уезда Гродненской губернии	В заштат. городок Нарва
	Жена Александра Яковлева	38	белорус	то же	то же	то же
	Дети: Софья	16	белорус	то же	то же	то же
	Иван	14	белорус	то же	то же	то же
	Осип	12	белорус	то же	то же	то же
	Анна	10	белорус	то же	то же	то же
	Екатерина	3 м.	белорус	то же	то же	то же
2	Амброжевич Осип Яковлев.	40	белорус	то же	то же	то же
	Жена Анна Юмановна	40	белорус	то же	то же	то же
	Дети: Ольга	16	белорус	то же	то же	то же
	Екатерина	14	белорус	то же	то же	то же
	Яков	12	белорус	то же	то же	то же
	Иван	10	белорус	то же	то же	то же
	Пётр	8	белорус	то же	то же	то же
	Мать Мария Фомина	60	белорус	то же	то же	то же
3	Русачик Василий Иванов.	32	белорус	то же	то же	то же
	Сестра Агафья	48	белорус	то же	то же	то же
4	Курбянович Степан Петров.	51	белорус	то же	то же	то же
	Дети: Лидия	16	белорус	то же	то же	то же
	Анна	13	белорус	то же	то же	то же
	Пётр	12	белорус	то же	то же	то же
	Софья	10	белорус	то же	то же	то же
	Антонина	9	белорус	то же	то же	то же
	Мария	7	белорус	то же	то же	то же
	Павел	6	белорус	то же	то же	то же

1	2	3	4	5	6	7
	Александра	5	белорус	то же	то же	то же
5	Русачик Иван Иван.	45	белорус	то же	то же	то же
	Жена Ольга Осипова	37	белорус	то же	то же	то же
	Дети: Александр	17	белорус	то же	то же	то же
	Осип	13	белорус	то же	то же	то же
	Александра	10	белорус	то же	то же	то же
	Пётр	7	белорус	то же	то же	то же
	Мария	2	белорус	то же	то же	то же
6	Садовский Осип Антонов	42	белорус	то же	то же	то же
	Жена Мария Николаева	38	белорус	то же	то же	то же
	Дети: Ольга	13	белорус	то же	то же	то же
	Антон	12	белорус	то же	то же	то же
	Константин	10	белорус	то же	то же	то же
	Василий	1	белорус	то же	то же	то же
7	Шокальская Мария Игнатъевна	44	белорус	то же	то же	то же
	Дети: Ольга	15	белорус	то же	то же	то же
	Юлия	12	белорус	то же	то же	то же
	Владимир	10	белорус	то же	то же	то же
	Вера	6	белорус	то же	то же	то же

*Составлено по материалам: ГАПК. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 9. Л. 195.

А. Волегов в своей заметке «Беженцы в Чердыни», опубликованной в газете «Пермская земская неделя» (№ 47, 1915 г.), отмечал три партии беженцев — «Первая партия "немцев-колонистов" численностью 282 человека прибыла в Чердынь на пароходе 17 сентября. Вторая партия из 150 человек — 116 русских и 34 немцев — 24 сентября. Третья партия в 185 человек, исключительно состоящая из "евреев-выселенцев" — "австрийских подданных, совершенно не владеющих русским языком и состоящая исключительно из стариков, женщин и детей", оказалась в Чердыни 30 сентября» [Чагин 2010, 54]. Вероятно, белорусы прибыли во второй партии и именовались «русскими». Часть беженцев осталась в Чердыни, большинство русских (и белорусов) направили в село Покча, немцев — в Анисимовскую, Вильгортскую, Искорскую волости.

На местах создавались Комитеты помощи беженцам. Так, Осинский уездный комитет по оказанию помощи беженцам обеспечивал беженцев жильём, продуктами, одеждой, денежным пособием. В сентябре 1916 года Комитет обеспечивал продовольствием 626 человек, квартирным довольствием — 835, одеждой — 519, школьным помещением — 124 человека (ГАПК. Ф. 571. Оп. 1. Д. 1. Л. 15).

Уже в 1916 году тыловые ведомства отмечали желание беженцев скорее вернуться домой. Была создана специальная Комиссия по обратному водворению беженцев при Особом совещании. Но военные действия, революции, Гражданская война надолго затянули процесс возвращения [Курцев 1999, 111].

В советское время декретом ВЦИК от 27 апреля 1918 года была создана Центральная коллегия по делам пленных и беженцев (Центропленбеж), на местах создавались губернские управления по делам пленных и беженцев (Губпленбеж) (ГАПК. Ф. Р-25). Одной из задач этого учреждения было содействие беженцам в возвращении на родину. На местах часто не торопились с организацией Пленбежа, потому 25 августа 83 беженские семьи Чердыни и уезда обратились «с настоятельным требованием» в местный отдел социального обеспечения. В результате был написан следующий протокол:

«Протокол 1919 г. августа 25 дня заведующий Чердынским уездным отделом социального обеспечения Иван Ефимов Зырянов составил настоящий протокол о нижеследующем:

Проживающие в г. Чердынь и уезде беженцы в числе 63 семейства, с числом 288 членов в них, явились сего числа в отдел социального обеспечения и заявили настоятельное требование об отправке их из Чердыни и уезда в г. Пермь, а потом и далее, куда они укажут по прибытии в г. Пермь. Свое настоятельное требование беженцы мотивируют тем, что они в Чердынском уезде проживали 4 зимы и потеряли своё здоровье, не имеют тёплой одежды и обуви, так как все они происходят из губерний тёплого климата и более жить в Чердынском, по климату суровом, уезде не желают, и что они здесь не имеют для себя подходящих заработков.

Принимая во внимание действительно тяжёлое положение беженцев, а также проявленное согласие уездного ревкома на отправку беженцев постановил: записать о вышеизложенном в настоящий протокол, который представить в Пермскую губернскую коллегия "Пленбеж" и ходатайствовать пред ним о разрешении беженцам, проживающим в г. Чердыни и уезде отбыть в г. Пермь...

Положение беженцев в Чердынском уезде действительно критическое, многие из них хворают и все почти слабого здоровья, и положение их требует отправки в места их родины или в более умеренный климат.

Коллегия "Пленбежа" при отделе социального обеспечения ещё не организована. Списки на беженцев, подлежащих отправке, составлены. Средств на содержание беженцев никаких не имеется.

Буду ожидать распоряжения в утвердительном смысле, так как все подготовительные работы по отправке беженцев уже сделаны.

В г. Чердыни и уезде проживает 63 семейства беженцев с числом 288 членов в них. Все хотят уехать» (ГАПК. Ф. 571. Оп. 1. Д. 1. Л. 5). Среди 83 беженских семей были и 13 белорусских.

Уже 28 августа Пермское районное управление речным транспортом сообщало в Губпленбеж: «Сейчас с пароходом "Жан-Жорес" из Чердыни прибыл эшелон беженцев (286 чел.) без указания дальнейшего пути следования.

Просим срочно дать распоряжение, как поступить с беженцами, т. е. дать им дальнейшее назначение или примите с парохода, т. к. пароход необходимо освободить немедленно» (ГАПК. Ф. 571. Оп. 1. Д. 1. Л. 12). На запрос Губпленбежа из Чердыни 29 сентября 1919 года был получен ответ, что в уезде беженцев империалистической войны нет, но создана коллегия «Пленбеж»: «Беженцы были, но их отправлено в г. Пермь 28 августа с/г, так как по ихнему заявлению, что оне не хотят здесь жить и совершенно нечего было им ись, больше из-за холоду.

Уполномоченный коллегии "Пленбеж" (ГАПК. Ф. Р-25. Оп. 2. Д. 8. Л. 34].

Большая часть беженцев покинула Чердынь и уезд. Ситуация типична и для других уездов Пермской губернии. Осенью 1919 года Губпленбеж затребовал от уездов списки беженцев для отправки их на родину. Из Перми большинство беженцев получили специальные проездные удостоверения. Возвращение прерывалось боевыми действиями Гражданской и советско-польской войн. По данным исследователя А. Н. Курцева, процесс реэвакуации растянулся до 1925 года [Курцев 1999, 111]. Таким образом, большая часть находящихся в Прикамье в годы Первой мировой войны беженцев вернулась на родину.

* * *

Итак, конец XIX — начало XX века можно считать временем начала активной миграции белорусского населения в Пермское Прикамье.

Этот период характеризуется формированием дисперсных групп белорусов в городах губернии. Наиболее массовым было переселение белорусских крестьян в 1901–1917 годах, они сформировали несколько ареалов расселения в Богородской волости Красноуфимского уезда, Стряпунинской волости Оханского уезда, а наиболее значительный и компактный — в Сивинском имении Крестьянского поземельного банка в Оханском уезде. Компактность и многочисленность белорусских поселений в Сивинском имении были важными условиями сохранения этничности и трансляции этнической культуры.

Х

ОЗЯЙСТВО
И ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА
БЕЛОРУСОВ СИВИНСКОГО РАЙОНА

Очерк 2

Традиционная народная культура пермских белорусов складывалась на основе традиций переселенцев, их адаптации к новым природно-климатическим и этнокультурным реалиям, в условиях дисперсного расселения и активного влияния иноэтнического, прежде всего русского, окружения. Особенностью изучаемого региона являлась полиэтничность в составе населения. Кроме русских и белорусов переселенцами, осваивавшими Сивинское имение Крестьянского поземельного банка, были эстонцы, латыши, немцы, поляки, украинцы, чуваша, удмурты и коми-пермяки. Русское население данной территории было крайне неоднородным, кроме русского старожильского населения в освоении новых земель активно принимали участие вятские, выходцы из соседней Вятской губернии, скобари — выходцы из Псковской губернии. Часто переселенцы из разных губерний и представители разных народов проживали не только в соседних населённых пунктах, но и на одних хуторах и деревнях. В этих условиях происходили не только интенсивные контакты, но активное взаимодействие культур, в некоторых случаях приводившее к формированию единых, региональных этнокультурных комплексов.

Развитие этнической культуры белорусов Прикамья происходило в XX веке в условиях существенных исторических трансформаций социального и идеологического уклада в советском обществе, влияния городских и массовых форм культуры. Разные комплексы традиционной культуры по-разному отреагировали как на исторические вызовы, так и на новые региональные условия. К моменту проведения полевых исследований в 2000-е годы ни один из комплексов традиционной культуры не сохранялся как целостная система. Большую сохранность показывают традиции, поддержанные семейными коллективами, такие как система питания и кухня, праздничная культура. Дольше белорусские традиции сохранялись в тех населённых пунктах, где белорусы вплоть до 1960–1970-х годов оставались основным населением — в деревнях Мошково, Седьминке, Шестинке, Ядринцах, Папоротке, Морозовке, Борейково и ряде других.

Исследование традиционной культуры проводилось среди представителей второго, третьего и четвёртого поколений белорусских

переселенцев, которые воспроизводят и вспоминают обычаи, бытовавшие и сохранявшиеся в Пермском крае. Поэтому все явления культуры, описанные в настоящем очерке, представляют региональный, пермский вариант этнокультурных традиций.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЗАНЯТИЯ

Приобретение земельных наделов и развитие крестьянского хозяйства были основными мотивами переселения белорусов в Сивинское имение Пермской губернии.

Подворная норма землевладения в Оханском уезде Пермской губернии была установлена в 45 десятин [Поездка 1909], этой нормы и придерживалось управление Крестьянского поземельного банка. Как видно из документов Сивинского имения банка, норма приобретаемых земельных наделов была не более 15 десятин на одну мужскую душу (ГАПК. Ф. 204. Оп. 1. Д. 98. Л. 161) и 45 десятин на двор (ГАПК. Ф. 204. Оп. 1. Д. 98. Л. 38 (об)). В Сивинском имении банка в среднем на хуторское хозяйство приходилось 28,53 десятины, а на одну мужскую душу — 9,40 десятины [Справка 1911, 22]. Величина отдельного участка приобретаемой земли при этом колебалась от 10 до 68 десятин. Банковские документы позволяют определить количество земли и отдельных белорусских хозяйств в имении.

Например, Иван Науменко, выходец из Могилёвской губернии, приобретает землю на участке № 60 Екатерининской дачи в размере 14,65 десятины, его хозяйство состоит из одного двора и трёх душ мужского пола (ГАПК. Ф. 204. Оп. 1. Д. 98. Л. 67).

Иван Самсонов из Минской губернии на одно хозяйство с двумя мужскими душами покупает землю на участке № 112 Сатинской дачи в количестве 27,63 десятины (ГАПК. Ф. 204. Оп. 1. Д. 98. Л. 67).

Моисей Шкарубо из Минской губернии на одно хозяйство с пятью душами мужского пола приобретает землю на участке № 81 Сатинской дачи в количестве 43,56 десятины (ГАПК. Ф. 204. Оп. 1. Д. 98. Л. 67). Соседний участок № 82, видимо, приобретает его родственник Филимон Шкарубо на один двор с пятью душами мужского пола в размере 42,35 десятины (ГАПК. Ф. 204. Оп. 1. Д. 98. Л. 67).

Могилёвец Марк Манашкевич на один двор с тремя душами мужского пола приобретает участок № 282 в размере 44,89 десятины (ГАПК. Ф. 204. Оп. 1. Д. 98. Л. 67).

Кирилл Стук приобрёл участок № 216 размером 27 десятин 1056 саженой (ГАПК. Ф. 204. Оп. 1. Д. 756. Л. 32 (об)).

Выходец из Могилёвской губернии Василий Лагунов на один двор с тремя душами мужского пола приобретает участок № 293 в размере 15 десятин (ГАПК. Ф. 204. Оп. 1. Д. 98. Л. 67).

Как видно из приведённых примеров, размеры приобретаемых участков зависели как от состава семьи, так и состоятельности домохозяев.

Для белорусских поселений были характерны две формы организации сельскохозяйственного производства — хутора и товарищества. В товариществах, как правило, преобладали традиционные коллективные формы ведения земледельческого хозяйства, в хуторах — индивидуальные. Отличался и характер организации поселений. Для большинства белорусских переселенцев приоритетными оставались коллективные формы землепользования — товарищества. Их, как правило, образовывали в переселенческих посёлках, превратившихся позднее в деревни. Так, к 1911 году среди переселенцев Могилёвской губернии 267 домохозяйств находились в товариществах и только 91 — в хуторах, среди выходцев из Виленской губернии семь домохозяйств находились в товариществах и четыре — в хуторах. Хуторская форма доминировала у переселенцев из Гродненской (одно хуторское хозяйство), Минской (три домохозяйства в товариществах, семь — в хуторах) и Витебской (три — в товариществах, семь — в хуторах) губерний. Таким образом, большая часть домохозяйств уроженцев названных губерний — 280 (71,8%) — находилась в товариществах, 110 (28,2%) — в хуторах [Справка 1911, 2].

Крестьянский поземельный банк, заинтересованный в ликвидации имения, предлагал льготные условия для приобретения земли: «При прибытии в имение переселенцам отводятся участки, в течение 1–1,5 года пользуются участками бесплатно, для того, чтобы была возможность обустроиться и обзавестись необходимым инвентарём. В последующие три года, когда идёт раскорчёвка и расчистка леса для обращения подлесной земли в пашню и луга, плата за аренду с них также фактически не берётся, а взамен этого причитающаяся аренда начисляется на участок в размере платежей по будущей ссуде, с прибавлением земельных повинностей и впоследствии присоединяется к первоначальной оценке участка. По истечении 4,5–5 лет, когда переселенцы успели обустроиться, завели домашний скот, раскорчевали и распахали часть заторгованной земли, и когда выясняется, что новосёлы уже привыкли к условиям местной земледельческой жизни, они становятся фактически арендаторами земли до назначения испра-

шиваемой ссуды... Наряду с предоставлением переселенцам льготных условий пользования землёй до назначения ссуды банк практиковал выдачу им различного рода пособий и проводил вообще расходы, имеющие своей целью улучшение переселенческого быта... На домообзаведение выдаётся на семью до 50 руб. с обязательством возратить их через 5 лет, на расчистки и выкорчёвывания выдаётся почти такая же сумма и при наличности такого же обстоятельства, причём переселенец, получивший деньги на расчистку первой десятины и не выполнивший эту работу, теряет право на получение для этой цели дальнейших пособий» [Поездка 1909].

При покупке земли банк требовал внесения 10% от продажной цены участка, полугодовой платёж по ссуде и оплату товарного леса на участке. Остальная сумма может быть выдана под залог земли ссудой банка согласно его уставу [Поездка 1909]. Крестьянский поземельный банк также предлагал рассрочку платежа на значительный срок, максимально до 55,5 года (ГАПК. Ф. 204. Оп. 1. Д. 11. Л. 13). В зависимости от срока предоставления ссуды ежегодные платежи составляли с выплатой от 89 руб. 25 коп. со 100 рублей в год при 13 годах ссуды и 4 руб. 50 коп. при рассрочке на 55,5 года [Поездка 1909].

Именно по такой схеме чаще всего и приобретали участки белорусские переселенцы.

Участок Ивана Науменко в 14,65 десятины оценён в 586 руб., из которых в банк в качестве задатка было внесено 66 руб. (ГАПК. Ф. 204. Оп. 1. Д. 98. Л. 67), Иван Самсонов за 27,63 десятины вносит 25 руб. задатка при общей стоимости участка 580 руб. (ГАПК. Ф. 204. Оп. 1. Д. 98. Л. 67), Моисей Шкарубо приобретает 43,56 десятины за 1100 руб., внося задаток 25 руб. (ГАПК. Ф. 204. Оп. 1. Д. 98. Л. 67), Филимон Шкарубо приобретает участок в размере 42,35 десятины за 978,3 руб., внося 50 руб. оплаты (ГАПК. Ф. 204. Оп. 1. Д. 98. Л. 67), Марк Манашкевич покупает 44,89 десятины за 1126,74 руб., внося оплату в 100 руб. (ГАПК. Ф. 204. Оп. 1. Д. 98. Л. 67).

Приобретаемые земельные участки требовали существенных затрат для того, чтобы превратить их в сельскохозяйственные угодья. О Сивинском имении в документах Крестьянского поземельного банка отмечалось: «В Сатинской даче, как и вообще в Сивинском имении, культурных мест нет, годных к немедленной распашке очень мало, и положение переселенцев в первые годы по покупке земли, в большинстве случаев представляющей сплошное лесное пространство, является очень тяжёлым, так как с первых шагов они должны приниматься

за трудную и медленную работу по раскорчёвке земли и возведению необходимых построек» (ГАПК. Ф. 204. Оп. 1. Д. 68. Л. 33).

Как выглядели приобретаемые участки, свидетельствуют и некоторые документы. Так, Игнатий Муха приобретает участок № 764, на котором «удобной» земли 19 десятин 96 сажений. Из них 1512 сажений участка — смешанный лес, 18 десятин 984 сажени — горелый лес (ГАПК. Ф. 716. Оп. 3. Д. 1185. Л. 1). Про участок № 24 также отмечали, что на нём «чистого места не было» (ГАПК. Ф. 790. Оп. 5. Д. 872. Л. 35).

Однако при всей сложности возделывания целинных лесных площадей, приобретённые земельные участки обеспечивали потребности в развитии комплексного сельскохозяйственного производства.

Ведущая роль в сфере хозяйствования белорусов Сивинского имения принадлежала *земледелию*. Преобладающей системой земледелия было трёхполье, получившее широкое распространение как при общинной организации хозяйства в деревнях, так и на хуторах. Многополье со сложным севооборотом получило лишь ограниченное распространение у переселенцев [Справка 1911]. Все пашни делились на три клена — яровой, озимый и пары. Но прежде чем наладить систему, переселенцам необходимо было расчистить из-под леса земельные угодья. Вот почему в первые годы происходило обращение и к более архаичным технологиям земледелия, позволяющим вести посевы зерновых и огородных культур на небольших расчистях леса: «...из-под сырого леса разрабатывать поле было очень тяжело, сырые пни корчевать было не под силу, под посевы не пахали, а долбили мотыгами, боронили специальными боронами из сучьев — смыками» (Участок № 24, ГАПК. 790. Оп. 5. Д. 872. Л. 35).

Набор земледельческих культур у белорусов не отличался от того, что выращивали русские старожилы. В Верх-Сивинских хуторах, например, «*рожь садили с осени, немного пшеницу, ячмень сеяли из-за круты, горох сеяли немного, лен обязательно сеяли, коноплю сеяли немного, верёвки вить, из-за этого сеяли коноплю только*» (Сивинский район, с. Сатино). К этому следует добавить лишь возделывание овса и гречихи, также известное в Сивинском имении. Подворная перепись крестьянских переселенческих хозяйств Сивинского имения отметила и значительные посадки картофеля [Справка 1911, 26].

Техника земледелия, применявшаяся в хозяйствах белорусов, была традиционной: поля вспахивали сохами, боронили деревянными боронами с железными зубьями. Сев производили вручную, из лукошка. Яровой сев заканчивали к концу мая, озимые старались посеять

до конца августа. Зерновые жали серпами, лишь позднее стали применять механические конные жатки. Стебли с колосьями связывали в снопы и для просушки несколько снопов складывали в суслоны. Для обмолота пользовались цепями, однако в начале XX века широкое распространение в крестьянских хозяйствах получили механические молотилки.

Наряду с земледелием развивалось и *животноводство*. В частных хозяйствах разводили лошадей, коров, овец, свиней, из домашней птицы чаще всего — кур, реже — гусей. Количество скота зависело прежде всего от состоятельности хозяйства. При единоличном хозяйстве скот пасли в основном в огороженных выпасах, при этом в хуторах выпас скота каждый хозяин организовывал самостоятельно. Для зимнего содержания скота проводили заготовку сена. Траву скашивали косой-литовкой. На хранение сено складывали в стога или зароды. Характерной особенностью белорусского хозяйственного уклада было хранение сена на усадьбах в специальных сараях.

Среди пермских белорусов получили распространение и такие промысловые занятия, как *охота* и *рыболовство*. Известны были как пассивные, так и активные способы охоты. Петли чаще всего ставили на зайца. С ружьём и собакой охотились также на зайцев, лис, белок, глухарей, реже — на кабанов и лосей. Однако охотой занимались мужчины лишь в некоторых семьях. Меньшее распространение получила рыбалка, потому что в Сивинском имении не было больших рек и водоёмов, большая часть поселений белорусов располагалась у небольших рек и ручьёв, а хутора большей частью находились на водоразделах. В деревне Березники отмечали: «...рыбаков не было в деревне, только охотники были». О Верх-Сивинских хуторах также вспоминали: «...реки здесь нет, и рыбаков не было». Рыболовством занимались лишь в поселениях, которые располагались ближе к более крупным рекам — Сиве и Алтыну, где ловили щуку, сорогу, окуня.

Известно было белорусам Сивы и *пчеловодство*, которым занимались отдельные семьи. Пчёл держали как в старинных колодах, так и в обычных ульях. Причём колодные ульи не всегда устанавливали на пасеках, иногда их просто развешивали в лесах.

Потребности в обеспечении хозяйства орудиями труда, утварью, одеждой, бытовыми тканями стимулировали развитие *ремёсел* и *промыслов*. Домашние ремёсла были связаны с обработкой дерева, кожи, растительных волокон. Для своих нужд и на заказ изготавливали бондарную и долблёную посуду, мебель. Береста использовалась

для изготовления туесов. Обработка кожи была связана с необходимостью изготовления обуви и упряжи. Среди женских домашних ремёсел большое распространение получили ткачество и связанная с ним обработка льняного волокна. На ткацком стане изготавливали льняные, полушерстяные, бумажные (хлопковые) и полубумажные ткани. Белорусы долгое время сохраняли традиционные приёмы узорного браного и многоремизного ткачества, использовавшиеся для изготовления полотенец и скатертей.

Потребности в глиняной посуде обеспечивали местные горшечники, изготавливавшие на заказ и на продажу горшки, кринки, корчаги. Кринки, использовавшиеся для хранения молочных продуктов, именовались *горлачи*. Названия других гончарных изделий у белорусских переселенцев были схожими с теми, которые использовало и соседнее население: *горшок*, *корчага*, *латка* — жаровня, *гвоздянка* — горшок большого размера с отверстием в нижней части тулова, использовавшийся для приготовления пива.

Имелись в деревнях и мастера-кузнецы, обеспечивавшие нужды крестьянских хозяйств в скобяных изделиях, ковавшие коней, чинившие железную утварь. Ремесло, развивавшееся в хуторах и деревнях белорусов Сивинского имения, обеспечивало лишь внутренние потребности местного хозяйства и не было ориентировано на рынок.

ПОСЕЛЕНИЯ, УСАДЬБА И ЖИЛИЩЕ

Основными поселениями белорусов в Прикамье были деревни и хутора. Правда, на первом этапе формирования белорусского населения в Сивинском имении Крестьянского поземельного банка отмечены также посёлки или переселенческие посёлки. Позднее все они также известны как деревни.

О количестве поселений с преобладанием белорусского населения можно судить по данным Списка населённых пунктов округов Уральской области 1928 года, наиболее полно отражающим особенности расселения народов в регионе и этнический состав поселений. Согласно данным 1928 года в Кунгурском округе находилось пять поселений с преобладающим белорусским населением, все они имели статус посёлков, так как были образованы недавно (ныне территория Октябрьского района). В Пермском округе находилось больше всего белорусских поселений — 177, в том числе 13 хуторов в Ленинском районе (ныне территория Краснокамского района). В Сивинском

районе — 164 деревни, хутора и посёлка, из них 15 поселений отмечены как деревни, но преобладали хуторские поселения. Хутора в подавляющем большинстве состояли из одной усадьбы, однако имелись хутора и с двумя, тремя и даже четырьмя хозяйствами. Большинство деревень были малодворными, число дворов составляло от 9 до 29, наиболее крупными были деревни Борейково с 27 и Круглая с 29 хозяйствами [Список 1928, 294–404].

Большая часть поселений была моноэтничной, хотя в других поселениях белорусы проживали совместно с русскими, поляками, эстонцами, чувашами. В настоящее время из всего числа белорусских поселений сохраняются деревни Мошково, Шестинка и Морозовка. Хотя в памяти старшего поколения ещё живы представления о значительном числе белорусских поселений в Сивинском районе: «*Морозовка. Ой, у нас тут большая деревня была. Борейково было. Потом вот дедушка у меня жил в Домикановке, бабушка одна жила вот здесь, в Морозовке, мамина мама, а папкина мама, они жили в Домикановке. Всё, да и Репища, потом вот Жуковка, Матица — это всё были одни белорусы. Вот где видите тополя, это всё были одни белорусы. Деревни и хутора были. Да, вот Гречухинский хутор был, потом Копанёво. Вот так и сейчас у нас Копанёвские лога, такие названия. Морозовка-то была большая тоже. Большие деревни были, хорошие, красивые, чистенькие такие, а потом всё поразделявалось, все деревни, сейчас уж там нет ни Домикановки, ни Борейко, ничего. Ещё Морозовка как-то вот маленько тут держится, домов сколько осталось, потому что близко Малая Сива, центр, школа и всё было...*» (д. Морозовка). В окрестностях деревни Борейково старожилы ещё и сегодня помнят места хуторов: «...поблизости были хутора Бурыловский, Горбуновский, Бабарикинский, Гончаровский, Авлуковский и др. Вдаль речки Краковки были деревни Федосово, Репища, Матица, Жуковка...» [Федосеева 2001, 4].

Почти все хуторские поселения как в официальных документах, так и в обычном разговоре именовались по имени владельца. В то время как переселенческие посёлки, а позднее и деревни имели собственные названия. На карте Сивинского имения Крестьянского поземельного банка отмечены названия некоторых посёлков, например Могилёвский, Оршанский, Беззубиковский, Корсаковский, Морозовский, Ядринский (ПКМ. Карта Сивинского имения Крестьянского поземельного банка). Позднее часть поселений известна под теми же названиями — деревни Морозовка, Ядринцы. Другие сменили прежние названия — по реке Краковка, на которой они отмечены позднее, известны деревни Жуковка,

Матица, Репище и др. Окончательно название поселений, видимо, сформировалось лишь к 1920-м годам, когда прекратилось миграционное движение в Сивинское имение.

Достаточно сложно судить о планировке поселений, так как к моменту полевого исследования большая их часть не существовала. Хуторские поселения включали крестьянскую усадьбу с расположенными рядом земельными угодьями. Нередко хутора состояли из нескольких усадеб родственников, поставленных поблизости друг от друга. Сохранившиеся деревни Морозково, Мошково, Шестинка имели уличную планировку и представляли собой поселения, состоящие из одной улицы, с расположенными по двум её сторонам усадьбами. Планировка некоторых других поселений реконструируется по воспоминаниям уроженцев этих деревень. Уличную планировку с усадьбами, размещёнными по обеим сторонам улицы, имела деревня Борейково.

Рядовая планировка улицы была у деревни Жуковки. Обычно такая планировка, когда все усадьбы ставились в один ряд, была характерна для небольших деревень. На одной стороне улицы располагались усадьбы, а на другой — огороды: *«Улица была прямая, как стрела, и просматривалась деревня от начала до конца. Вот снизу была река, затем подъём — сенокосное угодье, затем огороды крестьянские — это всё по одну сторону, а дома по другую. Наш дом, против нас через улицу — огород. Дома располагались вдоль реки Краковка в одну линию...»*. Видимо, схожую однорядную планировку имели и другие небольшие деревни.

Организация поселений была предельно проста, так как деревни были малодворными, все они состояли преимущественно лишь из крестьянских усадеб. Деревни огораживали, на въезде устанавливались ворота: *«В начале деревни и в конце были ворота. Они открывались и закрывались. Был такой порядок, если я вошла в ворота или въехала, я обязательно за собой должна закрыть. Вышла оттуда, опять же закрыть»* (д. Жуковка). В непосредственной близости от деревень располагались пастбища для скота, сенокосы и поля. Общественные здания в белорусских деревнях стали появляться только в советское время. На окраине деревни обычно возводились производственные помещения — склады, кузницы, конные дворы, фермы. На деревенской улице строились школы и клубы. Белорусские поселения не имели своих отдельных кладбищ, пользовались общими православными кладбищами в русских сёлах Екатерининском, Чурсово (Громово), Сатино, Серафимовске, Сиве, а позднее и в других.

Усадебные комплексы пермских белорусов представлены несколькими типами, отличающимися соединением жилых и хозяйственных помещений — однорядным, покоеобразным и открытым¹. При однорядном соединении хозяйственные постройки располагались непосредственно за жилыми помещениями и соединялись общей крышей. При покоеобразной застройке жилые и хозяйственные помещения располагались по периметру двора. Ещё одним вариантом усадебного комплекса был открытый с отдельно стоящими жилыми и хозяйственными постройками на открытом дворе. О приоритетах в выборе планировки усадебного комплекса отмечали: *«Избы каждый по-своему ставил»*. При этом открытые дворы характеризовали так: *«У белорусов изба тут стояла, а конюшня через дорожку»* (д. Мошково); *«Дом стоял, а конюшня отдельно, конюшня за огородом, сбоку. Баня совсем, было принято, в другой стороне»* (д. Ядринцы). Открытые усадьбы многие информаторы считают характерной чертой именно белорусских переселенцев, отмечая: *«Двор, у нас они более открытые были. У них же все они под заборами, всё глухо, а у нас открыто было...»* (д. Борейково). О линейных однорядных дворах отмечали: *«Да, все под одной крышей стояли»* (с. Сатино).

Такие же типы застройки характерны и для соседнего русского старожильческого населения северной части Сивинского района, с той лишь разницей, что закрытые однорядные усадьбы преобладали среди других вариантов планировки, а открытые дворы получили распространение позднее.

Из хозяйственных построек в усадьбе располагались хлева и конюшни для скота, число их разнилось в зависимости от зажиточности хозяев: *«Были две конюшни, одна конюшня, там лошадь держали, а другая — там овцы»* (с. Сатино); *«У матери одна избушка была и конюшня для скота»* (д. Мошково).

Для хранения сена к конюшне часто пристраивалось дополнительное помещение, сегодня чаще всего именуемое сараем. Однако в Сивинском районе сохранился и белорусский термин этой хозяйственной постройки — *пуня*: *«Вот строилась конюшня, и пристроена вот такая пуня. Она предназначена для сена»* (д. Ядринцы). Бытование термина *пуня* характерно для обширного региона северо-восточной Белоруссии

---

¹ Белорусскими этнографами при определении типологии жилища часто используется другая терминология. Для однорядной планировки используются термины «линейная» или «погонная», а для других типов — «периметрический», «круглый» или «веночный», а П-образные рассматриваются как один из вариантов [Белорусы 1998, 230; Молчанова 1968, 74].

[Милюченков 2011, 282]. В деревне Березники постройка усадьбы, также известная как пуня, обозначала помещение для молотьбы и хранения снопов: «У каждого была хозяйственная постройка, пуня, стенки срублены, три стенки из брёвен, крыша, там пол, тут же молотили. Она только для молотьбы». В таком значении термин *пуня* также отмечен в северных районах Белоруссии [Милюченков 2011, 282]. Пуней могли называть и хозяйственную постройку, служащую для хранения сельскохозяйственного инвентаря (веялок, деревянных лопат и др.), также располагавшуюся недалеко от гумна (д. Домикановка). Вариантом названия этой постройки, также служащей для хранения снопов и стоящей отдельно у молотильного сарая, может быть термин *гуня*, отмеченный в деревне Борейково: «Около деревни на окраинах полей ставили гуни (постройки для хранения под крышей снопов зерновых культур)» [Федосеева 2001, 4].

Ещё несколько терминов, использовавшихся для обозначения отдельных хозяйственных построек, отмечено у пермских белорусов. В Домикановке и Борейково вспоминали о тёплой хозяйственной постройке *стопка*: «А тут была, стопка называлась. Почему-то стопка — маленький домик, где гнали самогон. Самогон гнали, и там дед давил конопляное масло. Была такая сделана давилка. Давить конопляное, льняное масло. Это всегда было своё. Отдельно она стояла...» (д. Домикановка). В традициях метрополии также отмечен термин *стопка*, употребляемый в значении отдельно стоящей хозяйственной постройки или подсобного помещения в составе жилища. Одной из особенностей постройки является наличие в ней печи [Милюченков 2011, 274]. В таком значении, видимо, она и сохранилась в Пермском Прикамье.

В комплексе усадебной застройки располагались также амбары для хранения зерна: «Раньше, когда жили одиночно, свой амбар был, хлеб хранить надо было» (д. Березники). Часто амбары использовались не только для хранения зерна, отдельные амбары ставили и для хранения утвари и других продуктов. В таких амбарах могли располагать сундуки с одеждой, на жердях развешивали домашнюю колбасу и т. д.

Погребы-ледники в прошлом также старались разместить в каждой усадьбе. Весной в ледники набивали снег и в течение лета в них хранили скоропортящиеся продукты: «...обычно там летом хранили молоко, капусту, брагу ещё». Зимой ледники могли использовать в качестве овощной ямы для хранения картофеля, репы, моркови, свёклы. Наиболее полное описание особенностей хранения продуктов в леднике получено от уроженцев деревни Борейково: «А вот яма — ледник мы

называли. В амбаре была выкопана яма. С той стороны, с одной стороны был, выпилены брёвна, и дверь была такая, двойная, даже с льном забита, заколочена. Доски, потом лён, потом снова доски. Пролойка такая была. Вот в эту дверь закидывали снег. У нас снег закидывали, некоторые вот лёд. А у нас речки-то такой не было. Утрамбовывался. Потом на этот снег — солома, а на солому уже пихта. Пихтовые веточки накладывали. И, ну, сначала в снегу делали углубления, что там, потом закрывали крышкой из дерева, из досок. И вот, солома и пихта. А что такое, чтоб не морозило там, по бокам и вокруг были как бы тоже полочки, и там уже такое хранилось, ну, допустим, яблоки или там капуста кочан. Это в снег не толкали. А там в основном было мясо, сало...».

Лишь для зажиточных хозяйств до периода коллективизации было характерно наличие сараев для сушки и молотьбы хлеба — токов или гумен, ставившихся на определённом удалении от остальных построек усадьбы. О гумнах вспоминает лишь старшее поколение информаторов. В деревне Березники, например, на 30 домохозяйств, только в четырёх имелись гумна, или, как называли их в деревне — ток: «У нас деревня 30 домов, а было четыре тока на деревню — Михеевский ток, Пётров, Андреев и Лисовского» (д. Березники). Часть токов представляла собой крытый сарай для молотьбы хлеба, а в некоторых имелись также срубные овины для дополнительной сушки снопов. Одним из терминов, обозначающих овины для сушки снопов, была номинация *евня*.

В стороне от усадьбы располагались также бани, в прошлом топившиеся «по-чёрному», а позднее — «по-белому». Бани «по-белому» часто уже включались в основную застройку усадьбы, ставились непосредственно за другими усадебными постройками. В то время как в прошлом часто они ставились отдельно от основной усадьбы, ближе к водоёму, на противоположной стороне улицы, напротив усадьбы: «Бани делали каждый. Бани вот на логу или, если речка рядом, дак на берегу речки, чтоб воду носить. В баню с речки воду носили всё...» (с. Буб); «А баня у нас через дорогу стояла на другой стороне улицы» (д. Домикановка). Белорусский термин для обозначения данной надворной постройки в Пермском Прикамье уже не сохранился.

Большая часть белорусских поселений располагалась вдали от значительных водных источников, на водоразделах. Поэтому проблема со снабжением водой существовала, особенно в первые годы становления хуторского хозяйства. Воду для питья и хозяйственных целей в этот период брали из ключей, небольших рек и ручьёв. Однако в дальнейшем основными источниками водоснабжения на хуторах и в деревнях

стали колодцы. Администрация Крестьянского поземельного банка была озадачена организацией системы водоснабжения переселенцев на хуторах и в посёлках. На возведение колодцев банк выделял средства и организовывал работы по их обустройству (ГАПК. Ф. 204. Оп. 1. Д. 98, 76, 70). Колодцы строили и сами крестьяне, поэтому большинство информаторов во время полевых исследований указывали на них как основной источник воды в поселениях: *«У нас даже реки не было, а воду брали с колодцев»* (д. Домикановка); *«У каждого дома колодец. У каждого. Вот у нас колодец был. И почему-то каждый делали. У Петровых свой колодец, у Глушаниных там свой колодец, у всех свои колодцы. Это редко, если два-три дома одним колодцем пользовались»* (д. Жуковка).

При хуторском расселении скот обычно пасли на огороженных выгонах-поскотиных. В этом случае не всегда существовала потребность обносить усадьбу изгородью, информаторы часто отмечают: *«Дом не огораживали, а участок рядом, где садятся овощи, это место огораживали тыном, тын назывался. Вот ставятся столбы и три перекладины, и сучья еловые, их срубали, очищали, закладывается таким манером, с одной стороны и с другой, никто не пролезет, и долго стоит»*; *«Дворы были, но у нас не огорожены, у нас как стояли, вот два дома, тут стоял амбар и конюшня, ни ворот не было, ничего не было...»* (с. Сатино). В то же время деревенские усадьбы обычно обносились изгородью, воротами на улицу.

Пермские белорусы и сегодня жилище часто называют *хата*, хотя используют и другие названия — дом, изба. В Прикамье отмечено несколько вариантов традиционного жилища, наиболее простым и распространённым следует считать однокамерное, а чаще двухкамерное жилище в варианте изба — сени. Так как жилое помещение в таком варианте не было перегорожено капитальной стеной, для его обозначения могли использовать термин *четырёхстенки, четырёхстенка*: *«Были четырёхстенные избы, если нет перегородки, то это четырёхстенка»* (д. Березники). Информаторы отмечают бытование и более сложного варианта жилища — трёхкамерного, в котором две жилые избы были соединены между собой сенями. Одна из изб при этом использовалась как постоянное, зимнее, жилище, другая служила в летнее время.

Часто избы называли и по-другому: передняя и задняя. Задняя изба могла при этом служить исключительно хозяйственным целям. Широкое распространение получил ещё один вариант жилища — пятистенки, жилое пространство которого было разделено капитальной бревенчатой стеной.

Технология возведения жилых и хозяйственных построек белорусов во многом была близка той, что использовали русские соседи. Постройки часто возводили без фундамента, укладывая первый венец сруба прямо на землю либо на вкопанные под углы сруба чурбаки. Традиционные белорусские жилища в Прикамье, особенно в первые годы пребывания переселенцев, были невысокими, или совсем не имели подклета, или подклет низкий. Нижняя часть жилища для тепла присыпалась земляной завалинкой. Основной строительный материал — деревья хвойных пород: сосны, ели, пихты. Постройки были преимущественно срубные, рубленные «в чашу» («в обло»), приёмом, получившим широкое распространение у славян в лесных районах. Для хозяйственных построек использовалась также заплотная техника, реже «в лапу» без остатка.

Отличались от широко распространённых в Прикамье также материалы и способы покрытия крыши: часто её крыли соломой либо использовали деревянную дранку. Соломенные крыши чаще всего сооружались на хозяйственных постройках. Дома, а нередко и амбары старались покрыть тёсом. Для покрытия крыши использовали длинную ржаную солому из снопов, при этом на крыше жерди-слегги старались делать почаще, нежели для тесовой крыши. Использование дранки для обустройства крыш в этом районе имело широкое распространение и характерно не только для белорусов, отмечено и у других народов, осваивающих в этот период Сивинские земли, прежде всего латышей и эстонцев [Черных 2010, 102]. Изготовление дранки было механизировано: *«Ниже кузницы поставили колесо с ножами, это колесо крутили две лошади. Ножами чурки расщеплялись, и получалась дранка, ею крыли крыши»* (д. Борейково) [Федосеева 2001, 4].

Традиционный интерьер крестьянского жилища, характерный для белорусов-переселенцев, в настоящее время не сохранился. Современный интерьер близок к городскому: жилище разделено на комнаты, приобретает мебель фабричного производства.

В прошлом одну четвёртую часть избы занимала битая или кирпичная печь, поставленная справа или слева от входа. Информаторы указывают на некоторые характерные черты, свойственные именно белорусскому жилищу, которые можно было увидеть в старых домах в Прикамье. Среди них традиция обращать печь устьем к боковой стене от входа, а не к передней, как делали русские и другие народы Пермского края. Обеденный стол ставили напротив устья печи, *«тут в прихожей стол у порога, где едят обычно...»*. За печью у боковой стены

до передней стены располагался широкий помост, использовавшийся как спальное место. Вдоль передней и боковой стен стояли лавки, в некоторых домах имелись полаты. Такой интерьер жилища был близок тому, что был распространён в Белоруссии [Молчанова 1968, 111–123]. Наиболее подробное описание традиционного интерьера избы, сохранявшей специфические черты белорусского жилища, получено из деревни Домикановка и свидетельствует, что ещё в 1930-е годы специфика белорусского интерьера сохранялась в старых домах: *«Как заходишь — направо у нас была печь большая, челом вбок. Печь битая была. А напротив печи стоял стол, напротив чела. У печи тут кадка стояла деревянная, где скота поить наводили. Вот как заходишь — слева печка, справа — стол. Печка большая была, на печке спали, и дальше идёшь, и там от печки большие полаты шли до самой стены передней. А под полатами был ещё сделан настил, тоже на нём спали, деревянный. Название я уже не помню. И ещё заборочка была. Отделяла как комнату. Это у бабушки с дедушкой такой дом был, сколько я помню. А у родителей, тоже 1930-е годы, мы потом уже переехали из деревни перед войной, у них уже всё по-другому было. Настила не было такого. Полатей не было, просто кровати стояли».*

Позднее традиционный национальный интерьер начинает сближаться с интерьером, характерным для домов соседнего населения: изменяется расположение печи, на смену спальному помосту приходят кровати, стол может размещаться в переднем углу, появляется разделение дома на отдельные комнаты и зоны. Уже к середине XX века традиционный интерьер белорусского жилища выходит из бытования на территории Пермского Прикамья. Возможно, одной из причин стали ликвидация хуторских поселений, перевоз хозяйств в крупные сёла и деревни, что заставляло на новом месте обустраиваться заново.

ОСОБЕННОСТИ ТРАДИЦИОННОЙ КУХНИ БЕЛОРУСОВ В ПЕРМСКОМ ПРИКАМЬЕ

Одним из комплексов культуры народа являются система питания и традиционная кухня, на формирование которых оказывают влияние природные условия, хозяйственная деятельность, сложившиеся традиции питания, религиозные и мифологические представления, межэтническое взаимодействие [Липинская 2001; Майничева 2001, 111]. Кухня белорусов Пермского края формировалась на основе привнесённых переселенцами традиций. При сохранении на новой родине

земледелия и животноводства как основных отраслей хозяйственной деятельности она не утратила своей основы. В то же время её развитие в Прикамье происходило в несколько ином природном ландшафте, а также во взаимодействии с культурой соседнего, преимущественно русского, населения.

Основным продуктом питания белорусов, как и многих земледельческих народов Восточной Европы, был хлеб [Никифоровский 1895, 3; Русский Север 2004, 373; Белорусы 1998, 310]. У белорусов Прикамья хлеб также занимал важное место в рационе. Чаще всего выпекали хлеб из ржаной муки. В деревне Ядринцы отмечали, что караваи чёрного хлеба обычно называли *караваями*, а хлеб, испечённый из пшеничной муки, именовали *ярушниками*. На бытование такой же терминологии указывали жители деревни Жуковки. Пшеничную муку, чаще всего приобретаемую на базарах, именовали *крупчаткой*. Эти термины широко использовало соседнее русское население края [СРГКПО 2006, 272; СПГ 2000; СПГ 2001].

Хлеб выпекали на поду русской печи, в зимнее время просто подметая под, а летом помещая тесто на капустные листья: *«Раньше пекли вот летом на капустных листьях, когда его достанут из печки, спекётся, помню, вот бабушка у нас водичкой помоем так и поставит на ребро, чтобы стекло, он быстренько горячий обсохнет, и чистый хлеб, никакой золы, ничего нет...»* (д. Ядринцы). Для приготовления хлебной закваски использовали разные способы. Тесто заквашивали мелом, приготовленным из отвара хмеля. Более распространённым вариантом, на который указывали многие информаторы, было приготовление квашни на квасе: *«На квасу заделывала тесто, муку размешивала... Ну, вот квас, у нас всегда был квас в доме, не выводился. Обыкновенный просто квас. Налёт туда, размешает — и всё...»* (д. Борейково); *«Ржаной хлеб больше пекли. [А хлеб на чём заквашивают?] А хлеб квасили, квас нальёшь, вот и заквашивали. Квас этот нальёшь, с хмелем — и хлеб. Муку мешаешь, растворишь, потом утром пригустишь. [А если кваса нет, на чём хлеб ставят?] Все раньше имели квас, мне кажется. Дрожжей раньше не было»* (д. Березники). В некоторых семьях для закваски готовили специальные лепёшки из отварного картофеля: *«Помню ещё, заквашивали, картошку в мундире сварят, растолкут её и вот её ставили, чтобы она забродила. А потом, когда она забродит, воды добавляют, ещё побродит, в это банку как-то сливали и вот этим разводили тесто на хлеб...»* (д. Ядринцы). Хмельная закваска была известна и соседнему русскому населению Прикамья и широко представлена

в восточнославянских традициях [СПГ 2000; Белорусы 1998, 311; Зеленин 1991, 144], тогда как картофельная закваска характерна только для традиции переселенцев в регионе.

Хозяйки, часто выпекавшие хлеб, не каждый раз использовали новую закваску для приготовления теста, оставляли немного старой квашни: *«У нас обычно хлеб пекли как, хлеб вот всё убрали из квашни, убрали и туда сразу мама горсть соли и немножко муки, и кружечку воды, и как бы это будет закваска на следующий хлеб»* (д. Жуковка).

Известны были белорусам в Прикамье и рецепты суррогатного хлеба, его пекли в тяжёлые неурожайные годы. В качестве добавки к муке использовали высушенный и смолотый полевой хвощ, головки клевера, лебеду.

На праздники выпекались пироги с разной начинкой. Для праздничных пирогов старались использовать пшеничную муку либо ржаную, соединённую с пшеничной. Закрытые пироги пекли с разнообразной начинкой: с мясом, рыбой, грибами, капустой. С рыбой и ягодами могли выпекать пироги и без верхней корки. Сладкие пироги обычно делали с ягодами — смородиной, малиной, черёмухой. Для приготовления начинки из черёмухи ягоды сушили, затем мололи, иногда смешивали с солодом, разводили кипятком до густой кашицы и помещали в тесто. Летом часто стряпали небольшие пирожки из пресного теста с начинкой из капусты, побегов хвоща полевого — пистиков, а также *цыбуляки* — пирожки с начинкой из зелёного лука.

В праздничном рационе пермских белорусов были и традиционные для народов Прикамья шаньги, которые выпекали как из пресного, так и квашеного теста, с разнообразной начинкой — картофелем, творогом, горохом, сметаной. Несомненно, традиция приготовления пресных и квашеных шанег является заимствованием из прикамской кухни.

Праздничной выпечкой и лакомством считались *лопики* — орешки из теста, которые подавали заправленными сладкой сметаной: *«Лопики мама готовила. Лопики мы называли. Это было тесто из белой муки, разводилось простоквашей, раскатывалось в жгутик и нарезалось. Потом эти шарики на сковороду, печка русская топилась, на сухую сковороду клали — и перед печкой, когда уже не сильный огонь. И они быстро запекались. Складывали в чашку. Потом сметана разводилась с сахаром, и заливались эти лопики. Потом она как-то так их потрясёт, и они все были в этой сметане с сахаром. “Садитесь, ребята, есть”, — и кто с молоком, кто с чаем эти лопики едят»* (д. Папоротка).

В традиционной кухне пермских белорусов особое место занимали также лепёшки из теста, известные в разных вариантах. Простые лепёшки *цаци*, *цацни*, *цецень* готовили из хлебного теста на сковороде перед открытым огнём русской печи. В деревне Седьминке лепёшку *цецень* готовили из картофеля, смешанного с непросеянной овсяной мукой: «*Цецень — это лепёшка. Это значит картошку, спарят её, потолкут, туда муку овсяную непросеянную вместе с посеяками, ну пошлют, помешают, достанут, маленечко покатают в этой овсяной муке. Этот цецень на сковородку, приплющит, такая она, как блин толстый. И при печке на угольки поставит. Печка топится, он сверху на угольках. Мама поломает кусками и нам даёт*». Хлебные лепёшки под разными названиями широко представлены в белорусской традиции [Народы 1964, 849; Молчанова 1968, 191; Никифоровский 1895, 7], однако известное в Прикамье название не является широко распространённым в Белоруссии и, скорее всего, характеризует локальные традиции восточной части региона.

Известны были белорусской кухне Прикамья блины и оладьи. Блины готовили как из кислого, так и неквашеного теста. Тонкие блины готовили на пресном тесте: «*Блины были разные. Блины были на пресном тесте, так и говорилось: “Сегодня блины у мамы будут на пресном тесте”. Оно жидкое, как правило, яйцо, молоко, мука, и тонкие*» (д. Жуковка). Соседнее русское население часто указывает на пристрастие белорусов к толстым кислым блинам, которые переселенцами именовались *табани*, *табаны*. Табани также готовили на сковороде «перед печью» и ели со сметаной: «*Тонкие блины никак, а вот толстые на кислом тесте, помню, называли табани, они такие пышные, толстые. Напекут, потом их сметаной помажут, сахаром немножко посыпят, потом следующий, так целую стопу, в печку поставят, погреются, и треугольниками разрезают, берём и едим, очень вкусно...*» (д. Ядринцы); «*Табани ещё перед печью пекли. А тоже из теста, такие толстые. Вроде блинов. Только толстые. На сковородке, да. А потом салом помажешь и ешь*» (п. Северный Коммунар); «*А то делались также табаны на опаре, квашеные и толстые, они пышные такие, вот рукой надавишь — это всё ужалось, раз, отпустил — разошлось. Табаны называли. Табани — почти что, как оладьи. Они такие вкусные были, что их не надо было ни с чем макать. Они сами по себе были*» (с. Сива). Несомненно, *табани* — термин пермского происхождения, от «таба» (татар.) — сковорода. Кислые блины с таким названием широко известны народам Прикамья — русским, удмуртам [Черных 2007, 143; СРГКПО 2006, 235;

СРГ 2000]. Возможно, табанями белорусы стали называть в Прикамье традиционные блины или лепёшки, раньше имевшие иное название. В деревне Седьминке толстые блины были известны под названием *чечёхи*: «Чечёхи — это толстые блины. Тоже мука, много яиц, на молоке, и вот они получались толстые блины — чечёхи». Ещё один вариант названия толстых блинов *топаны* отмечен в деревне Жуковке: «У бабушки, у них как-то топаны, они толстые и жёлтые такие. Из очень хорошей, бабушка крупчатки называла, муки. Много яиц, потому что я их взбивала очень сильно, она меня заставляла. Пока у неё печь там топится, я всё взбивала, взбивала. Потом она, значит, муку уже, тесто. На молоке, на чистом. И перед печкой пекла их. Очень вкусно».

Мука и тесто использовались и для приготовления многих других блюд. Из пресного теста готовили *клёцки* и *лапшу* для супа. Клёцками или лапшой заправляли суп, сваренный на мясном бульоне, добавляя в него также картофель. С клёцками могли приготовить и молочный суп. Из муки готовили *затёрку*, *затирку*: «Это с муки, затёрка называлась. У нас такие мучные корытчики были, муки насыют в корытчику это, а потом рукой водички маленько льют, и рукой так шоркают, нашоркают. Затёрка называется. Это вода с мукой камушками делается, крупинками. Затёрка. И потом в кипяток эту затирку сытют, сварить, молоком забелишь...» (д. Мошково). Клёцки, домашняя лапша и затирика характеризуют белорусскую кухню и в других районах расселения народа [Белорусы 1998, 312; Молчанова 1968, 194–195].

Кулеш, известный белорусам Прикамья, также относят к традиционным блюдам белорусской кухни [Белорусы 1998, 312; Молчанова 1968, 194–195]. О популярности этого блюда у пермских белорусов свидетельствуют информаторы: «Кулеш — это первая еда у нас была» (д. Березники). Кулеш готовили из муки, чаще всего пшеничной. При этом разными были рецепты его приготовления. В одном случае муку кипятили с водой, а затем смешивали с обжаренным салом или шкварками. В другом — кулеш готовили на сковороде: сначала обжаривали сало, а затем добавляли воду и муку, доводя блюдо до готовности. Особенностью кулеша пермских белорусов было его обязательное приготовление с салом и шкварками. «Из муки варили со шкварками, назывался кулеш. Муку разбалтывают в воде, другая вода кипит, чтобы камушков не было, заливают муку, размешивают, закипело, всё сварилось, вот сало пережаривают и тоже туда, вот тоже еда. Иногда и сейчас делаю, мне нравится» (д. Мошково); «Кулеш делали. Брали муку, в основном, конечно, ржаную. Кипятком заваривали в чугушке, перемешивали.

Мы на маленькой печечке, как буржуйка сейчас называют, мешаем. А шкварки на сковородке поджаривали в этой же печи в русской. Или можно на этой же печечке, если место есть. И туда засыпаем, перемешаем, посолим, если есть желание — лук мелко нарежем. И уплетаем, знаешь, как вкусно. Это кулеш...» (д. Борейково).

Таким образом, хлеб и мучные блюда имели широкое распространение в системе питания белорусов и отличались как разнообразием блюд, так и вариативностью рецептов.

В повседневном питании значительное место отводилось также крупам и кашам. Пермские белорусы для приготовления каши использовали гречневую, ячменную, пшённую крупы, горох. Кашу из гороха иногда называли особо — *горошница*. Иногда её варили с мясом. *Крупеня, крупень, крупеник* — под этим названием бытуют блюда, приготовленные из круп. Известно много разных рецептов приготовления крупени. Большинство информаторов так называло кашу из ячменя, приготовленного особым образом, с мясом: *«Ячень мочат, чтоб разбух, потом сушат, потом толкут, шкурка обдирается с него, шелуха уберётся, просеивают и потом варили этот крупень с мясом»* (д. Ядринцы). Крупа домашнего приготовления из ячменя или пшеницы, по мнению информаторов, была основным ингредиентом блюда: *«Значит, самоделишная была эта крупа. Из пшеницы чаще. Делали и из ячменя. Ячень был, но ячень обрабатывается очень плохо в ступке, а пшеница легче обрабатывается. Делали из ячменя тоже. Ячменная крупа, пшеничная. Зерно сушили сначала, а потом в этой ступе-то толкли специальным толкачом. Толкач был такой деревянный. Как пест. И середина-то с выемкой, вот так рукой брать»* (д. Жуковка); *«Пшеницу хорошую отбираем, в ступу насытем пшеницы, немножко водички плеснём и толкём. У нас обычно ребят заставляли. Толкём, толкём. Потом это промывается — и в горшок. Такие крупные делаются, такая вкуснятина. Ну, из ячменя редко делали, всё больше из пшеницы»* (д. Борейково). Позднее крупней могли называть и суп, приготовленный из покупной перловой крупы с мясом: *«Крупеня — это суп перловый. Суп и крупа, вот называли крупеня»* (д. Березники).

В Мошково и других деревнях отмечали рецепт приготовления крупени с добавлением картофеля: *«Делали крупеня по-могулявски, если перловая крупа с мясом, маленько картошки, то это крупеня»* (д. Мошково); *«Крупеня. Готовилась она в чугушке, и всё вместе складывалось. Мама складывала всё рядами: картошку, там мясо кусок, вот эту крупну. Вот крупеня — одно из основных блюд. Всё это сложили в чугушку,*

там подсолили и туда луку покрошат, чесночка, что ещё, укропчик. А потом в печь, оно как утомится там, утушится, ой, достанут эту чугунку, аромат на всю хату» (д. Жуковка). В Белоруссии также основными блюдами из крупы являлись каши и крупеня [Молчанова 1968, 195–196; Никифоровский 1895, 14–15].

К древнейшим блюдам славянской кухни, сохранившимся только в обрядовой кухне, можно отнести *кутью*, приготавливаемую для поминального стола, а также для рождественской трапезы. Кутью готовили из пшеничных или ячменных зёрен с мёдом, позднее — из риса с добавлением изюма. Однако известен был белорусам Прикамья и другой вариант кутьи: *«Сейчас, как правило, варят кутью — рис с изюмом. А наши просто водичку разводили и туда крошили крошечки. Это было первое поминальное блюдо. Вода и крошки хлеба. За стол сели, если поминать, то первую надо ложку взять кусочек этого хлеба»* (д. Жуковка).

К одним из древнейших блюд славянской кухни относят и *кисели*, имевшие широкое распространение у всех восточных славян [Зеленин 1990, 150]. Пермские белорусы чаще всего готовили кисель из овсяной муки, такой кисель называли *овсяным*. Его варили как на воде, так и на молоке: *«Овсяный кисель делали, молочный овсяный и немолочный»* (с. Буб). Овсяный кисель характеризовал как традиции Белоруссии [Никифоровский 1895, 13], так и широко был распространён у русских Пермского края. Кисели, в основе которых была овсяная или ржаная мука, были наиболее архаичными вариантами этого блюда. Одним из названий такого мучного киселя был *кислый* или *квашеный кисель*, так как его готовили из муки, заквашенной так же, как и для приготовления хлебного теста: *«Квашеный кисель у нас делали. Муку заквасят и сварят так же вот, как кисель. Он кисленький такой»* (д. Березники). Известен был *гороховый кисель*, приготовленный из гороховой муки. Позднее с распространением картофельного крахмала в пищу часто употреблялись сладкие ягодные кисели. С добавлением картофельного крахмала на молоке готовили и молочный кисель.

В народной кулинарии использовались и продукты огородничества. Повсеместно отмечали обычай приготовления овощных парёнок из свёклы, моркови и калеги (брюквы): *«Парёнки делали. Морковку, кусочки морковки, калеги, больше всего калега у нас шла. Такие были у нас, противини сейчас называются, а у нас как-то по-другому... Вот так вот, солода, муки мама посыплет, ржаной, сладенькой, пророшенная, и на них вот эти овощи-то нарезанные, и в печку. Там всё высыхает.*

Потом в эти, в полотняные мешочки, на полати. Мы иногда даже, это, брали там и ели. Зимы-то длинные, на печке сидим, ждём, когда пурга закончится, чтоб на улицу выскочить» (д. Борейково). Одним из блюд были парёнки с услом.

Овощные каши из печёных овощей также часто присутствовали на повседневном столе, например *морковная, репная, калезная каша*. Капуста была постоянно на крестьянском столе, особенно в зимнее время часто употребляли капусту, которую помногу солили на зиму. Например, *пластовую солёную капусту ели со свиным салом: «Сало нажарят, капуста солёная пластами бывает. Вот эту капусту пластами берут, макают в сало и едят»* (п. Северный Коммунар). Солёная капуста использовалась и для приготовления других блюд. Щи из квашеной капусты были известны пермским белорусам как *капустнича, капустный суп*. Капустницу варили на мясном бульоне: *«Капустнича уж обязательно с салом. Сала кусок приносят. Нарезают, варят с капустой и едят. Это как похлёбка. Семьи большие были, тринадцать человек, всех ведь чем-то накормить надо было»* (п. Северный Коммунар); *«Мы просто называли капустный суп, солили и потом добавляли капусту в суп, из солёной капусты»* (д. Борейково). Способы засолки капусты на зимний период также были вариативны. В деревне Борейково, например, были известны два вида солёной капусты: *«У нас была серая капуста и белая. Из серой щи, в основном, варили, белую — так ели. Серую капусту из верхних листьев делали, из зелёных, их отдельно засаливали для супа. А белую уже квасили в основном»*.

Известны были и другие овощные супы. Летом из зелёных листьев свёклы варили *свекольник*, или *ботвинью*, часто на сыворотке, оставшейся от приготовления творога. Один из рецептов свекольника бытовал в деревне Ядринцы: *«Когда творог сделают, на этой сыворотке варили свекольник, ещё называли ботвинья, из листьев свёклы, сам листочек убираешь, черешки нарезают, в воде поварился, потом заливаешь этой сывороткой, она же кисленькая, вот сварят, потом со сметаной едят...»*. Овощной суп из листьев и стеблей свёклы, который готовили в летнее время, под названием *ботвинья* известен и на основной этнической территории белорусов [Молчанова 1968, 197]. Свекольником могли называть и любой суп, приготовленный со свёклой, в том числе и с корнеплодами, в настоящее время больше известный как борщ. *«Свекольник — суп со свёклой, если свёкла там. Свекольник, его из свёклы, надо натереть и нажарить, нажарить, с картошкой. Вкуснятина, конечно»* (д. Березники).

Блюда из картофеля являются одними из наиболее распространённых в белорусской кухне. Исследователи так характеризуют традиции использования картофеля: «По разнообразию картофельных блюд с белорусами не могут сравниться ни украинцы, ни русские...» [Молчанова 1968, 199]. Пермским белорусам было известно несколько рецептов картофельной каши. Варёный и растолчённый картофель называли по-белорусски *камы*, или *толчёная картошка*. Один из рецептов приготовления блюда *камы* отмечен и у переселенцев Зотинских хуторов: «Любимое блюдо у белорусов — это *камы*. Это знаете, что такое. Вот картошку отварят, её толкут, ну как бы торе сделают. А отдельно жарится сало, и не одно сало, а с кусочками мяса, с луком. А потом эту картошку мешают с этим мясом, с салом. Делают на сковородке так, как ком. И ставят в печь, когда не очень жарко. И картошка там постоит, *камы*, потом на стол на серединку так поставят, и это всё ели. Эта верхняя корка такая вкусная, и вообще, эти *камы* замечательно... Но мама иногда с одной стороны разрежет, а с другой потом» (с. Буб). *Жарохой* называли толчёный картофель с яйцом, томлёный в печи (д. Мошково).

Другим вариантом каши было блюдо из тёртого картофеля: «*Кашу варили, наделаешь на драчку картошку, нашоркашь — и в печку, с маслом или с салом...*» (д. Мошково); «*Картофельная каша, вот картошку натрут... И вот в эту натёртую картошку ещё добавляла мама сметану свежую, прямо с горшков такую хорошенькую сметанку — и в печь. Как бы томится там. И потом вот эта каша картофельная получается такая вкусная, потому что картошка протёртая и со сметаной*» (с. Буб).

Из тёртого же картофеля делали картофельные клёцки: «*Картошку на тёрке натрут, выжмут и шариками накатают, а потом эти шарики в кипячёную воду бросают, в простой воде сварить подсолёной, а потом вода закипит, молоко добавят, получают клёцки с молоком*» (д. Мошково); «*Потом у нас ещё делали суп с клёцками, тоже из картошки. Картошку натрут, надо сильно отжать, эта жижа-то уходит, там крахмал настоится. И вот это вот, то, что остаётся, отожмёшь марлей или платок, эта кашница твёрдая. И делаешь такие шарики — клёцки. Потом молоко вскипятят, и клёцки туда, и немножечко поварят, и получается молочный суп с клёцками...*» (с. Буб).

Сохранилось у пермских белорусов и такое блюдо традиционной кухни, как *драники*. Рецепты их приготовления различались несущественно: «*Драники обязательно стряпали. На тёрке натираешь картошку, у кого есть яички, яички добавят, нет, немножечко муки добавят,*

на сковородке пожарят их и потом едят со сметаной...» (д. Ядринцы); «Драники всегда делали, но драники обязательно, у нас даже отец вот когда жил, всегда говорил матери: “О, могулька! Всю картошку съела”. Могули — это белорусское чисто, могули. Очень любили картошку...» (п. Северный Коммунар).

К блюдам из картофеля можно отнести и картофельные лепёшки, бытовавшие в некоторых хуторах Сивинского имения, известные как *коржи*, *картофельные коржи*. Способы приготовления коржей так характеризовали информаторы: «Картошку в мундире сварят, потом очистят. И с мукой в ступе истолкут, и так круто, что прямо за этим толкачом выволочётся всё месиwo. Ну, потом раскатают скалкой, тоненько так сделают, потоньше. Кубиками так ножиком наметят сверху — и в печь. В печи она спекётся, а потом ещё потом с салом на сковородку и снова в печь. И мягкие потом такие, вкусные получают-ся» (п. Северный Коммунар).

Из растительных масел в употреблении было льняное и конопляное масло домашнего приготовления. Льняное и конопляное семя для получения масла в домашних условиях толкли в ступе, а затем отжимали на специальном станке, помещая толчёные семена в холщовом мешочке между двумя деревянными плашками, которые стягивали винтом. Свежее, только что отжатое масло пробовали особо: «Нальют свеженькое в чашку масло, посолят и с хлебом. Такой аромат...» (д. Ядринцы). Льняное или конопляное масло подавали на стол к блинам и оладьям: «Конопляное и льняное масло, это уж обязательно было, оладьи пекли, блины, с ним ели. И вот стояла чашка с маслом, макали, брали ложками вот это, конопляное масло, льняное» (д. Домикановка). Постепенно со второй половины XX века стало употребляться и купленное в магазине подсолнечное масло. Отчего известно и одно из ранних его названий — *базарское масло*.

Мясные продукты в рационе белорусов характерны для праздничной кухни и в повседневном питании использовались редко. В пищу употребляли свинину, баранину, говядину, мясо домашней птицы. Мясо употребляли в варёном виде, нередко тушили в русской печи, жарили. Для длительного хранения его солили или коптили, перерабатывали в колбасы. Мясо часто использовалось для приготовления других блюд. Праздничным блюдом, например, считались рёбрышки, тушённые в русской печи с картофелем.

Мясные окорока *кумпяк*, *компяк*, *стегно* также чаще всего оставляли для праздничного стола. В деревне Седьминке отмечали, что *кумпяк*

готовили к Рождеству и Пасхе: *«На Рождество вот, на Паску кусок, это по-нашему кумпяк. Мама где-то на улице припрятает его, мало ли, хочется сварить. Потом на праздник достаёт и варит в чугушке, а утром она давала всем по кусочку»*. Другим традиционным мясным праздничным лакомством был копчёный окорок. *«А ещё делали свиные окорока. Просаливали и вывешивали на чердак. Сначала их мы, как сухой посол, просолим, потом у нас кадка такая была. Она почему-то не протекала. В кадку эту закладывали... Ну вот один поросёнок, так там два получалось этих, задка. Это — стегно. И вот оно сначала сухой посол, а потом заливали рассолом, уже со специями со всякими. Тмин, чеснок и соль. И на чердак. Так же полосками отрезали, ломтиками, как хлеб. Только так на тарелку нарезали, как сало нарезают, и едят»* (д. Борейково). Под такими же названиями и со схожей технологией приготовления окорока известны и на основной территории проживания белорусов [Белорусы 1998, 316].

Для длительного хранения прибегали к солению мяса. Солёное мясо обычно готовили для летнего периода, хранили его либо в погребах-ледниках, либо подвешивали и развешивали в амбарах. Жители деревни Березники рассказывали, что солили и вялили окорока компяки: *«Вялили ещё, вяленое мясо было, его посолят, особенно эти, мягкие компяки назывались, их посолят, как следует, и вывешивают где-нибудь на ветер. Оно висит там, вялится. Ничего ему не делается. Хорошее мясо, только что вяленое...»*. Солили в больших количествах также и свиное сало.

В отличие от местного русского старожильческого населения белорусы долгое время сохраняли и до сих пор сохраняют традицию изготовления колбас, ковбас. Приготовление их приурочивалось ко времени забоя скота. Обычно изготавливали колбасу трёх видов: кровяную, ливерную и мясную. Для приготовления колбас чистили и готовили кишки, что было достаточно трудоёмким занятием: *«Колбасы делали, кишки вычищали очень тщательно. Вначале всё убиралось из кишки, затем очень долго отмачивалось. Затем кишку выворачивали наизнанку. И с изнаночной стороны, было такое приспособление, я вот его уже сколькок передала, щепя. Берётся широкая щепя, сантиметров, наверно, 15–20, разделяется надвое, расщепляется. Это щепя ещё расщепляется по долевой нити, по древесине, но не до конца. И в эту щепу вкладывали изнаночную сторону кишки для того, чтобы всё-всё прочистить. И кишка становилась, знаете, как обыкновенная плёнка. Прозрачная, тонкая, но крепкая. Очень крепкая. И потом набивалось мясо туда, со специями, изрубленное»* (д. Жуковка).

Для кровяной колбасы собирали кровь, *«мы её не варим, а сырую кровь, в неё добавляем крупу, специи, сало. Набиваем кишки, завязываем, а потом её жарить или варить, кто что хочет»* (д. Мошково). Кровяную колбасу готовили из крови с добавлением крупы или муки. Эта колбаса не предназначалась для длительного хранения: *«Кровяные колбасы, мы их сразу старались съесть, их не хранили»* (д. Борейково).

Для ливерной колбасы использовали печень, сердце и лёгкие забитого животного. Как вариант ливерной колбасы известна *печеневая колбаса*, которую делали из печени с добавлением крупы. Мясную колбасу обычно готовили из свиного либо из смеси свиного и говяжьего рубленого мяса. Традиционным способом приготовления мяса для колбасы было его измельчение сечкой в корыте, позднее вместо рубленого мяса стали использовать фарш.

Изготовление и употребление в пищу колбас, как отмечают исследователи, отличает белорусскую кухню, сближая её с традициями украинцев, литовцев, поляков [Молчанова 1968, 202]. Колбасу подавали к столу на праздники — обычно на Рождество и Пасху. Оставляли колбасу и на летний период, так как она могла долго храниться. Колбасу использовали и для приготовления других блюд: *«Вот летом отрезают кусочек колбаски этой, в чугуна, и крупяно или суп какой сварят»* (д. Ядринцы). Хранили круги колбасы в клетки или в амбарах, развешивая их на жердях.

Такой же начинкой — мясной, крупяной или ливерной — начиняли желудок животного: *«Желудок готовили, начиняли, желудок вычищают, а потом начиняют крупой, особенно мама любила гречкой заправлять, желудок зашьют»* (д. Березники); *«А ещё это делают кандюк. Желудок у поросёнка выделяется, чистится, и туда мясо забивается, получается, как колбаса, потом варят»* (д. Морозовка); *«Наполняли желудок потрохами — там лёгкое, печёнка, сердце. Всё рубилось туда и тоже солилось со специями. Так и назывался — требух. Да, требух — по-белорусски»* (д. Жуковка); *«Вот кандюх, крупное мясо нарубим, посолим, тмину туда положим в желудок у свиньи и потом зашиваем. Повешаем на чердак, и желательнее, чтобы чердак проветриваемый был. Вывешивается — и всё, оно просолится, а потом и коптили некоторые. Но оно и так очень вкусное. На лето оно особенно хорошо. Взял летом на поле вот сало и этот кандюх, а мама и щи варила, когда надо суп быстро сварить»* (д. Борейково). Начинённый желудок, как видно из примеров, известен пермским белорусом как *кандюк*, *кандюх* или *требух*.

Особенностью белорусской кухни в Прикамье было и употребление для приготовления блюд крови заколотых домашних животных. Мы отмечали, что кровь использовали для приготовления колбас. Во время забоя скота с кровью животных готовили *кровяные блины, кровавые блины*: «*Кровь обязательно брали. Блины с кровью пекли. Если резали кого-то, обязательно кровь использовали — блины пекли. Немножко добавлялось в кровь муки и пеклось. Эту кровь всю использовали, обязательно. Вот, кровяные блины*» (д. Домикановка); «*С кровью тоже делали. Блины пекли из крови тоже. Кровь, муки насыплют, не знаю, добавляют воды или нет. Вот и пекли из крови блины, кровавые блины*» (д. Березники).

Из ног и голов разделанных животных варили *холодец*, или *студень*, под такими названиями оно известно у пермских белорусов: «*Холодец уж обязательное блюдо вот у белорусов*» (д. Мошково); «*Варили студень всё время, из голов. Студень — это обязательно всё всегда варилось. Студень называли*» (д. Домикановка). Некоторые информаторы при этом термин «студень» считают более традиционным, а «холодец» — распространившимся уже в последнее время: «*У нас назывался студень, не холодец, а именно студень. И больше делали-то его, отваривали его когда, рубилось это вот мясо, всё, что от костей отпаривалось, и на дно укладывалось чего-то там, но какая ладья была, чашка ли, миска. А потом заливалось сверху, вот и студень*» (д. Жуковка).

Взаимодействие с соседним населением, видимо, привело к широкому распространению пельменей. Старшее поколение ещё отмечало, что «*раньше пельмени не шибко модно были*» (д. Мошково); «*Пельмени очень поздно к нам пришли*» (д. Жуковка). Однако уже в середине XX века мясные пельмени стали непременным праздничным и свадебным блюдом.

Молочные продукты не отличались большим разнообразием. В пищу употребляли как молоко, так и продукты его переработки — простоквашу, сметану, творог, масло, реже сыворотку от сбивания масла. Из молока готовили молочный суп, обычно с клёцками. Частым на столе был также молочный кисель — из молока и картофельного крахмала. В ходу было и томлённое в русской печи молоко — топлёное молоко. Из заквашенного топлёного молока готовили варенец: «*Сейчас-то зовут это ряженкой, а у наших называли варенец. Топили молоко в печи. Достанет потом, остудит это молоко, тогда в него вливали сметану и вот ставит дома просто. Это всё закисало и превращалось в варенец. Но такое оно было вкусное!*» (д. Папоротка).

Информаторы, чьи предки были выходцами из Виленской губернии, указывают на традицию приготовления домашнего сыра: *«Из молока делала мама самодельный сыр. Она не варила, она уплотняла, творог отвешивала в мешочке. Жидкость стекала, стекала. Потом просаливала. Очень ценился тмин. Тмином заправляла. Потом придавливала, когда вся вода стечёт, придавливала под тяжестью. Он белый был...»* (с. Сатино). В других деревнях о традиции приготовления сыра вспоминали лишь эпизодически: *«Сыры делали в деревне, но мама редко делала»* (д. Борейково). Традиции переработки молока, известные пермским белорусам, схожи с теми, что сохранялись на основной этнической территории [Белорусы 1998, 316; Молчанова 1968, 203].

Некоторые информаторы отмечают как характерную особенность именно белорусского населения — особый способ приготовления масла, неизвестный соседнему русскому населению. Масло взбивали из топлёной сметаны: *«Бабушка сначала сметану топил в печке. Она сметану собирает и топит. Она коричневая такая становится. А здесь вот русские, они сметану в печке не топили. Они просто собирают и мешают её сразу в масло. Из топлёной сметаны она делала вот масло. Она замешивается, и масло совершенно отличалось по вкусу, совершенно»* (д. Жуковка). Оставшаяся после взбивания масла жидкость известна как *сколотина* — термин не характерный для соседнего русского населения и отмеченный только в говорах белорусских переселенцев.

Во время отёла коров во многих семьях готовили блюда из молозива — первого молока после отёла. Известны разные способы его приготовления. В деревне Березники указывали на варёное в печи молозиво: *«Варят сразу молозиво, в печи варят и едят»*. Другой способ — запекание первого молока на сковороде или в глиняной латке с яйцом в печи: *«От телёнка останется молоко, туда яйцо разобьёшь, всё это размешаешь и запекаешь»* (д. Борейково).

Особенным блюдом, основным компонентом которого также становились молоко и масло, была *макачка*: *«Это называлась у нас макачка. Зимой если, молоко растаивали, взбивалось яйцо, заливалось этим молоком, но молоко было очень жирное. И иногда даже, если масло есть, мама с маслом делала. Масло растопит, яйцо взобьёт, в горячее растопленное масло выливают постепенно яйцо и тихонько помешивают. Вот попробуйте. Я и сейчас готовлю это. Да с блинами ели, макали. Ну, если семьёй, мама на тарелочку поставит, и мы макаем. Называлось макачка»* (д. Жуковка). Сложно говорить о широком распространении данного блюда, так как известно лишь одно свидетельство о его бытовании.

В то же время схожее блюдо традиционной кухни с названием *маканье* известно также прибалтийским переселенцам в Прикамье [Черных 2010, 118], а термин *маканка* в значении особого соуса для блинов отмечен и в русских говорах центральных территорий России [СРНГ 1981, 307].

Молоко было основным компонентом и для приготовления *селянки*. Так пермские белорусы, как и соседнее русское население, называют яичницу, приготовленную из взбитых яиц и молока, топленную в печи: «*Вот селянку делали, с молоком яички*» (п. Северный Коммунар); «*У нас селянка, яйцо, лук, молоко и соль, всё это перемешивается и запекается. Лук можно и зелёный, зимой простой, только мелко-мелко нарезать. Это селянка*» (д. Борейково).

В питании белорусов Пермского края широко использовались и дикоросы. Собирали лесные ягоды: землянику, черёмуху, смородину чёрную и красную, малину, чернику, бруснику, калину. Землянику обычно употребляли в свежем виде, с молоком, а черёмуху, смородину и малину часто сушили на зиму. Сушёную черёмуху мололи, а затем использовали в качестве начинки для пирогов, для приготовления киселя. Не всегда для приготовления черёмуховой муки мололи лишь сушёные ягоды, одним из распространённых рецептов был помол сушёных ягод черёмухи вместе с *рощей* — пророщенными и высушенными зёрнами ржи: «*Черёмуху в разных видах использовали. Её сушили, её мололи. Мололи вместе с рощей. С рожью пророщенной, пророщенная рожь с росточками, высушенная. И когда в мельницу засыпают — черёмуху сухую и пророщенную рощу, рожь. И получается очень вкусно. Потом запаривали. Подливали воды. И пироги очень вкусно*» (д. Жуковка). Клюкву и бруснику употребляли обычно в свежем виде и оставляли на зиму. Калина была популярной начинкой для пирогов.

Из трав употребляли в пищу крапиву, дикий щавель, дикий чеснок, побеги хвоща полевого — *пистики*, а также *пиканы*. Пиканами в Прикамье называют растения семейства зонтичных с полыми дудчатыми стеблями, которые и употребляли в пищу. Блюда из пиканов были популярны в весенний период: «*Пиканы — первая еда весной*» (д. Борейково). Пиканы обычно отваривали и ели со сметаной: «*А нарежут пиканы, сварят их. Они вкусные. Со сметаной — вкуснятина. Вкусно-вкусно*» (д. Березники). Однако известны и некоторые варианты их приготовления. В Жуковке, например, их отваривали в сыворотке, оставшейся после приготовления творога: «*Вот собираешь эти пиканы, потом вымываешь. Надо молоденькие, они хорошо режутся очень. Мама заливала сывороткой от молока, от творога и ставила в печку. Очень вкусно.*

И ели вот, заправляя этим ложечкой сметаны, бросишь. Не на мясном бульоне, а на таком. Суп из этой травы, сваренной, искрошенной». Одним из более поздних вариантов использования пиканов стало добавление их в окрошку. С середины XX века пиканы стали использовать не только весной, их солили для длительного хранения и использовали для приготовления блюд в течение года. Блюда из пиканов не имели особого названия. Их, как правило, так и именовали — пиканы: *«Сегодня на ужин пиканы»; «Я ела сёдня пиканы со сметаной»* (д. Жуковка). Использование пиканов в пищу характерно и для традиционной кухни всех народов Пермского края: русских, коми-пермяков, удмуртов, татар и башкир [Тулвинские татары 2004, 87; Черных 2011, 34, 94].

Другим дикоросом, активно употребляемым в пищу, были побеги хвоща полевого — пистики, также дополнявшие рацион ранней весной. С пистиками стряпали пироги и пельмени, готовили яичницу, заливая рубленые пистики на сковороде яйцом или яйцом с молоком. Известна была и пистишная каша — рубленые пистики смешивали с варёными яйцами, луком и заправляли сметаной.

Значительное место в системе питания занимали грибы, их собирали в больших количествах — белые, подберёзовики, подосиновики, грузди, волнушки, рыжики. Грибы в основном употребляли в свежем виде — жарили или варили грибницу, но использовали и для длительного хранения — сушили или солили.

Щавель и крапива чаще использовались для приготовления супов: *«Дак чё, весной и крапиву едят. Маленько суп сварят и крапиву положат. Вкусно. Мелко порежешь только сразу»* (д. Березники). Суп с крапивой и щавелем был как овощным, заправленным сметаной, с добавлением картофеля и лука, так мог быть приготовлен и на мясном бульоне.

Целый ряд дикоросов употреблялся только в свежем виде, был сезонной пищей и не использовался для приготовления блюд. К таковым дикоросам можно отнести сосновые или еловые «ягоды», шишечки — молодые побеги сосны и ели: *«Да, ягоды, их ели. На ёлке чаще. У пихты привкус такой горьковатый. А у сосны, у ёлки хорошо. У ёлки красные, и знаете, довольно ничего. Есть-то нечего было дак. И собирали. Их без хлеба, без всего, так ели. Коров пасёшь, там этих шишек насобираешь, наешься, из реки воды напьёшься ладошкой — и вперёд...»* (д. Жуковка). В весенний период употребляли *горькую редьку, полевую редьку*, в пищу использовали молодой стебель растения, очищенный от верхнего слоя. Употребляли в пищу и сладковатые корни травянистого растения пастернака полевого, известного в сивинских говорах как *гондыш*:

«Мы ещё гондыши ели, вырывали корень, вкусный ведь корень-то у них. Это такая трава, знаете, что напоминает — морковку. Выдернешь его — там корешок» (д. Жуковка). Набор дикоросов, известный белорусам Сивинского имения, был общим с теми, что употребляло и соседнее русское население. Это свидетельствует об адаптации традиционной системы питания к местным природным ресурсам.

Среди напитков белорусов Прикамья одним из наиболее распространённых был квас. Квас — традиционный напиток, известный всем славянским народам [Белорусы 1998, 317], однако способы его приготовления существенно различались в каждой местности. Несколько вариантов приготовления кваса отмечено и у белорусов в Прикамье. К наиболее традиционным для белорусской культуры следует отнести рецепт, зафиксированный в деревне Мошково: *«Квас я делала с хлеба, испечёшь до корочки, в печку посадишь, он засохнет. Кипятком зальёшь, он постоит. Потом процежу — и всё»*. Схожие варианты приготовления кваса из специальных лепёшек или хлеба исследователи отмечают как наиболее распространённые в Белоруссии [Молчанова 1968, 208–209]. В то же время в Прикамье белорусам были известны и другие способы приготовления кваса. Информаторы часто указывают на приготовление овсяного кваса: *«Квас. Овсяный квас делали»* (с. Сатино). Для приготовления овсяного кваса использовали овсяную муку: *«Квас делали из овсяной муки. Цвет его зависит от того, как проваришь в печке, если лишнего проваришь, он будет такого жёлтого цвета, если нормально, не переварится, такой светлый, пенистый, когда не переварится, то он под пеночкой»* (д. Ядринцы). Овсяную муку квасили обычно вместе с ржаным солодом, *«сейчас вместо солода в квас сахар кладут»* (д. Ядринцы). Ржаной солод из пророщенной ржи, как и соседнее русское население, белорусы называли *роща*.

«У нас квас всё время был, не выводился. Из бражно, это молотый овёс и рожь пророщенная, смешанное. Рожь проростишь, он делается сладкой. Овёс просто мололи с шелухой. Его же не чистишь никак. Вот она эту рожь с овсом... Вот, допустим, если взять литру муки овсяной, этой молотой, и стакан ржаной муки, смешаешь и запаришь в печке, в чугушке. В печку, когда истопится, в чугушке запаришь и там размешиваешь. Там пеночка такая красивая, золотистая. А потом разводишь с водой. Мы даже не кипятили воду, у нас чистая была, колодезная, чистая вода была. С тёплой водой разводишь, она стоит. Иногда она даже сразу цедила, это уже последнее время, если были дрожжи, кидала туда. А так, в основном, она стоит, в этом же, в корчаге, корчага такая глиняная,

коричневая. Стоит, парится, закиснет. Потом ковшиком, такое сито... Сначала не сито, а железный такой, большая такая воронка с дыркой внутри, а сверху сито, и цедишь. Это квас будет» (д. Борейково).

Ещё одной разновидностью кваса был свекольный, который делали из свекольных парёнок, однако он не был таким популярным, как квас хлебный.

Другим, не менее традиционным в XX веке напитком стал чай. Кроме покупного чая в обиходе были травяные и ягодные отвары. Травяные чаи готовили из зверобоя, лабазника или таволги, душицы, липового цвета, листьев смородины, мяты. Из ягод также готовили чай: *«из сушеной малины зимой заваривали малиновый чай»*; *«смородину сушили, чай готовили»*. Лишь в некоторых семьях помнят о приготовлении домашнего ячменного кофе: *«Кофе делали из ячменя, его в горячую печку ставили, ну он чтоб не сгорел, а пожелтел. Размалывали такой ячмень и пили кофе. Называли кофе»* (д. Ядринцы).

К празднику готовили пиво. Сегодня белорусы, как и их русские соседи, домашнее пиво называют «гвоздяночным», так как для его приготовления использовали *гвоздянки* — большие глиняные корчаги с отверстием в нижней части. Рецепт приготовления такого пива отмечен в разных деревнях: *«Пиво мама делала своё домашнее, белорусское. Ну, у неё, конечно, пиво на всю округу славилось. Проращивали зерно, там рожь, мочили, она росла, потом её мололи, делали солод. Такие были корчаги старинные, туда эту рощу, в печку русскую, а потом уже открываётся краник там и заливают кипятком, бежит сусло, потом там хмель, я вот даже это так помню...»* (д. Мошково). Рецепт из деревни Ядринцы несколько уточняет технологию: *«Пиво делали гвоздяночное раньше. В гвоздянку закладывается солод, солому кладут такую ровную поверху и в середине туда, на дно нет, а так на уровне отверстия. Упаривается этот солод, потом открывают эту пробку, это сусло вытекает, кому погуще надо, кому пожисже, те больше разводят. Потом заквашивают. Постоит, уж гвоздяночное пиво. Как пиво»; «Пиво делали. И сейчас ещё гвоздянка у меня где-то есть. А пиво делают из рощи. Рощу заварят, и корчажку, а на дно повыше положат палочки и солому положат, и поставят в печь, и долго стоит, крепко отпарится. А потом достанешь, водой наливают, а там в корчажке во дне дырочка, и текёт пиво. С хмелем потом делают, хмель положат, кому надо — песок [сахар]. Все раньше делали такое»* (д. Березники).

Из более крепких напитков информаторы отмечают самогон, известный также под местным названием *кумышка*.

Употребление блюд в определённой последовательности представляет собой трапезу [Касперович, Новгородский 2012, 94]. Обычно пищу в течение дня принимали три раза — завтракали, обедали и ужинали. Лишь в летний период в связи с длительным световым днём и напряжённым графиком хозяйственных работ трапезничали четыре раза. Между обедом и ужином полдничали — *паужинали*. Сам термин «паужин» является заимствованным из русских говоров Прикамья [СРГ 2001]. В праздничные и выходные дни кухня отличалась большим разнообразием блюд и обильностью, обязательно стряпали пироги, готовили мясные кушанья. В обрядовых трапезах главное место занимали специальные обрядовые блюда, часто архаичные блюда славянской кухни.

Особое место занимали некоторые блюда в календарных праздниках и обрядах. К рождественским традициям пермских белорусов следует отнести приготовление кутьи (см. подробнее в разделе о календарных праздниках и обрядах). Некоторые информаторы отмечали как главное блюдо новогоднего стола поросёнка: *«Вот на Новый год всегда был поросёнок, я помню. На Новый год, встречали когда у деда, бабушка тушила поросёнка, на стол ставила. И садились все за стол, и был отдельно всегда тушёный поросёнок»* (д. Домикановка). Возможно, традиция приготовления поросёнка к Новому году, характерная уже для советского времени, связана с более архаичным обычаем готовить поросёнка на Васильев вечер (Василий Кесарийский) и Старый Новый год, «кесарийский» поросёнок также выступал главным обрядовым блюдом праздничной трапезы у многих народов Европы, в том числе и славянских [Пропп 2000, 32–33].

Как главное блюдо масленичного стола повсеместно отмечают блины: *«Блины обязательно, на Масленку блины пекли»* (д. Мошково). Пасхальными блюдами считались крашеные яйца, творожный сыр и кулич — *бабка*, приготовленный из сдобного теста. Основными на поминальном столе пермских белорусов были кутья и оладьи.

Таким образом, проанализированный материал о традиционной кухне белорусского населения Пермского Прикамья позволяет сделать определённые обобщения. В результате переселения образуется новый вариант культуры. Его черты и схожесть с исходными традициями определяются многими факторами. Исследование переселенческой культуры становится особенно эффективным, если есть возможность выявить механизмы адаптации и развития традиции на новых территориях и в новых этнокультурных реалиях, возможность сопоставить её с исходным состоянием [Никитина 2002, 25].

Традиционная кухня белорусов Прикамья сохранила значительное число особенностей, привнесённых переселенцами и находящихся прямые параллели в культуре на основной территории проживания этноса. Сохранность белорусских традиций в системе питания прослеживается не только в наборе определённых блюд, но и в том числе в белорусской терминологии. Примеров собственно белорусских традиций, не характерных для соседнего населения этого региона Прикамья, достаточно много, что указывает на устойчивость комплекса традиционной системы питания и кухни на новой территории проживания.

Оторванность от основной исторической территории на протяжении более чем ста лет, включение механизмов саморазвития традиции привели к появлению некоторых локальных явлений, которые не находят прямых аналогий в белорусской культуре. Например, шарики из теста — *лопки*, не характерны они для соседнего русского населения.

Развитие в условиях интенсивных контактов с соседним, прежде всего русским, населением определило и целый комплекс заимствований, проявившихся в восприятии ряда пермских терминов, в том числе диалектных, таких как *табань*, *капустнича*, *крупчатка*, *ярушник* и других, некоторых блюд традиционной кухни, таких как, например, шаньги. Под влиянием русских соседей происходило освоение и включение в систему питания местных дикоросов: трав, ягод и грибов.

Белорусы и русские — родственные восточнославянские народы, обладающие целым рядом общих культурных традиций, поэтому в национальной кухне пермских белорусов сложно, а порой и невозможно определить истоки ряда блюд и напитков: являются они результатом взаимодействия с местным населением или принесены при переселении. Они идентичны в обеих культурных традициях, к примеру выпечка хлеба и приготовление закваски, приготовление кваса, пива и киселей.

Традиционная кухня белорусов как целостный комплекс бытовала на протяжении всей первой половины XX века, когда сохранялось относительно компактное проживание белорусов. После ликвидации хуторов в 1939–1940-е годы часть белорусских деревень просуществовала вплоть до недавнего времени, являясь уже смешанными в этническом отношении поселениями. Население этих деревень в большей степени поддерживало традиции белорусской кухни. Белорусские кулинарные традиции передавались и транслировались и на уровне семейных коллективов даже в случае дисперсного проживания.

Сравнение комплекса традиционной кухни белорусов — переселенцев Пермского Прикамья с другими комплексами материальной

культуры (жилище, одежда, утварь) показывает наибольшую степень сохранности и яркие этнические черты кулинарных традиций. Таким образом, традиционная кухня выступает одним из наиболее устойчивых комплексов этнической культуры белорусов в Прикамье, которая в некоторых чертах продолжает транслироваться и бытовать в настоящее время.

ОДЕЖДА

Традиционный костюм белорусов на основной, этнической территории представлял комплекс предметов одежды, сложившийся в основных чертах, по мнению исследователей, к середине XIX века [Молчанова 1968, 126]. Мужской костюм состоял из сорочки, штанов и пояса. Рубахи для мужчин шили из домотканого полотна, их носили навыпуск, подпоясанными. Штаны также изготавливались из холста либо домашнего сукна. Этот комплекс дополнялся верхней одеждой, обувью и головными уборами [Белорусы 1998, 294–298]. Женский костюм состоял из полотняной сорочки, которая носилась в комплекте с полотняной или суконной юбкой — спадницей, понёвой или андраком, поверх которой носили фартук [Григорьева 1994, 110–111]. Старинную рубаху шили из домотканого белого полотна из ровных полотнищ, соединённых на плечах вставками, присборенными у ворота. Рубахи часто украшались ткаными и вышитыми узорами. В некоторых районах женщины носили также безрукавку. Сложными и разнообразными были головные уборы: девичьи повязки из ткани или венки, женские — чепец и намитка, позднее широкое распространение получили также платки [Молчанова 1968, 126; Григорьева 1994, 110–111]. Традиционной обувью белорусов были лапти, кожаная обувь представлена постолами, сапогами, женскими башмаками.

Исследователи выделяют три крупных района, где женская традиционная белорусская одежда имеет свои особенности: северный (Северная Беларусь, Витебская область, север Минской и Гродненской областей), юго-западный (Полесье, бассейн реки Припяти), восточный (Поднепровье, Могилёвская область и запад Гомельской) [Молчанова 1968, 182; Бялявина 2007, 90]. Кроме того, крупные историко-этнографические районы имеют зоны локальных особенностей традиционного костюма. Территория Могилёвщины, давшая наибольшее количество переселенцев в Прикамье, относится к поднепровскому историко-этнографическому региону. Исследователи характеризуют его как переходный между русской Смоленщиной и украинской Черни-

говщиной [Молчанова 1968, 182]. В Поднепровье этнографы выделяют четыре комплекса одежды, в том числе собственно могилёвский [Молчанова 1968, 182; Бялявіна 2007, 90]. Характерные особенности женского костюма этой территории: рубаха с прямыми поликами, орнаментированная узорным ткачеством и вышивкой; несколько вариантов женской поясной одежды — холщовые и суконные юбки *сподниця* и *андарак*, а также древняя несшитая *понёва*. Безрукавка *кабат*, которая являлась самостоятельным предметом костюма, в поднепровских районах часто соединялась с юбками *сподницею* и *андараком* (саяном). В этом случае она пришивалась к юбке и имела вид лифа с широкими проймами, шилась из ткани другого качества и расцветки, нежели подол. Такой вариант костюма напоминал сарафан с широкими лямками. Архаичные женские головные уборы *намитка* и *чепец* в этом регионе рано, уже со второй половины XIX века, заменяются домоткаными или фабричными платками. Верхней распашной одеждой в этом регионе были *свиты*, а также овчинные шубы — *кожухи*. Повседневной обувью — лыковые или лозовые лапти прямого плетения, а праздничной — кожаные башмаки и боты [Молчанова 1968, 124–182; Бялявіна 2007, 99–107].

Традиционный костюм у белорусского населения Прикамья как целостный комплекс не сохранился. Привнесённые традиции народной одежды уже не развивались на территории Пермского Прикамья, поэтому нельзя говорить и о каких-либо сложившихся региональных, пермских элементах костюма. Полевые материалы позволяют говорить о бытовании лишь отдельных элементов традиционного народного костюма. Во время полевого исследования, за исключением предметов обуви, никаких элементов костюма выявить уже не удалось. На территории Пермского края белорусский костюм к 1930-м годам не имел явной этнической специфики и замещался городским стилем.

Белорусское население Пермского края помнит лишь некоторые детали традиционного костюма. Например, из предметов женского костюма называют рубаху, юбку, пояс, фартук. Однако сведения об этих предметах одежды весьма фрагментарны. Почти не сохранились и белорусские названия предметов одежды. Обычно информаторы, отмечают бытование костюмного комплекса, включавшего кофту и юбку: «*Сами шили широкие юбки, ну юбка и юбка, на верх делали кофту*» (с. Сатино); «*Мама юбку носила, кофту носила, платье. У неё даже на смерть была приготовлена юбка и кофта*» (д. Ядринцы); «*А бабушка наша всегда носила юбку и кофту*» (д. Козловка); «*Вот эта бабушки*

и все тётки, они носили в основном юбки с кофтами» (с. Сатино). Это подтверждают и фотографии белорусов-переселенцев начала XX века. В белорусских хуторах вблизи села Сатино, в других поселениях наряду с термином *юбка* использовалось и белорусское название — *сподница*. В деревне Мошково старшее поколение вспоминало ещё о шерстяных зимних юбках *андараках* и летних холщовых *сподницах*. О таком же разделении холщовых и шерстяных юбок сообщают жители деревни Березники: *«Сподниц-то нету сейчас, раньше ткали, холщовы. А андорак, это шерстяной, такая юбка, андорак называем»*. Как видно из примеров, традиционная терминология, называющая юбки, сохранялась дольше всего и известна ещё и сегодня старшему и среднему поколению пермских белорусов Сивинского района. Андорак составляет элемент традиционного костюма белорусов на большей части территории расселения этноса, в том числе в восточных районах, откуда шёл основной поток переселенцев в Прикамье [Молчанова 1968, 136]. Так как о рубахах и юбках сохранились лишь отрывочные представления (информаторы помнят о них, так как видели на своих бабушках и матерях), и не выявлены образцы традиционного костюма, достаточно сложно говорить о покрое этих предметов одежды, традициях их цветового решения и технологии исполнения. Единична и крайне фрагментарна информация и о таком элементе традиционного белорусского костюма, как безрукавка: *«А у бабушки была типа жилетка, такая, она её носила»* (с. Сатино).

О присутствии в костюме пояса также вспоминает лишь старшее поколение, как и о традиции плетения поясов: *«Пояса носили, сами плели, обычно пояс оденут и красиво, разные были, были и полосатые, и узорчатые. На гвоздике, а потом руками переплетали, вот уже цветной и красивый...»* (с. Сатино). Из головных уборов старшее поколение вспоминает лишь платки, не отмечая бытования других: *«На голове мама только платок носила»* (с. Сатино); *«А платки носили, больше ничего не носили»* (д. Мошково).

Из мужской одежды информаторы указывают на бытование мужских рубах, отличительной особенностью которых был прямой разрез на груди, тогда как соседнее русское население носило рубахи-косоворотки. В то же время, по словам некоторых, косоворотки получили распространение и у белорусов. Мужские штаны чаще шили по фабричным образцам, брючного покроя, хотя и из домашнего холста.

Следует отметить, что, несмотря на сохранение белорусами в Прикамье ткачества вплоть до середины XX века, из домашнего холста

и сукна часто уже шились предметы одежды «городского» кроя и фасона.

Для изготовления верхней одежды использовали сукно или полусукно домашней выделки, а также овчины. Шубы и тулупы из шкур домашней выделки в качестве зимней одежды продолжали использоваться вплоть до конца XX века, в то время как суконная одежда выходит из употребления уже в середине XX века. Среди терминов, обозначающих верхнюю одежду, можно отметить лишь сохранение старшим поколением названия *кожух* для обозначения шубы из овчины.

Дольше всего сохранилась — была востребована и продолжала бытовать вплоть до 1950–1960-х годов — традиционная обувь. Широкое распространение получила обувь, в основном выполненная из телячьей кожи. Характерной обувью были *поршни*, представляющие собой цельный кусок кожи, стянутый в верхней части по всему периметру верёвкой, с помощью которой они затягивались на ноге. Данный вид обуви не имел распространения у других народов Прикамья и характеризует западные переселенческие традиции [Черных 2010, 112]. Известен был белорусам и другой, местный, вид кожаной обуви — *коты*, с матерчатой опушкой, также сшитые из кожи, но из нескольких специально раскроенных частей. Кожаную мягкую обувь носили в основном в летнее время. Мужской обувью считались сапоги, также часто изготавливаемые местными мастерами из кожи домашней выделки. Нередко использовались покупные сапоги.

Широкое распространение имели и лапти, бытовавшие в разных вариантах. Для изготовления лаптей использовали разные материалы: ивовую кору, липовое лыко, конопляные и льняные пеньки, бересту. Из лыка плели несколько видов лаптей. Лапти редкого плетения получили название *христосики*: «*Христосики их называли, наплетут так редко крест-накрест, но в лес эти лапти не носили, сколько засыплется снега туда, столько и высыплется, ну всё-таки следы были у них, крест-накрест как-то было сделано так...*» (с. Сатино). Термин «христосики» не отмечен у белорусов этнической территории, однако его также можно считать принесённым в Прикамье, возможно, псковичами, селившимися по соседству с белорусами, как и сам вид лаптей, так как данный термин, неизвестный старожильческому населению в Прикамье, встречается, например, в западных областях России [Сборник 2002, 303].

Термином «лапти» в Сивинском районе называют разные виды лыковой обуви, как традиционные для старожильческого населения региона, так и принесённые переселенцами. Обычно информаторы

отмечают разнообразие бытовавших лаптей: *«Лапти как какие умел, такие и носил, хоть косые, хоть прямые»* (с. Сатино). Лапти прямого плетения, с редким плетением в верхней части, известные на основной этнической территории, получили распространение и в Пермском крае. Кроме термина «христосики» бытовало название *могулёвские лапти*: *«Могулёвские лапти, они были проще, просты такие как-то. А кержаки плели более, как-то качественно, можно сказать. По-другому немножко плели здесь местные жители»* (д. Домикановка). Другим, локальным термином для наименования лаптей в Сатинских хуторах было название *собачьи рёбра* — от редкого переплетения лык в лицевой части лаптя: *«Были и такие лапти, назывались “собачьи рёбра”*. Подошва, тут сплошное всё вот так, а сверху так, редко, не сплошное» (п. Северный Коммунар).

Белорусам Прикамья были известны и широко использовались местные лапти косо́го плетения с пришитой сверху тканевой опушкой, в которую вставлялись пояски для крепления лаптя на ноге. Такие лапти были удобной зимней обувью: *«С льняного полотна опушка делалась, затягивалась шнурком, снег-то не попадал»* (д. Домикановка).

Бытовали и открытые, неопушнённые лапти с лыковыми оборами. Несомненно, обувь с «опушнями», характерная для Пермского Прикамья, была воспринята от местного русского и коми-пермяцкого населения. Берестой чаще всего подковыривали лыковые лапти для прочности, так как считалось, что береста меньше изнашивалась.

Лапти из льняной или конопляной пеньки получили название *лапти-пакальники*. Об их изготовлении вспоминают многие информаторы: *«Потом плели ещё лапти из пеньки, льняные, вили верёвочки, потом из этих верёвочек плели лапти, в них зимой теплей»* (д. Ядринцы); *«Пакольники носили, вот что. Это обувь такая была, пакольники. Вот как тебе сказать, раньше же сеяли, конопля, потом её нарядут вот так толсто. И как лапти, это пакольники»* (п. Северный Коммунар); *«И пакальники плели раньше. Они вязали их крючком, с нитками такими, с паклей»* (д. Козловка); *«А лапти отец плёл, эти пакальники назывались. Ну, из пакли верёвочки тоненькие навьют и из них плетут. Они такие, ешо с оборками тут, шнурочки чтобы привязать, чтобы не спадывали. На улице нет, не ходили в них. Их только в лес одевали, мужики в основном, в сухую погоду. Они и тёплые. Там ещё подмётка отдельно была. Подмётка сносится, её уберут, другую сделают. Они тёплые...»* (п. Северный Коммунар).

Зимняя обувь — это валенки, изготавливаемые деревенскими мастерами, однако чаще всего выполняемые на заказ приходящими пимокатами: *«Катовалы вот эти ходили, по деревням ходили, вот договариваются, в одну деревню приходят, ну, не все пускали обычно, потому что сырости много, раньше бани чёрные были, негде, и вот у кого эти две избы через сени, так в пустую избу ставят печку-буржуйку, и катовал там работает, катает эти валенки...»* (д. Ядринцы).

Кожаную и лыковую обувь носили вместе с холщовыми или суконными онучами, вязаными чулками. В деревне Мошково бытовало другое название высоких вязаных чулок — *панчюхи*, однако чаще всего их именовали уже чулками: *«Чулки вязали до колена, а потом и выше сама вязала. Чулки всякие были, с узорами и без, белорусы вот называли панчюхи. А мои родители и я уже просто чулками уже называли...»*. Хотя информаторы и отмечают белорусское происхождение термина «панчухи», в русских говорах Прикамья среди старожильского населения также известна эта номинация для обозначения вязаных чулок [СРГ 2001].

Таким образом, традиционный костюм у белорусских переселенцев Сивинского имения, видимо, лишь в начале XX века, в первые годы переселения, имел характерные особенности, а в дальнейшем не получил развития на традиционной этнической основе в Прикамье и замещался городскими формами костюма. На территории Пермского края актуальными оставались лишь отдельные элементы традиционной одежды.

КАЛЕНДАРНЫЕ ПРАЗДНИКИ И ОБРЯДЫ

Календарные праздники и обряды — это особый пласт в культуре каждого народа. Традиционный народный календарь белорусов Пермского Прикамья также представляет один из значимых элементов этнокультурных традиций. Как и другие элементы традиционной культуры, календарные праздники и обряды складывались на основе традиций, принесённых при переселении, в условиях адаптации к новым природно-климатическим условиям, дисперсного расселения в полиэтничном этнокультурном окружении. В этих условиях происходили развитие и трансформация традиционной календарной обрядности.

В годовом цикле народного календаря один из значительных комплексов праздников и обрядов приходился на время от православного праздника Рождества до Крещения. Период между праздниками был известен как по-белорусски — *Коляды, Каляды*, так и под русским

названием — *Святки*. Цикл святочной обрядности открывал праздник Рождества. Вечер накануне праздника — это приготовление особых обрядовых блюд и обрядовое застолье. Уроженцы деревни Ядринцы вспоминали об обычае приготовления рождественской кутьи из зёрен пшеницы как главного блюда Рождества. Стол на праздник также накрывали особо: *«Вечером садятся ужинать, сено на стол клали под скатерть и ложку кутьи»*. Приготовление кутьи и расстилание сена под скатертью, по мнению исследователей белорусской этнографии, являются основными элементами колядной обрядности народа [Белорусы 1998, 395].

Праздничный стол оставляли накрытым до следующего утра: *«До утра всё оставляют на столе, потом утром уже убирали, как обычно»* (д. Ядринцы). Перед началом застолья одна ложка кутьи выносилась за дверь. И в Белоруссии первая ложка кутьи предназначалась духам и предкам, которых поминали в этот вечер [Кухаронак 2012, 177]. Все ритуальные действия с сеном и кутьёй выполнялись для того, *«чтобы в доме всё велось»*. Сохранили пермские белорусы и обычай приглашения на рождественскую трапезу мороза: *«В Рождество, как Рождество начинается, вечер первый как садятся за стол: “Мороз, Мороз, айда куттю ести!”»* (д. Мошково). Подобное закликание отмечено у белорусов основной этнической территории [Кухаронак 2007, 388], было известно и другим переселенческим группам, например, белорусам Сибири [Фурсова 2011, 151–152].

Приготовление обрядового рождественского блюда — кутьи — было известно в разных белорусских населённых пунктах района. В деревне Березники, например, кутью на Рождество готовили из воды и хлеба: *«Если есть сахар, вода, хлеб — вот и кутья»*, в Мошково отмечали иной вариант приготовления рождественской кутьи: *«Кашу готовили, кутью, из ячменной крупы и мёд добавляли, на воде...»*. Приготовление кутьи было традиционной составляющей рождественской обрядности белорусов [Белорусы 1998, 395; Зеленин 1991, 401; Фурсова 2011, 151]. В рождественской трапезе с обрядовыми блюдами, как отмечают исследователи, просматриваются следы культа предков, присутствует прогностическая символика — стремление обеспечить достаток и благополучие на будущий период [Пропп 2000, 19–21; Зеленин 1991, 401].

Старшее поколение пермских белорусов вспоминает об обязательном элементе обрядности Рождества — христославлении: *«Рождество ходили славили»*, *«Рождество славят»*, *«Прославлять Христа»* — обходе домов с исполнением рождественского тропаря, а часто и колядок.

В рождественских обходах участвовали как дети, молодёжь, так и старшее поколение.

«На Рождество Христа славят только... Это в Рождество славили, по деревне. Ну, поют: “Рождество твоё, Христе, боже наш...”. Пели. Я знала.

*Рождество твоё, Христе, боже наш,
Воссиял свет разума,
Звёзды в небе служащи,
И звездою учахуйся,
Тебе кланяемся, солнце правды,
И видят с высоты востока,
Господи, слава тебе...»* (д. Березники).

В некоторых случаях участники обходов носили с собой рождественскую звезду: *«Рождество, зимой бывает, приходили, славили, Рождество называлось, славили. С другой деревни идут мужики. Сделают такое решето, обыкновенное, к нему приделают палку, и там ставят свечу. На палке, его держали так вот. И вот приходят ночью обязательно. К любому хозяину заходят в избу, славят Рождество, поют песни»* (д. Березники). Хожение со звездой на Рождество, как отмечают исследователи, было характерно для многих славянских народов, в том числе и белорусов [Кухаронак 2007, 392]. Однако в Пермском Прикамье эта традиция существовала лишь у белорусских переселенцев, она не была характерна для старожильского русского населения [Черных 2007, 45].

В Сивинском районе записаны и тексты, которые исполнялись при обходах:

*«На Рождество ходили со звездой. Христа славили:
Христа славь, Христа славь.
Меня батька посылав.
Ты, хозяйка, не валяй —
Кусок сала подавай»* (д. Мошково).

«Рождество, у каждого человека накрывался стол, заходили люди, и от дома до дома ходили ну это, конечно, а молодёжь ходили пели:

*Ты ж, хозяин, знай своё дело —
Чарка горелки, сыр на тарелке.
Не дашь яйца — сдохнет овца,
Не дашь пирога — уведу корову со двора»* (с. Сатино).

Участники обходов, как правило, получали угощение от хозяев: *«За это им подают выпить и там сала кусок или кто что, что у кого есть»* (д. Березники); *«Кто приходит, им тоже подавали там конфетки или что»* (с. Сатино); *«А им за это дают какую-то стряпню, конфетки. Домой потом принесут целую сумку, дома потом делят»* (д. Седьминка).

Некоторые информаторы отмечают бытование единой традиции обходов, когда одновременно могли исполняться и рождественский тропарь, и колядки. Другие указывают, что обход с исполнением колядок совершался отдельно, а с исполнением тропаря бытовал самостоятельно: *«Рождество, это уже коляды другие, мы ходили по деревне, прославляли Христа, песни пели божественные»* (д. Седьминка). Часто в обходных процессиях колядников принимали участие ряженые.

Полевые материалы показывают бытование как коллективных, так и частных обходов с исполнением известных текстов. Собранные во время колядования продукты обычно делились между участниками коллективных обходов. В деревне Папоротка Сивинского района указывали на бытование коллективной трапезы, устраиваемой из собранных продуктов: *«Отец у нас с одним мужчиной, помню, взял сумку у мамы, мешок и пошёл. Вот это на Рождество, и потом заходят к нам и вот поют это: “Славим...”, эту молитву, которой Рождество славят. Да звезду, помню, сделали, и мне так это было интересно. В мешок всё слаживали: кто мясо, кто сало, кто картошку, хотя жили уже в то время более-менее. А на второй день, помню, затопил котёл, варит суп и всех пригласил к себе из деревни. Это вот уже, они с шестого на седьмое ходили, а седьмого вечером. Вот собрались, и такое вот гуляние было у них, ну просто вот пели песни, плясали, я вот помню. Гармошка играла у них, вот...»*.

Традиции обходов в Рождество, отмеченные у белорусов Прикамья, схожи в общих чертах с теми, что характерны для основного этнического народа [Кухаронак 2007, 390–398; Каляндарна абрыдавая паэзія 2001, 61–235]. Однако следует отметить, что в Пермском Прикамье они сохранились во фрагментарных формах. Почти не известна бытовавшая обрядовая терминология для названий участников обходов и самих обходов, не отмечены новогодние обходы-посевания, не сохранились развёрнутые тексты колядок, характеризующие белорусскую календарную традицию и отмеченные не только на основной территории проживания этноса [Кухаронак 2007, 390–398; Каляндарна абрыдавая паэзія 2001, 61–235], но и у белорусов-переселенцев других регионов Урала и Сибири [Фурсова 2011, 151–158; Ефремова 1998, 237–240].

Среди других обычаев, связанных с Рождеством, следует отметить обычай в рождественскую ночь кормить хлебом скот, совершаемый для его благополучия: *«А скотине делали в Рождество. С 6 на 7, ходили в полночь и давали хлебушко скотине»* (д. Седьминка).

Отдельный комплекс святочной обрядности — ряженье. Белорусам в Прикамье были известны два термина, обозначающие святочных ряженных — *ряженые* и *шуликины/ шуликуны*. Оба термина использовались также соседним русским населением края [Черных 2007, 64–70]. Приёмы ряженья были универсальны: *«шубу наизнанку вывернут»* (д. Ядринцы); *«шубу выворачивали»* (д. Мошково). Принято было закрывать лицо, чтобы не узнали. Для этого использовали маски, мазали лицо сажей, закрывали чулком, тюлем, использовали другие приёмы маскировки: *«чулки сделают, вырежут дырки под глазами», «сажей вымажутся», «какую-нибудь маску кто там нарисует»* (д. Ядринцы); *«То, значит, рожу какую-нибудь козью, баранью, с рогами вот из этого картона вырезаем, покрасим. Тут одета маска, шуба вывернута вроде как»* (п. Северный Коммунар). Часто для ряженья использовали предметы одежды: *«юбки длинные надевали», «юбки длинные да кофты одевали»*. Среди персонажей ряженья отмечены «мужик», «женщина», «старик», «большой человек». Среди зооморфных персонажей — медведь и коза. «Большого человека» так наряжали в белорусских хуторах: *«Юбки длинные надевали, и потом вот так юбкой обвяжешь, обделаешь и руки подымеешь — большой человек, кажется, идёт...»* (п. Северный Коммунар). Среди атрибутов ряженья называют также палки-посохи: *«...и вот с посохами, с палками бегаем»* (п. Северный Коммунар).

Ряженые ходили группами по несколько человек: *«Нас всё равно выходило ни два, ни три человека, много, толпой. Деревня-то большая была...»* (д. Мошково). Зайдя в дом, *«песни поют, танцуют, а всякие поют, кто какие частушки да что да, кто какие вздумает...»* (п. Северный Коммунар). Пришедших в дом ряженных обычно угощали, часто предлагали выпивку, стряпню. Сбор крепких напитков в местной традиции получил название *кумыс собирать*: *«Кумыс собирали, мы собирали в такую бутылочку, ходили подавали вот, кто и к нам придёт, так собирали...»* (д. Мошково). Святочное ряженье является составным элементом Коляды белорусов основной территории проживания этноса, белорусов Сибири [Кухаронак 2007, 392–397; Фурсова 2011, 156–157]. Ряженье является универсальной формой обрядности рождественско-новогоднего цикла многих славянских народов, поэтому достаточно сложно выделить как собственно этнические традиции, так и следы

взаимодействия с родственными этническими группами. Взаимодействие с русским старожильческим местным населением прослеживается в заимствовании термина *шуликуны*. В то же время следует констатировать утрату известных и развёрнутых на белорусской родине обычаев ряженья в зооморфных персонажах — козой и журавлём [Кухаронак 2007, 392–397; Фурсова 2011, 156–157].

Период после Рождества — *Коляды* — был наполнен как различными проказами ряженных, так и просто молодёжи в святочные дни: *«Мы баловались, пугали. Возьмём эти тулупы, шубы-то, переворачиваем наизнанку. Бегали, пугали людей...»* (д. Морозовка). Среди святочных проказ можно отметить несколько обычных развлечений: закрывать печные трубы, примораживать двери, разваливать или перекладывать поленницы. В деревне Ядринцы в рождественский период, как отмечают информаторы, обычно закрывали или разбирали печные трубы: *«Залезут на хату, комен поразделявают. Ну как, труба — комен, по-белорусски как говорим. Они вот всё поразворачивают — и всё»; «Ну вот ночью они идут, например, к дверям наложут, вот к воротам дров, балуют тоже, что наделают, то дровами подопрут, то что. А вот на это, на Рождество. Наложут кучу — не выйдешь...»* (п. Северный Коммунар). В деревне Шестинка так описывали эти обычаи: *«На Рождество как пугали, привязывали картошину на шнурочек и по окошку бряк-бряк-бряк. Можно ещё на трубу залезть, заткнуть. Ну, в само Рождество можно и позднее, там же есть несколько дней. Дверь заливали водой, чтоб она не открылась, поленницы перекалывали...»*. В деревне Березники часто пугали, показываясь в окнах: *«А там, под окном, один на одного встанут в окне, двое внизу, а тут вверх и руки расставит. И вот это дурь была такая. Было дело...»*. Схожие формы обрядового поведения были известны белорусам Сибири, но их развёрнутые формы не описаны в литературе о календарных традициях основной территории проживания этноса [Фурсова 2011, 157], что позволяет авторам сделать вывод о влиянии на календарный комплекс белорусов в Сибири старожильческих русских традиций. В Прикамье русским старожилам также были известны формы святочного бесчинства [Черных 2007, 84–85]. Однако такие формы обрядности являются универсальными в культуре многих народов [Ивлева 1994; Томан 1997, 30; Bohler 1956, 123], и их бытование у белорусов вряд ли можно рассматривать исключительно как заимствования, тем более что отдельные обрядовые формы «бесчинств» отмечены и в Белоруссии [Кухаронак 2007, 397].

Развёрнутый комплекс в рождественско-новогодней обрядности белорусов Прикамья представляли гадания, совершавшиеся в период от Рождества (7 января) до Крещения (19 января). Все записанные нами гадания этого периода проводились девушками и были связаны с их будущим замужеством.

Одними из самых распространённых были гадания-выслушивания, известные в разных вариантах. Обычно их совершали на перекрёстке дорог: по тому, какие слышались звуки и с какой стороны, определяли будущую судьбу и замужество: *«Мы раньше пойдём на перекрёсток, как бабушки нас учили, слушаем, положим ухо. Там стучит, где доска стучит. Да что-то там, если в одной стороне стучит, то умрут, если там колокольцы звенят, то свадьба в той стороне будет, вот так всё время говорили...»* (д. Морозовка); *«Да, и мне приходилось даже. В Рождество ворожат, выходят, называется кружевная дорога, где вот она пересекается, одна дорога и вторая пересекается. Вот девки приходят на кружевную дорогу и тут загадывают свои эти всякие, а мы их пугаем. Снегом бросаем и так и вообще. Уже когда мы их найдём, где они сидят, они скрывались»* (д. Березники); *«Гадали на перекрёстке двух дорог. Надо начертить круг, простынями закрыть и сидеть, четыре человека садится — кто на запад, кто на север, кто на юг — мы спинами друг к другу садимся, сидим и слушаем. Вот кто что услышит, если там колокольцы звенят или песни, значит, свадьба, если собаки воют или лают — это к покойнику»* (д. Ядринцы).

Интересный вариант гадания-выслушивания бытовал в деревне Седьминке, где его совершали глубокой ночью с сором из печного шестка: *«На Рождество, на коляды, сметают весь мусор, что есть на печке. И рано, часа в три, выносят веник на улицу, ставят на этот мусор и присаживаются. И загадывают, где жених. Где-то там заяц крикнет, где-то петух закукарекает — в той стороне и жених — это правда!»*.

Другим вариантом гаданий-выслушиваний были те, что совершались под окнами: *«Вот под окнами подслушивать ходили, что тебя ожидает...»* (д. Мошково); *«Как ходили, слушались под окно, что выслушают...»* (с. Сатино). В Мошково гадание под окнами совершали и в ночь на рождественский сочельник с только что испечённым сочем: *«А что как гадали, все по-разному гадают. Ну, вот знаю, что ночь первую вот, печёшь блины, сочни же, берёшь в зубы и бежи по деревне, подходи к окну и слушайся, кто что скажет, то и будет...»*.

Гадания на «вещий сон» также были известны в разных вариантах. Обычно в таких гаданиях будущую судьбу и замужество определяли по тому, что приснится. Среди таких известно гадание с хлебом: *«Хлеба берут, поедят и кусочек кладут под подушку: “Суженый-ряженый, приснись мне!”»* (п. Северный Коммунар). Другое гадание на вещий сон — «колодец закрывать»: *«Вот колодец закрывают тоже. Кто придёт, ключ возьмёт, тот суженый-ряженый будет. Если девка, парень должен во сне присниться, у парня девочка должна присниться. Колодец закрывают, а ключ под подушку кладут»* (п. Северный Коммунар).

Среди гаданий, основанных на счёте, самым популярным было «тын обнимать». В этом случае по числу штакетин также определяли будущую судьбу девушки: *«Гадали, приходилось, тын обнимали. Если загадаю — выйду замуж — пару обниму тыну. На ура обнимешь, а потом считаешь, пара — не пара, пара — не пара»;* *«Вот раньше не такие заборы были, частокол из таких тонких, вот они обхватывают его и считают. Если пара, ну, молодые девушки, парой будешь в этом году, если нет, то и нет»* (д. Мошково).

Целый ряд гаданий основывался на выборе жребия. В деревне Шестинке, например, гадали записочками: *«Записочки там напишешь с именами и под подушечку положишь, потом утром встанешь, достанешь, какое имя будет у жениха...»*. Популярным были и святочные гадания с петухом: *«Несёте в дом петушка прямо из конюшни, ставите ему водичку, зёрнышки, зеркальце. Вот куда повернётся, значит, такой и будет супруг, если попьёт, значит, пить будет, если зёрнышки поклюёт, богато будете жить, если зеркальце, значит, он фронт...»* (д. Мошково). В деревне Морозовке Сивинского района для определения имени жениха прибегали к следующему гаданию: *«В бане мы гадали, соберёмся и вот тарелку воды нальём, иголки так кладём, тихонечко на воду положим. Иголочка ходит, ходит, имена напишет. К какому имени иголка подойдёт, такой у тебя там жених...»*.

Несколько бытовавших гаданий основывались на высматривании, как, например, гадание с зеркалом: *«Самое страшное — это в подполье гадать на три зеркала. В подполье сядешь, три зеркала по краям расставишь, и в зеркале там коридоры. И вот в одиннадцатом коридоре должен появиться человек. Это очень страшно, да, там же надо сидеть после 12 часов, молча надо сидеть, там вообще разговаривать нельзя, страшно тоже, говорят, можно даже умереть от страха»* (д. Шестинка). Другим известным гаданием, основанным на высматривании, являлось гадание по бумаге: *«Жгут, бумагу жгут, вот так вот смотрят на тень»*.

Я вот жгла, где вот думаю, где моя будет работа, вот...» (п. Северный Коммунар). С этой же группой связано гадание «лёд морозить», одно из немногих, с помощью которого старались определить, будет ли жить человек в течение года: *«Лёд морозят, сколько вот в ложку положат. Если ты будешь жив, лёд ровный будет, загадаешь на кого, если умрёт, то бугорок будет...»* (п. Северный Коммунар).

Популярным в белорусских поселениях было гадание с дугой, по которому девушки определяли возможность будущего замужества. Если девушка проползала в дугу с закрытыми глазами, в этом году её ожидало замужество: *«Была у нас одна такая дугу. Вот надо было прийти на конный двор, взять дугу, которой запрягали лошадей, поставить её, и вот кто в дугу пролезет, тот замуж выйдет в тот год. Нам по 12 лет, вот мы на женихов. Вот у нас дед был, сторожил, мы придём, днём дугу спрячем, из избушки у него украдём, вынесем, и надо её ещё поставить, как бы вход в конюшню, чтоб ворота были открыты, и напротив вот этих ворот. Поставим тихонько, только соберёмся лезть под эту дугу, тихонько, вроде не скритим, а он в избушке дверь открывает и говорит: “Кто там ходяют?”. Всё, у нас уже ворожба сорвалась, ждём следующего...»* (д. Ядринцы).

Гадания в период от Рождества до Крещения были характерны и для белорусов метрополии [Беларусы 2002, 453–455]. Этот обрядовый комплекс также маркирует традиции этого периода у многих славянских народов, в том числе и восточных славян [Украинцы 2000, 409; Зеленин 1991, 403–405]. Многие приёмы гадания имели широкое распространение и были отмечены в разных регионах, у разных народов. Так, гадание «считать тын», известное у пермских белорусов, отмечено в Белоруссии и у русских в Прикамье, как и гадания с петухом и курицей [Подюков 1998; Кухаронак 2007, 398].

Обычными для периода Коляд — Святков были молодёжные собрания и гулянья, однако информация об их проведении представлена в полевых материалах фрагментарно.

Святочный период, период Коляд, осмысливался как особый в годовом цикле, на него распространялся ряд запретов, среди которых, например, запрет беременным обрубить порог ото льда в эти дни: *«В Коляды нельзя беременным порог обрубить»* (д. Седьминка). На святочный период в Мошково распространялся запрет на любую работу с нитками: *«Вот с 7 по 19 не прядут, не вяжут», «Зашивать нельзя»*. Наказанием за нарушение запрета может быть отметина на скотине: *«В Святки и прясть и вязать нельзя, подействует на скотину,*

телёнок может без прохода родиться, как зашитый, надо будет операцию делать, или глаза будут закрыты». Схожие представления о периоде Коляд и запреты на работу с нитками также известны на этнической территории белорусов [Титовец 2011, 104–105]. С запретами этого периода было связано и одно из названий этих дней — *Косые вечера, Косые праздники*: «*Это называется Косые вечера, праздники косые*» (д. Мошково).

Завершал период *Коляд* праздник Крещения (19 января). Основные представления и ритуальные действия накануне и в день праздника были связаны со святой крещенской водой. Святую воду набирали из источников с 12 часов ночи и до утра, ею окропляли жилище, её пили, хранили в течение года: «*В 12 часов ночи берёшь, если из колодца, она вся святая вода, ночью. В 12 и до утра она святая вода, светленькая стоит, хоть и не из церкви, а всё равно она как святая вода. Все старые люди говорят, вот так, слышала я...*» (п. Северный Коммунар). В деревне Мошково Сивинского района отмечали: «*Вот у нас, если святую воду брать, говорят надо из трёх колодцев набрать...*». Так как хуторские поселения и деревни белорусов обычно располагались вдалеке от водных источников, предписание набирать крещенскую воду из колодцев известно в большинстве записанных вариантов: «*У нас там не было речек, ручейк далеко, не ходили. Просто из колодца брали воду*» (д. Борейково). Одним из свойств, которыми наделялась крещенская вода, было прибавление красоты, с чем связано предписание молодым девушкам умыться на праздник: «*Девки все, они обязательно умывались в этот день, потому что красивыми надо быть, надо замуж выйти*» (д. Борейково). В Мошково целебные и очистительные свойства приписывались не только крещенской воде, но и снегу: «*В Крещение, говорят, скотину надо снегом чистым обтереть*».

С завершением периода *Коляд* связаны и *Разбрыки*, так называется обычай гостевания по завершении праздника Крещения. Эти гостевые визиты получили название «лень носить» и совершались для того, «чтобы не лениться в течение будущего года». Бытование этого обычая отмечено в деревне Мошково: «*У нас 19 января — Крещение, потом ещё, как называется, Разбрыки по-нашему. Лень носят по другим. Вечером к соседу какому-нибудь сходишь. Идёшь к кому-нибудь, унесёшь лень, чтобы потом весь год не лениться, работать. Да обычный день, ну у соседа посидел, как говорится, лень унести, ни выпить, ничего там, просто сходить...*» (д. Мошково).

Таким образом, период от Рождества до Крещения представляется одним из наиболее развёрнутых и обрядово наполненных комплексов народного календаря. Сохранившиеся и бытовавшие обычаи и обряды колядования и христославления, ряженья и гаданий находят аналоги в традициях метрополии. В то же время рождественско-новогодняя обрядность понесла и определённые утраты, восприняла некоторые элементы обрядности соседнего населения.

Следующим праздником традиционного календаря белорусов Прикамья, как и других групп народа [Кухаронак 2007, 402–414; Лицьвінка 1998, 33–39], была *Масленица*. Правда, у белорусов Сивинского района масленичные обычаи не были столь развёрнутыми, как у соседнего русского населения [Черных 2007, 158–258], и информации о праздновании Масленицы собрано немного. Единичны упоминания о масленичных катаниях на конях. Среди наиболее распространённых и устойчивых масленичных обычаев следует отметить катание с гор и приготовление блинов, на которые указывали почти все информаторы: «*Катаются с угоров, да вот блины пекут. Да и всё*» (д. Мошково); «*Катались мы в Масленку. Блины обязательно, на Масленку блины пекли*» (п. Северный Коммунар). Катание с гор обычно устраивали с естественных склонов возвышенностей — угоров: «*Ну, в Масленицу ходили на угоры покататься*» (д. Ядринцы); «*Мы там катались, в Борейково это, склон такой, ну, раньше намораживали доски и катались зимой*» (д. Борейково). Для катания с гор обычно делали специальные приспособления, известные как *коза* и *скамейка*: «*сделанная, как скамейка*»; «*козы-то на ножках, сверху пол и снизу пол*»; «*Доски намораживали, да. Скамейки, назывались скамейками. Внизу доска широкая и длинная, а сверху тока, как сиденье*» (д. Борейково). Нижняя доска козы для катания обмазывалась навозом с водой и замораживалась. Другим, более простым вариантом была *ледянка* — широкая доска, заострённая с одной стороны и намороженная с нижней части: «*У некоторых была просто доска, впереди немножко как бы она загнутая. Это у кого была толстая доска, здесь вот, впереди, стасывали и намораживали, и катались там парни. Они сами делали*» (д. Борейково). Для катания использовали и конские сани: «*Было, что лошадиные сани брали, в которые лошадь запрягают, оглобли только достанут и на этих санях катались тоже, уволокут в горку и катятся*» (д. Березники). Белорусы в селе Сатино отмечали особое устройство масленичной горки: на угоре параллельно друг другу укладывали два длинных ряда жердей, их заливали водой и подмораживали. Катались на такой горке также особо, по паре,

взявшись за руки, стоя лицом друг к другу. Один при этом скатывался по одному ряду жердей, второй — по второму. Такое же устройство горки было характерно и для соседнего русского населения [Черных 2007, 203]. Последнее воскресенье Масленицы, так же как и у соседнего русского населения, было известно как *Прощёное воскресенье*, с которым связывался обычай просить друг у друга прощения: «*Прощенья ходят просят*» (д. Мошково).

Среди ранневесенних праздников, обычно приходящихся на период Великого поста, пермским белорусам были известны *Евдокия-плющиха, ветренница* (14 марта) (д. Мошково). По тому, какая погода в этот день, определяли характер будущей весны.

С праздником *Благовещенья* (7 апреля) связывались запреты на выполнение любой работы: «*Как говорили ещё раньше: “Благовещение — птичка гнёздышко не вьёт, девка косу не плетёт”*» (д. Мошково). День недели, на который приходился праздник Благовещенья в текущем году, был известен как *благовещенский день*. В течение всего последующего года на этот день распространялись запреты на выполнение определённых работ и предписания на начало новой работы: «*Вот говорят, Благовещенье какой день, в тот день не выгоняли скотину. Вот в Благовещенье, тоже на огороде ничего в этот день тоже не садят. Если оно выпало в понедельник, значит, в понедельник ничего не садят, в этот день. И скотину тоже в этот день не выгоняют*» (с. Сива). Представления о благовещенском дне характерны и для русских традиций Пермского Прикамья [Черных 2006, 41–42].

Последнее воскресенье накануне праздника Пасхи известно как *Вербное воскресенье*. Основные ритуальные действия в праздник совершались с ветками вербы. Накануне праздника их приносили в дом и ставили к иконкам. Веточки вербы стояли на божничке до следующей Пасхи. Пермским белорусам было известно предписание ударять принесёнными веточками вербы домашних: «*Бывает, что этой вишкой-то и по человеку шлёпают. И ребят маленьких. У нас свекровка так тоже делала. Это чтобы спина не болела, по спине пошлёпать*» (с. Сива). Схожие обычаи хлестания вербочками были широко распространены у восточных славян, известны они были и белорусам [Кухаронак 2007, 422–423].

Веточки вербы после Вербного воскресенья использовались в ритуалах первого выгона скота на пастбища: «*Вербой коров выгоняли, под порог клали. Вербой потихоньку коров поглядят: “Иди с Богом!” и под порог кладут*» (п. Северный Коммунар); «*Да, вербой провожают,*

с Вербного воскресенья — вот этой вербой, вичкой хлестали коров, чтобы она боялась вичку» (с. Сива).

Известно и второе название этого дня народного календаря в белорусской традиции Пермского Прикамья — *Еврейская Пасха*, связанное с тем, что в этот день, согласно народным представлениям, евреи отмечают свой праздник. В этих представлениях также актуализируются этнокультурные реалии территории происхождения пермских белорусов, где, в отличие от Пермского Прикамья, евреи были непосредственными соседями. Хрононим *Еврейская Пасха*, как и представления об этом празднике, также известны в Белоруссии [Белова].

Значительное число обрядовых действий было приурочено к последней неделе Великого поста и было связано с четвергом Страстной недели, известным как Чистый четверг. С этим днём связывались представления об игре восходящего солнца: *«Утром рано нас мама будила на Чистый четверг: “Детки, вставайте, сейчас солнце будет играть!” И мы смотрим в окошко, вот так вот. Когда только поднимается, оно потом играет всякими радугами...»* (д. Седьминка). Игра солнца на Великий четверг предвещала хороший и благополучный год, если же солнце поднималось в тучах, *«то весь год будет такой плохой»*. Игра солнца в тот или иной день календаря известна многим славянским народам [Толстая 1981, 8–11]. Часто славянские народы связывали игру солнца собственно с Пасхой. Белорусы Прикамья также наблюдали за игрой солнца в пасхальное утро: *«Это было уже в Пасху, утром. Отец заставлял посмотреть, как на Пасху играет солнышко»* (д. Мошково); *«Утром, до восхода солнца, Богу помолятся, на солнышко смотрят. В Пасху даже солнце играет, только надо чёрные очки смотреть на её, на солнце. Всякими полосками солнце играет в Пасху. Всякие полоски, не красное оно, а всякими полосками бывает. Так утром, как солнце всходит. Только чёрные очки надо. Мы раньше стекло закоптим, лампы были раньше керосинные, копоть сделаешь, закоптишь и смотрели. Ну, солнце радуется. Все Пасхе рады!..»* (п. Северный Коммунар).

Целый комплекс обычаев Чистого четверга, как и название этого дня, соотносится с очистительной символикой, временем подготовки к главному христианскому празднику — Пасхе. К Чистому четвергу приурочивали мытьё избы: *«В Чистый четверг всегда мыли избы, сколько я помню...»* (д. Мошково). Мыть избы собирались чаще всего несколько человек и по очереди убрали избы каждой из участвовавшей в помочи хозяйки: *«Ну, Пасха, с детства мы капитально делаем уборку в доме, всё, что есть, выносилось из дому, всё это хлопалось, всё это мылось»*,

потом в доме. Вот хорошо как-то раньше было, женщины собирались, мыли все потолки, такие потолки были не крашенные, отшоркивали золой, потом всё-всё мыли, и стены, всё промывали до щёлочек и потом это всё заносили, это перед Пасхой...» (д. Мошково).

Помимо обычая «в Чистый четверг обязательно мыться в бане» (д. Березники), в некоторых случаях также особо оговаривалось, что посетить баню также следовало «до солнышка», тогда омовение имело наибольший очистительный и апотропейный эффект: *«Помыться тоже надо было до солнца в четверг, накануне протопить — и всё... Мы всегда так делали, и никакой холерой я не болела, и дети тоже, в школе все болели чесоткой, а мои никто не болел...»* (д. Мошково).

Другой день, к которому могли приурочиваться очистительные действия, была суббота накануне праздника. Некоторые информаторы отмечают, что именно накануне Пасхи было принято мыться в бане: *«И вот обязательно была баня перед Пасхой на ночь, вечером перед Пасхой была обязательно баня...»* (д. Шестинка).

Обряды Чистого четверга были характерны для всех трёх восточнославянских народов, в том числе и белорусов, и были связаны с очищением жилого пространства и человека [Агапкина 2002, 72–88].

Значительный обрядовый комплекс Чистого четверга связывался с магическими ритуалами, обеспечивающими достаток, благополучие и удачу в предстоящем году. С этой целью *«деньги считали на Чистый четверг, чтобы велись...»* (д. Седьминка). В этот день в деревне Мошково предписывалось также, *«чтобы всё водилось»*, сходить в конюшню, *«скотину сходить посмотреть»*, *«заставляли лук потрогать»*. Необходимость «потрогать лук» объясняли: *«...чтоб он рос хорошо, чтоб стрелки не пускал»*. Женщинам традиция предписывала в этот день «щупать своих мужиков», чтобы они оставались в семье: *«Раньше так говорили: “Ну-ка давайте, женщины, завтра с утра всех своих мужиков щупайте, чтобы никто никуда ни от кого не убежал, чтобы все при месте были...”»* (д. Мошково).

В качестве охранительных и продуцирующих действий в Чистый четверг совершались и ритуальные обходы усадьбы и жилища. В деревне Седьминке, например, их проводили в таком порядке: *«Бабки брали мак больше трёх годов который, и по часовой стрелке ходили вокруг строения своего и посыпали. Посыпали на углы так помаленечку. Раненько, чтоб никто не видел, до восхода солнышка»*. Выполнение этих действий должно было обеспечить достаток и благополучие в хозяйстве: *«и тогда и в огороде всё вьётся и со скотиной всё вьётся»*, *«чтоб детки*

не болели», «чтобы ещё была прибыль». Ритуальные обходы вокруг усадьбы на Великий четверг — широко распространённая восточно-славянская традиция [Агапкина 2002, 77; Черных 2006, 100]. Однако обсыпание усадьбы маком также характерно для Белорусского Полесья [Агапкина 2002, 77].

Все ритуалы Чистого четверга старались выполнить до солнца — «*нужно до солнца встать*», именно тогда они имели наибольшую силу.

Среди пасхальных приготовлений следует отметить и обычай украшать к Пасхе божницу и избу пихтовыми ветками. К божнице обычно из пихтовых веток плели венок, украшая его также бумажными цветами: «*Потом венок делали на Пасху, лапки снимали с пихты, мякоть лапки наломают, мама сидит, потом плетёт венок на иконки. И от потолка так на гвоздик и прибивала венок, сама делала цветы*» (д. Седьминка). В Мошково отмечали, что пихту украшали не только бумажными цветами, но на ветки прикрепляли и пустые раскрашенные яичные скорлупы. Украшали пихтовыми ветвями не только божницу, «*пихтовые ветви лежали на пороге*», «*втыкали пихту в стены*». Украшение жилища к Пасхе пихтовыми ветвями широко представлено у русских Урала, так же украшали жилище белорусы Зауралья [Ворончихина 2004, 130].

Накануне праздника Пасхи красили яйца. Окрашенное яйцо было главным символом и атрибутом праздника. Известны разные сроки, в которые принято было готовить яйца к празднику: в четверг, пятницу или субботу Страстной недели. Приведём несколько вариантов: «*Да, в субботу готовят яйца, красят...*» (п. Северный Коммунар); «*Пасха, накануне яйца красили, на Чистый четверг, вот старые люди, они красили на четверг, на четверг яйца обязательно красили...*» (д. Шестинка). Обычным и наиболее распространённым было окрашивание яиц в отваре луковой шелухи, так получали бордовый или красный цвет яиц. Известны были и другие приёмы окрашивания: «*Если венчик заварить берёзовый, будут такие зелёнькие яйца, салатного цвета*». В некоторых случаях использовали и покупные цветные красители. С окраской яиц также были связаны определённые приметы. В деревне Мошково, например, когда красили яйца, загадывали: «*...жить буду в эту году, или умру*». Если не все яйца прокрашивались, одно или несколько оставались белыми, это считалось плохой приметой, предвещавшей смерть кого-то из членов семьи. В этой же деревне не разрешалось выбрасывать скорлупу от пасхальных яиц, её предписывалось отпускать по реке: «*А потом вот ещё, знаете, в Пасху вот первые яйца когда ешь,*

собирали шелуху. В Пасху, бывает, порой речки не текут, всякое бывает, в Троицу речки уже текут, так эту шелуху в Троицу надо пустить по речке». Окрашивание яиц к празднику Пасхи, как и различные представления, связанные с пасхальными яйцами, характерны для всех восточнославянских народов [Соколова 1979, 11–112].

С Пасхой, считавшейся главным праздником христианского и народного календаря, связывались и представления о начале нового природного и земледельческого цикла. Идея обновления переключается с обычаем обязательно надевать на Пасху новую одежду. Так поступали в деревне Шестинке: *«Тогда надо обязательно новое платье, именно новое, не чистое, а новое»; «На Пасху нас будили, что стол накрыт, что пора идти есть, мама давала парням новые рубашки, нам платья, и вот и мы садились за стол...».*

Сам праздник Пасхи начинался с вечера Страстной субботы. Посещение храма и пасхальной службы до 1930-х годов было значимым в пасхальной обрядности. Детские впечатления от посещения храма и обычаи, связанные с храмовыми службами, и сегодня сильны в памяти информаторов: *«У нас вот сестра ходила всё в церковь, работала ещё. Я небольшой ещё был, но помню. Она ходила, называлось Всенощное, вот в церковь приходила. С собой брала яички обязательно, продукты там, какие есть, тряпичку какую. Вот там, в церкви Всенощное, когда придёшь, всё это святили, пищу святили. Потом ждём её, пока она не придёт с церкви, а до самого утра молебен идёт в церкви. Утром придёт, тогда уже можно кушать, а так нельзя кушать. Ждём дома» (д. Березники); «С субботы на воскресенье эта вся ночь... Церкви вот когда работали у нас. Идут в церкву, там молятся, долго за полночь молятся, такое дело, яички красят, святят там яички, с вечера красят. В субботу шли они в церкву. А потом уже церкви как не стало, дак вот моя мама в субботу затопляет печку, яички красит, бабуку ставит...» (д. Седьминка).* Из приведённых рассказов узнаём и о бытовании ещё одной пасхальной традиции — освящать крашеные яйца и другую еду для пасхального стола. В советское время традиции посещения храма почти исчезли, поэтому Пасху встречали в семейном кругу, однако элементы христианского праздника — чтение молитв и произнесение пасхального приветствия «Христос Воскресе!», окропление крашеных яиц и пасхального стола святой водой — обязательно присутствовали. Как проходило домашнее моление в белорусском хуторе у деревни Зотино Сивинского района, передают воспоминания информаторов: *«Молились. Ну, отец с матерью стояли, молились, и мы в ряд стояли. Нас было девять чело-*

век в семье, много. Лампадка горела. Вставали они, молились, и мы тут всегда крестились, ребята» (хут. Победим).

Некоторые блюда традиционной кухни заметно отличали праздничный пасхальный стол от обычного, да и в другие праздники. Главным атрибутом и главным блюдом пасхального стола были крашеные яйца. Разными были обычаи разговенья первым пасхальным яйцом. В деревне Седьминке первое яйцо утром пасхального дня делили между всеми участниками застолья: *«Утром всем яичко делят по частям. Всем дают, как бы причаститься. Похристосываются и помаленьку в рот возьмут. А потом уже по яичку дают, по два, у кого, сколько есть»*. Схожим образом разговлялись в Мошково, где также одно яйцо делили между всеми членами семьи: *«Отец разрезал одно яичко, например, на маленькие кусочки, святой водичкой брызгал и всех заставлял по кусочку скушать, потом уже кушали»*.

Другим обязательным пасхальным блюдом был кулич — бабка, приготовленная из сдобного теста: *«Там большая это работа бабку делать. Там опару ставить, яиц туда много, масла сливочного, там ещё изюм, выстаивать надо, потом печь, в печке русской пекли мы. Вот это бабки...»* (д. Мошково). Традиция приготовления пасхальной бабки, сегодня чаще всего именуемой куличом, сохраняется и в настоящее время. В некоторых семьях к Пасхе готовили сыр: *«Обязательно ещё на Пасху обязательно сыр варили свой...»* (д. Мошково). Среди блюд пасхального стола информаторы также обязательно называют домашние колбасы, мясные блюда, среди них и приготовленные из копчёного окорока, специально припасаемого к празднику. Была на столе и домашняя выпечка, не только бабка, но и блины, пироги.

Пасхальное семейное застолье сопровождалось множеством обычаев. За стол, как правило, садились рано утром, в прошлом — как только заканчивалась церковная служба. В советское время, даже если застолье не связывалось с пасхальной службой в храме, за стол старались сесть также как можно раньше. В деревне Седьминке отмечали, что сесть за пасхальный стол надо рано, «пока евреи не едят»: *«А утром мы вставали, мама нас будит: “Вставайте, детки! Надо быстро позавтракать, чтоб пока евреи не едят”. А то евреи, они нехристиане, считалось у нас. Дак вот, садимся, чтобы евреи не поели»*. Представления о соседнем народе и схожесть календарных праздников характерны для районов Белоруссии и сопредельных территорий. Несомненно, эти представления были принесены при переселении и транслировались в Прикамье, несмотря на существенное изменение этнокультурных реалий,

так как еврейское население уже не было непосредственным соседом белорусов [Белова].

Пасхальная трапеза обычно начиналась с молитвы: *«Мама помолится, свечку запалит. Но мы тоже стоим. Садимся, значит, яичко всем дадут, а потом еду всем нам делила. Все с одной чашки мы ели. Когда вот сядешь есть, ногой не поболтаешь за столом, перекрестишься и кушаешь, слова не проронишь. Покушал, перекрестился, спасибо говоришь родителям и уходишь из-за стола. Покушали, яички с собой берём. У родителей кумышка стояла. Они по стопке выпивают, мама ложится отдыхать, а мы на улице, на солнышко...»* (д. Седьминка).

К пасхальным обычаям и приметам, связанным с пищей, относится обычай готовить на праздник молочный суп и смотреть: *«...если молоко убежит, это у белорусов, то значит пасти коров в дождливую погоду. И вот караулят...»* (с. Екатерининское).

В комплексе пасхальной обрядности особое место занимают пасхальные обходы. Одни из них совершали дети, обходившие дома односельчан, чтобы собирать яйца. В одних случаях дети посещали только дома крёстного отца и крёстной матери: *«В Пасху раненько встаёшь, надо обязательно сходить к крёстному и крёстной»* (д. Березники). В других — обходили всех односельчан: *«Ходили по деревне, в каждый же дом заходишь. И у нас, сколько детей в деревне, столько мамка яиц красила, потому что мы ходили»* (д. Морозовка); *«Ребёнок бежит по деревне, в какой дом попадёт ребёнок, ему там обязательно яичко крашеное дадут»* (д. Ядринцы); *«За яйцами на Пасху мы сами бегали. Придёшь, пока не скажешь: “Христос воскрес!”», не дадут, три раза ещё заставят говорить. Вот они тоже тебе как говорят: “Во истину воскрес”. И к крёстным бегали, и к любым, к любым. Ну, соседи, кого знаешь, вот и бегают, бегали...»* (с. Сива).

Старшее поколение вспоминает о названиях пасхального обхода — «волочиться», «ходить волочённиками», «волочённики волочились», бытовавших в прошлом в Прикамье. Волочённые обходы ярко характеризуют именно белорусскую традицию, так как, по данным исследователей, «обычай этот был отмечен только в Белоруссии и в соседних с ней русских губерниях, в которых было и белорусское население...» [Соколова 1979, 124]. Обходные церемонии волочёнников у белорусов имели широкое распространение в северной, центральной и западной частях региона, при этом волочённики не просто обходили крестьянские дворы, а под окнами или в хате исполняли поздравительно-закликательные песни, за что получали от хозяев

гостинцы [Белорусы 1998, 398; Беларускія народныя абряды 1994, 22–43].

Как проходили такие обходы на белорусских хуторах Верх-Сивинского участка, вспоминает Ева Семёновна Щербова, 1925 г.р.: «Пасха дак, ходили по домам, кто чё да подаст, волочёбники волочилися, песни пели, это в детстве я помню, а потом уж когда мы повзрослели, дак мало ходили. Все ходили, волочёбники, девки, парни, все ходили вместе и мужчины, и женщины. Не в каждый дом, а в котором посёлке, раз по хуторам, в округе ещё где-то ходили к друг другу, которых знали и ходили как... Дак выпрашивали чё-нибудь, чтобы дали им, выпить, яички, дают им яички, они ходят с сумочкой такою, яички кладут, кто шанежку даст, кто пирожок даст, кто что...» (с. Сатино). При волочёбных обходах исполнялись специальные волочёбные песни, которые в Прикамье были записаны в деревне Мошково.

Волочёбная

А с-по лесу, лесу тёмного

Христос воскрес, сын Боже.

Волочилися, подмочилися

А с-по лесу, лесу чаева

Не тучки идут — волочёбнички,

Волочёбнички — люди добрые.

Волочилися, подмочилися,

А те дома-дома, пан Ерёма.

Хоть и дома не дома — не кажется,

А не кажется, пробирается.

Одевал шубу бобровую,

Одеёт боты козловые...

(д. Мошково, зап. от М. А. Лисовских, 1913 г.р.).

Среди пасхальных игр и развлечений особое место занимают игры с яйцами. Кроме состязания «чье яйцо крепче», в Сивинском районе известны и игры-катания яиц. В деревне Ядринцы для пасхального катания яиц использовали специальные лотки: «Играли, помню, лотки делали, катали, вот так вот наклонно ставится, один кладёт яичко, другой катит, значит, чье разбилось, тот убирает, тогда он выходит из игры, а у кого не разбивается, десяток, а то и полтора насобирают...». Обычай катания яиц, отмеченный в этой деревне, также следует считать принесённым со старой родины, так как в Прикамье, хотя и известны игры с яйцами, их никогда не катали с лотка [Черных 2006, 115–116].

Другой вариант пасхальных игр с яйцами отмечен среди переселенцев с белорусских хуторов в селе Сиве: *«Как не играли! Катали сколько по полу. Нет, мы сбивать не играли. Мы просто кругом, у кого оно больше крутится кружочками. Все как пустим враз, дак они и все ведь стукуются друг об друга. Вот это моё разбилось, это моё. Вот они начинали, это самое, спорить...»*.

Главным пасхальным развлечением у белорусов Прикамья, как и всех восточных славян [Соколова 1979, 116], были качели. Согласно собранным полевым материалам, качели было принято устанавливать во дворах, такие качели предназначались для детей и подростков: *«Пасха, о, там уж это... качели нам наразвешивают в строениях в Пасху. Качаемся. Когда-то доска выскочит. Когда-то верёвка оборвётся. Летишь кубарем только, куда твоё дело...»* (д. Жуковка). На улице, на специальной поляне на окраине деревни, на площадке перед общественными амбарами или на угорах за околицей качели обычно устанавливали для молодёжи. Качание на качелях в таком случае становилось обычно забавой молодёжи, однако на гулянье на праздничную поляну собирались все жители деревни: *«Но в Пасху, действительно, вся деревня качалась, делали. То тросы какие-то найдут. Все как бы сообща. Коллективно даже качались»* (д. Жуковка).

Получено несколько примеров, когда на Пасху в небольших деревнях односельчане вскладчину на улице или на поляне, где проходили деревенские гулянья, накрывали общий праздничный стол. В небольшой деревне Седьминке *«дядька Фёдор жил, он на Пасху выносит из дома стол свой на полянку, и на стол, что есть у них по возможности, закуски, всё, бутылка могорыча. Всех призывал к столу и все со своим тоже шли сюда. Здесь попили, песни попели пасхальные. И песню запевал пасхальную. Ну вот, например: “Христос Воскресе нас весь свет”. Прославляли вот так вот»*. О праздничных общественных столах вспоминали и в соседней Шестинке: *«Паска у нас всегда хорошо проходила, вон там стояли две большие липы, и вот вся деревня тут собиралась и делали качели, всегда ставили столы, была большая поляна, всегда праздновали, сейчас такого нет...»*. Из других пасхальных обычаев следует упомянуть гостевание родственников и знакомых, праздничные визиты проходили не только в своей деревне, на Пасху посещали родственников и в соседних деревнях.

Пасхальные праздники растягивались на целую неделю — *«потому что вся неделя — Паска»*. Завершающим в цикле пасхальных праздников было воскресенье через неделю после Пасхи, известное пермским

белорусам как *Проводное воскресенье, Проводница*. В деревне Мошково в этот день было принято гостеваться по родственникам и знакомым. Молодёжь, так же как и в Пасху, собиралась на поляне, где были устроены пасхальные качели. Другим обычаем можно назвать употребление после Пасхального воскресенья в течение некоторого времени вместо обычного приветствия, пасхального — «Христос Воскресе!». В Мошково отмечали, что так приветствовали друг друга, *«пока Проводница Пасхи не пройдёт!»*.

Ещё один обрядовый комплекс связан с пасхальными праздниками, он приходился на вторник через неделю после Пасхи — *Радоница*, день поминовения умерших. Обычно в условиях поздней уральской весны в поминальный день не приходили на кладбище, а поминали предков дома. Обычай поминовения на Радоницу характерен для всех восточных славян и известен как у белорусов, так и у русских [Зеленин 1991, 356–357; Кухаронак 2007, 437–439].

В весенней календарной обрядности целый комплекс представлений и поверий, а также ритуалов связывался с первым громом. Считали, что только после первого грома начинается тёплая погода: *«Когда гром прогремит, чтоб земля стряслась, чтоб вода была тёплая, тепло было»* (д. Седьминка). При первом грома принято было кувыряться, *«чтобы спина не болела»*: *«Первый гром, говорят, перевернуться через голову надо, перекуляться, как у нас говорят, чтобы спина не болела»* (д. Мошково).

Целый ряд примет был основан на наблюдениях за первым кукованием кукушки. Если она начинала куковать рано, год считался плохим, неурожайным, и наоборот: *«Говорят, если лес голый, кукушка кукует, тогда плохой урожай будет, а если листья распустятся — значит, урожай хороший будет»* (д. Седьминка). При первом куковании примечали, с какой стороны оно слышалось: *«Если кукушка кукует в лицо, говорят, очень плохо»* (д. Ядринцы). Считалось, что год будет удачным и богатым, если в кармане есть деньги, когда весной впервые кукушка кукует: *«Обычно, когда весна уже наступает, кукушки начинают куковать, время подходит, копейки какие в кармане должны быть, чтоб велись денежки...»* (д. Ядринцы).

В весенней обрядности белорусов Прикамья отмечен также *Николин день* (22 мая). Считалось, что до этого дня необходимо выгнать скот на пастбище. Выгон скота на пастбище также связывался с ритуалами, обеспечивающими удачный пастбищный сезон, здоровье и приплод скота, возвращение скота с пастбища в хозяйство. Особо выбирали

день для первого выгона, в последние годы его старались приурочить к выходным дням. Скот предписывалось выпускать с молитвой, которую произносили либо непосредственно перед выгоном, либо наговаривали на пояс, который привязывали корове на шею. Развёрнутых ритуальных комплексов, связанных с выгоном скота, у пермских белорусов зафиксировано не было.

Комплекс ритуалов и представлений связывался у пермских белорусов со сроками посадки овощей. «Капустными» днями, наиболее благоприятными для высадки капустной рассады, считались постные дни — среда или пятница: *«Капусту надо садить в среду, в пятницу. Капустные дни — среда, пятница»* (с. Сива). При этом для высадки капустной рассады выбирали девятую или одиннадцатую недели после Пасхи. Понедельник также считался благоприятным днём для сева и высадки рассады: *«Огурцы, кабачки, ну, помидоры можно садить по понедельникам: как много дней на неделе, чтоб так много было огурцов и помидоров»* (с. Сива). Наоборот, четверг определялся как неблагоприятный день для посадки: *«А в четверг желательно ничего не садить, потому что четверг — это червь. Вот. В это время ничё нельзя садить, лук особенно, потому что лук червь съест»* (с. Сива). Сроки посадки картофеля связывали с цветением рябины, его предписывалось садить либо после цветения рябины, либо перед: *«Да что вы картошку садить придумали рано, ещё и рябина не цветёт, говорили, как сейчас с детства помню»* (д. Жуковка); *«Картошку, когда рябина цветёт, до рябины. Пока рябина не цветёт, можно садить»* (с. Сива). В основе данного комплекса представлений лежат наблюдения за природными явлениями, осмысление народной этимологией названия «четверг», представления о постных и скоромных днях недели.

Завершение весеннего цикла календарной обрядности приходилось на троицкий комплекс. *Троица* также считалась одним из больших праздников. Комплекс троицкой обрядности включал кроме собственно праздника Троицы и предшествующие дни — Семик, Троицкую субботу и следующий после Троицы — Духов день.

Поминальный обряд у белорусов Пермского Прикамья был приурочен к Троицкой субботе. Все информаторы отмечают, что *«в Троицкую субботу обязательно ходили на кладбище, поминали родителей...»* (д. Ядринцы). Одним из обязательных поминальных блюд считались яйца. Варёные приносили на кладбище либо готовили поминальную яичницу: *«Носят в Троицу яйца на кладбище в поминальный день, в Троицкую субботу, яйца обязательно с собой должны быть, счита-*

ется...» (д. Ядринцы). Среди поминальных дней троицкого периода известен также и Семик, однако информаторы отмечали, что в этот день поминать на кладбище обычно ходили лишь в соседних с белорусами русских поселениях. В других вариантах два поминальных дня — Семик и Троицкую субботу — использовали для того, чтобы совершить поминальные ритуалы в разных деревнях, на разных кладбищах, где были похоронены близкие родственники.

С Троицкой субботой связан и обычай оставлять для умерших тёплую баню: *«В субботу ходили на кладбище, а вечером топили баню. В баню ходили в последнюю очередь. Мама два тазика ставила, мама водички наливала тёпленькой и потеплее, чтоб помыться и обдаться, как бы всполоснуться. Это для усопших. Считалось, что их звали тоже в баню помыться...»* (д. Седьминка). Обычай приготовления бани для предков в поминальные дни известен у восточных славян и относится к одним из архаичных комплексов представлений, связанных с предками [Зеленин 1991, 357; Агапкина 2002, 286].

В комплексе троицких традиций повсеместно распространённым среди белорусов Прикамья был обычай украшать жилище берёзовыми деревцами и ветками. Троицкие деревца устанавливали у крыльца, под окнами домов: *«В Троицу дак приносили из лесу разную зелень, веточки разных деревьев. Ставили на крыльце с одной стороны и с другой, идёшь, как березник, и дома по углам...»* (д. Мошково); *«Вот он берёзку принесёт, у крылечка воткнёт, ветерок дует, она шелестит, вот так мы сядем и слушаем. Там навешают какие-то ленточки, берёзку он приносил в воскресенье...»* (д. Седьминка); *«А так вот берёзки во дворе отец наставит, ленточки навяжем...»* (д. Борейково).

В самой хате старались разместить деревца по всем четырём углам: *«Берёзу ставили. Приносили, у нас сестра всегда ставила, старшая была, она обязательно в Троицу сходит в лес, принесёт берёзу, поставит в каждом углу. Ну что, отстоят, праздник отойдёт, всё выбросили»* (д. Березники); *«Приносили берёзки, ставили в избе берёзки. Ничем не украшали, просто так поставят»* (д. Березники). В деревне Березники берёзовыми ветвями также принято было украшать божницу, берёзовые веточки ещё долгое время стояли потом у икон.

В деревне Мошково троицкие берёзки именовали *маем*: *«Перед Троицей в субботу берёзки отрубят. Май ставили у ворот, у крыльца, под окошком...»*. Украшали жилища как в сам праздник, в воскресенье, так и накануне Троицы — в пятницу: *«Мы в пятницу всё помоем в избе — и на улицу, и нарубим берёзок и наставим. Почему-то в Троицу*

берёзка должна быть, её даже в Троицу в церквях святят. Святое дерево — берёза» (п. Северный Коммунар). Обычай украшать дома и дворы деревцами и ветвями широко представлен в белорусской традиции [Белорусы 1998, 398; Кухаронак 2007, 445]. Однако в отличие от Белоруссии, где для украшения жилища использовали также дуб, клёны, рябину [Белорусы 1998, 398; Кухаронак 2007, 445], пермские белорусы, как и белорусы Сибири [Фурсова 2011, 182], предпочтение отдавали берёзе и только ею украшали жилище.

Накануне и в сам праздник в белорусских деревнях и хуторах проводились также троицкие гулянья на лугах. В Верх-Сивинских хуторах молодёжь собиралась на большой поляне и водила хороводы: *«Ну, вот мы, белорусы. Хороводы водили, бывало, на Троицу. Где мы жили, там специально поляна была, отводили вот молодые парни, они сиденья, скамейки делали, обставляли ветками там, и туда ходили, с утра собирались, далеко, уже знали, что там гулянье будет, туда уже собирались...»* (с. Сатино). В деревне Березники троицкие гулянья проводились на поляне на берегу реки Алтын, и так же, как при пасхальных гуляньях, было принято накрывать вскладчину праздничный стол: *«Было у нас заветное место, на Алтыне на реке, Лукашова лучка, там идёт Алтын, так идёт, тут только метра три не сошёлся вместе, остров почти, петлёй идёт. Полянка вот, кругом заросшая черёмухой. А в середине здесь пустое место. Здесь сделан стол, постоянный поставлен на столбах, тут все праздники проводили летние. Я уже это помню, несут сюда, кто что может, что у кого есть в праздник, и самогонку, конечно, это и не без неё, вот самогонку, вот всю ночь пляшут и поют, и я тогда уже на гармошечке играл».*

Понедельник после Троицы был известен как *Духов день*, а три дня праздника — суббота, воскресенье и понедельник — связывались с именами леса, земли и воды: *«Три дня празднуют — вода-имениница, лес-имениник, земля-имениница»* (п. Северный Коммунар); *«День земли, день леса, день воды... как говорят»* (д. Мошково).

Иванов день (7 июля) — *Иван Купала*, ярко характеризующий традиционную календарную обрядность белорусов, также, видимо, имел развёрнутые обрядовые комплексы и в Пермском Прикамье, однако об этом сохранились лишь фрагментарные свидетельства. В деревне Мошково указывали на бытование обычая пускать по воде венки в праздник: *«Я знаю, что на Ивана Купала ходят, вот венки-то пускают, это ходили раньше...»*. Бытование обычая с венками отмечали и в деревне Папоротке: *«Я помню, что плели венки, в речку бросали...»*.

Купальские обычаи с венками были широко распространены у белорусов [Кухаронак 2007, 454].

Не менее интересным, не характерным для русских традиций Прикамья, следует считать обычай ставить под окном коня: *«На Ивана Купала с вечера до утра ходят. Коня сделают, под окошком поставят...»*, также бытовавший в деревне Мошково. Однако более подробной информации, для чего и как изготавливали коня, зафиксировано не было. По фрагментарным свидетельствам сложно говорить о «купальском коне» пермских белорусов, возможно, как в некоторых районах Белоруссии, к Купале приурочивались «проводы русалок», одним из образов которых был конь [Соколова 1979, 240].

Ещё одна составляющая купальской обрядности у белорусов метрополии — ритуальные бесчинства молодёжи, которая раскидывала дрова и сено, закрывала печные трубы, перегораживала дороги [Кухаронак 2007, 458–459]. Это сохранилось у белорусов и в Пермском Прикамье. В деревне Березники обычай бытовал в таком варианте: *«Летом Иванов день тоже, дак всё вынесем. Принесём на дорогу, где и аппарат самогонный, дак вынесем всё. Всю ночь вот так шалили. Дурь была такая. Иванов день. Как Ивана Купала, говорит, "всю я ночку не спала". Да, все вместе там. Целая орда. Чё, деревня такая была дак...»*.

Другой комплекс обрядов Иванова дня был связан с представлениями о чудесных свойствах растений в ночь на Ивана Купалу. К Иванову дню лекарственные растения, по народным представлениям, набирали наибольшую силу. В Пермском Прикамье белорусам также были известны обычаи сбора лекарственных трав в ночь на праздник. Отдельные поверья связывались также с цветением папоротника в ночь на праздник: *«Ищут папоротник ночью. Надо сидеть тихо, чтоб ни собаки, ни люди, ни машины, ничё не ходили, далеко в глубь леса, где папоротник растёт, в 12 часов расцветает — и всё...»* (д. Борейково). По поверьям, целебными свойствами наделялась и роса, выпавшая на праздник, с чем связывался обычай утром ходить босиком по ивановской росе: *«Ивана Купала ещё ходишь обычно, по росе-то надо ходить босиком-то на Ивана Купалу. По росе вон бегаешь»* (с. Сива).

Ночь на Ивана Купалу считалась одной из самых «страшных», связанных с активизацией колдунов и ведьм. В этот день в чёрных банях совершалось посвящение в колдуны: *«Да, вот в этот Ивана Купалы-то, когда зайдёшь в баню двери, чтоб жаба как тебе, но увидится жабой, в жабу-то надо как прыгнуть, и вот тогда ты колдуном будешь»* (с. Сива). Активность колдунов и ведьм в ночь на Иванов день отмечена

и другими информаторами: *«Вот Иванов день, колдуны-то вот и ходят. В Иванов день они и начинают в банях-то ходить с чёрными кошками. А вот обязательно надо чёрную кошку. Чёрную кошку, чёрную баню, вот это всё...»* (с. Сива). Демоническими свойствами в некоторых текстах о празднике наделялся и цветок папоротника: *«А тут говорят, ну, ещё папоротник цветёт. Папоротник цветёт, а кто увидит цвет папоротника, тот умирает. [А говорят, наоборот, искать ходили?] Нет это. Если увидишь цвет папоротника — умрёшь!»* (с. Сива).

Иванов день считался датой, с которой предписывалось начинать купаться в реках: *«Так-то говорят, с 7 числа, с Иванова дня купаются, до Ильина дня, до 2 августа»* (д. Ядринцы). Основные элементы праздника пермских белорусов, ритуальные действия с венками, представления о цветении папоротника являются широко распространёнными в восточнославянской традиции [Соколова 1979, 228–249], характерными в том числе и для русских Пермского края [Черных 2006, 200–212]. В то же время развёрнутые обычаи празднования Ивана Купалы, ярко характеризующие белорусскую традицию — обереги от ведьм, купальские костры [Соколова 1979, 240–241], не сохранились в календарной обрядности пермских белорусов, хотя отмечены в других переселенческих группах Урала [Ворончихина 2003, 80–84].

Важной датой народного календаря был также и следующий за Ивановым *Петров день* (12 июля). Считали, что с Петрова дня лето поворачивает на осень. Говорили: *«На Петров день Петрок оторвал листок»*, с Петрова дня начинали желтеть и опадать листья. В деревне Мошково с Петровым днём связывали завершение приготовления веников: *«Обычно говорили, Петрок — оторвал листок, надо было до Петрова дня веники заготовить»*. С этим днём связывалось и начало сенокоса: *«И на сенокос есть какие-то дни, вот после Петрова дня надо начинать косить, а до Петрова дня они не косили...»* (с. Сива).

Среди окказиональных обрядов летнего периода следует отметить ритуалы, совершаемые в случае засухи. Записанные обряды вызывания дождя относятся к частным, совершаемым одним человеком. В деревне Мошково в случае засухи поступали таким образом: *«Я дак сама вызывала дождь. Дак я только, дождя нет, нет, засуха, возьму горсть мака, в колодец сыгну, и на следующий день дождь пойдёт. Да и сейчас так можно. Когда засуха, не идёт дождь, если есть у кого мак, съть мак в колодец, и дождь пойдёт. А у меня родители так делали, дедушки-бабушки»*. Обряды вызывания дождя у колодца были широко распространены в восточнославянской традиции. Ритуал посыпания

в колодец мака, семени льна, денег, соли был известен в западных областях восточнославянского ареала и в Полесье [Толстая 1999, 107]. У русского населения Прикамья такие обряды вызывания дождя не бытовали [Черных 2007, 238–243]. Поэтому данный комплекс представлений и обрядности можно характеризовать как принесённый белорусами со старой родины.

Другой распространённый ритуал, совершаемый во время засухи, — крестный ход и моления на полях. Бытование подобных ритуалов характерно для славянской традиции, представлено и в традициях пермских белорусов: *«На моление выходили. Выходили у нас с иконами, дождя просили. Там молитва читалась. Но бывало так, как-то и потом начинался дождь, всё»* (д. Жуковка).

На границе летнего и осеннего времени в народном календаре отмечен *Ильин день* (2 августа). Он означал завершение сенокоса: *«А Илья принесёт гнилья, то есть с сенокосом надо управляться»* (д. Мошково). Считалось, что с этого дня начинается дождливая погода: *«Илья надевает гнилья, дожди будут потом»* (п. Северный Коммунар). С Ильина дня не купались: *«После Ильина дня нельзя купаться»* (п. Северный Коммунар). К Ильину дню старались заготовить веники: *«До Ильина дня, это уж крайний срок веники готовить»* (д. Мошково). Ильин день считался одним из самых строгих в году, поэтому на него распространялся запрет на хозяйственные работы, особенно заготовку сена: *«Если в Илью, говорят, сено метают — сгорит»* (п. Северный Коммунар); *«В Ильин день ничего не делали, мама даже не разрешала, даже если покос, нет...»* (д. Мошково). Так как выполнение хозяйственных работ в праздник было запрещено, обычно в Ильин день собирали малину: *«Как Ильин день, в колхозе все убегают по малину. Пусто. На поле никого нет. Хоть и не выходной»* (д. Березники). Схожие представления и запреты на Ильин день были характерны как для русского населения Прикамья, так и широко представлены в традициях славянских народов, в том числе белорусов [Макашина 1982, 87; Славянские древности 1995, 403].

Осенние праздники слабо представлены в календарной обрядности белорусов Прикамья. Среди ритуалов жатвенной обрядности, ярко характеризующих традиции народного календаря белорусов метрополии [Кухаронак 2007, 463–471], у пермских белорусов не получены развёрнутые материалы о её бытовании. К таковым можно отнести лишь обычай, отмеченный в деревне Березники, плести по окончании жатвы венки из сжатых колосьев и преподносить его председателю колхоза:

«Председателю с хлеба венок плели, да принесут ему в правление колхоза. Ему на голову наденут, что всё сделано в поле. Венок сделают...».

Осенью отмечается праздник *Рождества Богородицы* (21 сентября) — *Пречиста*, с которым связывали завершение листопада: *«Пречиста ещё праздник, к Пречисту — всё чисто, то есть на деревьях уже листьев нет»* (д. Ядринцы).

Другой осенний праздник — *Покров* (14 октября). С Покрова ждали наступления холодов и к этому времени старались утеплить дома, про праздник говорили: *«До Покрова надо утепляться»* (д. Мошково). С Покровом связывали поговорку: *«"Батюшка-Покров, покрой землю-матушку снежком, а меня, невесту — женишком!" — так говорят невесты. Невесте хочется замуж, сама себе говорит»* (д. Мошково).

С субботой накануне праздника Покрова был связан комплекс поминальной обрядности. Покровская суббота считалась поминальной, в этот день старались посетить могилы умерших родственников. Ещё одной поминальной считалась суббота накануне *Дмитриева дня* (8 ноября): *«Праздновали ещё хорошо Дмитриевскую субботу, вот она считалась родительская суббота, тоже можно было на кладбище сходить, вот Дмитриевская суббота»* (д. Мошково). Третьей осенней поминальной субботой считалась суббота накануне *Михайлова дня* (21 ноября): *«Михайловская суббота, вот тоже поминальная, мама ходила на кладбище тоже, они отмечали...»* (д. Мошково).

Таким образом, календарные праздники и обряды достаточно долго сохранялись и функционировали как целостная система. В народном календаре белорусов Прикамья отчётливо прослеживаются черты, характеризующие белорусские традиции — пасхальные обходы волочёбников, рождественские обходы со звездой, почитание праздника Ивана Купалы. Эти обычаи ярко маркируют переселенческий комплекс обрядности, так как не имеют аналогов в обрядности других народов края. В то же время целостный и развёрнутый празднично-обрядовый календарь белорусов потерпел и существенные утраты. В первую очередь сохранялись обычаи и представления, связанные с основными православными праздниками — Рождеством, Пасхой, Троицей, другие сохранялись в меньшей степени. Утрачены обрядовые комплексы и представления, связанные с праздниками Сретенья, Егорьева дня, осенней жатвенной обрядностью и другие. Почти не сохранилась обрядовая терминология на родном языке. Значительны влияния и инновации, воспринятые от соседнего русского населения, такие, например, как термин «шуликуны» для обозначения святочных ряженых, местная

система престольных праздников в деревнях. Достаточно сложно определить истоки многих обычаев, так как они являются универсальными для всех восточнославянских народов — обычаи поминовения в Троицкую субботу, представления и приметы, связанные с календарными днями Петровым, Ильиным, Благовещением. К настоящему времени сохранились лишь некоторые обычаи, связанные с календарными традициями, чаще всего на уровне семейных коллективов. Большая часть уже не имеет яркой этнической специфики на фоне календарной обрядности соседнего русского народа.

СЕМЕЙНЫЕ ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ

Семья для белорусов на территории Пермского края при их дисперсном расселении и отрыве от основного этноса являлась наиважнейшим институтом сохранения традиций и этнической идентичности. Существенным признаком процесса поддержания этнокультурной идентичности белорусами является сохранение и воспроизведение семейных обрядов и обычаев, к числу которых относятся переходные ритуалы жизненного цикла человека (родины, свадьба, похороны), обычаи воспитания детей, проводов сыновей в солдаты, новоселье и другие.

РОДИЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ

Развитие медицинских услуг в течение XX столетия сильно повлияло на трансформацию традиционной родильной обрядности белорусов, лишь отдельные представительницы старшего поколения в настоящее время могут рассказать о семейных и общественных обычаях, связанных с рождением детей. Немногое удалось зафиксировать о предродовом этапе, это прежде всего запреты, которые налагались на беременную женщину. Женщине в положении нельзя было без особой надобности ходить по деревне, обижать животных: *«[Вам не говорили, что нельзя делать, когда ребёнка ждали?] Говорили, что нельзя где попало ходить да куды попало. Нельзя кошек пинать, нельзя собаку пинать ногами там»* (д. Мошково). Считалось, что если женщина пинает домашних животных, то её ребёнок будет страдать от щетинки (кочерги): *«Никогда собаку, ни коту нельзя пинать своей ногой беременной женщине. Это обязательно тогда будет кочерга у ребёнка»* (д. Мошково). Также к данному периоду относятся приметы, по которым определяли пол будущего ребёнка. Например, по форме живота (д. Мошково).

В предродовой период, как правило, женщины не были освобождены от своих основных трудовых обязанностей, поэтому в прошлом роды во время страды часто проходили в поле или в подсобных постройках: *«Раньше ходят везде и рожают везде, и на улице и везде раньше, не то, что сейчас. У нас мама рассказывала, что она в бане родила. Гумно было, гумно, гумно назывались. Там сушили хлеб. Хлеб, снопы возили, молотили. Вот это называлось ток или гумно ли. Ток, ток. Она родила в бане там, в гумне. Там баня была, такая баня, сушили. <...> Только рассказывали. Домой мама принесла, говорит, в подоле домой принесла»* (д. Березники). Если роды начинались дома, принять ребёнка обычно приглашали бабушку-повитуху: *«Мама всех детей родила дома. Принимала, бабничала какая-то бабушка, которая умела принимать роды. Потом уже вызывали фельдшера»* (д. Шестинка). *«Я дома родилась, например. Я дома родилась. Папка испугался, бабушку позвал, бабушка увидела, что я родилась в каком-то мешке. Бабушка убежала. Как говорят, в такой пелёнке...»* (д. Морозовка). *«Я четыре девки дома родила, вот Вовку уже в больнице родила. <...> [Бабушку звали ребёнка принять?] Дома-то когда родила? Ну, бабушка была у нас, бабушка была. [Вы потом благодарили её как-то?] Ну, как-то. Ей это как обязанность была»* (д. Мошково).

В первой половине XX века институт повитух в белорусских поселениях района был хорошо отлажен. Как видно из воспоминаний женщин, повивальными бабками были пожилые женщины, чей детородный период уже завершился. Помимо помощи непосредственно при родах эти же женщины обычно ухаживали за младенцем и роженицей в течение первых дней после родов, к ним обращались при тревожных состояниях ребёнка и заболеваниях: *«Мама рассказывала, что эту бабушку возили по всему Сивинскому району, кому-то роды принять, кому-то — корова не растелилась. И за это давали чего-то там, где-то деньги, где-то какие-то продукты»* (с. Буб). В качестве благодарности повитухам дарили небольшие подарки в виде продуктов, ткани, но, как указывают некоторые респонденты, это было не обязательно. Возможно, в крестьянско-общинном кругу была предусмотрена обоюдная помощь в самых разных ситуациях.

Послед, по редким сведениям, в прошлом закапывали в подполье дома. Как отрезали и перевязывали в домашних условиях пуповину, современные представители народа уже не могут рассказать. Однако удалось записать интересный обычай, связанный с хранением пуповины, имевший место ещё в третьей четверти XX века. Данный обычай был описан в деревне Шестинке. По словам информатора, в семье мать

хранила оставшиеся засохшие части пуповины всех детей в узелках и давала им их развязать при наступлении определённого возраста (15 лет), по тому, что дети делали с узелком, предположительно угадывался их характер или судьба: *«И она вот эти пупки, которые обрезали, завязывали, она завязывала каждый в узелок и хранила. Уже знала, подпписанный на какого ребёнка. И вот в пятнадцать лет она доставала этот пупок. Я помню, я развязывала. Илюша с Катей спокойно развязали, а я как стала психовать. Вот на, попробуй развязать. Когда уже вырастешь. Что-то значило, я не знаю. Что типа характер какой»*. Подобный обычай, известный в науке под названием «развязывание ума», был распространён среди русских разных регионов. По описанным в литературе ритуалам, проводился он намного раньше — в возрасте от двух до восьми лет. Развязывание узла с пуповиной считалось обретением счастья, удачи, различных навыков, хорошей памяти и знаний [Русские дети 2006, 315; Славянские древности 2009, 354]. По-видимому, в некоторых белорусских семьях до тех пор, пока рожали детей дома, сохранялась эта традиция, привезённая к нам с территории Белоруссии. В русских традициях Пермского края такой обычай не фиксировался.

После родин ребёнка в течение некоторого времени ежедневно мыли в бане: *«Каждый день баня, мыли всё время в бане. Родится, тут же в бане»* (д. Мошково). Чтобы защитить роженицу и новорождённого от сглаза и других негативных воздействий, было запрещено показываться им на людях и оставаться без сопровождающего в бане в течение шестинедельного срока. *«После родов нельзя ходить шесть недель одному в баню. Потому что там, говорит, но бывает, что какое-то предчувствие, не предчувствие, но чё-то бывает, что с человеком делается. Не оставаться в бане, и ребёночка. Хоть и с ребёночком, но всё равно вот это бывает. Я потому что когда Андрея родила, дак там в деревне жила, чёрная баня была, дак она меня никогда одну не отпускала в баню, одну шесть недель. И стараться, конечно, шесть недель после родов-то на люди шибко не показываться, потому что очень урочат тебя. Мало ли он что-нибудь вот так скажет про тебя, просто может подумать...»* (с. Буб). Период в течение шести недель в народе считался лиминальным (пограничным), когда мать с младенцем физически были ещё слабы и подвержены воздействию магических и сверхъестественных сил [Байбурин 1991, 45].

Завершение родильной обрядности связано с проведением ритуалов имянаречения новорождённого, крещения и каши. Кроме названных у белорусов был ещё обычай ходить «в ответки»: *«Раньше ходили*

женщины только на кашу. Даже называлось не на кашу, а в ответки, то есть попроведовать роженицу. Приносили там с собой или квас, или кто-то бражку делал, какую-то стряпню принесут. Вот с роженицей посидят, поговорят — и всё» (с. Екатерининское); *«Приходили женщины, это называлось ответки. В ответки приходили — отведать родиху и просто принести... Ну, кто-то мог, конечно, бражку принести, такую слабенькую делали или квас хорошенький. Носили обычно стряпню, всё такое, чтоб родиха покушала, чтоб больше молочка было ребёнку. Вот такое. Отведали, как её здоровье. Одни женщины были, пожилые»* (д. Диево). Обычай «в ответки», по приведённым данным, связывается с обрядом «каши». Но сравнивая материалы, можно увидеть, что этот обычай на территории Белоруссии имел отличия. «В ответки» (ў адведкі) роженицу посещали в первые недели после родин только замужние женщины, с которыми молодая мать могла поделиться своими тревогами, спросить совета. При этом посетительницы никогда не приходили с пустыми руками, они должны были обязательно принести продукты, старались — наиболее калорийные [Беларусы 2001, 313–314]. То есть этот обычай в какой-то мере имел для роженицы психотерапевтическое значение.

Имя младенцу обычно давали во время крещения. В прошлом имя подбирали по православному именнику и известным в народе христианским праздникам, могли дать имя в честь предков, женщины, принимавшей роды, или просто нравившееся родителям: *«[Имена как выбирали?] Кому как нравится. [Родители?] Родители. [А бабушки, дедушки советы не давали?] Почему не давали, давали. Вот они старались как бы имя к какому празднику ближе. Вот у меня Катя в феврале родилась, по старинке там тоже какой-то, ну, есть Екатерина вот. Ну, Таню мы так называли. Вот у меня дочь Ирина, её называли в честь Ирины Рассадницы, она 15-го числа. Ирина Рассадница 18-го мая. По календарю. <...> А свекровка у меня тоже была апрельская, но она в конце апреля, так её вот тоже Арина называли, что Рассадница близко. Арина, Ирина, они как равняли эти имена-то»* (с. Буб); *«Катька по бабушке, мама была Катерина. Светка, Светлана роды принимала — медик. Светленькая она родилась, Света. Вера, я даже не знаю, как он пришёл, записал...»* (д. Мошково).

Обряд крещения среди всех послеродовых ритуалов остаётся наиболее актуальным у белорусов Сивинского района, о нём записано больше всего материалов. В середине и второй половине XX века ребёнка старались крестить, несмотря на запреты советской власти.

Крестили детей в местных церквях, после их закрытия — у известных священников или в более отдалённых храмах, обращались к так называемым в народе «монашкам» или бабушкам-знахаркам. Монашками называли одиноко живущих женщин, исполнявших все религиозные предписания, знавших молитвы и умевших исполнить обряд крещения. *«Мамка говорит, приехали в один год, там какой-то поп, не поп, не знаю, детей крестить. Девчонки были маленькие у мамы. Сёстры мои — Галя с Надей. Мама говорит, мы покрестили их. А потом узнали! Дак мама говорит, я так боялась, что меня... Чуть с работы не выгнали. Некоторых и повыгоняли, когда узнали»* (д. Морозовка); *«Крестили. Все хрешонные дети. В церкви. Первых монашка крестила. Там в деревне у нас жила монашка. А потом вот Вовку, приезжал с Питера... [родственник священнослужитель]»* (д. Мошково); *«Я знаю по разговорам, что возили в церковь. В церкви крестили. А потом церкви развалили, у нас там, в нашем краю была монашка, она раньше была, в церкви работала. Вот эта монашка крестила. [А вы тоже крещёный, да?] Крещёный. Я детей не крестил, а крестили мои тесть и тёшиша. Даже я не знал. У этой монашки крестили»* (д. Березники).

Обряд крещения монашками и бабушками включал чтение молитв у купели, погружение младенца в воду, имянаречение, передачу ребёнка на руки крёстным родителям. Они должны были приготовить для приёма пелёнку или ткань, рубашечку. Так как в советский период опасались огласки, на редкие обряды крещения собирали по несколько детей, порой разных возрастов: *«Ну, бабка нас крестила, ну, с ней ещё старушки были. Нет. Вот нас четверо и соседских-то ребят трое. Нас семь человек тогда крестили. Ну, за раз всех. В ванне крестили, говорит»* (с. Буб); *«Монашка была у нас вот в Замаланье. Она не монашка, но монашкой прозвали. Она знала вот молитвы эти крестить детей. <...> На лавку ставили тазик с водой. Ну и вот, берут ребёнка на руку и водичкой просто так смывают. Просто головку, только темечко окунали в воду. Или мочат просто головочку как бы, или просто окунали вот так. <...> Окунули, например, окунула монашка, мне в руки его. У меня пелёнка чистая или там полотенце широкое. И вот мне, например, эту Катю дали на руки. Я держу. Всё, я её так укутала, что есть у меня там — рубашонка... Но я тогда молодая была, что я могу приобрести. Они своё одели. Просто я её приняла на руки и к себе прижала и вернула этим полотенцем. Ну, и тут молитву читают. Монашка читает молитву. Воскресную, конечно. Воскресную молитву читают, там ещё для ребёнка молитва есть. Там воду сначала они читают, перекрестят,*

потом в эту воду, конечно, вот так вот делали» (д. Диево); «Я своих в церковь никого не возила. <...> Раньше в каждой деревне была монашка, она типа как этим занималась. Я вот помню, только не знаю, в какую деревню мама меня возила, я не знаю, сколько мне лет было. Монашка, она одна была, такая старенькая бабка, запомнилось это мне вот. А своих я детей, у нас церкви тоже не было, тоже были бабки, но как, знахарки ли, как сказать. Раньше же, не знаю, может, в больницы меньше знали, или мы меньше знали о больнице... Чё, у нас больницы тоже не было. От испуга лечили, от сглаза детей. Вот эти знахарки — бабки были. Ну как бы мне казалось — помогало. Я со своими детьми-то в больницы мало бывала. Так вот они, приедешь с больницы, как они называли — вот мы поздравляем. Значит, можно считать, что крещёный ребёнок. <...> Она говорит, говори, точно как назовёшь, я её сейчас там... чё-то заговаривала, всё это перекрещу, можешь крестик надеть» (д. Мошково).

Крёстных родителей для ребёнка выбирали из родственников или знакомых, особых критериев для отбора приемников не называется: «А крёстных-то мы по знакомству. Конечно, и старались родственников. Вот. Постарше. Вот мы Андрею своёму брали как друзей же своих. [А детей можно крёстными ставить?] Можно. Можно. Если ребёнок крещёный, то можно ставить. Главное то, чтоб он был крещёный сам, кто берёт крёстной-то тебя вот, он чтоб крещёный был» (с. Буб).

Ритуал «каши» (бабіна каша) в белорусской традиции приурочивался к обряду хрэссьбіны — крестины, которые после церкви продолжались отмечаться в доме новорождённого. Обряд включал приготовление в горшке густой каши, которая потом делилась между членами общины [Беларусы 2001, 317–318]. На территории Пермского края подобного обычая не помнят, под названием «каша» бытует обычай посещения знакомыми и родными роженицы, который, как и ритуал «в ответки», включал приношение роженице угощения, а младенцу — подарков: «[У вас также называлась «каша» или как-то по-другому?] Нет, на кашу. [Что делают?] Да как обычно. Приходят, обычно подарки приносят, угощаешь» (д. Мошково); «На кашу, да. Со своим идут обязательно. Сами приходят со своими выпечками» (д. Шестинка); «Ну, приходили на кашу. <...> Потом уже, маленько подрастёт, праздник делали. Приходили вот свои, кто родня. [Кашу варили или не обязательно?] Не. Стряпали как обычно. Блины вот напекут, настряпают» (д. Мошково); «[Надо праздник устраивать, когда родственники приходят, отметить рож-

дение?.. На кашу?] Ну, у нас я не знаю. <...> Ну, так-то вот с соседями, я помню, что ходились, там дома-то ходились, и мама у меня, и папа ходились — и всё и. И песни пели. Как соберутся, песни пели. Мы тоже бегали, когда уже побольше были, песни пели» (с. Буб).

УХОД ЗА МЛАДЕНЦАМИ

Уход за младенцами у белорусов на территории Пермского края включал в себя определённый набор обычаев и традиционных средств. При пеленании, например, использовали две пелёнки — одну большую, вторую поменьше. Маленькая пелёнка служила в качестве подгузника: «Пелёнки были. Меньше пелёночку если сделаешь, подложишь меж ног — и всё» (д. Мошково). Детские пелёнки всегда держали в чистоте, в народе считалось постыдным, если женщина вывешивала сушить не идеально выстиранную пелёнку. Маленьких детей прикармливали коровьим молоком. До середины XX века в крестьянском быту было немного фабричных предметов, люди старшего возраста ещё помнят, как для кормления младенцев использовали вычищенный коровий рог с прикреплённой соской от вымени животного. Кроме этого, детям давали сосать разжёванный хлеб: «Нажуёшь с сахаром маленько, нажуёшь, нажуёшь, туда сделаешь, в эту марличку, в рот сунешь, и он сосёт. <...> А рог, поили с рогу. Это вместо пустышки делали маленьким, покуда он ляжит, а когда маленько уже подрастает — с рога поили» (д. Мошково). Для младенцев в доме устраивали специальные люльки, для обозначения которых используют также слова — «зыбка» (широко известное на территории России, в том числе в Пермском регионе), «колысница» (белорусского происхождения). По воспоминаниям, в одних случаях люльки полностью деревянные, в других — представляют собой прикреплённый к четырёхугольной раме холст, от каждого угла рамы шли верёвки, за которые люлька крепилась либо к шести, либо к пружине. Приведём описания таких вариантов зыбок: «Шёст, у матице тут кольцо, а в кольце жердь такая, как навесом, а на этой жердюшке люлька сделана, деревянная, самодельская. В этой люлке он висит, дак его качаешь вот так, жердь качается — и качаешь. [Сверху закрывали чем-то люльку?] Ну, да постилашкой такой обвешивали. А наша люлька на веровочки, с четырёх углов веровочки так сделаны, и туда прицеплены к этому к шести. Кругом эти веровочки постилашки, завешаешь, чтоб мухи да хто не летал, чтоб уснул ребёнок» (д. Мошково); «Я запомнила, что вот Сашка когда родился, вот эта бабушка

Козлова папе сказала: *“Колысницу надо сделать, а не кроватку”*. <...> *И мне всё было интересно, что это за колысница. А это люлька, вот вешают, но не так, как у русских. У русских как бы из досок сбивают такое и качают. А она папе сказала, нет, портяной мешок надо, потому что, видимо, лён успокоительно действует, и на деревянной основе. Очень легко и просто сделано. И не надо его так вот болтать и качать, а мы его так вот качали. [Вдоль, получается?] Вдоль, ага»* (с. Буб). Согласно приведённому примеру, люльку было принято качать вдоль по её длине. К люльке над ребёнком могли привешивать разные предметы, которые должны были развлекать младенца. Наоборот, чтобы он успокоился, к ней привязывали травы: *«Но бабушка заставляла, когда он спать ложился, ну, спать его, это всё убирать, и она какие-то травки всё вешала»* (с. Буб). А чтобы защитить ребёнка от насекомых или от чужих глаз, люльку сверху укрывали тканью — «накидушкой» или «постилушкой».

По рассказам старожилков, родители не всегда могли уделять ребёнку достаточно времени, в некоторых семьях обязанность ухода за младенцами лежала на старших детях, в других — на бабушках или специально приглашённых няньках. Приведём пример описания одного из вариантов ухода за детьми: *«Дети-то ведь не избалованные были, их ведь на руках никто не ляльзал. Накормят грудью, да и в люльку, потому что ведь надо дело делать. Потом даже в войну уже, при колхозах, потому что садики не было... Или старшие дети за ним смотрят, или оставляли одного. Я знаю. <...> Старше меня два брата, один на четыре года старше меня, второй — на шесть. Я им мешаю. Они убегают, и всё — я одна»* (д. Ядринцы).

Во время проведения полевого исследования было зафиксировано упоминание ещё об одном предмете, имевшем отношение к детям — приспособление «сядушка», которое имело форму маленького стульчика с дыркой, под которую ставился горшок: *«Сядушка такая, тут дырочка вырезана, деревянная»* (д. Мошково).

Большое внимание при уходе за маленькими детьми белорусы уделяли апотропейным средствам, которые должны были защитить их от уроков и болезней. В качестве оберега посыпали на темя ребёнка соль или золу, обтирали его лицо подолом нижней юбки или рубашки, в доме, где был маленький ребёнок, веник ставили комлем на пол: *«И сейчас вот оно передаётся, что платье, халат там, подол, намочи его, обтери ребёнка своим. Это бабушки так говорили. Всё время так делали. Веник вот надо в угол поставить, не так, а [показывает — вверх метёлкой]. На боку стоял. Чтоб не плакал, чтоб не сурочил никто,*

не пришёл» (д. Морозовка). Когда ребёнок был беспокойным и сильно плакал, обычно считалось, что его сглазили, его успокаивали традиционными способами: обрызгивали водой, выносили на двор и оставляли под куриным шестком, заговаривали: «[От сглаза что у вас делают?] Ой, не знаю от сглаза. Кто водой брызгает. Значит, воду надо через дверную скобу пропустить три раза, потом этой водой» (д. Морозовка); «Носили под курусодню, где курицы сидят. Вовка вот орал всё время дак, его понесли. Я унесла, положила там, где курицы сидят, спят. Курусодня называется, куры где сидят. А он [муж] потом пошёл, его принёс. Дак он пошёл, кверху ногами принёс. [А вы там вообще его оставили?] Ну, только вот понесла, и он следом же пошёл, забрал потом» (д. Мошково); «Он очень плакал, она его закутает в пелёнки, и когда утром солнце встаёт, бабушка-то, но нас выгоняли в это время, хотя мы спать хотели. Мы с братом уходили в другую комнату. И она брала голик... Знаете, это что такое? Это заметать в печке. Зорька когда, ну, солнышко встаёт, она его завернёт в пелёнки и головкой... Предположим, это солнце всходит, она его левой рукой держит, а правой вот этим голиком (которым печку заметать, ну, чтобы хлеб садить, сначала там заматают), и вот она его берёт и говорит: “Крыксы, плаксы, зоренки сестрички”, — чего-то там в общем наговаривает, наговаривает. <...> Она делала это в доме. У нас было большое зеркало, большое зеркало, она почему-то между зеркалом и окном вот вставляла и делала» (с. Буб).

ПРАКТИКИ НАРОДНОГО ВРАЧЕВАНИЯ ДЕТЕЙ

Большую роль в лечении детей у белорусов Сивинского района играли бабушки-знахарки, что отчасти видно из уже приведённых примеров. Обращение к ним оставалось актуальным вплоть до конца XX столетия, но есть и отдельные примеры бытования в настоящее время. Свои знахарки, по воспоминаниям местных жителей, были почти во всех белорусских поселениях. Кроме того, белорусы обращались также к соседним русским знахаркам. Но такие факты относятся в основном к концу XX века. Возможно, на более ранних этапах все необходимые лечебные услуги исполнялись в белорусской среде самостоятельно, без включения иноэтничного компонента. А на рубеже XX–XXI веков, с развитием государственной медицинской помощи, институт знахарства постепенно утрачивается. При проведении этнографических опросов несколько женщин отметили, что знакомые знахарки предлагали научить их своему ремеслу, но они отказались. Местное

население назвало только одну пожилую женщину, белоруску по происхождению, которая в настоящее время лечит детей традиционными народными способами.

Все респонденты, рассказывая о практике знахарок, главным методом их врачевания называли вербальную магию. Способы лечения были как рациональные, что прослеживается в использовании трав, антибактериальных, жаропонижающих, обогревающих средств, так и психологические — успокаивание больного при разных заболеваниях, а также магические — прежде всего это заговоры и некоторые специфические приёмы, например обмер частей тела ребёнка при испуге. Отметим, что, по уверениям респондентов, никто не помнит текстов заговоров, во время полевого исследования удалось зафиксировать лишь отрывок заговора, включённый в описание способа лечения испуга. Специфику лечения разных заболеваний можно увидеть в приведённых примерах.

Кочерга. *«Я помню, что делали ну как бы жидкое тесто. Жидкое тесто на квасу. Мама квас брала, или бабушка вот, квас, гуцу немножко, и добавляли муки. И вот так вот катают, катают. Сначала Сашку моют в корыте дома. Такое у нас было корытко. <...> А потом эту щетинку. <...> Вот помажут ему спинку, потом тряпочкой его завернут, он сколько-то полежит. И потом вот так вот распеленают, и эта щетинка на тряпочке этой»* (с. Буб); *«Кочерга эта, выводили. А я дак опять в баню приходила, молоком грудным катала»* (д. Мошково).

Испуг. *«А посадит, ниткой меряет, шепчет, слышно, что божественную молитву. [Рост ниткой измеряет?] Всяко, так и так и перехрест, всяко. Молитвы, слышно, что она шепчет. Я слышу, что она молитву какую-то говорит»* (д. Мошково); *«Это раньше была молитва. У нас многие лечили, а сейчас вот... Мерали, ниткой меряют, и молитва была, что: “Спуг снимаю, на сухие леса отправляю, а там рабы божей Татьяне крепкий сон посылаю. Аминь”. Это молитва вот такая. [А ниткой что измеряли?] Они руки смеряют, руки, ноги, всё померяют, что снимаю, спуг снимаю с костей, с ногтей. Со всего снимаю. Потом эту нитку на улицу кинут куда-нибудь, на ветер, чтоб на сухие леса болезнь ушла. Я её молитву знала раньше, сейчас её забыла»* (д. Мошково).

Простуда. *«А кружкой лечила она, было легче. Поставишь три свечки в хлебушко, в кусочек хлебушко воткнёт три свечки и зажгёт свечки, и кружкой ставит, и это оттягивает. Как сейчас, эти, больницы-то делают [имеются в виду банки]»* (д. Березники).

Жар. *«Если температура, лечила молоком, корову подою, и молоко парное в марлечку или тряпочку коленкоровую мочу и на лобец так ложу.*

Молоко парное. На животик, а то и ручки, и всё молоком парным смажу. Он полежит, полежит, температура спадёт» (д. Мошково).

Аллергия. «И потом, сейчас-то я понимаю, что у меня с детства была аллергия на ягоды там, на крапиву. Вот чего-то дома, если запах какой-то, я покрывалась какими-то прыщами, красными пятнами. Но щас-то я понимаю, что это аллергия. И вот она меня лечила. Я помню, был какой-то праздник, и я съела какие-то конфеты или чего, пришла домой вся красная, у меня температура, не могу, рвота, чего-то там глаза закатывала. Ну всё, девка умирает. И вот бабушка... Дак она меня, значит, посадила около печки на скамейку и гладила меня, гладила. Ну, вот типа психолога как-то на меня действовала и тоже какой-то заговор всё говорила. От сглаза. Она всё говорила, это от сглаза. И если я куда-то шла, она мне всегда сюда соль сыпала. [На голову?] На голову, вот сюда вот, на темечко. На темечко. И всё говорила, маме наказывала: “Марья, посыть соли”» (с. Буб).

Кожные высыпания, фурункулы. «Пудра была, присыпали. Траву, чистотел. Чистотелом мыли. Черета есть ещё, этой черетой мыли» (д. Мошково); «Вот я помню, сейчас же всё называют аллергия, диатез, а раньше это была — золотуха называлась. Вот у меня у которого-то, по-моему, у первой дочери было. Берут угли, чё-то их в воду и потом заговаривают. Когда печка топится, эти угли бросают и заговаривают. И проходило. Я не знаю, или это на самом деле...» (д. Мошково); «У нас там, деревня вот Мошково, была бабка, светлая ей память, к ней очень издалека ездили всё время. Она какие-то и пластыри варила — фурункулы лечили, и чаи какие-то, и заговоры» (д. Ядринцы).

Уши болят. «А уши, в баню приведу его, потом жару поддам на печку, ты знаешь же как: льнёшь воды, жар! А потом этим жаром в каждое ухо [дует]. Дует. Да и сейчас можно взрослых лечить так» (д. Мошково).

Глаза болят. «Вот у меня тётка была Марья, она ворожила, много кто. Она ворожила и лечила. Бабушка у нас была такая, лечила она лучше врача, даже меня самую. В избе мыли, я не знаю, то ли мне чё-то попало в глаз, то ли что. Утром встала, у меня такой глаз, ничего не вижу, реву. Режет, как это... Что делать?! Мама: “Не знаю”. Чё, врачи-то какие были раньше?! Один, как его звали — Фёдор, и то так он был, без образования безо всякого, ничё у него. Дедушка заболел, он приехал, мама меня за руку повела. Он поглядел: “Оё-ёй, езжайте в Сиву, там в Сиве дадут направление, езжайте в Перм, надо оперировать глаз”. Мама: “Божечки, я дальше Сивы дорогу не знаю!”

Деньги где взять, ехать в Перм? Я в Перми никогда не бывала, где там что искать», — меня за руку волокёт домой. Идёт бабушка: “Что ты, Катюшка, плачешь?! Что ты, Катюшка, что случилось?” — “А во, — говорит, — Маньки глаз то ли что попало, то ли что, поглядел, — говорит, — Фёдор приехал, сказал в Сиву езжай, а там направление дадут и в Перм, а там уже оперировать будут глаз, будет слепая девка”. Она поглядела: “Тфу!” Прямо так и сказала: “Насери, — говорит, — ему большую кучу! Ничё, даже никуда не езд, иди домой. Корова доится?” — “Доится”. — “Иди, не заходя в хату, заведи, первые струйки сдой, сдой струйку, глаз раз-делай ей и хорошенько этим молоком промой. Так-то, — говорит, — если кто, ребёнок у кого, женщины, пусть бы человеческим молоком бы промыла, а тут-то детей ни у кого нету, дак попробуй этим”. Мама, не заходя в хату, зашла в конюшню сразу, сдоила, потом меня посадила. Помню, чё, мне лет семь, наверно, было. Промыла хорошенько мне глаз, завязала. Я пришла не спавши, уснула. Уснула я, сутки, больше спала. Встала, мне легче — голова не болит, глаз. Мама ещё сводила раз, два ли. Всё, я до сих пор... [Сводила, ещё раз молоком помыть?] Под корову ещё сводила, также вот промыла» (д. Мошково).

РИТУАЛЫ ПЕРВЫХ ЛЕТ ЖИЗНИ РЕБЁНКА

Многие изменения, происходящие с детьми в течение первых лет их жизни, как правило, в традиционной народной культуре имели ритуальное сопровождение. В начале XXI века были зафиксированы лишь краткие сведения о подобных обычаях у белорусов Сивинского района. Так, например, когда ребёнок делал первые самостоятельные шаги, взрослые проводили острым предметом между его ногами для того, чтобы он быстро освоил новое умение и начал легко бегать (с. Сива). Это было символическое разрезание невидимых пут, связывавших ноги ребёнка. Волосы первый раз подстригали детям через год после рождения. Особых обычаев при этом не называют. В случае, когда ребёнок долго не начинал говорить, для «открытия» органов его поили водой из колокольца: «Долго говорить если не начинает ребёнок, дак с колокольца поили. Колокольчик же колоколит, звенит. Так как колокольчик колоколит, так и ребёнок будет колоколить. С того колокольца надо поить его» (д. Мошково). Ещё один обычай связан со сменой молочных зубов. Выпавшие зубы по обычаю забрасывали на печку со словами: «Мышка, на тебе деревянные, дай мне костяные зубы» (д. Мошково).

НАРОДНАЯ ПЕДАГОГИКА

Традиционное воспитание в семье обеспечивало всестороннее развитие детей, родители и другие взрослые добивались этого разными методами. Согласно собранным полевым материалам, в белорусских семьях к детям относились ласково, с вниманием, что контрастировало с более суровым воспитанием в русских старообрядческих семьях соседнего населения. На это указывают сами респонденты: *«Всё время: “Деточки, — так ласково, — Элушечка, Томочка”. Вот приедут двоюродные братья к нам. А их воспитывала, у них бабушка тоже старообрядская. Она их: “Сядьте, парни!”. У них плохое было воспитание, у той бабушки. А эта бабушка: “Деточка”»* (хут. Песковский). В детях воспитывались ответственность за свои поступки, уважительное отношение к старшим, к труду. При совершении детьми каких-либо проступков родители избегали физического наказания, старались в таких ситуациях применять словесные методы: уговор, укор, порицание, нравучение: *«[Родители наказывали когда-нибудь?] Нас? Конечно. Но вот отец нас никогда, он только так, поругает по-доброму, ну, нельзя там»* (с. Буб); *«Никогда не наказывали. Мама, когда я уже своих родила, я всё говорю: “Я сейчас ремень возьму!”. Она говорит: “Мы на вас брали, нет ремень-то?.. Мы, — говорит, — на вас не брали. Надо словом, уговаривать, а не так, что ремнём”»* (с. Сива); *«Я своих строго не держала, я своих ни одного никогда не ударила, не била, не материла. Вот они сами рассказут»* (д. Мошково). При проведении опросов почти не отмечено применение метода запугивания детей сверхъестественными силами или иными способами. Единственный пример, который указывает на это, записан в селе Сива: *«Я всё к этому старику-то как ходила тоже. И у него были книги даже, вот книги, эти божественные-то книги. Дак у него такие они большие-большие были. Вот почему-то мы этими книгами, он нас вот всё как бы страшиал дедка-то. [Что говорил?] Что заколдует, да чё да, такое вот. И вот мы как-то боялись потом. Вначале-то ходили к ему, а потом боялись»*. Предположительно, дед пугал детей для того, чтобы они не трогали книги и иконы, хотя сама информатор верит в возможные его магические способности.

Небольшие различия прослеживаются в педагогической практике крестьянских семей и в семьях сельской интеллигенции. В последних много внимания уделялось развитию умственных способностей и получению научных знаний. Так, например, в семье В.Д. Щенниковой отец, по профессии педагог, с малых лет задавал детям умственные задачки, которые способствовали развитию их памяти, творчества,

навыков работы с разными материалами, самостоятельному получению знаний: *«Отец делал всё кубики, кубики нам делал. Наклеим, нарисуем. Это и работа для нас была с Валиком. <...> Отец сделает кубики, а нам заставлял вот: “Я уйду на работу, а вы эти картинки нарисуйте. Потом мы их заклеим”. И помню, отец всегда, вот я только ещё начала понимать, он уже нас заставлял, карту расстелет географическую и заставлял: “Вот найдите мне...”. Ну, мы лбы расшибём с Валиком, ну как найти, читаем плохо, ещё не понимаем. Но найдём»* (с. Буб).

Несмотря на разные профессиональные занятия родителей, во всех семьях детей приучали к труду, который всегда остаётся актуальным в сельской среде. Трудовые задания были как общие для всех детей, так и разные для детей младшего и старшего возрастов, для девочек и мальчиков. До середины XX столетия обязательным являлось обучение детей разным видам полевых работ, уходу за животными, девочек — прядению, мальчиков — плетению лаптей. В конце века с развитием техники и распространением фабричной продукции некоторые виды ручной работы перестали быть востребованными и, соответственно, изменилось содержание трудовой деятельности детей в семье. При этом неизменной осталась помощь детей в ведении домашнего хозяйства, о чём свидетельствуют многочисленные примеры: *«Бабушка пряла, помню, сядет, прядёт. А нам к столу привяжет кудельку, веретено даст — пряди. Вот мы крутим. Пряла. А потом некогда стало научиться ничему, так и...»* (д. Мошково); *«Парни, вот братья подрастали, дак они учили их самих лапти плести и делать всё: и пахать, и чтоб они всё сумели сделать. Раньше ведь двенадцать лет, тринадцать, он уже боронит, на поле работает. А теперь такие бугаи носят, ничего не делают. А девчонки, я ещё вот в школу не ходила — куделю, веретено — учись прядь»* (д. Ядринцы); *«А всё делали с малых лет. Такие уже возили копыны. Коров пасли. Мы не ходили так, как вот теперь до двадцати лет шляются. У нас работа была, мы с малых лет работу знали. <...> Мама идёт на работу: “Вот, Марусяка, гляди там, чтоб курей, чтоб грядки не порыли, корову загоны, выпусти”. Мы уже это всё-всё сами всё делали. Везде, всюду попевали»* (д. Мошково); *«У меня была обязанность поливать, полоть, дома порядок чтобы был. <...> Я помню, как воскресенье — дресва, веник, вода. Квартира большая была, дом большой, скребусь. Но мама воду наносит, поможет мне»* (с. Буб).

Одним из главных приёмов обучения в народной культуре являлся пример взрослых. В труде дети повторяли за старшим поколением, таким же образом развивались этические нормы, эстетические вкусы,

музыкальные и танцевальные способности: *«[Как вы дробить научились?] Никто меня не учил. На танцы-то ходили ведь, видишь, как люди танцуют»* (с. Буб). Творчество всегда ценилось в народе, умения играть на музыкальном инструменте, петь, танцевать воспринимались как необходимые качества человека. В некоторых ситуациях взрослые помогали детям быстрее всему этому научиться.

ИГРУШКИ И ИГРЫ

Детские игрушки до середины XX века у белорусского населения Сивинского района были преимущественно самодельными, лишь некоторые респонденты старшего возраста отмечают, что им привозили покупных кукол или что они в детстве играли резиновыми мячами. Судя по воспоминаниям, детских игрушек было немного, и разнообразием они не отличались. Девочки, конечно, играли в куклы. Кукол могли изготовить из разнообразных материалов. Называются соломенные, бумажные, тряпочные, из предметов одежды, дровяного полена: *«А игрушки, какую ляльку вон скрутишь что-нибудь да платок завяжешь, вот тебе лялька»* (д. Мошково); *«У нас кукла была из полена дров. Полено дров, углём глаза нарисуешь, нос, рот, платок какой-нибудь повяжешь. В тряпку закручивали — вот это у нас кукла»* (с. Екатерининское). В игре использовали самодельные мячи, их катали из линявшей весной коровьей шерсти: *«Мячик — у коровы шерсти скатаем, мячик скатаем. Этим играли мячиком»* (д. Мошково). Игрушками служили разные поделки, собранные из отходов материалов, например из катушек, оставшихся из-под ниток: *«Там, конечно, из катушечек делали всякие, ну, нитки наматывались — катушечки такие, да, и вот из этих ниточек делали, и машинки делали»* (с. Сива). У мальчиков было игрушечное боевое оружие — пистолеты, рогатки, лук со стрелами.

Весной и летом взрослые сооружали для детей качели и карусели: *«Делал нам папа ещё как-то, вот чурку поставит, и на чурку — доску. Вот, и потом раскручиваешься вот так вот, качели круговые»* (с. Сива). Для зимних развлечений изготавливали лыжи, коньки, санки и козла: *«[Козла — это что?] А это такая штука, подморозют её. <...> Как согнуто маленько, тут стоечки и тут сиденье на ей, как и держаться. Сугора всё катались на этом. Лыжи сами делали, коньки сами делали. Дед нам сделал. Лыжи липовые делали, коньки тоже выделявали»* (д. Мошково). Сами дети приспособляли различные предметы для своей игры, например вместо скакалок брали пояса: *«Прыгалки-то вот эти...*

Скакалки — дак скакалок-то не было. Пояса, пояс от платья возьмёшь, да свяжешь два штуки, да прыгаешь» (с. Сива).

Атрибутом или материалом для детских игр часто служило природное сырьё — глина, песок, трава, снег и т. п. Зимой в глубоком снегу выкапывали пещеры, летом устраивали «штабы», или «клетки» — своеобразные детские домики: «...зимой, уйдём, да эти пещеры да кого да нароем. Всяко везде прятались под снегом, то кого-то закапываем в снег» (с. Сива); «Во что девочки играют — вот домики настроили, друг к другу в гости ходили. [Как эти домики называли?] Клетки» (с. Буб). В число детских игр можно включить и рыбную ловлю, которая имела не только практический, но и развлекательный характер: «Рыбу ловили банками, платками на перекатах» (с. Буб).

Групповые игры, которые разыгрывались и в помещении, и на открытом воздухе летом, называются «катушки», или «глухой телефон», «догонялки», «жмурки», «третий лишний», «номера», или «ремнём», «прятки», «лапта», «а мы просо сеяли», «чижик», «гори-гори ясно», «охотники и зайцы». Приведём описание некоторых.

«А мы просо сеяли». Две команды. Одна команда идёт: «А мы просо сеяли, сеяли». Также все играют. «А мы просо вытопчем, вытопчем» (д. Жуковка).

«А вот становятся четыре охотника [по сторонам квадрата] и перекидывают мяч друг другу, а команда, которая попала по жребью в зайцы, — крутишься, чтобы промазали. Друг другу перекидывают и потом в тебя — всё, выбываешь. Даже примерно не помню расстояние, но небольшое. <...> [А зайцев сколько?] Также четыре» (п. Северный Коммунар).

«Разделяются на две команды. За лапту [палку-биту] берутся, перехватываются так вот доверху, кто верх закроет, тот шарить будет, шарец будет, команда эта. Вот команда стоит та, шарцы, а здесь команда, которая бьёт лапту. Вот один поддаёт, подбрасывает, а ты на ходу его хватаешь и лаптой этой отправляешь туда к им, мячик чтобы улетел, и ты успел сбегать туда до их и обратно прибежать. Если они тебя не закололи, значит всё, нормально, а если они мячик там поймали и тут тебя закололи мячиком, всё, команды меняются, наша идёт шарить, а ихна подавать мячик. [Там черта была?] Ну, была, ага. Там со стороны положено полено, и с той стороны положено полено. Тут кон, где подают, а там — где шарят» (д. Березники).

«Ещё играли, “Чижик” называлась игра. Деревянный вот такой величины чижик, тут ровный, а тут кверху [показывает — длиной

10 сантиметров, кверху заострённый]. Тут подкладывалась палка, а здесь доска так ложилась, вот на этот конец ставят чижик, а там стоишь метра три дальше от этого, и вот палку бросаешь, попасть надо по этому чижику, чтобы чижик улетел туда. <...> Пока они не поймали чижика, успевай обратно прибежать. [Две команды играют?] Да. [Чертю ставили?] Да, да. [А они поймают, чижика ставят?] Да, да. Чижик улетел, бежишь туда к им. Пошёл, завернулся и обратно. А если не попал — значит, промазал, другой становится» (д. Березники).

«Номера». Вот, например, парами сидят, а один без пары, а тут ещё есть какая, с ремнём. Я без пары сижу, кричу там сколько, до двадцати. Двадцать пятый! Двадцать пятый бежит. <...> Если девка вызывает — парень бежит, если парень вызывает — девка бежит. Это интересная игра тоже. По парам так вот на сидениях, девчонка и парень. [А где сидят?] Да на скамейках, если в клубе или где там. В деревне, дак домик, где-нибудь на скамейках сидим, да и всё» (п. Северный Коммунар).

«Мы в ремни играли. Сиделись... Вот садится мальчик... Девочка, парень, девочка, парень — вот так вот парами. Потом вызывали, например, номер такой-то. Скажешь такой номер, тот выбегает. И вот ремнём стараешься шлёпнуть его. Если не шлёпнешь — обратно галишь» (д. Морозовка).

«Третий лишний — это на улице опять встанешь вот по парам, и один лишний бежит тут посередине между нами и кого-нибудь хватает, а этот опять же сзади бежит, тоже кого-нибудь хватает» (п. Северный Коммунар).

ДЕТСКИЙ ФОЛЬКЛОР

Старшее поколение белорусов помнит некоторые произведения, исполнявшиеся ими самими в детстве или взрослыми для них. В народной белорусской культуре наряду с передававшимися от поколения к поколению произведениями существовали импровизированные тексты, содержание которых могло отражать конкретную жизненную ситуацию или являлось вымыслом исполнителя: «[А прибаутки маленьким говорили какие-то?] Говорили всяко, всяко, кто как, на языке болтали ему всякие музыки свои, пикаешь, и он скачет. [Что в ум приходит, или специальные слова были?] Да нет, кто что придумывает. <...> Что было на ум, то и. Лишь бы заснул. Усыпить, хоть что поёшь, хоть и поёшь свои частушки» (д. Мошково). Подобные импровизированные песни

и прибаутки не стали достоянием народной памяти. Зафиксированные же тексты представляют разные жанры детского фольклора, часть их проговаривалась на белорусском языке, часть — на русском.

Колыбельные

1. *«Чяму ж мне не петь, чяму ж не гудеть,
Коли в моей хатынце порядочек идэць.
Чяму ж мне не петь, чяму ж не гудеть,
Петушок на стенце зёрнышки долбеть.
Чяму ж мне не петь, чяму ж не гудеть,
Сучечка на лычечке хатку стережеть.
Чяму ж мне не петь, чяму ж не гудеть,
Мой сынок в колыснице, як бычок рэветь»*
(с. Буб, зап. от В. Д. Щенниковой, 1942 г. р.).
2. *«Баю-бай, баю-бай, поскорее засыпай.
Ты не плачь, баю-бай»*
(с. Сива, зап. от Е. П. Ермолович,
1925 г. р., родом из д. Березники).

Качают ребёнка на коленях, приговаривая пестушку, при последних словах женщина чуть разводит колени, и ребёнок падает в подол платья:

Пестушка

*«Жанився мешок, торбу взял,
Повесил на сук, нехто вкрал»*
(с. Буб, зап. от В. Д. Щенниковой, 1942 г. р.).

Закличка

*«Дождик, дождик, поливай,
Дам тебе каравай,
Дождик, дождик, пуце,
Дам тебе гуци,
Дождик, дождик, сикани,
Я поеду на кони
Богу молиться,
Хресту клониться,
Ключиками, замочиками,
Шёлковыми платочками»*
(с. Екатерининское, зап. от А. Е. Купчиной,
1923 г. р., родом из д. Мошково).

Загадки

1. *Четыре ножки под одной крышкой. — Стол.*
2. *Стоит Антошка на одной ножке. — Гриб.*
3. *Что за загадка, под яйцами гладко? — Яичница жарится на сковороде* (с. Екатерининское, зап. от А. Е. Купчиной, 1923 г. р., родом из д. Мошково).

Игровая песня

*«Ехала торба с высокого горба.
В этой торбе хлеб, соль, пшеница,
С кем ты хочешь пожениться?»*

Вот, значит, выбирает, на ком остановились, себе пару, и задание им дают присутствующие. Что-то сделать — вот поцеловаться или что» (с. Сива, зап. от Р. М. Абричкиной, 1941 г. р., родом из д. Жуковка).

Судя по рассмотренным материалам, родильная обрядность и культура детства белорусского населения сохраняли отдельные этнические черты — обычай ходить «в ответки», развязывать пуповину, белорусский детский фольклор. Наиболее устойчивой до конца XX века, по нашему мнению, оставалась традиция врачевания и её специфические приёмы, о которых рассказывали почти все опрошенные. В народной педагогике выделяется особо ласковое и корректное отношение к детям. В целом же многие традиции имеют общие черты с обычаями соседних народов, что отмечается и самим населением.

ПРОВОДЫ СОЛДАТА В АРМИЮ

Призыв в армию можно рассматривать как событие, связанное с личной жизнью новобранцев, для которых начинается новый этап возмужания, и с семейной, так как юноши покидают отчий дом, семью, что затрагивает чувства каждого её члена и влечёт за собой перераспределение между ними ролей или трудовых функций. Как необыденное явление жизни уход в армию в традиционной культуре имел ритуальное сопровождение. Формирование обряда у белорусов относится ко времени распространения рекрутской повинности (с 1794 года), а некоторые обычаи, возможно, к ещё более раннему периоду, когда белорусские земли входили в состав Великого княжества Литовского, в котором в XVI–XVIII веках производился набор в военно-служилую группу сельского населения — избранцы [Беларусы 2001, 337–338].

Современные материалы, собранные при опросе белорусского населения, свидетельствуют о бытовании ритуала проводов в солдаты на территории Прикамья. К сожалению, они дают информацию лишь о некоторых элементах обрядности, по которым можно реконструировать основное содержание ритуалов.

Призванных в армию по традиции называли некрутами или некрутами, в настоящее время называют призывниками. Первым этапом некрутской обрядности было гулянье некрутов. Как правило, они на несколько недель до отправления на службу освобождались от трудовых обязанностей, катались на лошадях, посещали родных и знакомых [Беларусы 2001, 340]. Белорусы Сивинского района 1920-х годов рождения уже только слышали об этой традиции: *«Гуляли, токо вот я тогда ещё мал был, не помню»* (д. Березники). Подробных сведений об этом этапе обрядности зафиксировать не удалось.

Второй этап — вечер накануне отправления некрута. Данный обычай так и обозначают «вечер», или «провожа́ны», он сохраняется в семьях до настоящего времени. На вечер в доме призывника собираются его друзья и родные, накрывается стол. Все гости угощаются, напутствуют будущего солдата, веселятся — поют и пляшут. *«Утром почта принесла повестку, вечером собрались гости, сколько там было чего — попили, поели»* (д. Березники). Веселье могло продолжаться всю ночь, до утра. Гулянье в доме призывника завершает его веселье и гулянье и вместе с тем обозначает уже начало прощания с родными людьми и родным домом.

Помимо домашнего вечера, в советский период (вторая половина XX века) устраивался общественный вечер призывников от сельского совета, на котором представители руководящих органов напутствовали будущих солдат, вручали символический знак памяти о малой Родине — землю в красном мешочке: *«В сельском совете у нас была заведена традиция: собирали вечер призывников, там готовили маленький такой красненький мешочек, вот родную землю. Или председатель сельского совета или от профкома кто-то вручал, что должен её привезти обратно, с родной землёй вернуться. Это было. Сейчас никаких вечеров никто не собирает»* (с. Екатерининское). Такие вечера призывников — поздние явления, они были попыткой замены прежних ритуалов на новые, соответствующие идеологии того времени, и объединяли сельский коллектив вне зависимости от национальности.

Утром после домашнего вечера призывник, как правило, готовился к отъезду. В его доме снова собирались близкие и родные люди. Данный

третий этап обряда включал сборы и прощание призывника с родным домом. Третий этап более всего, по собранным материалам, насыщен разными обычаями. Это объясняется, во-первых, тем, что призывник в это время приближен к переходному состоянию, когда он уязвим, подвержен негативному внешнему влиянию, и когда он должен через ритуалы прийти к новому своему положению — военнотруженика. Во-вторых, именно отъезд вызывает чувство беспокойства и стремление защитить некрута в его предстоящем пути. Первое названное обстоятельство обусловило появление некоторых запретов для некрута, например ему нельзя было сидеть у печи с открытым челом: *«Я помню, вечер как был тоже, автобус подошёл, Сергей сел перед русской печкой, курит. Женщина, вот подошла, говорит: “Ой, Серёжа, нельзя, ты не сиди перед печкой, не гляди в печку, поехал раз”. Я говорю: “А чё?”. Она говорит: “Нельзя, нельзя, нельзя”. А он только присел как бы, закурил. “Нельзя, а то домой не вернёшься, нельзя”»* (д. Мошково). Ритуалом утверждения перехода юноши в новое положение и обеспечения хорошего пути одновременно можно назвать обычай родительского благословения некрута. В словах благословения звучали пожелания о хорошей службе, о возвращении домой: *«Когда я уезжал на фронт, бабушка мне сказала, что, внучик, ты не беспокойся, воюй, ты вернёшься домой, я буду молиться за тебя каждый день. Вот так и получилось, вообще-то»* (п. Северный Коммунар). Атрибутом благословения могла быть икона, которой перекрещивали новобранца: *«[А мать вас благословляла?] Ну, как же. [А как благословляли?] Ну как, обычно, езжай, благословляю тебя, приходи домой. [С иконой?] С иконой, да»* (д. Березники). Отправка в путь и отрыв от отчего дома обусловили появление различных магических действий, направленных на обеспечение благополучия в дороге и возвращения солдата домой. Среди таких действий белорусы Сивинского района называют следующие:

1) некрут перед выходом из дома кричал в печь, что он вернётся домой: *«Надо подвести к шестку солдата, ну, призывника, и чтобы он в трубку прокричал, что скоро я вернусь домой»* (с. Екатерининское);

2) некрут бросал в печь ложку или вилку;

3) после выхода из дома люди бросали шапку некрута в избу: *«У нас сосед был, здесь рядом жил... Когда выходить из дому, он взял с него шапку снял, или фуражку ли, не знаю, в какое время отправлялся он, и как выходить, он вышел, и он с него снял и обратно бросил в избу, чтобы он вернулся за этой шапкой»* (п. Северный Коммунар);

4) некрут выходил из дома вслед за всеми присутствующими, а потом ненадолго возвращался обратно: *«Выйти на улицу и вернуться в дом — тогда он вернётся домой»* (д. Березники);

5) близкие или знакомые давали некруту в дорогу предметы-амулеты: *«Иконку с собой давали маленькую. У меня вот отправлялся сын, так иконку давали больше»* (д. Мошково); *«Деньги давали как на дорогу ему, говорили, что на гладенькую дорожку, на лёгкую службу, чтоб вернулся домой. Один даже дал пятак ему какой-то, солдату, и сказал: “Вот я даю пятак, чтоб ты мне этот пятак обратно привёз”»* (с. Сатино).

Первый из названных обычаев перекликается с ритуалами местных русских в Великий четверг и другими магическими действиями [Черных 2006, 183–184]. Четвёртый и пятый обычаи также бытовали в некрутской обрядности местного коренного населения. Происхождение второго и третьего обычаев можно связать с белорусской или другой западной традицией, так как первый из них не был зафиксирован у коренного населения Пермского Прикамья. Обычай же с шапкой хотя и отмечается на территории Прикамья [Славянские древности 2009, 422; Черных 2001, 142–150], в разных вариантах он также был широко известен на территории Белоруссии [Белорусы 1998, 389; Беларусы 2001, 342]. Оставленные в печи ложка или вилка, шапка в доме, а также наделение предметом-амулетом — всё это призвано связать юношу невидимыми узами с домом. А возвращение в дом перед отъездом имитирует будущее событие и на данном пограничном этапе «программирует» его реальное исполнение. Выкрикивание в печную трубу является актом вербальной магии. Возвращение некрута в дом допускается, но только в рамках ритуала, нельзя возвращаться за забытой вещью. Подобный запрет актуален и для обычного человека, отправляющегося в путь.

Вечером накануне отъезда или утром пришедшие проститься с призывником одаривали его подарками, приносили вещи и продукты, которые могли пригодиться ему в дороге. Девушка, с которой дружил юноша, готовила для этого случая платочек, дарила свою фотографию: *«Ну, там подарки какие-нибудь давали, что у кого есть, что пригодилось бы ему там: сигареты, деньги даже давали, носовые платки, расчёску, допустим, ножичек перочинный. Ну, что я вот помню. Фотографию брал, если девчонка есть, дак обязательно чё-нибудь она ему давала, платочек или какую-нибудь косыночку или что. Если была фотография — то фотографию»* (с. Буб). Данный обычай участия родных и одно-

сельчан в сборе призывника является традицией общественной взаимопомощи и выражает солидарность с семьёй новобранца.

В начале XX века некрут уезжал от родного дома или села на лошади с украшенной лентами дугой. Во второй половине XX века в некоторых населённых пунктах Сивинского района стали украшать транспорт (машины, трактора), на котором увозили призывников, ветками берёзы или ели, лентами и шарами: *«Некруты. Да, действительно, там на машинах, на тракторах было, потом на машинах, ставили берёзки, украшали лентами, шариками. <...> Провожали в армию когда...»* (д. Мошково); *«Вот когда, значит, пошёл он, повезут, это, украшали машину — еловыми ветками, на ветки вешали красные ленточки»* (с. Сатино). Украшение транспорта — это обозначение важности мероприятия, создание праздничного настроения. Вероятно, стремление украсить технический транспорт перешло из старой традиции украшать коней во время некрутских гуляний.

После отъезда призывника провожающие могли вернуться в его дом и продолжить гулянье, которым и заканчивался обряд: *«Ездили молодёжь, провожали. Потом обратно придут, заходили снова сюда, стол накрывали»* (с. Сатино).

Обряд проводов в солдаты не сохранился у белорусов Сивинского района в исконном виде, привезённом с этнической родины, со временем он включал новые элементы, утрачивал старые, включая на разных исторических этапах соответствующие им актуальные ритуалы. Приведённые материалы свидетельствуют о том, что в отдельных населённых пунктах или семьях бытовали свои традиции, которые могли быть территориально и этнически разного происхождения, это прежде всего касается апотропейных обычаев. Трансформация некрутского обряда в течение XX века выразилась в упрощении его ритуалов, исключении отдельных этапов (гулянья некрута), сближении с обычаями соседнего иноэтничного населения, наполнении идеологическим содержанием, символикой отдельных исторических этапов (красные мешочки).

РИТУАЛЫ СТРОИТЕЛЬСТВА И ЗАСЕЛЕНИЯ В НОВЫЙ ДОМ

К обычаям и обрядам семейного круга относятся строительство жилища и новоселье. Во время проведения полевого исследования в Сивинском районе данная тема не была изучена досконально по ряду

причин, одной из которых является небольшое число мужчин-белорусов старшего возраста, имевших практику строительства домов. После переселения на территорию Прикамья все белорусские семьи строили для себя жильё, которое в последующем оставалось их детям. О возведении своего дома в более поздние периоды (вторая половина XX века) рассказывают и современники, но некоторые из них селились в уже возведённые ранее дома или выстроенные строителями-профессионалами квартиры. Несмотря на важность ритуалов строительства и новоселья, сведения о них в народной памяти изучаемой группы белорусов довольно скудные.

Обычаи строительства, судя по собранным материалам, включали в себя особые приметы и поверья, связанные с выбором времени (сезона и месяца) для отдельных этапов сооружения дома, что гарантировало его прочность и долговечность (д. Шестинка). При возведении сруба, а именно – поднятии матичного бревна, в паз подкладывалась монета (д. Березники). Значение последнего обычая не было разъяснено респондентом. Обычаи закладывания монет или других предметов широко известны на территории России и Белоруссии [Беларусы 2001, 332; Славянская мифология 2002, 165]. Монета обычно символизирует достаток и, по магии подобия, должна наделить этим качеством постройку и поселившуюся в ней семью.

В ритуале перехода семьи в новый дом сохранились отдельные обычаи, связанные непосредственно с входением в жилище и освящением постройки. Временные условия заселения в собранных материалах не отмечаются. Первой в дом по обычаю впускали кошку, если её не было, то кролика: *«У кого если кошки нету, тот кроликов пускал. [А почему кроликов пускают?] Ну, такое поверье, чтоб счастье в доме было»* (д. Шулынды). В одном из рассказов говорится о том, что заходить в новый дом первыми должны муж с женой обязательно с кошкой, иголкой и веником: *«Первый раз входят муж с женой, если есть таковые, в общем, хозяйева, кто бы там значился, надо было веник, кошку и иголку. Чтоб иголка, без иголки тем более в те времена жить было нельзя. Кошка была нужна для охраны от мышей, первое однозначное пожелание. И веник то же самое»* (д. Жуковка). Кроме этого, помнят, что при переезде призывали из старого дома в новый домового (с. Буб).

Белорусское население придерживалось христианского обычая освящения нового дома. По архивным материалам, для данного события специально приглашали священника из ближайшего села,

но в силу слабого развития транспортных связей в начале XX века священник мог приехать не сразу: «По старому православному обычаю вновь построенную избу должен был освятить поп. За ним надо было ехать, а летом проехать было невозможно – не было дороги. Когда выпал снег, рядом живущие соседи сговорились привезти попа освятить избы в одно из воскресений, привезли, поп освятил избы» (ГАПК. Ф. 790. Оп. 5. Д. 872. Л. 36). В документе речь идёт об участке № 24. При отсутствии священнослужителей в середине и конце XX столетия эту функцию исполняли верующие пожилые женщины: *«В новом доме молебен делала. Не знаю, тоже на стол накрывали, тоже старушки были. Вот она тут молилась»* (с. Буб).

СВАДЕБНЫЕ ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ

Свадебный обряд – важная составляющая семейной традиционной культуры белорусов. Основной функцией свадьбы является обрядовое закрепление брачных отношений, которое по своему содержанию и условиям прохождения может быть вариативным. Так, Т. К. Тяпкова, обращаясь к свадьбе белорусов-переселенцев Сибири, выделяет пять типов свадебного обряда в зависимости от социального положения жениха и невесты: «...обычная свадьба, если невеста идёт в семью жениха; приматская (примы), когда жених идёт в дом родителей невесты; сиротская, если у кого-то из молодых нет матери или отца; покрытная, когда невеста до свадьбы утратила целомудрие или родила ребёнка вне брака; вдовая, когда в брак вступают вдовец или вдова» [Тяпкова 2011, 88]. На обрядовую сторону торжества влияло и экономическое благосостояние семей, а также отчасти степень их религиозной приверженности. Кроме того, на территории Сивинского района большое значение имел межэтнический контекст функционирования обряда. Уже среди представителей второго поколения белорусов отмечались межэтнические браки, большей частью с русскими – местными старожилами и выходцами из Псковской и Вятской губерний. Редкими до середины XX века были браки с местным старожильческим старообрядческим населением. Старшее поколение белорусов не желало родниться с местными старообрядцами: *«Как бабушка у меня говорила, лучше пускай девка в подоле принесёт, только чтобы за кержака замуж не выходила. Только не за кержака замуж. [Запрещали?] Да не то, что запрещали. <...> А так-то вот старались всё равно из своих деревень вот брать, которые вот белорусы – белорусов. Так всё равно»* (д. Морозов-

ка). Но всё-таки уже в середине XX столетия были примеры брачных союзов белорусов с русскими старообрядцами: «*В военные годы, помню, и из кержацких деревень брали девушек*» (д. Ядринцы); «*Один-единственный случай вот в нашем селении, один-единственный случай был, что папа женился на могулёвке. В основном, это было запрещено старообрядцами. Могули, они как-то относились как бы так, лояльнее...*» (хут. Песковский). Мотивы таких браков были разными, респонденты объясняют их следующим образом: «*А мама работала учителем начальных классов в их селе <...>. И знали о том, что папа [старообрядец] встречается с мамой [белоруской]. Об этом дошло до бабушки. И бабушка очень властно сказала: "Ничего я не знаю, ничего я не признаю. Если ты встречаешься, всё — женись, чтобы не было никаких разговоров". [Они не говорили, чтобы мама ваша в их веру перешла?] Нет. О том, чтоб настаивать в их веру — нет*» (хут. Песковский); «*[А не говорили, что за кержака не надо выходить замуж?] А вот да. Раньше вот такого не было, а потом в моё уже время пошло так: кто с кем стали жениться, не разбирая. А раньше, ещё раньше, как мои родители, тогда такого не было. [Вам мама не говорила, что за кержака не надо замуж?] Но да. Тогда говори, не говори. За гармониста пошла. [Смеётся]. Не по любви, за гармониста, гармошка понравилась*» (д. Седьминка). Вступление в брак представителей разных этнокультурных и конфессиональных сообществ вело к соединению в обряде ритуалов разных традиций и к формированию смешанного по этнокультурным чертам варианта обряда.

Сбор полевого материала среди белорусского населения Сивинского района был нацелен на фиксирование подробного описания всех этапов и обычаев свадебной обрядности. Но надо отметить, что современное старшее поколение белорусов застало уже поздние варианты исполнения обряда (середина XX века), кроме того, человеческая память избирательна, в рассказах обычно воссоздаются лишь наиболее яркие моменты свадьбы, что осложняет полную реконструкцию обряда. В указанных сведениях редко разделяются старые обычаи от нововведений, белорусские — от русских, так как в культуре на момент их трансляции они представляли одно целое. Повествования разных людей дополняют друг друга, помогают увидеть более полное содержание обрядности, а также указывают на наличие вариативности исполнения отдельных ритуалов. Дополнительную информацию, позволяющую судить о преемственности устного поэтического творчества в свадебной обрядности белорусов, дают материалы записей фольклорных экспедиций 1973

и 1985 годов филологического факультета Пермского государственного научно-исследовательского университета.

Традиционно для совершения свадебной обрядности выбирали свободное от хозяйственной работы время, это была осень, зима или ранняя весна. Верующее население не назначало свадьбу на время поста и крупных православных праздников. Кроме того, существовали приметы о неблагоприятном времени. Например, считалось, что женитьба в мае приносит несчастье: *«А свадьбы нельзя делать на самое Рождество, 7, 6 января. На Пасху нельзя делать свадьбы. <...> Благовещение, 7 апреля — нельзя. А в мае тоже, это всё приметы, кто женится в мае — маяться будет всю жизнь»* (п. Северный Коммунар).

Старшее поколение белорусов по рассказам родителей знает, что в старину решение о свадьбе принимали родители жениха и невесты, сами брачующиеся до сватовства могли быть даже незнакомы друг с другом. В середине XX века и позднее, согласно собранным материалам, девушки и юноши вступали в брак преимущественно по обоюдному согласию. При этом обычай *сватовства* сохранялся почти до конца XX столетия. Если первоначально во время сватовства жених и его родня оповещали родных невесты о своём желании взять невесту, то позднее эта функция ритуала стала символической, так как часто будущие молодожёны предварительно договаривались друг с другом о своём намерении вступить в брак. И в том, и в другом случае сватовство было первым этапом свадебной обрядности, на котором определялось будущее юноши и девушки.

«Во сваты» приезжали специально приглашённые люди либо родители юноши. Сватом и сватьей могли быть близкие родственники, знавшие семью невесты или умевшие хорошо вести разговор. Сватовство имело особый регламент, который предусматривал сдержанное поведение сватов, подготовку сватами угощения для закрепления решения в случае согласия невесты и речи о цели прихода, которая зачастую была иносказательной. При благоприятном прохождении сватовства сватов приглашали к столу, и все присутствующие отмечали данное событие.

«Это дело было не моё, это дело было дядьки, свата, он там договаривал. [А вы молчали?] Я молчал. <...> Мы с невестой лет пять ходили, дружили. <...> Мартын Михайлович отец был у моей жены, а у него у этого Назара у дядьки сын, он старше меня на два года, женился уже на его дочке. Он пришёл и говорит: “Ну, Мартын Михайлович, ты мне подарил хорошую сноху, для сына, сейчас подари для племянника”. Вот это я помню» (д. Березники).

«Жених едет с родителями со своими, ну, сватов ещё, сват и сватья — кого-то двоих берут. Приезжают, заходят в дом. Ну, берут обычно таких, кто знает, что сказать надо. Вот заходят, начинают: “У нас купец, у вас товар”, — такие порой слова говорят. <...> Ну и всё. Потом никто ничё не садится. Что-то с собой привозят, всё это молчат. Ну, так разговаривают стоя, не приглашают ни сесть, ничё. Вот потом, когда уже станут говорить, что вот мы за невестой, её слово. Если она говорит да, что пойдёт, всё — тогда всё начинают ставить на стол привезённое, ну, посидят за столом» (с. Екатерининское).

Так как современные поколения белорусов Сивинского района в большинстве своём заключали браки по любви, информацию о формах выражения несогласия невесты на сватовстве зафиксировать не удалось.

После сватовства отмечались *запоины*. По описаниям, запоины проводили в доме невесты, где собирались родственники с двух сторон, чтобы отпраздновать согласие невесты на свадьбу: *«Это только во сваты приезжали, знакомиться как бы, да. А потом уже запоины бывают, уже там побольше родня собирается. А потом уже назначают день свадьбы»* (д. Диево). В научных исследованиях по белорусской свадьбе отмечается, что запоины могли проходить уже в день сватовства либо через несколько дней [Белорусы 1998, 384]. Некоторые потомки белорусов не помнят обычая проводить запоины (д. Жуковка), но тем не менее отмечают, что после сватовства были *смотрины*: *«У жениха родственник кто-то, не обязательно жених, приезжают смотреть: а какая она, невеста, умеет она, умелица — не умелица, стоит свадьбу заводить или уже отказать заранее. Смотрины обязательно были»* (с. Буб).

Дату свадьбы и условия подготовки к торжеству обе семьи обговаривали на *сговорах*: *«Высватали, назначали день свадьбы, приезжали. Сговоры. Вот как Раю отдавали, помню, сговоры какие-то перед самой свадьбой были»* (п. Юбилейный). В других белорусских вариантах этот этап свадебной обрядности называют *заручины* или *рукабиціцё* [Белорусы 1998, 234–241]. В прежней традиции он помимо разговора о будущей свадьбе включал обмен молодых подарками, обвязывание рук молодых полотенцем, обмен кольцами и другие обычаи, которые не сохранились на территории Сивинского района Пермского края. Само название ритуала также помнят не все: *«Потом через неделю едут уже второй раз, уже договариваться о свадьбе. [Как это называется?] Не помню. Ну, приезжают, просто уже договариваются: сколько гостей с одной стороны, сколько гостей с другой стороны, где, если регистрация или в церкви венчание, куда, как и что...»* (с. Екатерининское).

Важными этапами свадебной обрядности белорусов были *девичник* (*дзявоцкі вечар*) и обряд выпечки каравая. Во время девичника в Белоруссии подружки невесты готовили свадебный головной убор, пели свадебные песни. Выпечка обрядового хлеба тоже сопровождалась песнями и особыми ритуалами замешивания теста, украшения каравая [Белорусы 1998, 384–385; Беларусь 2001, 241–256]. Белорусы Сивинского района редко вспоминают о девичнике, содержание обычаев этого ритуала не называют, лишь отдельные потомки переселенцев отмечают, что девичник проводился более состоятельными семьями: «[А девичник был на свадьбе, нет?] Был. Но он особо не вырисовывался. [Там девушек приглашали к невесте?] Да. Это, знаете, если состоятельные семьи были. А если семьи не очень богатые, не всегда девичники эти проводили» (д. Жуковка). Сведения же об обряде выпечки каравая вообще не были зафиксированы.

Предположительно, что уже на первом этапе подготовки к браку могли исполняться свадебные песни. Например, следующую песню могли петь накануне свадьбы:

*«Не плачь, мамочка, в понедельник,
Не плачь, мамочка, в понедельник,
Заплачешь, мамочка, во вторник,
Заплачешь, мамочка, во вторник.
Как сядет сямейка за столик,
Как сядет сямейка за столик.
Дочкина ложечка останётся,
Дочкина ложечка останётся.
Тогда твоя мамочка зальётся,
Тогда твоя мамочка зальётся.
Куда ж моя доченька подевались,
Куда ж моя доченька подевались.
Что ж её ложечка осталась,
Что ж её ложечка осталась.
Тина с голубым улетела,
Тина с голубым улетела.
Нет, не с голубым, не с лебедём,
Нет, не с голубым, не с лебедём.
Приехал Ванечка, её увёз,
Приехал Ванечка, её увёз»*
(п. Северный Коммунар,
зап. от Т. М. Гречухи, 1945 г. р.).

К сожалению, исполнитель песни не указал, в какой именно момент свадьбы она пелась. Возможно, она могла сопровождать и ритуалы последующих дней.

Собственно свадьба праздновалась не менее трёх дней. Первый день отмечался в доме невесты, второй и третий — в доме жениха. Все три дня были насыщены обрядовыми действиями, магическими предохранительными и продуцирующими ритуалами [Беларусы 2001, 257–304]. На территории Пермского края, по-видимому, белорусы утратили некоторые элементы обряда, так как многие из них, известные по научным публикациям, не упоминаются в современных воспоминаниях. В данной работе при описании свадьбы будем придерживаться тех структуры и обычаев, которые, по данным полевых исследований, сохранились до конца XX века среди белорусского населения Сивинского района.

В первый день жених приезжал к невесте вместе с друзьями, сватами и некоторыми родственниками днём или уже под вечер. Родители жениха обычно оставались в своём доме. У ворот невестиного дома или ещё ранее путь жениху и его свадебному поезду преграждали знакомые и родственники со стороны невесты, иногда любые жители деревни, и просили выкуп. Белорусы Сивинского района называют этот обычай *заяц, забрасывать зайца* или *стрелять зайца*: «Ещё не пустили сразу. В воротах стоят мужики. Это называется заяц. Забросили зайца жениху. А жених должен отдать им бутылку самогону. Водки раньше не было, самогон. Вот им бутылку самогону отдашь, они пропустят тебя, пожалуйста. А то не пропустят» (д. Березники); «Ёлки сделают. Ну, срубят ёлки, привезут. С одной стороны, с другой так посреди дороги. Положат на дорогу. Или встанут все так. Значит, не пускают их проехать. <...> Какого-то там стреляют зайца. Заяц у них как вроде жениха что ли. Как бы убили жениха, к себе запускают сюда, пропускают потом их сюда. Вот и всё, садятся все за стол» (д. Седьминка). Помнят этот обычай не все, он был зафиксирован от жителей деревень Березники, Седьминки, то есть в поселениях вокруг села Екатерининского, тогда как в более отдалённых от них населённых пунктах — селе Сиве, деревне Малой Сиве и других — об этом обычае в настоящее время не знают.

Этимология названия данного обычая остаётся до конца непонятной, как и полное содержание ритуала. Заяц как животное в обычаях белорусской свадьбы имел неоднозначную символику. Так, считалось, что если заяц перебежит дорогу сватам, которые идут сватать невесту, то это предзнаменование неудачи. В этом случае заяц ассоциировался с нечистой силой и был знаком беды [Беларусы 2001, 224]. А, например,

в Минской волости в последний день свадьбы существовала игра «ў зайца»: «Адна з жанчын апранала сарочку, якую нявеста падарыла свякрусе (гэта — «заяц»), хапала за руку кого-нибудь з гасцей, той — наступнага, такім чынам утвараўся доўгі ланцуг. Наперадзе становіўся рослы дюжы мужчына — і ўвесь натоўп бегаў па вёсцы з крыкамі, галёканнем, песнямі. У нейкі момант выходзіў “міліцыянер” ці “салдат” (пераапанутая жанчына) і страляў з ружжа. “Заяц” валіўся на зямлю, яго паднімалі, неслі на руках, клалі на лаўку і пачыналі “ажыўляць”. Прыходзіў “доктар” (абгорнуты белай поцілкай мужчына, у акулярах, з вялікім градуснікам, зробленым з картону, з гарэлкай замест лекаў) і пачынаў яго “лячыць”. Для гэтага паднімаў кашулю, ціскаў жывот, глядзеў горла, слухаў пульс і ў рэшце рэшт наліваў “лекі” ў шклянку і прымушаў “зайца” их выпіць. Пасля гаварыў, што яшчэ трэба “жывот аб жывот пацерці, не будзе балець да смерці”, і валіўся на “зайца”, каб здзейсніць такое “лячэнне”. “Заяц” адразу “ажываў”, пачынаў вырывацца, прысутныя смяяліся і давалі ўсялякія парады» [Беларусы 2001, 301]. В таком варианте образ зайца — это эротический символ, способствующий любовно-брачным отношениям между молодыми и будущему рождению детей. По мнению А. В. Гура, в традициях славянских народов заяц является выражением мужского начала [Гура 1997, 177–199].

Этап свадебного обряда «стрелять зайца» у белорусов Сивинского района перекликается с одним из действий игры «ў зайца», где в ряженого человека стреляет охотник или солдат, в остальном же они отличны друг от друга. Хотя можно допустить, что при встрече у ворот тоже могла разыгрываться определённая театрализованная сценка. Интерпретация символики позволяет предположить, что в рассматриваемом обычае белорусов зайцем называли жениха. Отметим также созвучие слов «заяц» и «зяць» — зять, что может способствовать сближению их образов.

Название «ловить зайца» для этапа свадьбы, когда жених едет за невестой, было зафиксировано исследователями у белорусов-переселенцев из Могилёвской губернии в Сибири. Причём на пути жениха родственники невесты тоже устраивали различные преграды [Фурсова 2011а, 65]. Очевидно, данная номинация этапа свадьбы сложилась как локальный вариант белорусской традиции.

Сооружение преград на пути жениха к невестиному дому перекликается с современными свадебными традициями соседних народов и остаётся и в настоящее время актуальным ритуалом. Вместе с тем

данное действие может интерпретироваться иначе: «На дороге нельзя было делать, потому что если на дороге, значит, у невесты есть какой-то другой кавалер. На дороге делать нельзя было, а только на территории дома. Во дворе, в самой избе. Там ступы какие-то ставили, я помню... [Чтобы пройти не мог?] Да, чтобы пройти не мог, или задание какое-то жениху давали. Вот умеешь ты это, это ли» (с. Буб). Такое значение сооружённых преград также известно местному небелорусскому населению. Возможно, приведённая интерпретация является следствием контаминации разных по происхождению обычаев, так как белорусы основной территории и Сибири преграды устраивали именно на улице, как и в описанных выше обычаях белорусов Прикамья [Белорусы 1998, 386; Фурсова 2011а, 65].

Уже у ворот жениха встречали с песнями гости и родные, в народе их называли *глашатаи* (д. Жуковка):

*«Пустите погреться, пустите погреться, нам негде подеться,
Наши зубочки сокочут, горелочки хочут,
Наши ноженьки свищут, погульбище ищут.
Пустите погреться, пустите погреться, нам негде подеться»*
(п. Северный Коммунар, зап. от Л.Л. Мусихиной).

Или:

*«Зазвенели колокольчики под розовой дугой,
Выходи, моя любимая, приехал за тобой...»*
(п. Северный Коммунар, зап. от Л.Л. Мусихиной).

*«С-под лесу шёл он тучкою,
На поле пришёл он дождичком,
У воротиков встал вербою,
Посередь двора свечою,
А в сени влетел голубцом,
А в хату вошёл молодцом,
За столиком сел паньчом.
— Погоди, Валечка, приберуся,
По пояс золотом увьюся,
По плеченьки — серебром.
Распушу свою косыньку до пояса.
Пуцай моя косонька лелеет,
Пуцай меня родня жалеет.
Лелеет косонька до конца,
Жалеет родина до венца.*

*Не стала косынька лелети,
Не стала родина жалети»*
(АФМ ПГНИУ. Тетрадь № 176А. 1973,
д. Седьминка, зап. от П. М. Шебеко, 1904 г. р.).

Затем все участники обряда заходили в дом. В доме снова от сопровождающих жениха требовали выкуп, уже за место у стола. Невесту выводили к жениху родители или женщина, знающая все условности обряда. В одном из записанных примеров невесту выводят за полотенце, затем его второй конец передают жениху. Далее невеста уже сама заводит жениха за стол: *«Я его за руку и дома как завожу, а когда к им приехали, он меня за руку заводил за стол»* (д. Мошково); либо заводит его крёстный: *«И потом жених к ей садится, заводит его крёстный отец жениха»* (п. Северный Коммунар). Во время вывода невесты поют песню:

*«Ти тябе, Танечка, замуж хочеться.
Ти тябе, Танечка, замуж хочеться.
Что, тябе слёзоньки да не котються.
Что у тябе слёзоньки да не котються.
Ок, шут был, подман был наш Вовочка.
Ок, шут был, подман был наш Вовочка.
Подшутил, подманил к себе Танечку.
Подшутил, подманил к себе Танечку.
Поедем, Танечка, в нашу сторону.
Поедем, Танечка, в нашу сторону.
А в нашей стороне не по-вашему.
А в нашей стороне не по-вашему.
У котла, у котла еду варют.
У котла, у котла еду варют.
Ветрами, ветрами полы метют.
Ветрами, ветрами полы метют.
Ветрами»*

(п. Северный Коммунар,
зап. от Т. М. Гречухи, 1945 г. р.).

На лавку для молодых кладут подушки. Подушки предназначены не только для того, чтобы жениху и невесте было мягко сидеть, они символизируют будущую удачную и богатую жизнь в браке: *«Чтоб богатые были, чтоб хорошо всё время, мягко жилось. Это на свадьбе, уже когда свадьба, дают невесте и жениху подушки»* (д. Морозовка).

Белорусская свадьба включала особый ритуал — *посад*. Он имел варианты исполнения на разных территориях, мог проходить как

накануне обряда, так и во время собственно свадьбы, непосредственными его участниками были жених и невеста — отдельно каждый из них в их домах или вместе в доме невесты либо жениха [Белорусы 1998, 386; Славянские древности 2009, 183–186]. Во время интервьюирования нами белорусов Сивинского района Пермского края слово «посад» ими самостоятельно ни разу не называлось, но когда был задан вопрос о самом термине, то респонденты сразу определили его значение и подтвердили его бытование в местной среде: *«[У белорусов место, куда невеста садится, называют посад, Вы слышали?] Конечно, это есть. [А как у вас на свадьбах это отмечалось?] Ну, как на свадьбах. Прежде чем войти жениху с невестой, это место было занято. Туда раскладывали, на эти места, вот у нас лично, две подушки и садили на кут. Кут — это красный угол, обычно под образами это делается, иконки там, всё. Ложили две подушки, и кто-то сидел на месте выкупа. Если есть — садилась сестра у невесты, если она есть. Все торги вела с женихом. Что запросит эта невеста»* (д. Жуковка). Как видим, месту, где сидят молодые, белорусы Сивинского района продолжали уделять особое внимание во время обряда, данный обычай можно считать одним из вариантов обряда *посад*. Отметим, что сохранившиеся обычаи с местом жениха и невесты во многом совпадают с местной русской, коми-пермяцкой традицией, вероятно, данное обстоятельство повлияло на их актуализацию в адаптированном варианте свадебного обряда.

За столом невеста сидит по левую сторону от жениха, рядом с ней садится её сестра, подружка или крёстная мать, затем родственники, рядом с женихом — его друг или крёстный отец. *«Когда у невесты садятся за стол, жених, когда приезжает к невесте, по одну сторону сестра сидит у невесты, двоюродные, все близкие. От жениха тоже. Потом уж там друзья, а поначалу родственники садятся, братья, сёстры»* (д. Седьминка). Место жениха и невесты, если им нужно выйти из-за стола, как уже отмечалось, караулят их близкие, дружка, чтобы его никто не занял и не просил снова выкуп (д. Седьминка).

Невеста в своём доме одаривает приехавших родственников жениха, повязывает свату на шею полотенце: *«Потом, когда уже приехали, так я полотенце им завязывала, свату»* (д. Мошково).

Гулянье в доме невесты длилось до следующего дня. Гостей угощали разными блюдами, прославляли в песнях сватов и гостей. Из множества обрядовых песен и прибауток до сегодняшнего дня в народной памяти сохранились лишь немногие. Обязательно часть песен посвящалась невесте:

*«Ростили дочушку (Катюшку ли), ростили,
За стопочку пропили.
Ростили Катюшку, ростили,
За стопочку пропили,
За копеечку отдали»*

(с. Сива, зап. от М. Г. Костициной
(Соколовской), 1938 г. р., родом из д. Мошково).

В следующей песне гости обращаются к сватам, просят их, чтобы они поспособствовали удачному браку и лёгкой жизни невесты в браке:

*«А сваточки, голубочки, просим вас,
Как не боло нашей Катеньке плохо у вас,
Как не боло нашей Катеньке плохо у вас,
Как не было ей соседочка маткою,
Как не было ей соседочка маткою,
Как не было ей поветочка хаткою,
Как не было ей поветочка хаткою,
Как не было ей, кочерёжничку вечером,
Как не было ей кочерёжничку вечером,
Как не было под окошечком постеля...»*

(с. Сива, зап. от М. Г. Костициной
(Соколовской), 1938 г. р., родом из д. Мошково).

Жениха в песне просили быть ласковым и добрым с женой:

*«Просим тебе, Петенька, як бога, як бога,
Просим тебе, Петенька, як бога,
Не обидь нашу Катеньку помнога,
Не обидь нашу Катеньку помнога.
А не биш ты яе кулаком,
А не биш ты яе кулаком,
А не делай яе дураком,
А не делай яе дураком.
А не биш ты яе веровкэй,
А не биш ты яе веровкэй.
Научай ты яе гаворкэй,
Научай ты яе гаворкэй...»*

(с. Сива, зап. от М. Г. Костициной
(Соколовской), 1938 г. р., родом из д. Мошково).

В некоторых вариантах описания обряда молодых провожали спать вместе в доме невесты, в других — у жениха. Для них готовили постель в отдельной комнате, у соседей, у крёстных в доме или в амбаре:

«Нас увели потом к соседям, кросный у меня жил рядом тут, там спали мы. А потом обратно утром» (д. Мошково); *«Потом хрёстный и хрёстная ведут, раньше амбары были, ну, летом, а зимой, конечно, в амбар не поведёшь. Ну, я не знаю, ко своим вели куда-то, к родне невесту, жениха. Крёстная, конечно, вела невесту и жениха как бы спать»* (д. Седьминка); *«И крёстная моя с меня снимала фату, сама, лично, что я уже вхожу... В первый день я пришла, вечером, меня повели, и со мной пошла крёстная»* (д. Шестинка). Утром крёстная мать или друзья приносили молодым воду для умывания. *«Обычно, где невеста с женихом спят, приходишь, приносишь тазик, полотенце, чтобы они умывались, будили их ходили»* (д. Мошково).

Об обычае венчания помнят немногие, удалось записать только сведения о том, что молодых собирали на венчание или регистрацию брака на второй день свадьбы: *«Первый день приедут, выкупят её, целый вечер гуляют. На второй вечер едут, зарегистрируются и едут к жениху. Потом у жениха гуляют»* (д. Мошково). В описаниях свадьбы на территории Белоруссии венчание в конце XIX — начале XX века проходило непосредственно перед весельем. Вместе с тем, как отмечают исследователи, в течение многих веков к венчанию относились как к формальной церемонии, оно могло произойти за несколько дней до свадьбы, но брак считался в народе настоящим только после веселья [Беларусы 2001, 266]. Следовательно, и в XX столетии сроки венчания и регистрации могли варьироваться, в зависимости от разных обстоятельств была вероятна возможность совершения данных обрядов и в первый день свадьбы, и во второй, и после веселья. На венчание белорусы Сивинского района ездили в ближайшую к их деревням и хуторам церковь в сёлах Екатерининском, Сиве, Серафимовском, Чурсово.

Современные свидетельства не содержат подробной информации о том, как именно готовили молодых к венчанию или регистрации. Согласно данным о последовательности действий, молодые уезжали из дома родителей невесты вместе, затем после церкви или сельсовета уже направлялись к дому жениха. Известно, что родители невесты благословляли молодых перед отъездом: *«[Мать вас перед дорогой благословляла?] Да. [Она вас вместе поставила перед собой?] Да, вместе перед собой поставила, и икону, полотенце. С полотенцем икону. [Просто отдала?] Не, говорила, крестила, всё как надо, всё сказала, что положено. Она же знала. Ну, вот благословляю, доченька, зятёк, вас, этим, божественные слова. Просто стояли мы, а потом поклонились ей»* (д. Мошково). Жениха и невесту провожали на венчание с песнями:

*«Заснула Матулька, заснула,
Заснула Матулька, заснула,
Повезли дочку, не чула,
Повезли дочку, не чула,
Проснулася, а ужо свет,
Проснулася, а ужо свет,
Вышла за воротики — только след.
Вышла за воротики — только след.
Сенная потруха натрясёна,
Куды ж моя дочушка звезёна.
Сенная потруха натрясёна,
Куды ж моя дочушка звезёна...»*
(с. Сива, зап. от М. Г. Костициной
(Соколовской), 1938 г. р., родом из д. Мошково).

*«Стрелка-мерещечка мощёна,
Туда наша Любочка везёна.
Перевозчики у речки стояли,
У Любочки правду пытали:
— Ты забудешь, Любонька, свою сторонку?
— Коли добро будет — забуду,
А худо будет — помилюю
Свою добрую сторонку.
Добра та сторона,
Где я молода взроста,
Худа та сторона,
Куда я молода замуж пошла»*
(АФМ ПГНИУ. Тетрадь № 176А. 1973,
д. Седьминка, зап. от М. Д. Ющенко, 1887 г. р.).

*«Таня со двора съезжала.
Таня со двора съезжала.
Берёза вершинку сорвала.
Берёза вершинку сорвала.
Стоять ей без верху.
Стоять ей без верху.
Живи, моя матушка, без меня.
Живи, моя матушка, без меня.
Без русой косы,
Без моей русой косы, русой косы»*
(АФМ ПГНИУ. Тетрадь № 353. 1985,
с. Екатерининское, зап. от Г. К. Пазниковой).

Свадебный поезд состоял из нескольких подвод, по воспоминаниям, их было от пяти до двенадцати. К лошадям, подготовленным женихом, могли добавить и подводы от невесты. Дуги и сбрую коней украшали лентами, цветами, бубенцами. Вёл свадебный поезд обычно сват, так как он выполнял функции руководителя обряда, молодые сидели на второй подводе. *«Вот на лошадях украшали дуги, ну, а колокольцов тогда, на дуге были всякие маленькие, большие медные, они звонкие были. <...> Лошадей одиннадцать, больше было, запрягут. Каждой лошади дуги украшены были. <...> Цветы сами делали, украшали. Ох, какая красота! Едут лошади, такой звон!»* (д. Седьминка); *«Подвод двенадцать, наверно, лошадей, больше даже было. Раньше ж кошевы были, как называли могулёвские эти кошевы у нас в деревне. <...> Колокольцы эти, дуги все украшены были, все украшены. Я ехала на второй. На первой ехал сват, главный этот, ведущий-то, потом мы ехали, а потом сзади тут всё ехали»* (д. Мошково).

По пути следования свадебного поезда старшие следили, чтобы не встречались никакие преграды, не случалось никаких неожиданных остановок, так как эта дорога молодожёнов символически определяет их совместный жизненный путь. Любые происшествия могут интерпретироваться как знаки беды: *«Мама икону вот мне подарила. Дак вот ехали, и крёстная, видимо, всёж-таки есть приметы эти, дорога, раскат был, и кошова как в сторону, она слетела, и икону — стекло разбила. И тут сразу же я почувла, говорит, плохая примета. И точно, — что мы, тринадцать лет прожили всего!»* (д. Мошково).

Первые два обрядовых дня невеста была одета в свадебный наряд — белое или розовое платье, венок и фата: *«А раньше был веночек кругом, из разных цветков, такой красивый-красивый венок. А фата также. Было фаты и платье белое. Старались и туфли белые одеть, и чулки — всё белое»* (д. Мошково). Венок для невесты делали женщины из воска и ткани либо покупали готовый: *«А цветы же были раньше, сами делали, фата и венок был. <...> А цветы всякие и такие, восковые. Марлю накрахмаливали, красиво было»* (д. Мошково). По-видимому, существовал запрет: нельзя было матери невесты самой делать венок: *«Девчонки делали, кто умел. Мама подправляла. Мама вообще на свадьбах часто делала венки. А здесь бы она как вроде не очень-то хотела, или нельзя ли было для дочери... Она только командовала там. Подсказывала»* (д. Жуковка). Нарядный, пышный венок выделял свадебный наряд переселенцев западных губерний, так как в обычаях традиционно проживающих в Прикамье народов венок имел иные форму и украшение (см. фото: [Подюков 2004]).

Жених, как правило, был одет в светлую рубашку и брюки тёмного цвета или в костюм: *«А у жениха белая рубашечка, чёрный костюмчик»* (п. Северный Коммунар).

До настоящего времени среди белорусов Сивинского района сохраняется вера в колдовство. Прежде во время свадьбы предпринимались особые меры, которые должны были оберегать жениха и невесту от злых помыслов, несчастий. Например, мать жениха встречала молодых в шубе, вывернутой шерстью наружу, чтобы отпугнуть злые силы, с этой же целью в воротах, через которые проезжал свадебный поезд, раскладывали огонь, существовали и другие обереги [Белорусы 1998, 386]. В Сивинском районе удалось записать несколько апотропейных способов. Так, для охраны жениха во время свадьбы в воротник его рубашки закалывали иголки: *«Ну, вот мы женились, дак опять я стала рубашку у мужика мыть, что такое, <...> кольнуло меня в руку. Глядь, а у него в воротнике тут вот две игопочки. А потом свекровка пришла: “Я, — говорит, — тебя не предупредила. Ты рубашку мыла?” Я говорю: “Мыла, стирала”. “Иголкой не укололась?” — “Укололась”. — “Это ж я, — говорит, — это чтобы ничего не подсунули, вроде того, игопочки сюда в воротничок воткнула»* (д. Мошково). Невесте старались также булавкой или иголкой закрепить на груди цветок, так как их остриё считалось оберегом: *«Приколки втыкали. <...> Цветочки старались на булабочку сделать, прикалывался»* (с. Сива). Для охраны дома, в котором проходила свадьба, над дверями втыкали раскрытые ножницы: *«У нас свадьба была, ножницы втыкали вот в двери, чтоб никто такие колдуньи да кто, чтоб никто не проходил. [Это над порогом втыкали?] Да, над порогом, чтобы если в избу заходить, дак чтоб в избу не заходили. Или даже когда на улице, вот чтоб в сенки не заходили там, на улице, ножницы как бы их разделяют, так и втыкают»* (с. Сива).

У дома жениха его родители встречали молодых с хлебом, солью и рюмочкой. Молодые отпивали самогон чуть-чуть и выливали остальное за спину (или за голову), откусывали каравай хлеба. По укусу определяли, кто в семье будет более работающий и трудолюбивый: *«С хлебом-солью, с божьей долей. Вот подадут вино, вино они берут, пьют и обратно бросают туда, выливают назад себя. Немножко попьют и выливают. Хлеб дают, кто больше укусит: жених или невеста, кто больше работать будет. Кто больше откусил, тот больше и работать будет»* (п. Северный Коммунар).

В доме жениха, согласно полевым данным, происходил обряд подстригания волос невесты. Вообще же в белорусской традиции время

и место этого ритуала варьировались, он мог проходить и в доме невесты, главное участие в этом случае в нём принимали её родственники [Беларусы 2001, 277–278; Славянские древности 2009, 184], и в доме жениха — там ритуал проводили его родные. Считается, что подстригали невесту обычно символически, отрезая лишь часть концов её волос, или же волосы оставались нетронутыми: *«Я вот помню, на свадьбе раньше косу обрезали. <...> Инсценировали, что обрезают косу. Ну, какой-то нож брали, косарь типа, резали косу. Ну, видимо, концы-то обрезали так, а для чего, не знаю. Потом пили за эту косу»* (д. Мошково); *«Залазют за плечи, берут волосы навроде и как бы обрезают. Потом плотят ему, дают деньги. <..> Плотят ему деньги, бросают. Этот ловил парень, который режет»* (д. Мошково). Почти всё старшее поколение белорусов помнит об этом обряде, но точных подробностей уже не знает. Приведём для сравнения описание одного из вариантов подстригания волос невесты на территории Белоруссии: *«Маці маладога падстрыгала маладую, клала на галаву тры пасмачкі лёну, прыпальвала накрыж свачкаю валасы, а сястра маладога падстрыгала іх нажнічкамі. Затым свахі здымалі з главы маладой лён, падбіралі яе валасы ўгору, завязвалі, закручвалі і приціскалі льняной пасмачкай. Гэты лён, абшыты сукном, яна павінна была насіць заўсёды, яго звалі “тканкаю”. Затым пачыналі надзяваць ёй чапец або шапачку...»* [Беларусы 2001, 276]. Также в белорусской свадьбе существовал обычай подстригания и подсмаливания свечой волос жениху, который проводили до того, как он отправлялся к невесте. По мнению исследователей, это остатки древнейших обрядов инициации молодёжи [Беларусы 2001, 257–259]. В интерпретации народа, подстригание волос невесты — это обрядовый акт «перевоплощения» невесты, связанный с переходом в новую семью: *«На свой лад, невесту нужно переделать на свой лад»* (д. Мошково). В настоящее время зачастую основной задачей данного ритуала считается получение выкупа за волосы невесты, обычно в виде спиртных напитков, а его символическое значение забывается.

Во время обрезания косы пели песню:

*«А уж не рано на дворе,
Бояре ворота обняли, обняли.
Стоячи, молодую Ниночку торгуют.
Торгуйся, татулька, дороже,
Стального города держися.
— Сталёный город не дорог,
Ты ж, моя дочушка, дороже.»*

*Одна твоя косонька сто рублей.
Другая такая — тысячу.
А белому личику цены нет.
Тебе, моя доченька, сганы нет»*
(АФМ ПГНИУ. Тетрадь № 176А. 1973,
д. Седьминка, зап. от П. М. Шебеко, 1904 г. р.).

После обряда подстригания волос девичьи косы меняли на женскую причёску — обёрнутые вокруг головы две косы или собранные и заколотые в «шишку» волосы. В середине XX века на территории Сивинского района молодущке не надевали чепец, основным женским головным убором в то время был платок, возможно, поэтому во время свадебного обряда после подстригания волос невеста могла еще некоторое время оставаться в венке и фате.

Особые традиции существовали при поднесении молодым подарков. Подарки от невестинной родни могли вручаться и в первый день в доме её родителей, а от жениховой — на второй день. Жених и невеста стоят за столом, гости поют особую песню, пропевая в ней всех, кто подходит к молодожёнам, начиная с самых близких родственников.

*«Калинница, малинница ломится,
За подарочки наша Любочка клонится.
Приступ-приступ, моя мамочка близенько,
Поклонюсь я тебе в ноженьки низенько.
Ай, калинница, ай, малинница ломится,
За подарочки наша Любочка клонится.
Приступ-приступ, мой папочка близенько,
Поклонюсь я тебе в ноженьки низенько.
Ай, калинница, малинница ломится,
Приступ-приступ, наша сестриченька близенько,
Поклонюсь я тебе в ноженьки низенько...»*
(п. Северный Коммунар, зап. от Л. Л. Мусихиной).

Данный вариант песни по сюжету совпадает с песнями свадебной традиции русских Пермского края. Другой текст, записанный в 1973 году, также приурочивался к обычаю дарения, он уже имеет шуточный характер:

*«Я в озеро сети спустила:
— Где та рыбочка подевалась?
По тёмным куточкам споховалась.
Сказали, у Любочки родни много,*

*А как стали дарить — нет никого.
Где та родня подевалась?
По тёмным куточкам споховалась.
Только дядечка с длинным носом
Дарует Любочку одним грошем»
(АФМ ПГНИУ. Тетрадь № 176А. 1973,
д. Седьминка, зап. от М. Д. Ющенко, 1887 г. р.).*

В ответ на подарок молодые угощают гостей рюмкой вина или самогона: *«Они за столом стоят, встают, к ним подходят, поздравляют и подарок дают. А они дают рюмку на подносе»* (д. Морозовка).

Второй день также включает пир и пение свадебных песен. На третий день продолжается гулянье, молодой запрягает коней и едет за невестиным сундуком и за тещей, которая оставалась в своём доме. Если невеста до замужества была девушкой, жених привозил теще бутылку вина, к которой привязывал красную ленту: *«Бутылку жених потом теще подносит, обвязана красной ленточкой. Если путёвая, он значит это. Если нет — не знаю»* (д. Мошково).

Когда жених привозил сундук к своему дому, происходил обряд «сучку выгонять». «Сучкой» в данном случае называют ряженого (или ряженных), который изображает лающую собаку, а также бутылку и закуску, которые лежат в сундуке вместе с приданым: *«Вот мужики вооружаются палками, сучку выгоняют с этого сундука, а там должна стоять самогонка и закуска. Вот это называлось сучка. Вот сучку эту выгонишь. И гавкают и всё делают. <...> Сучка называется — самогонка и закуска»* (д. Березники). В сундуке, по одному из свидетельств, может лежать бутылка, которая символизирует честность невесты: *«Потом откроют и это всё вино, водка подаётся с красной лентой, если девочка хорошая. Закуска пирог, там или что, тоже подаётся всем»* (п. Северный Коммунар). В другом примере данный обряд также сопровождается выкупом сундука: *«Кто-то сидит, тявкает на этом сундуке с приданным, вот за него надо заплатить. Пока выкуп не дадут. Там и водочки попросят, и закусточки, и конфет, и денежки»* (с. Екатерининское). Плату могли заменить «приговорки», то есть словесное творчество участников ритуала: *«...или какими-то приговорками или вином откупали приданое»* (д. Шестинка). Название данного ритуала, возможно, подчёркивает его связь с женским началом, в нём обыгрывается переход девушки вместе с приданным от матери в дом жениха и от девичьей жизни к замужней. Игровой характер ритуала поддерживала и роль подражателя собаки в процессе выкупа приданого. После распития бутылки гости рассмат-

ривают приданое невесты под пение песен, судят об её умениях и богатстве: *«Пели у нас раньше песни, напевают, там что невеста привезла с собой. Но я даже одного слова не помню. Помню только, что поют. <...> Вот там рушники привезённые, там у неё постельное, платья, сколько платьев, сколько всё-всё. Весь сундук этот перетрясут с приданым. Ну и делают вывод, богатая невеста или бедная»* (с. Екатерининское).

Третий день наполнен испытаниями для молодых и различными шутками. Подвергаются проверке характер молодожёнов и их трудовые навыки. Так, молодую отправляют по воду, заставляют её стирать, стирать, подметать пол, молодого — рубить дрова: *«А потом принесли, помню, <...> половую тряпку, бросили в таз и сказали постирать. Фёкла пришла и говорит, вот посмотрим, как она у нас стирает. И она стирала, стирала, они снова чё-то туда ей выльют. И все хохочут, и все как издеваются что ли»* (д. Шестинка). *«В свадьбу обязательно на второй день чтоб невеста блины пекла, кормила свадебшан, подметала — показала, умеет нет она подметать. Невеста подметает, а ей сыплют деньги свадебшане, бросают. По воду невесту водят»* (д. Мошково). Когда невесту провожали по воду, по сведениям Р. М. Абричкиной, гости пели особую песню:

*«Пошлю молоду по воду,
Буду глядеть, як идёт,
Ти прямне ножечки, як струна,
Ти ясные вочачки, як у сокола.
Ти принясь, молода, водицы,
Ти поднясь мне напичца.
Пошлю молоду по воду,
Буду глядеть, як идёт»*

(с. Сива, зап. от Р. М. Абричкиной, 1941 г. р.,
родом из д. Жуковки).

Отмечаются обычаи прятать невесту от жениха: *«Была традиция прятать. Потом я отдавала дочек, прятали их, искали везде, на корыте да как привезли»* (д. Мошково); рядиться: *«Но на второй-то день придуриваются, кто лапти оденет, кто какое-нибудь платье. Мужики вот в платья оденутся, женщины, наоборот, в мужиков. Скачут, пляшут, придуриваются»* (с. Екатерининское). Зафиксирован также обычай возить тещу в корыте: *«На второй день надо было тещу везти на корыте»* (д. Шестинка). Обычай проверки молодых и бесчинства гостей на второй и третий день свадьбы характерны для разных народов, они были распространены и среди разных групп белорусов,

и среди коренного населения Прикамья [Белорусы 1998, 387; Подюков 2004, 70; Фурсова 2011а, 72–73].

Многие испытания и шутки сопровождались прибаутками, ча-
стухами и шуточными песнями. Судя по языку текстов, которые
приводятся ниже, по названным респондентами ситуациям знакомства
с некоторыми текстами, среди записанных произведений присутствую-
ют как белорусские традиционные свадебные песни и прибаутки, так
и воспринятые от соседнего населения.

*«Пошлём молоду по воду, поглядим её по ходу,
Ти прямые у её ноженьки, ти ярки у её воченьки»*
(с. Сива, зап. от М. Г. Костициной
(Соколовской), 1938 г. р., родом из д. Мошково).

*«Загребай, матка, жар, жар,
Загребай, матка, жар, жар.
Коли тебе дочки жаль, жаль.
Загребай, матка, попел,
А ни то мы твою дочку схопим»*
(д. Диево, зап. от Т. В. Седининой
(Шебеко), 1946 г. р., родом из д. Седьминки).

*«Сват сватъе сплёл лапти из белых лык,
А сам ходит, по девкам бродит, как индык»*
(д. Диево, зап. от Т. В. Седининой
(Шебеко), 1946 г. р., родом из д. Седьминки).

*«Сколько в поле пеньков, чтоб столько сынков.
Сколько кочек — столько дочек»*
(с. Сива, зап. от М. Г. Костициной
(Соколовской), 1938 г. р., родом из д. Мошково).

*«Как у нашего свата каръём крыта хата,
Ни повети, ни клетки, некуда кони дети»*
(с. Сива, зап. от М. Г. Костициной
(Соколовской), 1938 г. р., родом из д. Мошково).

*«А у нашей подружки, а у нашей подружки
Титьки, как кадушки.
Прокатите кадушки, прокатите кадушки,
Подойте подружку»*
(с. Екатерининское, зап. от А. Е. Купчиной, 1923 г. р.,
родом из д. Мошково).

«А у молодушечки ни перушечки, ни дерушечки»
(с. Сива, зап. от В. А. Русецких, 1936 г. р.).

*«А гостеньки, а любые, а едьте домой,
Ти не черти вас привязали у нас, едьте домой.
Привязали черти к осиновой жерди, не поедем.
А мы жердь посечём и блинов напечём. Не поедем.
А мы жердь порубим и ещё погуляем»*
(п. Северный Коммунар, зап. от Л. Л. Мусихиной).

*«(Поют глашатаи со стороны жениха и невесты).
Вы, сваточки, голубочки, едьте домой.
Ти не черти вас привязали у нас, едьте домой.
Ти не черти вас привязали у нас, едьте домой.
— Привязали черти к осиновой жерди, не поедем.
Привязали черти к осиновой жерди, не поедем.
Мы жердь посячом и блинов напячом, не поедем.
Жердь поломаем, ещё погуляем, не поедем.
— Вы, сваточки, голубочки, будьте у нас.
Вы, сваточки, голубочки, будьте у нас.
У нас без вас гульбы нету, будьте у нас.
(Хозяева подают вино, вроде, за мировую)».*
(с. Сива, зап. от Р. М. Абричкиной, 1941 г. р.,
родом из д. Жуковки).

*«Вот женился мех, торбу взял,
Повесил на кол, нехто украл.
В огороде ботвинья повяла,
Всё ж на шо же, когда свадьба пройдёт — веселье пропало»*
(с. Сива, зап. от М. Г. Костициной
(Соколовской), 1938 г. р., родом из д. Мошково).

«Батку на матку усодим и ещё свадьбу зробим»
(с. Сива, зап. от М. Г. Костициной
(Соколовской), 1938 г. р., родом из д. Мошково).

Заключительным этапом свадебного обряда является взаимное гостевание родственников. Молодожёны и родители жениха посещают через неделю после свадьбы родителей невесты, и наоборот. Этот обычай имеет названия *хлебнины*, *нахлебнины*, *перезовины*: *«У невесты не бывают жениховы родители, потом уже, когда они уже поженятся, тогда уже зовут сватов на нахлебнины. Пирушка опять...»* (п. Северный

Коммунар); *«А потом после свадьбы, через неделю, невеста неделю не должна уже вернуться в родительский дом, и только через неделю едет зять к теще на блины с женой. У одних это назвали перезовины, у других хлебины. А на следующую уже субботу едут родители невесты к жениху»* (с. Екатеринбургское).

Говоря о свадебном пире, нельзя обойти вниманием кулинарные традиции обряда. Современные сведения о свадебном столе достаточно скупы, дают лишь общее представление о нём. Свадебный стол состоял из привычных праздничных крестьянских блюд. Это были мясные кушанья: *«И холодец, и там кур, некоторые даже поросёнка, маленьких, готовят»* (п. Северный Коммунар); выпечка: *«Стряпают пироги там, шаньги»* (п. Северный Коммунар). Одним из обязательных блюд считается яичница с салом: *«Раньше коронное блюдо на свадьбу тоже было, помню, сало с яйцами нажарят»* (д. Мошково). В поздних обрядах (вторая половина XX века) одним из предпочтительных блюд были пельмени, которые белорусы научились готовить уже в Прикамском регионе: *«[Что на свадьбу готовят?] Как у всех. В то время, вот я помню, у нас было на горячее всё — пельмени. У нас пельмени, пельмени. Пельмени стряпали всей семьёй вечером. Мясные»* (д. Шестинка). Необходимым атрибутом застолья и многих обычаев свадьбы был самогон — *кумышка* или покупная водка. Самогон использовали и в качестве выкупа, и в качестве угощения, подкрашенный в красный цвет напиток становился также выражением символа девичества.

В несколько трансформированном виде сохраняется обычай угощения свадебным караваем. Вместо каравая пекли специальный пирог *бабку*, а позднее торт. В ранних вариантах обряда караваем угощали всех присутствующих в доме невесты, затем, обычно на третий день, каравай также делился и в доме жениха [Белорусы 1998, 386–387]. Свадебный каравай или пирог были воплощением «идеи достатка, изобилия, и его старались сделать максимально больших размеров» [Байбурин 1993, 80]. Данное значение обрядового хлеба сохраняется и по сей день: *«Обычно рыбный пирог почему-то пекут, рыбный или сладкий пирог. Сейчас уже больше не это, уже свадебный торт. Чем он выше, чем он шире, уже считается богатые жених, невеста»* (с. Екатеринбургское). Приготовление рыбного пирога указывает, скорее всего, на заимствование местной кулинарной обрядовой традиции. По мнению А. К. Байбурина, каравай является символом новой доли жениха и невесты, а деление каравая — это распределение по-новому доли между всеми членами общины [Байбурин 1993, 81–82]. В Белоруссии при по-

лучении куса каравая гости одаривали молодых деньгами и напевали: «Дарую счастья и долю, и век доугий...» (Цит. по: [Байбурин 1993, 82]). В Сивинском районе куски пирога прежде просто раздавали, а позднее — продавали: «*Бывает бабка, ну коржик ли бабка ли. Ну, можно торт. Это уже выкупают, его режут на кусочки и носят, продают. Продадут его, кусочек вот дадут тебе, ты должен выкупить*» (п. Северный Коммунар). Как отмечают респонденты, в последние годы на третий день также просили выкуп за столовые приборы.

В современных описаниях традиционной свадьбы респонденты мало внимания уделяют ролям разных свадебных чинов, это, скорее всего, связано с современной трансформацией обряда и изменением состава его участников. Тем не менее отметим, что в собранных материалах встречаются такие чины, как сваты, которые принимают участие в сватовстве, а затем и в самой свадьбе. Сват считается одним из распорядителей обряда: «*На первой ехал сват, главный этот, ведущий-то...*» (д. Мошково); маркером его ведущей роли является повязанное на плече полотенце (д. Мошково). Определённую функцию сопровождаителей и помощников невесты и жениха имеют соответственно девушки-подружки и юноши-друзжки. Среди друзей жениха может выделяться один главный дружка, который помогает во всём жениху. Обязательно в свадебных ритуалах принимают участие крёстные молодожёнов, они заменяют в обряде настоящих родителей. Родители жениха и невесты во время обряда остаются как бы незаметными, их ритуальные действия ограничены, только на отдельных этапах свадьбы они исполняют свои родительские функции: благословляют молодых, отец и мать жениха встречают молодых у дома, тёща принимает жениха на второй день. В единственном случае зафиксирован термин «глашатаи» по отношению к приглашённым гостям брачующихся, в других примерах их называют «свадебшане».

Среди архивных записей ПГУ удалось обнаружить около 30 текстов свадебных песен, записанных от белорусов Сивинского района. В современных материалах ни одна из них уже не повторяется. Почти все тексты русскоязычные, белорусские слова в них встречаются очень редко. Среди них есть песни-приветствия, они поются при встрече жениха, песни величальные, которые предназначены главным героям и чинам свадьбы, песни-плачи. Так как данное выше описание обряда остаётся неполным из-за недостатка сведений о свадебных ритуалах, сложно точно обозначить время исполнения некоторых песен, поэтому приводим данные тексты отдельно от описания обряда.

Едут сватать

*«Сегодня Володечка мамоньке сон говорил:
— Я сѣдня мало спал, а много во сне виделось.*

*Коло наших ворот речка шла,
По той речке — плавунец,
А за плавунцом — брюквин лист.
А за брюквинным листом — маков цвет,
А за маковым цветом — маковка.*

Мать отвечает:

*— Я тебе этот сон расскажу, всё по словечку разведу:
Что реченька — дорога,
Что плавунец — коничек,
Что брюквин лист — водочек,
Что маков цвет — Володенька,
Что маковка — девушка (имя)»*

(АФМ ПГНИУ. Тетрадь № 175. 1973, с. Екатерининское, зап. от М. А. Елисейевой, 1907 г. р.).

Во время сватовства

*«С поля, с поля ветры дуют,
С чужой стороны гости идут,
Никто их не познал,
К себе в хату не зазвал.
Одна Любочка узнала,
К себе в хату позвала,
Посадила их на куче,
А сама села выше всех,
Склонила голову ниже всех,
Думала думочку дольше всех.*

*— Что ты, сестрица, думаешь?
Не думай, сестрица, за столом,
Подумай, сестрица, под венцом»*

(АФМ ПГНИУ. Тетрадь № 176А. 1973, д. Седьминка, зап. от М. Д. Ющенко, 1887 г. р.).

Когда жених за невестой ехал

*«У нашего Валечки
Ковали на дворе.
Куют жарены,
Стальные ножи.*

*Не куй, Валечка,
Стального ножа.
Подкуй, Валечка,
Вороного коня.
Стальному ножу
На столе лежать.
Вороному коню
По дороге скакати.
Будем мы ехать бором,
Борами — тёмными лесами.
Бор будет шуметь,
Подковы — звенеть.
Люди почуют,
Нам слава будет.
Девка почует —
Собираться будет,
Столы застилать,
Кубки наливать.
Кубки наливать,
Гостей угощать»*
(АФМ ПГНИУ. Тетрадь № 176Б. 1973,
с. Екатерининское, зап. от М. Ф. Агеевой,
1889 г. р.).

*«Сегодня у Лёнички
Ковали на дворе.
Не куй, Лёничка,
Столяного ножа.
Подкуй, Лёничка,
Вороного коня.
Столяному ножу
На столе лежать,
Вороному коню
На дорогу бежать.
Будем мы ехать
По зелёному лесу,
По сырým кореньям.
Бор будет шуметь.
Подковы — звенеть.
Люди почуют —*

Нам слава будет.

Тёща учует —

Готовиться будет,

Столы застилать,

Кубки наливать,

Маша почует —

Одеваться будет»

(АФМ ПГНИУ. Тетрадь № 175. 1973,

с. Екатерининское, зап. от М. А. Елисеевой, 1907 г.р.).

Когда жениха ждут в доме невесты

«Выйду, выйду я во полюшко,

Гляну, гляну я на красочки,

А те краски играют,

Животочки замирают.

Вы играйте, краски,

Мне вас не щипати

И веночка не вивати.

Один сплела и тот не сносила.

Повесила во светлице

Младшенькой сестрицы.

Ты носи год, сестра, носи другой же,

Дай бог тебе то же»

(АФМ ПГНИУ. Тетрадь № 175. 1973,

с. Екатерининское, зап. от М. А. Елисеевой, 1907 г.р.).

В начале свадьбы за столом

«Божья радонька прилетела,

Через эту хатоньку свяицовую,

Через ту беседу весёлую.

Радуйся, радуйся, сердечко моё.

Сердечко радовалось,

Когда моё дитячко выдавалось.

Теперь моё сердечко замлело,

Когда моё дитячко за стол село.

За столом, за столом, за тесовеньким,

За брусом, за брусом за белёвеньким,

За чарою, за вином»

(АФМ ПГНИУ. Тетрадь № 176А. 1973,

д. Седьминка, зап. от П. М. Шебеко, 1904 г.р.).

Когда продают невесту

«Ах, с горы, с горы-долины

Бегли конника четыре,

Везли карету синюю,

Взяли Любочку силою.

Не так силою — за гроши,

Что у ней серёжки хороши»

(АФМ ПГНИУ. Тетрадь № 176А. 1973, д. Седьминка, зап. от М. Д. Ющенко, 1887 г. р.).

Жениху

«Ах, хорош-пригож Серёжка,

То ни солнце его родило,

То ни ветер его кольхал,

Родила его мамочка,

Годовал его папочка,

Кольхали его братицы,

Носили гулять сеструли

На широкую улицу,

На зелёную муравицу.

— Ты, мой хороший, удался,

Что в Калинице купался,

А в пелёночки спать клался»

(АФМ ПГНИУ. Тетрадь № 176А. 1973, д. Седьминка, зап. от М. Д. Ющенко, 1887 г. р.).

Невесте

«Ах ты, яблоня, ты кудрявая,

Ай, люли-люли, кучерявая.

Полно тебе в саду стоять,

Ай, люли-люли, в саду стоять.

Я срублю тебя вон из садика.

Ай, люли-люли, вон из садика.

А ты, Марьюшка свет Ивановна,

Ай, люли-люли, свет Ивановна,

Пожила в девках, отдадим замуж.

Ай, люли-люли, отдадим замуж.

За Ефима за Трофимовича.

Ай, люли-люли, за Трофимовича»

(АФМ ПГНИУ. Тетрадь № 176А. 1973, с. Екатерининское, зап. от М. Ф. Агеевой, 1889 г. р.).

*«Вылетала перепёлочка
Со ржи во пшеницу.
Ох, пытал её соловейка:
— Где тебе лучше?
— Во ржи хорошо,
Во ржи хорошо,
А в пшенице лучше.
— Не хвались, перепёлочка,
Поклювавши часочек,
Поклювавши часочек.
Похвались, перепёлочка,
Поклювавши денёчек.
Выходила Ларисочка
От маменьки к свекровке,
От маменьки к свекровке.
Пытал её Геннадичка:
— А где ж тебе лучше?
— У мамочки хорошо,
У мамочки хорошо,
А у свекровки лучше.
— Не хвались, Ларисочка,
Поживиши денёчек,
Поживиши денёчек.
Похвались, Ларисочка,
Поживиши годочек,
Поживиши годочек»
(АФМ ПГНИУ. Тетрадь № 176А. 1973,
с. Екатерининское, зап. от М. Ф. Агеевой,
1889 г. р.).*

Песня-плач, поётся невесте-сироте

*«Венчаться поехала девочка.
— Ай, заедь к папочке на могилочку,
Распотчи, разгони травку-муравушку.
Ай, полей слёзочки на могилочку.
Ай, устань, папочка, из могилочки,
Посмотри на доченьку, на сиротушку,
Посмотри на доченьку, на молодушку»
(АФМ ПГНИУ. Тетрадь № 176А. 1973,
д. Седьминка, зап. от П. М. Шебеко, 1904 г. р.).*

Жениху и невесте

*«Как на стуле резчатом,
На ковре на красном золотом
Против зеркальца,
Там сидел добрый молодец,
Добрый молодец Серёженька,
Серёженька свет Дмитриевич.
Он чесал да приговаривал:
— Прилегайте, мои кудри,
К моему лицу ко белому,
К моему да румяному.
Ты, душа моя, красна девонька,
Ты, Мариюшка свет Павловна,
Привыкай-ка к уму-разуму,
К моему да обычаю
Не женатому, парнячему»*
(АФМ ПГНИУ. Тетрадь № 176А. 1973,
д. Каменка, зап. от Н. А. Куксиной, 1900 г. р.,
М. А. Куксиной, 1919 г. р.).

Величальная свату, услышанная от местного населения

*«Кто у нас хороший,
Кто у нас пригожий?
Розан мой, розан, виноград зелёный.
Свет Алексей хороший,
Свет Иванович пригожий.
Розан мой, розан, виноград зелёный.
По двору он ходит, коня выбирает.
Ох, выбрал он коня, коня вороного.
Он уздечку уздает, сёдлышко седлает.
На коня садится, конь под ним пляшет.
К лужкам подъезжает, лужки зеленеют.
К кустикам подъезжает, пташки воспевают.
К речушкам подъезжает, речушки играют.
К дому подъезжает, мать сына встречает.
— Сын ты мой хороший, да ясный соколик.
Где ты был, ты жил?
— Жил я у невесты да у ласковой тёщи»*
(АФМ ПГНИУ. Тетрадь № 176А. 1973,
с. Екатерининское, зап. от М. Ф. Агеевой, 1889 г. р.).

Когда невеста собирается к жениху

*«Чего, пчёлочка, чего, яровая,
К улику прилетела.
Чего ты, пчёлочка, чего ты, яровая,
Люту зиму чуешь.
Но хоть лютая, хоть не лютая,
Не будет, как леточко.
Чего, Танечка, красна девочка,
К столику прилегаешь.
Чего ты, Танечка, красна девочка,
Лихую свекровь чуешь.
Хоть лихую, хоть не лихую,
Не будет, как мамочка»*

(АФМ ПГНИУ. Тетрадь № 176А. 1973,
с. Екатерининское, зап. от М. Ф. Агеевой, 1889 г. р.).

Невесте, как ей со двора съезжать

*«На дворе всё ниже
Солнечко на заходе.
Собиралась Лариса в прочки
Против тёмной ночки.
Моя мамочка родная
Дочери заявляет:
— Ларисочка моя, дочушка моя,
Повери со мной.
— Мамочка моя, некогда мне,
Дочери твоей, ждати.
Разгулялась дружина моя,
Не могу я держати.
Позапряжены, позапряжены,
К синям подогнаны,
Только сести мне, поехати
В свекрово дворику.
Свекровы кони со двор бегут,
Хвалить тебя, боже.
Головки несут, как соколики,
Хвалить тебя, боже.
Папкины кони со двор не идут,
Ох, боже, моё боже.*

*Кладут головки на копытки,
Ох, боже, моё боже»*
(АФМ ПГНИУ. Тетрадь № 176А. 1973,
с. Екатерининское, зап. от М. Ф. Агеевой, 1889 г.р.).

Когда жених увозит невесту

*«Ой, жаль, жаль, жаль,
Моя мамочка, на тебе
Осталось рута-мята
Вся тебе.
Ой, вставай-ка, моя мамочка, раненько,
Поливай руту-мяту частенько.
Поливай руту-мяту частенько.
То правою, то левою рукою.
То правою, то левою рукою.
Холодную Криничною водою.
Холодную Криничною водою.
Как не станет во Кринице водицы.
Как не станет во Кринице водицы.
Поливай-ка, моя мамочка, слезами.
Поливай-ка, моя мамочка, слезами»*
(АФМ ПГНИУ. Тетрадь № 353. 1985,
с. Екатерининское, зап. от Г. К. Пазниковой).

*«Жаль, жаль мне, мамонька, тебя.
Остаются тебе розочки одне.
Вставай, моя мамонька, пораньше,
Поливай эти цветочки почаще.
А раннюю вечернюю зарёю
Своею горячею слезою»*
(АФМ ПГНИУ. Тетрадь № 175. 1973,
д. Мошково, зап. от В. Н. Конюшевич, 1908 г.р.,
М. М. Пепеляевой, 1913 г.р.).

Другие свадебные песни

*«Переехал, переехал Валечка,
Переехал через чело
Всё на двор.
Все ворота заперты,
Золотыми замками
Замкнуты.*

*Как взял Валечка
Острую мечь,
Сиганул по замкам,
Замки — прочь.
Выбегала Танечка за ворота:
— Чего ты, злой Валечка, делаешь?
Не тебе ворота рублены,
Не тебе замочки справлены.
Рубил ворота папка мой,
Справлял замочки братка мой»*
(АФМ ПГНИУ. Тетрадь № 176А. 1973,
с. Екатеринбургское, зап. от М. Ф. Агеевой, 1889 г. р.).

*«Что это за трава
В моём саде поросла,
Жёлтым цветом зацвела?
А что же это за дружок,
Он не проведает меня?
Запрягу я коня,
Поеду я к нему сама.
Против милого двора
Поломалася дуга.
Против милого межи,
Ох, порвалися гужи.
Приезжаю я на двор,
А мой миленький помёр.
Прихожу я в хату,
По ём я поплачу:
«— Ах вы, глазыньки мои,
Вы смотрели на меня.
Ах вы, ноженьки мои,
Вы ходили до меня.
Ах вы, рученьки мои,
Обнимали вы меня.
Ах вы, губоньки мои,
Целовали вы меня»*
(АФМ ПГНИУ. Тетрадь № 175. 1973,
д. Мошково, зап. от В. Н. Конюшевич, 1908 г. р.,
М. М. Пепеляевой, 1913 г. р.).

*«Ходила козынька по крутой горе,
Поругалась она серому волку:
— Я тебя не боюсь.
А с субботы на воскресенье
Козыньки нет как нет.
Остались крутые роги да быстрые ноги»*
(АФМ ПГНИУ. Тетрадь № 175. 1973,
д. Мошково, зап. от В. Н. Конюшевич, 1908 г. р.,
М. М. Пепеляевой, 1913 г. р.).

*«Полетел соколя, полетел
Через три леса, через четыре.
На пятом лесе сел он на сосне.
Что тебе, соколя, спонравилось здесь:
Аль дуб, аль сосна, аль белая берёза?
— Ни дуб, ни сосна, ни белая берёза.
Понравилась мне жёлтая иволга...
Поехал Иван, поехал
Через три села, через четыре.
На пятом селе стал конь на дворе.
Что ж тебе, Иванушка, спонравилось здесь:
Аль мёд, аль вино, аль горилочка.
— Не понравился мне ни мёд, ни вино, ни горилочка,
Спонравилась мне красная девица Аннушка»*
(АФМ ПГНИУ. Тетрадь № 175. 1973,
с. Екатерининское, зап. от М. А. Елисеевой, 1907 г. р.).

*«Мамочка родная, жалей меня.
Мамочка родная, жалей меня.
Завтра б ты пожалела,
Да некогда будет.
Завтра б ты пожалела,
Да некого будет.
Будут жалети меня чужие люди.
Будут жалети меня чужие люди.
Ах, будут посылать не жалеючи.
Ах, будут посылать не жалеючи.
Я ж буду работать не умеючи.
Я ж буду работать не умеючи»*
(АФМ ПГНИУ. Тетрадь № 353. 1985,
с. Екатерининское, зап. от Г. К. Пазниковой).

Изученный материал свидетельствует о том, что богатая многокомпонентная структура белорусской свадьбы с течением времени на территории Пермского Прикамья была подвержена упрощению и сокращению. В частности, меньше внимания стало уделяться подготовительной обрядовой части (отсутствуют девичник и обычаи приготовления каравая), предохранительным традициям, ритуалам смены девичьего образа на женский (смена причёски и головного убора).

Некоторые сохранившиеся ритуалы утратили свою прежнюю символику, они продолжали воспроизводиться во второй половине XX века как сложившиеся способы забавы и необходимые звенья обрядового действия. В описаниях свадебного обряда присутствуют и нововведения, воспринятые от соседних народов (некоторые способы испытания молодых, фольклорные тексты) или соответствующие современным веяниям моды (свадебный наряд, выкуп за пирог). Обязательным сопровождением свадебной обрядности были песни, выполнявшие функции организации обряда, выражения смысла ритуалов и обычаев, знакомства через поэтический язык представителей двух семей, наделения молодых будущими качествами супружеской пары и новыми обязанностями.

Многие свадебные песни и прибаутки, по материалам 1970–1980-х годов, стали реже исполняться уже после Великой Отечественной войны: *«Все эти песни пелись ещё при моей матери. Пели мы и после, ещё долго-долго. Пели и на моей свадьбе. А вот после войны стали всё меньше и меньше петь»* (АФМ ПГНИУ. Тетрадь № 176А. 1973, д. Седьминка).

По современным данным, изредка обрядовые песни исполнялись на свадьбах до конца XX века, при этом они утратили свою ритуальную привязанность, постепенно став лишь лирическим фоном обряда. Сохранившиеся обычаи перекликаются с традициями других переселенческих групп, в частности белорусов Сибири, выходцев из Могилёвской губернии [Фурсова 2011а, 62–78], где наблюдаются похожие процессы аккультурации. Представленную свадебную обрядность белорусов Пермского Прикамья можно обозначить как адаптированный к новым условиям вариант контаминированных локальных традиций переселенцев из разных территорий Белоруссии, так как в настоящее время сохранность разных по территориальному происхождению и специфически отличающихся по своим ритуалам вариантов свадьбы не прослеживается.

ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ

Изучение похоронно-поминальной обрядности белорусского населения Сивинского района в настоящем очерке основано на сведениях, полученных при опросе. Данный вид источника помогает определить основные этапы, отдельные ритуалы обряда, народные представления о смерти и загробном мире, но всё-таки он недостаточен для полной реконструкции традиционного обряда и определения изменения в нём в течение последнего столетия. Для составления полной картины не хватает более ранних сведений.

Традиционные белорусские похоронные и поминальные обычаи с их локальными вариантами описаны в научной литературе (см.: [Белорусы 1998, 388–389; Беларусы 2001, 351–369; Бережнова 2006; Фурсова 2011а, 78–87]) и представляют собой своеобразный комплекс ритуалов, имеющих свою этническую специфику. Население же изучаемой территории не идентифицирует белорусские погребальные традиции, считает их типичными для христианского населения, при этом выделяя особенности обряда у местных старообрядцев, латышей. Подобная ситуация объясняется тем, что современные источники в основном дают информацию о второй половине XX века, когда многие семьи и поселения, в которых проживали белорусы, были этнически смешанными, а в погребальных и поминальных обрядах участвовала большая часть общества. Кроме того, часть ритуальных действий совершалась священником или заменявшими его религиозными лидерами местной общины одинаково для всего полиэтнического населения. Таких религиозных лидеров называют в изучаемой местности «монашками». Возможно, сначала это действительно были оставшиеся после закрытия монастырей и церквей инокини, а затем это название стало относиться к женщинам, совершавшим религиозные обряды и получившим одобрение священников: *«У Этой Арины, наверно, пять или шесть было старушек, ну, обученных, как типа монашек...»* (с. Буб); *«Она в церковь часто ездила. У батюшки благословение вот это вот брала, что ездить-то ей можно было. Это ведь не каждому ещё, как сказать, ездить-то»* (с. Буб). Эти же женщины, как отмечалось выше, крестили детей. Несмотря на обозначаемую населением общность традиций и слабое вычленение ритуального содержания обряда, всё-таки были зафиксированы некоторые сведения, позволяющие судить о состоянии белорусской традиции в течение последних нескольких десятилетий. Приведём описание обычаев, опираясь на полученную информацию.

Распространёнными можно назвать поверья о предупреждающих символических знаках смерти. Верят, что если собака воет или роет яму, птица залетает в окно, то это предвещает покойника.

Пожилые люди заранее готовились к смерти, ещё во второй половине XX века некоторые женщины запасали узел с одеждой: *«Я помню, у мамы, наверно, лет шестнадцать, большие лежало. Уже собирали себе на смерть. Обязательно обувь, носки, бельё, платье, кофту, платочек, носовой платочек»* (д. Шестинка). Для одежды отмечено предпочтение тканей светлых тонов. По одним свидетельствам, женщин, кроме белья, одевали только в платья, по другим — в блузки и юбки: *«Но юбки с кофтой не желательно бы хоронить. Всё надо обязательно платье. Но бывает свадебное платье хоронят ещё, если у кого есть белые эти. И фату ложат, и всё это самое»* (с. Буб); *«Одевают, как раньше строго — кофта, юбка женщине, а мужику брюки, костюм, фуражку, женщине платок»* (д. Мошково). Считается, что одежда должна быть новой или обязательно чистой. Если для погребения одежда шилась специально, то на швах не делали узлов.

После смерти усопшего обмывали. Его клали на лавку или садили на стул, одной влажной тряпкой мочили тело и волосы, другой — обтирали. Всю воду после обмывания собирали и выливали в укромное место, где никто не ходил. Во время опросов назывались такие места, как угол дома, три угла бани, место под рассадником. Среди белорусов, как и среди местного населения, распространено поверье, что покойничью воду могут использовать в злых умыслах и, наоборот, некоторые атрибуты усопшего, например нательный крест, приносят удачу, защиту живым: *«Вот этот крестик берут, снимают с этого. Его берут, ну как люди берут себе. Они его хранят. Его берут для того, я вот так вот слышала, что потом, когда вот чё-нибудь случится, что вот в тюрьму, чтоб тебя не засудили или чё, этот крестик как бы одевают»* (с. Буб). Усопшим женщинам, по одним рассказам, было запрещено заплетать волосы в косы, по другим — им убирали волосы так, как при жизни: *«И волосы моют. Заплетать только, говорит, нельзя, не заплетают, так хвост. Нельзя, говорит, заплетать»* (д. Мошково). На ноги обували лапти или вязаные тапочки, позднее использовали уже покупную обувь: *«Раньше у белорусов, но может в силу того, что нет кожаной обуви, не разрешалось хоронить... Не то, что не разрешалось, не желательно было. Надо было всё что-то природное, или из лыты, вот типа лапти должны быть сплетены. Или вот эти такие, ну, тапочки связанные из чего-то, опять же из природного»* (д. Жуковка); *«Чулки тоже*

старались и тапочки. Если тапочек нету, то из ваты пряли, вязали такие тапочки, ну, как вот щас шерстяные-то вяжут тапочки таки» (с. Буб). После обмывания и обряжения покойника клали на лавку или, если был готов гроб — в гроб в доме лицом к востоку или к иконе. В руки умершего клали свечу, платочек, погребальный крест, на груди оставляли икону, которую перед погребением убирали. Правая рука лежала на левой, считается, что правой рукой он должен молиться: «... правая рука должна быть сверху, потому что должен правой молиться» (с. Екатерининское).

Гроб прежде изготавливали местные мастера, сейчас обычно пользуются услугами ритуальных агентств и покупают готовые. В гробу оставляли стружку, шоркали туда с берёзовых веников листья или клали веники целыми. Теми же листьями набивали подушку. На подушке с двух сторон шили из чёрной ткани кресты. В гробу могли оставить также некоторые предметы одежды. Покойнику клали вещи, которыми он пользовался при жизни — очки, расчёску, сигареты, тросточку и т. п.

После смерти человека в доме на стол ставили стакан с водой, хлеб, свечу, могли также поставить спиртное, в более позднее время — фотографию умершего с чёрной лентой: «*Вот токо человек умер, делали водичку. Ставили водичку, свечку и хлебушко. Раньше накрывали, вот если он умрёт, на столе это уже стоит»* (с. Буб); «*А тут у нас портрет ещё был с чёрной полоской. Я поставила стакан, ну, стограммовую стопку с водкой, хлебом закрыла, и воду стакан. Ну, это, наверно, для чего, как бы говорят, что сорок дней душа дома. Ну, как бы он был не отделён от всех нас, ну, как бы он тоже поминал. Я так думаю»* (с. Буб). В доме завешивали зеркала, телевизор. Вокруг гроба также зажигали несколько свечей.

Для устранения запаха использовали известные в народе средства — подкладывали к телу куриные яйца, проводили проволоку от тела к земле. Эти предметы во время погребения бросали в могилу.

Умерший находился в доме от одной до трёх ночей, рядом всегда кто-нибудь находился. Был обычай в ночное время читать молитвы, для этого приглашали специальных людей: «*Вот, допустим, у нас был, Олимпиаду Семёновну знали Мосину, у неё отец, дак он уже старенький, дак он не мог всю ночь читать. Он почитает, почитает, потом как передых какой-то. Закладка у него там эта, красная. И потом опять почитает. Вот так вот. То есть с перерывами. Но он так всю ночь и не спал»* (д. Жуковка).

Прощаться с умершим приходили все близкие и знакомые. Существовал обычай приносить с собой продукты, как знак поддержки и взаимопомощи: *«И когда похороны, идут что-то со своим, помню. Или сало несёшь, или мясо. Что-то даёшь. Помню, мама, когда идёт куда-то, берёт своё что-то, идёт. Дань отдать как бы»* (д. Шестинки). В день похорон в доме проходил молебен: *«Я помню, мама нам почему-то не разрешила там стоять, потому что вот эти женщины, которые ходили, пели, они там стояли. И мы стояли на кухне с сёстрами, сидели и ревели, потому что это так было долго и так было печально»* (с. Буб). Перед выносом гроба все присутствующие обходили вокруг него, при этом кто-то из родных раздавал людям платочки или одежду. По отдельным свидетельствам можно предположить, что среди белорусского населения сохранялась традиция исполнения похоронных плачей, которая в конце XX века уже была мало распространена, так как не сохранились ни тексты, ни сам обычай: *«У нас вот мать, дак она, дочь у неё умерла именно что, дак у неё какая-то песня даже была вот. Ну, щас я не знаю, есть, нет, что одели платье белое тебе чё-то там. Свекровка-то вот это вот пела. Она пела»* (с. Буб); *«У белорусов причитали. При прощании очень. [Там как мелодия получается?] Ага, ага, напевы такие у них, специально наговоры. [А наговоры передавались из поколения в поколение? Или человек что хочет, то и говорит?] Специальные были. Но в основном не что хочет, а вот именно что как целевое произношение. Всё это целевое было. [Это тексты, как песни?] Да, да, да. Вот именно у них такой же певческий мотив-то, только вот как бы ритуальный непосредственно вот. [Это не каждый же, наверно, знал? Специально тогда приглашали?] Вот в деревне дак знали, допустим, одна бабка знала, дак она ко всем и ходила»* (д. Жуковка, хут. Песковский). По окончании прощания гроб выносили, его несли на полотенцах или на верёвках. Нести гроб, копать и закапывать могилу должны были чужие семье люди, данное условие является охранительным по отношению к её членам, чтобы отдалить их от покойника и смерти. После того, как гроб выносили, родные могли сесть на лавки или стулья, на которых стоял гроб, чтобы в дальнейшем не бояться умершего. Оставшиеся в доме люди мыли затем эти лавки и полы в доме, готовили поминальный стол.

Впереди похоронной процессии один человек нёс узел с монетами и караваем хлеба, перевязанным нитками. Этот узел называют по-разному: «первая милостыня», «поминальник», «походная». Его отдают первому встретившемуся как определённую плату за переход умершего в иной мир. Считается, что если первый человек встретится похоронной

процессии вблизи от дома, то в семье в скором времени может быть ещё один покойник: *«Далеко впереди идёт человек, который несёт поминальник. А поминальник — это круглый каравай хлеба, замотан нитками, а внутри — деньги. Ну, как бы это пропускное, чтобы на том свете пропустили»* (с. Буб); *«Дается походная, несёт впереди, чтоб как унести подальше, чтоб не было тут больше как скоро покойника. Вот это походная-то и даётся. Чё там — чё-нибудь настряпаешь. Но раньше-то чё, хлебушко свой пекли, дак ярушник-эт хлеба испекёшь, туда нитками обмотаешь, денежку положишь ещё — и всё»* (с. Буб).

Во время похоронной процессии в недалёком прошлом был обычай бросать за гробом пихтовые лапки. Правда, по уверениям старшего населения, прежде этого обычая не было, и сейчас его начали запрещать, так как считают, что умерший должен будет собрать все брошенные ветки: *«Так это сейчас. А тогда не было. У нас не кидали, белорусов»* (д. Жуковка); *«Вот раньше тоже <...> всё пихтовые ветки кидали, а нынче, говорят, нельзя кидать. [Ветки кидали перед покойником или за покойником?] За покойником уже. <...> А нынче, говорят, это ему стоко надо идти потом, обратно собирать это всё как бы. Покойник, идёт он, собирать приходится это всё ему. Нынче не кидают ничего»* (с. Буб).

В советский период после домашних ритуалов для умерших известных деятелей, руководителей проводилась также гражданская панихида в общественном месте, на которую собиралась большая часть жителей поселения.

Могилу копали перед приходом похоронной процессии, в ней делали небольшой помост, чтобы уберечь погребение от влаги. Особенности проведения самого погребения во время полевого исследования не были зафиксированы. В рассказах отмечалось, что гроб в могиле сверху могли укрыть полотном (половиком или покрывалом), могилу покрывали дёрном, на погребении ставили крест, в последнее время его чаще заменяют памятником.

Среди белорусского населения сохраняется запрет разговаривать по дороге с кладбища домой. Родные должны молчать всю дорогу, а когда придут домой, обойти всё хозяйство, весь дом, оглядеть все углы, чтобы не бояться умершего. Это защитное действие могли выполнять самостоятельно либо в сопровождении старшего человека: *«Вот если покойник мой, как вот свекровка если у меня, то я, значит, с кладбища иду, я ни с кем не разговариваю. Они пускай там идут, разговаривают, а я-то как прохожу, иду домой, пришла я, значит, могу домой не зайти,*

сразу на улице всё обойти — вот конюшню, баню — вот это всё обойти, всё молча. Всё обошла, домой зашла, подполье открыла, в подполье заглянула — всё. Как глазами всё обвела. Потом печку, это самое, открыла, в печку поглядела. И потом, это самое, захожу, всё везде обойду и вот потом только начинаю разговаривать» (с. Буб); *«Вот, допустим, умер, но относительно говорю, у меня кто-то, муж умер, и кто-то из родственников идёт и ведёт меня: “Вот видишь, вот здесь нету Ильи Дмитриевича, вот видишь, здесь нету”. У нас Ольга делала — сноха, у двоюродного брата жена. “Вот видишь, тут тоже нет Ильи Дмитрича, тут тоже нет Ильи Дмитрича. Вот нигде его сейчас нет”»* (с. Буб).

Вернувшись с кладбища, все умываются, для этого кто-нибудь встречает их уже на улице с водой. В доме проводится поминальная трапеза.

Поминки помимо дня погребения собираются на девятый и сороковой день. Верят, что душа покойного в течение сорока дней находится в доме, в этот период ежедневно меняют воду и хлеб на столе, запрещают посещать могилу усопшего: *«До сорокового дня на кладбище нежелательно ходить, чтобы у человека не была тягу туда»* (с. Буб). На сороковой день прощаются с душой, в доме открывают форточки, трубу и заслонку у устья печи. На сороковой день могли поминать уже и на могиле. Некоторые отмечали полугодины, затем години. Кладбище обычно посещают в Троицкую субботу, некоторые, кроме этого, на Радоницу, в Покровскую или Дмитриевскую субботы. На кладбище по обычаю брали с собой напитки и поминальную пищу, угощали знакомых, раздавали стряпню нищим. *«Вот у нас ходят в Троицкую субботу. Вот, мама в пятницу это всё стряпает, потому что у нас же деревня 12 километров была, а кладбище в Екатерининске. А потом уже запрягают телегу, слаживают всю эту еду и едут на кладбище, ну и нас тоже брали с собой, вот. На кладбище на ту могилку сходят, на другую. Мы там вкусно поедим, там вкусно поедим, нам это очень нравилось, конечно. А потом приезжают с кладбища как-то тихо, вот в Троицкую субботу никогда ни веселья, ничего не было»* (д. Березники). Во время опросов белорусского населения отмечено, что в народной памяти сохранилось название одного из поминальных обычаев — дзяды: *«[А не называли “деды” поминки?] Так это так и щас называют. Вот когда поминальная суббота приближается. Только не все. Какие-то две, две, по-моему, есть субботы, в которые вот такое»* (с. Екатерининское).

Среди поминальных блюд в настоящее время называют кутью, которую прежде готовили с пшеницей, а сейчас — с рисом, кисель,

блины и яйца, клёцки (суп с лапшой), рыбный пирог и другую стряпню. Для рыбного пирога запрещено использовать щуку, подходящей считается рыба, имеющая чешую, например окунь.

Среди белорусского населения изучаемой территории отмечено бытование поверья о том, что души усопших могут посещать после смерти своих родных. Родные слышат шорох их шагов, прикосновение, даже могут разговаривать с ними. Все эти явления обычно происходят в позднее время суток, когда семья ложится спать.

Рассказов о загробном мире записано не было, лишь отмечалось, что душа после смерти проходит через ворота (с. Буб).

Представленный материал действительно показывает сходство обычаев белорусского населения с русскими и другими народами, проживающими в данной местности. Самобытными, вероятно, белорусского происхождения, обычаями можно назвать традицию обходить родным дом после погребения, открывать трубу и окна при прощании с душой, готовить для поминок такие блюда, как кутья, клёцки. На протяжении жизни старшего поколения в похоронно-погребальной обрядности происходили изменения, о чём свидетельствуют вариативность описываемых обычаев и собственно замечания самих информантов (например, о лапках пихты, предпочитаемой одежде, причёске). Похоронно-погребальная обрядность белорусского населения была «открытой», не было тенденции консервации традиции, поэтому она уже во второй половине XX столетия была адаптирована к условиям полиэтничного региона и особенностям исторических этапов, что в целом оказалось присуще всем рассмотренным семейным обычаям и обрядам. Кроме того, отмечается сохранение в обрядностях христианской символики и христианских ритуалов, которым придавалось большое значение.

БЕЛОРУСЫ
В ПЕРМСКОМ ПРИКАМЬЕ
В ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Очерк 3

БЕЛОРУСЫ В ПРИКАМЬЕ В 1920–1930-е годы

История белорусов в период Гражданской войны и первых лет советской власти слабо отражена в исторических источниках. При Бюро национальных меньшинств агитпропа Пермского губкома не было зарегистрировано белорусской ячейки, что косвенно свидетельствует об отсутствии организованного белорусского сообщества в Перми и Прикамье, имеющего ярко выраженные этнокультурные потребности. Скорее всего, большая часть белорусов, мигрировавших до 1917 года в Пермскую губернию, продолжала жить в сельской местности, не принимая активного участия в общественной жизни столицы и губернии.

Численность белорусов Прикамья в этот период может быть оценена по материалам Всесоюзной переписи населения 1920 года. По её данным, на территории прикамских округов Уральской области проживало 3757 белорусов (0,26% от общей численности населения этих округов). Наибольшее количество было переписано на территории Пермского округа — 2333 человека, далее шли Сарапульский округ¹ — 751 человек, Кунгурский округ — 664 человека и Верхне-Камский округ — 6 человек [Уральский ежегодник 1925, 32]. С учётом того, что в 1897 году белорусов было в 52,3 раза меньше, можно предположить, что костяк белорусской общины Пермского Прикамья составили мигранты начала XX века. Соотношение мужского и женского населения в белорусском сообществе было примерно равным. Численность мужского населения незначительно превышала женскую: 1914 (50,3%) против 1890 (49,7%), что позволяет сделать вывод, что большая часть белорусского населения проживала семьями. Большинство белорусов обосновалось в Пермском округе — на территории бывшего Сивинского имения Крестьянского поземельного банка.

К Всесоюзной переписи населения 1926 года численность белорусов практически не изменилась, составив 3804 человека (0,20% от всего населения прикамских округов). Наибольшее количество

---

¹Мы вносим в подсчёты Сарапульский округ Уральской области, хотя в настоящее время значительная часть его районов относится к территории Удмуртской Республики, в то же время все современные юго-западные районы Пермского края в прошлом были включены в этот округ.

было зафиксировано на территории Пермского округа — 3182 человека (83,6%), далее шли Кунгурский округ — 541 человек (14,2%), Сарапульский округ — 55 человек (1,5%), Верхне-Камский округ — 22 человека (0,6%) и Коми-Пермяцкий округ — 4 человека (0,1%). В 1926 году доля сельского населения среди белорусов составляет 92,7%.

Для большей части русский язык был родным, таким его назвали 2431 человек (63,9%), для остальных родными были белорусский (35,8%) и прочие языки (0,6%). Грамотными на русском языке были 39,1% белорусов (для сравнения, у украинцев — 67,6%), на белорусском — 1,6%.

При этом численность грамотных на русском мужчин (77,6%) значительно превышала аналогичный показатель среди женщин (2,9%). Среди грамотных на языке своего народа данная пропорция была аналогичной: 21,5% — у мужчин, 0,4% — у женщин.

Белорусы в Прикамье в 1926 году*

Округ	Всего населения			Родной язык			Грамотность	
	Муж.	Жен.	Общ.	Своего народа (жен.)	Русский (жен.)	Проч. (жен.)	Всего (жен.)	В т. ч. на языке своего народа (жен.)
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Верхне-Камский	12	10	22	9 (3)	12 (6)	1 (1)	17 (6)	4 (0)
Сельское население	3	3	12	3 (0)	9 (3)	1 (0)	6 (1)	0 (2)
Городское население	9	7	10	6 (3)	3(3)	0 (1)	9 (5)	4 (2)
Кунгурский	283	258	541	354 (176)	185 (80)	0 (2)	146 (44)	0 (5)
Сельское население	254	252	516	173 (175)	91 (75)	0 (2)	127 (39)	0 (5)
Городское население	19	6	25	5 (1)	14 (5)	—	19 (5)	—
Пермский	1583	1599	3182	979 (451)	2193 (1141)	10 (7)	1229 (349)	43 (8)
Сельское население	1434	1540	2974	475 (439)	957 (1094)	2 (7)	751 (311)	12 (2)
Городское население (без Перми)	57	22	79	25 (9)	31 (13)	1 (0)	50 (12)	14 (6)
Город Пермь	92	37	129	28 (3)	64 (34)	—	79 (9)	26 (0)
Сарапульский	34	21	55	18 (8)	37 (13)	—	45 (11)	7 (0)
Сельское население	12	9	21	3 (3)	9 (6)	—	12 (1)	4 (1)
Городское население	22	12	34	7 (5)	15 (7)	—	22 (10)	33 (0)

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Коми-Пермяцкий	2	2	4	–	4 (2)	–	4 (2)	–
Сельское население	2	2	4	–	4 (2)	–	4 (2)	–
Всего	1914	1890	3804	1360 (638)	2431 (1242)	13 (10)	1485 (412)	54 (8)

* Составлено и подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. IV. Вот. р-н, Ур. обл., Башк. АССР. Отдел I. М., 1928. С. 106–147.

Перепись 1926 года и составленный в 1928 году «Список населённых пунктов Уральской области» позволяют изучить ареалы сельского расселения белорусов в Пермском Прикамье в этот период. В Пермском округе большая часть белорусов проживала в Сивинском районе в основанных в начале XX века 164 деревнях и хуторских поселениях. Их численность, как мы отмечали, составила 2811 человек, 6,6% от всего населения района [Список: Пермский округ 1928, X, XXX, 294–404]. Кроме того, менее значительные ареалы расселения белорусов отмечены в других районах Пермского Прикамья. В Стряпунятском сельском совете Ленинского района (ныне – Краснокамский район Пермского края) отмечено 13 хуторских поселений белорусов с 24 хозяйствами и белорусским населением в 107 человек [Список: Пермский округ 1928, 186]. В Верх-Тюшевском и Верх-Шуртанском сельских советах Богородского района Кунгурского округа также отмечено несколько белорусских, а также смешанных русско-белорусских и белорусско-чувашских посёлков. Общее число белорусов в них составляло 380 человек [Список: Кунгурский округ 1928, 50–52].

БЕЛОРУСЫ В СПЕЦССЫЛКЕ В ПЕРМСКОМ ПРИКАМЬЕ

Начавшаяся в конце 1920-х годов в стране коллективизация сельского хозяйства продолжилась в 1930 году раскулачиванием и высылкой тысяч крестьянских семей. Ссылкой (в соответствии с уголовным законодательством РСФСР того времени) назывался вид уголовного наказания, связанный с удалением осуждённого с места жительства с обязательным поселением в определённой местности. «Лица, отбывающие ссылку, привлекались к обязательному общественно полезному труду с учётом их трудоспособности» [История ГУЛАГа 2004, 23]. Официальное начало раскулачиванию и высылке кулаков положило постановление политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 года «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районе сплошной

коллективизации». На основании этого постановления вышел секретный приказ ОГПУ от 2 февраля 1930 года № 44/21 «О мероприятиях по ликвидации кулачества как класса» [История ГУЛАГа 2004, 97]. Согласно этому приказу из Белоруссии планировалось выселить 6–7 тысяч семей. Датой начала операции по массовому выселению должно было стать 1 марта 1930 года. Ещё до начала массового выселения в Белоруссии и Украине были проведены локальные депортации — из 22-километровой приграничной зоны выселяли «социально опасный элемент». Фактически эта высылка слилась с высылкой 1930 года, но в статистических отчётах ОГПУ и НКВД выселяемые назывались «одиночками особого назначения». В 1930 году таких «одиночек» было выселено 18 473 человека [История ГУЛАГа 2004, 32].

Урал наравне с Сибирью и Северным краем стал основным местом ссылки. Сюда планировалось выселить население из разных областей страны — Украины, Белоруссии, Кавказа и других — 123 547 семей с общим количеством 571 355 человек. В 1930 году на Урал было выселено 4468 семей из БССР [История ГУЛАГа 2004, 117]. В августе 1931 года в сводках ОГПУ сообщалось: «В настоящее время на территории Уральской области¹ находится до 120 тысяч семей спецпереселенцев, что составляет около 600 тысяч человек. Расселены они в основном на территории бывших округов Пермского, Тагильского, Ирбитского, Тобольского, Свердловского, Соликамского и Коми-Пермяцкого» [История ГУЛАГа 2004, 158]. По плану расселения спецссыльных в Уральской области их труд должен был использоваться на лесозаготовках, в строительстве и рыбном промысле. На территории современного Пермского края большая часть раскулаченных была закреплена за леспромхозами, меньшая — за строительными организациями.

Из архивно-следственных дел НКВД можно узнать, что считалось в то время кулацким хозяйством. Трифон Дмитриевич Бендюков, 1872 г. р., имел в деревне Волянцы Кормянского района БССР дом, 8 десятин земли, 2 лошади, 2 жеребёнка, 3 коровы, 2 телёнка, 4 свиньи, овец 5 штук. Франц Иванович Бинкевич имел в деревне Дуброве Глуского района Могилёвской области дом, 1 лошадь, вёялку, 3 коровы, 2 свиньи, 4 овцы. Отец Николая Алифановича Грицкевича, 1915 г. р., имел в деревне Глинище Хойницкого района Гомельской области дом, 2 лошади, 3 коровы, 5 овец. В 1931 году все они были раскулачены и высланы в спецпосёлок Верхняя Чёлва Добрянского района (ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11293. Л. 50, 58, 126).

---

¹Территория современного Пермского края тогда входила в Уральскую область.

Из воспоминаний можно узнать, как происходила высылка.

Нина Иосифовна Репшиц (в девичестве Михневич), 1925 г. р.: *«Родилась я в Белоруссии, в Смолевическом районе Минской области, посёлок или хутор, я толком не знаю... Мы не богатые были, лошадь была, и корова была, огород садили, сад был. Я помню, через дорогу яблони росли, все яблоки ели, бегали собирали. Ничего там богатого не было. Дом был, отец у меня строитель был, неграмотный, расписываться даже не умел. Старший брат расписывался, отец его посылал в школу, а меньший не ходил, он неграмотный. Ничего у нас там богатого не было, не знаю, за что и выслали.*

Нам сказали собираться, старший брат мешок держал, а мать вещи стаскивала, какие с собой разрешили взять, а мы с сестрёнкой что, радовались, куклы собирали свои.

В 30-м году высланы были, весной мы ехали. До Минска мы ехали на лошадях, а тут на поезде до Перми, от Перми до Чердыни пароходы ходили, нас погрузили и привезли туда, а тут уже на лошади. У меня мать везла четверых детей, а отца забрали с места, с Белоруссии, отдельно угнали его, он был на Дальнем Востоке, на золотых приисках.

Нас с Чердыни увезли на посёлок Лобырь, его ещё не было, лес был, в лес привезли и свалили в лесу под ёлку. Мать плакать стала — что же мне тут с детьми, погибать, начала упрашивать, вроде нас опять на подводу и по деревням возили — Купчик, Цыдва, вот нас в Цыдву, к какой-то хозяйке, возили-возили по дворам, никто не брал, потом мать хозяйке начала подушки давать — вот я вам это дам, это дам, хозяйка нас взяла. Четверо детей, надо ведь им место найти. Одна хозяйка сжалась, взяла нас, тут мы и жили зиму» (АМЦИПР-2000, п. Берёзовая Старица Красновишерского района).

Анна Константиновна Щелгачёва, 1928 г. р.: *«Родилась в Белоруссии, в деревне Хомичи Калининского района. Это в 30-х годах было, видимо, или в 28-м, конкретно не помню. Семья у нас была большая, со слов мамы я знаю, что жили мы средние, в хозяйстве было две коровы, лошадь. Было семь человек детей, работали своим трудом, садили картошку, сено косили. А в 30-х годах нас раскулачили, посчитали, что мы богатые, зажиточные, и выслали нас на посёлок Шанежный. Высадили нас под открытое небо, под ёлку, потом уже начали строиться, дед и бабка умерли, отец у меня умер с голоду в лесу, его привезли мёртвого уже с работы, мы с мамой остались вдвоём. Она работала в лесу, но поскольку у нас не было мужской силы, жалеючи, её приняли уборщицей в школу, она в школе на посёлке работала уборщицей, а я там закончила четыре класса.*

Нам тоже несладко было, потому что все нас игнорировали, местное население считало нас кулаками, переселенцами-накостниками звали, голод, холод, устроиться на работу некуда, никто нас не принимает, квартиры нет. А я закончила здесь 10 классов, потом поехала учиться в Чердынский учительский техникум, три года проучилась, потом была направлена на работу на Мыс... в сельскую школу, это отсюда 12 километров. Там я работала год, а потом меня перевели сюда, в Ныробскую школу» (АМЦИПР-2000, п. Ныроб Чердынского района).

Софья Станиславовна Борисова, 1925 г.р.: «Родилась я в 12 километрах от Минска, деревня Малиновка, там хутор ещё был. Отец занимался земледелием. Было у него сколько-то десятин земли, семья большая была, надо было всё время работать. Насколько я помню, он с утра и до позднего вечера работал. Сёстры подрастали, они тоже все работали, все жали, все косили, все держали скот сколько-то там, две-три коровы, лошадёнка. Точно не помню, может, в начале 30-го года его раскулачили. Забрали всё, забрали дом, выгнали нас с семьёй большой, правда, из тех пятерых, которые оставались от первой жены, осталось трое, три сестры. Перевезли нас всех в деревню, может быть, километрах в десяти, дали такую избушку, хатку, дали корову одну, так как много детей, и всё. Там жили примерно до февраля-марта 30-го года. В марте, насколько я помню, увезли на лошадях в Минск на вокзал, погрузили в товарняк и повезли, куда повезли, мы не знаем. Повезли в товарных вагонах, двухъярусные полати, с детьми, конечно, битком набитый вагон. Привезли в Пермскую область, долго ехали, не знаю, сколько. Привезли на станцию Григорьевская, а с этой станции повезли на лошадях дальше. Дети сидели в повозках, это всё было в марте, по-моему, мне тогда не было ещё и шести, два братишки у меня были, которым было по три годика, сестра 14 лет, а все взрослые шли пешком. Везли и сумки, и двое по морозу, по холоду, сестра ужасно заболела, у неё заболели суставы, её приходилось носить. Привезли нас в Коми-Пермяцкий округ, в Гайнский район. В километре от Гайн есть дереvушка, называется Гора, сколько-то мы жили в этой Горе, до лета. Летом нас увезли дальше, увезли и поселили нас в 40 километрах от Гайн, в лесу. Ничего не построено, палатки построили из веток деревьев, там несколько домов было, баня была. Родители строили домишки, рубили лес сами. Всё лето мы жили в лесу, костёр, давали нам сколько-то муки, с травой вместе мать оладьи делала на этом костре, нас кормила всех. Так мы жили до осени. Осенью построили домишки, небольшой домик на две половинки, в котором было метров 12–16 квадратных. В этих домах мы жили, потом переехали.

Этот посёлок назывался Пугвин Мыс, а за Камой, на другом берегу Камы, тоже километрах в трёх, был посёлок Чуртан. Оба эти посёлка были заселены полностью кулаками, которые, не знаю, за что, были сосланы, не знаю, за что кто провинился, где провинились. За то, что от зари до зари работали, наверное, за это...» (АМЦИПР-2000, г. Чердынь).

Эти рассказы подтверждают рассекреченные документы ОГПУ: «Жилстроительство в местах расселения до сего времени находится в неудовлетворительном состоянии, планы строительства в ряде районов фактически сорваны: ...Пашийским ЛПХ выполнено 2,5%, Косинским ДПХ — 1,8%, Чусовским ЛПХ — 4%... В Чердынском районе из 1 тысячи домиков построены только 484» [История ГУЛАГа 2004, 158–159]. По состоянию на июль 1931 года в Гайнском районе было построено для спецпереселенцев 119 домов из 1070 необходимых, в Косинском — 40 из 824 необходимых, в Кочёвском — 27 из 594 (ПермГАНИ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 400. Л. 23).

Переданные леспромхозам спецпереселенцы должны были работать на лесоповале. Руководство леспромхозов часто относилось к высланным очень негативно. Даже сотрудники ОГПУ отмечали: «Многие из хозяйственников смотрят на спецпереселенцев, как на мускульную силу, подлежащую безжалостной эксплуатации. Ураллес увеличил на 50% нормы дневной выработки для кулаков — до 6,6 куб. м... "не выпускать спецпереселенцев из делянок до тех пор, пока не выполнят норму". При исключительном нажиме спецпереселенцы первое время, работая день и ночь, выполняли эти нормы, а впоследствии, обессилевшие, этих норм выполнить не могли, и были такие случаи, что, возвращаясь с работы, падали и умирали... К концу зимы из числа трудоспособных 50% стали нетрудоспособными [История ГУЛАГа 2004, 158–159].

Сотрудники ОГПУ Коми-Пермяцкого округа писали в «Информационной сводке о ссылке на 10.05.1930», что на севере округа размещено 1900 семей кулаков из Белоруссии и Дона (Коса, Гайны, Кочёво) в 119 населённых пунктах. Попытки привлечь их к огородничеству ничего не дали, спецпереселенцы говорили: «Нас за землю сослали, поэтому заниматься землёй мы больше не будем». Особо отметил начальник Коми-Пермяцкого ОГПУ Синицкий «идейное обволакивание и разложение *местного населения* со стороны более культурной ссылки», проявляющееся в «дружественном отношении молодёжи» и «нескольких случаях брака между молодёжью ссылки и коренного населения». Для предотвращения влияния ссылки на местное население Синицкий предлагал «углублённую массовую работу местных

советских организаций и ячеек» (ПермГАНИ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 404. Л. 77–79).

О первых месяцах ссылки в посёлок Сольым Косинского района Коми-Пермяцкого автономного округа рассказал Иван Никифорович Ефименко, высланный из деревни Новая Земля БССР: *«По приезде появилось начальство: комендант, начальник участка, прораб. По лесу были проделаны визирки (прорублены просеки), и стояли колышки с номерами домов (будущих). Мы стали рубить лес и строить дома. В первую очередь построили магазин и столовую. Затем построили сто домов двухквартирных, длиной 8 метров и шириной 6,5 метра без единого гвоздя, так как их не было.*

Крышу делали из дранки, её кроили. Были продольные пилы, тонкие брёвна распиливали пополам (вдоль) — клали пол и потолок, рамы к окнам и двери были завезены баржей и без стекла. Двери мы окосячили (сделали косяки), а окна делали только по одному в доме. Печей в домах не было из-за отсутствия кирпича, делали земляные очаги, где жгли дрова и двери раскрывали для выхода дыма. Так и зимовали.

В каждом доме проживало не менее 15 человек. В моём доме, где я жил, было четыре семьи из 17 человек. Нары в доме были сплошные, когда жгли дрова, то детей укрывали одеялами, чтобы дым не заходил к ним. Когда оставались угли, двери закрывали.

Зарабатывали от 400 до 800 граммов хлеба, согласно заработанному хлебу получали соответственно количество граммов сахара, рыбы, крупы, растительного масла. Иждивенцам (неработающим членам семьи) выдавали по 4 кг муки в месяц и другие продукты.

В 1931–32 годах с питанием стало ещё хуже. Наступил голод, а весной 1934 года настала массовая смертность. Была создана похоронная бригада из 8 человек, которые заблаговременно копали яму и сносили в неё поутру умерших за ночь» [Кривошёков 2006, 35–37].

Из документов ГУЛАГа можно узнать о питании спецпереселенцев-иждивенцев. До 1 января 1933 года им выдавали в месяц: муки 9 кг, крупы 9 кг, рыбы 1,5 кг, сахара 0,9 кг. А с января 1933 года — муки 5 кг, крупы 0,5 кг, рыбы 0,8 кг, сахара 0,4 кг. Это привело к следующим последствиям:

«1) Повсеместно в ЛПХ Северного края и Урала отмечены случаи употребления в пищу разных несъедобных суррогатов, а также поедание кошек, собак и трупов падших заразных животных. В особенности это явление приняло широкие размеры в Чердынском, Косинском, Чусовском, Березниковском и других ЛПХ Урала.

2) На почве голода резко увеличилась заболеваемость и смертность среди спецпереселенцев. По Чердынскому району от голода заболело до 50% спецпереселенцев...

3) На почве голода имел место ряд самоубийств, увеличилась преступность, а также произведены нападения на ларьки с намерением ограбления таковых (Гайнский, Чердынский, Красновишерский ЛПХ). Наряду с этим голодные спецпереселенцы воруют хлеб и скот у окружающего населения, в частности, у колхозников» [История ГУЛАГа 2004, 211].

«Недостаток питания резко отражается на производительности труда, когда их заставляют дать норму, то они доходят до того, что ложатся, голову кладут на пень и говорят: “Отрубай, всё равно скоро умру с голоду”. В семьях, где много нетрудоспособных, которые живут на нетрудоспособном пайке, которого не хватает, объедают самого работника, хороший хлеб в день съедят, остальное время питаются кое-где опилками, а большинство мохом, доставая его из-под снега...» (ПермГАНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 623. Л. 170).

В середине 1934 года была зафиксирована следующая динамика численности спецссыльных по территориям Прикамья [Население России 2000, 287]:

Район	Всего спецссыльных	Бежало	Умерло
1	2	3	4
Коми-Пермяцкий округ	26 964	8904	7249
Чердынский	20 323	7993	4182
Ныробский	12 184	2474	3853
Красновишерский	17 312	3282	6300

База данных о репрессированных жителях Пермского края может дополнить места поселений. Она содержит сведения о месте ареста и правовом статусе арестованного. Всего в базе данных, составленной сотрудниками Пермского государственного архива новейшей истории, 1562 белоруса. Среди них 935 раскулаченных и высланных. Они проживали в следующих посёлках и деревнях.

Коми-Пермяцкий округ: Косинский район — посёлки: Сосновка, Лочь-Сай, Усть-Коколь, Бадь-Пашня, Сольм, село Коса; Гайнский район — посёлки: Пономарёвка, Чуртан, Пугвин Мыс, Смагино, Шортын, Керос, Булатовская Старица, Сергеевский; Кочёвский район — посёлки: Янчер, Станомыс, Усть-Онолва, село Кочёво; Юсьвинский район — посёлки: Горки («Татарский посёлок»), Агишево, Дублёново, Первомайский, деревня Вахрам; Кудымкарский район — посёлки:

Кудымкар, Галяшер, Тышор, деревни: Савина, Беляево, Пешнигорт [Кривошёков 2006].

Чердынский район — посёлки: Лобырь, Данилов Луг, Ленва, Красновишерск, Мель, Булатово, Верх-Язьва, Мясная, Колчим, Пулт, Мель, Пыдол, Котомыш, Родники, Лесоруб.

Добрянский район — посёлки: Никулинский, В. Чёлва, Добрянка, Верх-Добрянка.

Кизеловский район — посёлки: В. Губаха, Яйва, Александровский.

Чусовской район — посёлки: Стрелка, Тёплая Гора, Лямино, Вильва, Калино, Тюшевское.

Соликамский район — посёлок Карналитовый.

Город Краснокамск.

В середине 1930-х годов жизнь в спецпосёлках относительно наладилась. Нина Иосифовна Репшиц вспоминала: *«В 1931 году отпустили отца. Он приехал к нам. На этот Лобырь, их отправили, начали они лес корчевать, пилить, разрабатывать и стали строить бараки. Вот первый барак они выстроили, дядька Антон с моим отцом были строители хорошие, белорусы, они выстроили барак и нас отсюда забрали. Ещё там стали строить большие, ещё людей привозили, домики они там построили, целый посёлок — комендатуру, клуб, школу. И пошёл посёлок, расстроился, такой посёлок там разработали, раскорчевали. Сеяли, пахали на лошадях, лошадей завели, расстроили посёлок. У нас тут тоже была корова, на Лобыре. Люди же жить хотят, надо корову держать, и поросёночек небольшой был у нас»* (АМЦИПР-2000, п. Берёзовская Старица). Екатерина Иосифовна Анфалова: *«Сначала корову не держали, потом, видимо, как-то общими силами одну корову купили, пять семей одну корову держат, следующие пять семей другую корову держат. У нас всего в посёлке пять коров было, и по очереди, через пять дней, значит, нужно эту корову подоить»* (АП «Мемориал». Ф. 5. Оп. 210. Д. 1). Борис Пантелеевич Балащенко, высланный из Могилёва с семьёй, вспоминал, что в это время даже стали справлять праздники: *«В основном престольные праздники: Троица, Пасха, да что, они соберутся. Ну если бутылку водки возьмут, то это мужчинам, ну чё там, грамм по 50, наверное, водка. Кто, допустим, шанежки принёс, вторая принесла вон пирожки, кто-то ещё чё-нибудь приготовили. И никогда, это я не видел, чтоб пьяные были, дрались или что, я не видел. А женщины вообще, стакан браги нальют им, они губы помочат, так же этот стакан браги и останется на столе. Не пили раньше»* (АП «Мемориал». Ф. 5. Оп. 2. Д. 1).

Кроме леспромхозов многие спецссыльные работали на стройках. Например, в Краснокамске строили целлюлозно-бумажный комбинат.

Так, Афанасий Ефремович Афанасенко, высланный в 1931 году из деревни Нешково Горецкого района БССР в спецпосёлок Сосновка Косинского района Коми-Пермяцкого округа, сообщает, что многих спецссыльных в 1934 году перевели на строительство в город Краснo-камск (ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 4611. Л. 9).

Наибольшее количество спецссыльных, занятых в строительстве, было передано Госстройтресту № 16. В сентябре 1931 года Госстройтресту № 16 были переданы 7,5 тысячи спецпереселенцев для строительства Камского бумажного комбината, судозавода, комбината «К» (взрывчатые вещества, современный пороховой завод). Их расселили в бараках с фактической нормой жилплощади 1–1,5 кв. метра на человека (ПермГАНИ. Ф. 58. Оп. 1. Д. 18. Л. 6).

Начало Второй мировой войны и раздел Польши между СССР и Германией увеличили число спецссыльных за счёт осадников и беженцев. 29 декабря 1939 года СНК СССР утвердил «Положение о спецпоселении и трудовом устройстве осадников, выселяемых из западных областей УССР и БССР». Согласно этому положению тысячи семей должны были быть переселены в Россию. Переселение началось 1 февраля 1940 года, и к 2 апреля было выселено 139 596 человек. В Молотовскую область переселено 1737 семей [История ГУЛАГа 2004, 273]. На 1 марта 1941 года в спецпосёлках НКВД в Молотовской области числилось 1903 семьи польских осадников, 9160 человек [Суслов 2003, 356]. Беженцы — это люди, которые пожелали выехать с территории Западной Украины и Белоруссии на территорию, оккупированную Германией, но Германия отказалась их принять. Беженцы подлежали высылке в отдалённые районы СССР на положении спецссыльных [История ГУЛАГа 2004, 54]. На территорию Пермской области было выселено 523 семьи (1524 человека) [История ГУЛАГа 2004, 301]. Среди них — большинство поляки, но были и белорусы. Например, Владислав Михайлович Витковский из Западной Белоруссии был осадником (ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11995). Согласно исследованию В. Н. Батяновского, проведённому на основании документов Информационного центра УВД Пермской области, 20% высланных осадников были депортированы из Брестской и Пинской областей Западной Белоруссии [Батяновский 2000, 72].

Во время Великой Отечественной войны производились массовые мобилизации среди спецпоселенцев. Десятки тысяч ссыльных стали солдатами или трудармейцами. Начальник ОСП (отдел спецпоселений) НКВД отчитывался, что на 1 апреля 1943 года призвано в армию 2102 спецпереселенца, а члены их семей в количестве 3678 человек

освобождены от ссылки и им выданы паспорта (ГАПК. Ф. Р-1366. Оп. 1. Д. 652. Л. 60). Братьев Е. И. Анфаловой мобилизовали — одного на фронт, другого в трудармию (АП «Мемориал». Ф. 5. Оп. 210. Д. 1). Михаил Александрович Быховец, высланный с семьёй из Минской области в 1930 году в посёлок Северный Колчим, вспоминал: «В 1940-м снят с спецучёта. В 1944 году призван в армию. Воевал на Ленинградском фронте. Закончил войну под Кенигсбергом. Демобилизован в 1951 году» [АП «Мемориал». Ф. 5. Оп. 16. Д. 4]. Антонина Брониславовна Давыдовская, высланная с семьёй из хутора Репищи Червинского района БССР в деревню Чирково Косинского района, вспоминала: «Семья состояла из 6 человек — отец Бронислав Станиславович Бобровских (1883 г. р.), мать Бронислава Карповна Бобровских (1888 г. р.), дети: три мальчика (Адам, Степан, Юрий) и одна девочка (Антонина). Всех троих братьев взяли на фронт. Младший после фронта пришёл раненый. Средний демобилизовался. Он был в Польше, служил подполковником. Старший был командиром» (АП «Мемориал». Ф. 5. Оп. 32. Д. 4).

На основании постановления СМ СССР от 7 мая 1947 года и приказа МВД СССР от 16 мая 1947 года со всех «бывших кулаков» сняли режим спецпоселения. Ссылные белорусы получили возможность вернуться домой. Многие вернулись, но были и оставшиеся. Так, например, Н. И. Репшиц вспоминала: «Война кончилась, спецвыселка снята была уже, разрешили выезд, можно было выехать, дядька-то и уехал. Мы тут уже обосновались, переехать же, надо деньги, без денег куда поедешь? Без денег не поедешь» (АМЦИПР-2000, п. Берёзовая Старица). Родители Е. И. Анфаловой вернулись в Белоруссию, она же к этому времени вышла замуж за коми-пермяка и осталась жить в Кудымкаре (АП «Мемориал». Ф. 5. Оп. 210. Д. 1). Так же сложилась судьба и у А. Б. Давыдовской — вышла замуж за такого же ссыльного белоруса, и они уехали уже свободными в город Чёрмоз Пермской области (АП «Мемориал». Ф. 5. Оп. 32. Д. 4).

Несколько тысяч белорусов разделили трагическую судьбу многих народов, привезённых в годы раскулачивания и спецсылок в Пермский край.

БЕЛОРУСЫ В ПЕРМСКОЙ ОБЛАСТИ ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСИ 1939 ГОДА

Динамику численности белорусского населения в Прикамье, как и существенное изменение особенностей его расселения в сравнении с предыдущим периодом, показывают материалы переписи 1939 года. За период с 1926 по 1939 год численность белорусов

в Прикамье увеличилась в 3,5 раза. По итогам переписи в Пермской области проживало уже 13 354 белоруса (0,64% от общей численности), 8754 из которых — сельское население (64,6%). По численности белорусы были шестым народом после русских, коми-пермяков, татар, башкир и украинцев¹. Демографический прирост был вызван не столько внутренним приростом населения, сколько миграционным притоком, значительную часть которого составили спецпереселенцы, оказавшиеся в Пермском Прикамье в конце 1920-х — 1930-е годы. Перепись отметила и диспропорцию между численностью мужчин и женщин среди белорусов, что также косвенно подтверждает искусственный характер прироста населения: 7383 мужчины (55,3%) и 5971 женщины (44,7%).

Грамотность белорусов Пермской области в 1939 году по возрастным группам и месту жительства*

Население	9–19 лет		20–49 лет		50 лет и старше		Итого	
	Всего	Гра-мотн.	Всего	Гра-мотн.	Всего	Гра-мотн.	Всего	Гра-мотн.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Всё население	3177	3151	6432	5911	1996	944	11605	10006
Городское население	1102	1097	2699	2565	485	294	4286	3956
Сельское население	2075	2054	3733	3346	1511	700	7319	6100
Мужчины	1675	1658	3937	3833	905	683	6517	6174
Женщины	1502	1493	2495	2078	1091	311	5088	3882

*Составлено и подсчитано по: Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года. Уральский регион. Сборник материалов / сост. В.П. Мотревич. Екатеринбург, 2002. С. 135.

Родным для себя белорусский язык, по данным переписи, отметили 5657 жителей Пермской области (42,4% от общей численности белорусов). При этом в сельской местности процент указавших на белорусский в качестве родного был выше, чем в городе, хотя и незначительно: 44,1% против 39,1%. В материалах переписи также зафиксирован прирост грамотного населения. Среди белорусов в возрасте старше 9 лет грамотными были 86,2%, в том числе в возрастных категориях 9–19 лет — 99,1%, 20–49 лет — 91,9%, старше 50 лет — 47,3%. Среди мужчин грамотность составляла 94,7%, среди женщин — 76,3%. Самый большой разрыв в доле грамотных от общей численности приходится на женщин старше 50 лет — 28,5%, самый низкий — на женщин

¹Всесоюзная перепись населения СССР 1939: Уральский регион. Екатеринбург, 2002. С. 132–133, 172.

в возрасте 9–19 лет — 99,4% (у мужчин этой категории — 98,9%). Данная ситуация характерна и для других национальностей. Разница в грамотности между сельским и городским населением была незначительна: 83,3% против 92,3% соответственно.

В переписи 1939 года отражены также данные об уровне образования. Среднее образование имели 13,4% белорусов, высшее — около 1%, что было выше среднего по области (6,8% и 0,4% соответственно). Обращает на себя внимание разница между количеством образованных мужчин и женщин. Из белорусов, имеющих среднее образование, женщины составляли 31,6%, а среди людей с высшим образованием — 8,8%. При этом в возрастной категории до 19 лет у белорусов со средним образованием количество женщин превышает количество мужчин (275 и 273 соответственно), в остальных возрастных категориях и среди лиц с высшим образованием разница значительна. Также фиксируется разница в уровне образования между сельским и городским населением. Из белорусов со средним образованием в сельской местности проживало 39,3%, с высшим — 19,8%. Аналогичная разница с небольшой погрешностью характерна для всех возрастных категорий.

Уровень образования белорусов Пермской области в 1939 году по возрастным группам и месту жительства*

Образование, возраст	Городское население			Сельское население			Всё население		
	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>	<i>8</i>	<i>9</i>	<i>10</i>
Всего имеющих среднее образование	691	393	1084	532	171	703	1223	564	1787
До 19 лет	182	214	396	91	61	52	273	275	548
20–29 лет	298	129	427	267	65	332	565	194	759
30–39 лет	142	35	177	106	23	129	248	58	306
40–49 лет	43	9	52	37	14	51	80	23	103
50 лет и старше	26	6	32	31	8	39	57	14	71
Всего имеющих высшее образование	81	9	90	44	3	47	125	12	237
До 29 лет	23	4	27	11	1	12	34	5	39
30–39 лет	38	3	41	18	–	18	56	3	59
40–49 лет	16	1	17	10	2	12	26	3	29
50 лет и старше	4	1	5	5	–	5	9	1	10

*Составлено и подсчитано по: Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года. Уральский регион. Сборник материалов / сост. В. П. Мотревич. Екатеринбург, 2002. С. 142.

К 1939 году изменилась система расселения белорусов в регионе. Дисперсное их расселение отмечено во всех административных районах Пермской области. Самым крупным районом по численности белорусов по-прежнему оставался Сивинский, там их проживало 1588 (4,3% от населения района), хотя численность белорусского населения в этом районе сократилась с 1926 года в 1,7 раза. В результате спецссылки населения из районов Белоруссии в северные районы Пермской области значительная численность белорусов отмечена в Чердынском районе (1509 человек, или 1,99% от всего населения района). Компактные места проживания белорусов отмечены также в рабочих посёлках Губахе, Лямино, Тёплой Горе, городе Кизеле. В Коми-Пермяцком округе был переписан 3741 белорус, или более 2% от всего населения округа.

Белорусы в Пермской области в 1939 году*

Район	Всё население	Белорусы	% от общей численности
1	2	3	4
Область	2087518	13354	0,64
Городское население	827588	4600	0,56
Сельское население	1259930	8754	6,95
г. Пермь	255236	1093	0,43
Кагановический район	87949	202	0,23
Ленинский район	43903	197	0,45
Молотовский район	73488	99	0,13
Сталинский район	49896	595	1,19
РП Лёвшино	24694	38	0,15
г. Кизел	39365	1140	2,89
РП Александровский	7572	19	0,25
РП Всеволодо-Вильва	4681	37	0,79
РП Губаха	14060	192	1,37
РП Ивака	1200	25	2,08
РП Кржижановский	13475	74	0,55
РП Луньёвка	1677	6	0,36
РП Половинка	20818	151	0,24
РП Усьва	5091	26	0,51
Сельсоветы	8318	186	2,24
г. Лысьва	51410	137	0,27
г. Чусовой	43256	194	0,45
РП Бисер	4560	27	0,59
РП Лямино	3490	200	5,73
РП Пашия	11203	114	1,02
РП Тёплая Гора	5047	101	2,01
Сельсоветы	15973	138	0,86

* РП – рабочий посёлок.

<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>
Бардымский район	39 567	10	0,03
с. Барда	3305	–	–
Берёзовский район	26 964	15	0,06
с. Берёзовка	1359	2	0,15
Большесосновский район	18 454	16	0,09
с. Большая Соснова	2884	4	0,14
Верещагинский район	44 716	126	0,28
п. Верещагино	12366	78	0,63
Верхне-Городковский район	14 579	3	0,02
РП Верхне-Чусовские городки	3273	2	0,06
Верхне-Муллинский район	71 077	135	0,19
с. Верхние Муллы	2518	4	0,16
Ворошиловский район	92 931	197	0,21
г. Березники	64 609	160	0,25
Усольский район	13 323	28	0,02
Добрянский район	37 568	329	0,88
РП Добрянка	10 214	24	0,23
Еловский район	33 356	8	0,02
с. Елово	2802	–	–
Карагайский район	22 337	33	0,15
с. Карагай	1769	–	–
Кишертский район	29 847	26	0,09
с. Усть-Кишерть	2600	1	0,04
Краснокамский район	62 460	274	0,44
г. Краснокамск	29 745	216	0,73
РП Закамск	26 204	54	0,21
Куединский район	35 877	39	0,11
с. Куеда	2831	3	0,11
Кунгурский район	95 213	719	0,76
г. Кунгур	36 296	143	0,39
Ныробский район	14 262	79	0,55
с. Ныроб	1784	5	0,28
Нытвенский район	47 105	45	0,10
с. Нытва	8811	8	0,09
Ординский район	29 933	23	0,08
с. Орда	962	–	–
Осинский район	45 470	53	0,12
г. Оса	9170	25	0,27
Оханский район	37 158	53	1,43
г. Оханск	7068	44	0,62
РП Юго-Камск	6018	5	0,08

<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>
Очёрский район	31 166	61	0,20
РП Очёр	7744	44	0,57
РП Павловск	3701	12	0,32
Пермско-Ильинский район	48 651	51	0,10
с. Ильинское	3288	–	–
Пермско-Сергинский район	21 470	19	0,09
с. Серги	1259	1	0,39
Сивинский район	36 679	1588	4,33
с. Сива	1936	65	3,36
Соликамский район	75 337	635	0,84
г. Соликамск	33 722	417	1,24
РП Боровск	4349	33	0,76
Суксунский район	34 024	26	0,08
РП Суксун	6128	16	0,26
Уинский район	26 613	22	0,08
с. Уинское	2158	5	0,23
Усинский район	23 163	16	0,07
с. Большая Уса	2376	3	0,13
Фокинский район	25 259	16	0,63
с. Фоки	1750	–	–
Частинский район	18 496	23	0,12
с. Частые	1721	–	–
Чердынский район	75 632	1509	1,99
г. Чердынь	8130	108	1,33
РП Красновишерск	15 027	299	1,98
Чёрмозский район	35 756	146	0,41
РП Чёрмоз	11 771	95	0,81
Черновской район	18 087	28	0,15
с. Черновское	1947	1	0,05
Чернушинский район	48 816	92	0,18
с. Азино	5859	9	0,15
Щучье-Озёрский район	54 581	264	0,48
РП Сарс	2468	8	0,32
Коми-Пермяцкий национальный округ	162 130	3741	2,31
Городское население	13 939	235	1,69
Сельское население	148 191	3506	2,37

*Составлено и подсчитано по: Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года. Уральский регион. Сборник материалов / сост. В. П. Мотревич. Екатеринбург, 2002. С. 169–173.

Таким образом, к 1939 году основную часть белорусов в Пермском Прикамье составили лица, находящиеся в спецсылке в северных районах области. В предыдущий период их основу составляли переселенцы начала XX века, осваивающие свободные земельные угодья региона.

БЕЛОРУСЫ В ПРИКАМЬЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Начавшаяся Великая Отечественная война потребовала эвакуации из прифронтовой зоны в тыл большого числа людей и промышленных предприятий. 24 июня 1941 года постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР «для руководства эвакуацией населения, учреждений, военных и иных грузов, оборудования предприятий и других ценностей» при СНК СССР был создан Совет по эвакуации [Потёмкина 2006, 20]. В годы Великой Отечественной войны, по подсчётам историков, с территории Белоруссии вместе с предприятиями было эвакуировано вглубь страны свыше 1,5 млн человек [Лихоманов 1985, 15].

Пермская (Молотовская) область стала одной из территорий, которые приняли значительное число предприятий и населения. С началом войны в Молотовскую область было эвакуировано 124 промышленных предприятия. Среди них немало военных, которые часто размещались на территории уже существовавших в Перми (Молотове) военных заводов. Например, на производственных площадях завода имени Кирова разместились пять эвакуированных пороховых предприятий [Степанов 2005, 20]. Вместе с предприятиями переезжали рабочие и инженеры, технические и конструкторские бюро.

Так, с территории Белоруссии в Молотовскую область была эвакуирована Витебская очковая фабрика. Предприятие разместилось на базе Суксунского механического завода летом 1941 года. Вместе с фабрикой в посёлок переехало около 400 семей, практически все они в годы войны работали на производстве. Помимо работников фабрики в Суксун направлялись и другие жители Витебска. После войны большая часть эвакуированных покинула Суксун, но несколько семей остались. Потомки эвакуированных живут в Суксуне и сегодня [Кортин 2011]. В 1941 году в Краснокамске были размещены эвакуированное оборудование и рабочие Гомельской тетрадной фабрики [Ощепков 2010, 19], Кунгурский кожевенный комбинат принял Витебскую обувную фабрику [Долгорукова 2005, 13].

Уже на 28 июля 1941 года Молотовская область приняла 40 167 эвакуированных: из прифронтовой полосы (16 407 человек), из Москвы

(14 771 человек), Ленинграда (8410 человек) и других городов (579 человек) (ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 7. Д. 150. Л. 46). В первый год эвакуации учёт по национальностям не вёлся, можно только узнать, из каких областей были эвакуированы люди. Так, администрация Кунгура отчитывалась, что в июле 1941 года в город прибыло три эшелона с эвакуированными: «Первый 11.07 из Карело-Финской ССР — 577 человек. Второй 16.07 из Латвийской ССР, третий 23.07 из Витебска (БССР) — 714 человек. Часть эвакуированных разместили в черте города, часть направили в сельскую местность — Кунгурского, Суксунского, Юго-Осокинского и других районов» (ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 7. Д. 150. Л. 11). В Лысьву в это же время прибыло два эшелона: «Первый эшелон прибыл 03.07, в состав его вошли жители западных областей Белоруссии и Литовской ССР — детей 154 человека, женщин — 160, мужчин — 52. Из первого эшелона все размещены и устроены на работы в учреждения города. Размещены в жилфонде предприятий, на которых работают, за счёт уплотнения ранее живущих в квартирах. По прибытии первого эшелона оказана материальная помощь — выдано готового платья и белья на 3742 руб., денежных пособий на сумму 6975 руб. Второй эшелон прибыл с жителями Москвы — семьи работников искусства (музыканты, композиторы и т. п.) размещены в Доме отдыха "Сокол" (ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 7. Д. 150. Л. 16).

Кроме организованной эвакуации значительное количество жителей прифронтовых областей прибывали в неорганизованном, индивидуальном порядке. Так, по учётным данным по городу Молотову на март 1943 года, более 50 % эвакуированных прибыли самостоятельно (ГАПК. Ф. Р-176. Оп. 6. Д. 66. Л. 31).

Всего в Пермской (Молотовской) области было размещено 320 тысяч эвакуированных [История Урала 1977, 290]. Так, уже на январь 1943 года всего по области было размещено 294 148 человек, из них детей — 95 719. Большинство эвакуированных были из Ленинграда и Ленинградской области — 113 335, затем из прифронтовой полосы — 92 074 и Москвы — 62 169 (ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 9. Д. 303. Л. 8). В самом городе Молотове (Перми) было размещено, по данным на март 1943 года, 50 093 эвакуированных. Из них из Белоруссии — 1356 человек (ГАПК. Ф. Р-176. Оп. 6. Д. 66. Л. 31).

В каждом районе Молотовской области были эвакуированные. Так, в Фокинском районе, по данным на 15 февраля 1942 года, было размещено 3445 человек, 2346 из них прибыли самостоятельно, в неорганизованном порядке. Большинство — это жители городов и только

138 человек из сельской местности. По национальности — русские, евреи, карелы, белорусы, украинцы, поляки, эстонцы, финны. В основном они были из Ленинграда и Ленинградской области (1635 человек), Москвы и Московской области (684 человека), из Карело-Финской ССР (581 человек), остальные из Белорусской, Украинской, Молдавской ССР, Крымской АССР, Мурманской, Калининской, Смоленской, Тульской, Орловской, Курской, Воронежской, Горьковской, Саратовской, Сталинградской, Вологодской, Пензенской областей. Такая картина была типична для большинства районов Урала, принявших в годы войны эвакуированных людей [Потёмкина 2006, 88]. В 1943 году эвакуированных в Фокинском районе осталось 2410 человек, из них наибольшее количество было карелов — 349, евреев — 354, белорусов — 84 человека. Взрослое население было трудоустроено на местных предприятиях (ГАПК. Ф. Р-1313. Оп. 1. Д. 115. Л. 13–54).

В Большесосновском районе, по состоянию на 1 августа 1942 года, было размещено 2124 эвакуированных, из них 32 из БССР. Прибывшие из БССР были направлены в Баклушинский сельсовет. Всех их разместили по колхозным домам, нуждающимся были выданы материальная помощь, одежда и обувь (ГАПК. Ф. Р-302. Оп. 3. Д. 356. Л. 1, 5, 17).

Организованная реэвакуация началась с 1942 года после разгрома немецких войск под Москвой. Возвращаться могли только рабочие без семей вместе с предприятием. Летом 1943 года началась уже массовая реэвакуация — необходимо было восстанавливать освобождённые районы, требовалась рабочая сила [Потёмкина 2006, 175–176]. А в 1944–1945 годах началась стихийная реэвакуация. Так, Фокинская администрация отчитывалась перед облисполкомом: «Эвакуированные выехали из района неорганизованным путём». На 15 февраля 1945 года белорусов в районе осталось всего 10 человек, в октябре 1945-го — ни одного (ГАПК. Ф. Р-1313. Оп. 1. Д. 115. Л. 82, 95). Большая часть эвакуированных в годы войны вернулась на родину. Однако некоторые семьи навсегда остались в Пермском Прикамье.

БЕЛОРУСЫ В ПРИКАМЬЕ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Активные миграции белорусов в Пермское Прикамье продолжились и в послевоенное время и были связаны с привлечением трудовых ресурсов в Молотовскую область и проводимой в регионах страны переселенческой кампанией.

Молотовская область, территория со значительным числом промышленных предприятий, была одним из регионов России, остро нуждающихся в трудовых ресурсах. В предыдущие периоды необходимый ресурс восполнялся за счёт «спецконтингента». В годы Великой Отечественной войны, в частности, трудовые кадры Молотовской области постоянно пополнялись ссыльными, заключёнными, военнопленными, репатрированными, интернированными. Это была устоявшаяся административная практика привлечения рабочих в область. Так, например, Молотовский обком партии, рассмотрев баланс рабочей силы на 1945 год, просил Совнарком «разрешить пополнение дефицита в важнейших отраслях промышленности и хозяйства Молотовской области путём завоза из других областей и республик на постоянное жительство спецпереселенцев в количестве не менее 70–80 тысяч человек» (ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 11. Д. 172. Л. 14). В 1946 году, по подсчётам специалистов Госплана, в области не хватало 39 тысяч рабочих. Решение этой проблемы областная администрация видела только в «привлечении рабочей силы из других областей (в основном спецконтингент), намечаемых к использованию в строительстве и лесном хозяйстве» (ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 12. Д. 138. Л. 6). В 1948 году тенденция привлечения рабочих кадров в область начала изменяться. Так, специалисты Госплана писали в докладной о балансе рабочей силы на 1949 год: «Общая дополнительная потребность в работниках государственных учреждений и предприятий... составляет 34,1 тысячи человек. Покрытие дополнительной рабочей силы намечается за счёт завоза из других областей для работы в лесной промышленности 12 тысяч человек, привлечение спецконтингента на лесозаготовки 3 тысячи и на строительство 5 тысяч» (ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 14. Д. 135. Л. 82). Таким образом, очевидно, что руководство области видит источник пополнения рабочей силы не только в спецкадрах, но и вольнонаёмных рабочих.

На рубеже 1940–1950-х годов модернизационные процессы в советском обществе дошли до такой фазы развития, когда использование принудительного труда и мобилизационных схем организации труда стало значительным тормозом для динамично развивающихся отраслей экономики. При различных формах принуждения к труду характерно глубокое отчуждение человека от труда и его результатов, при этом доминирует интерес к выживанию, а не к труду [Озерникова 2003, 100–110]. В конце 1940-х годов народное хозяйство было прак-

тически восстановлено. В это же время начали сказываться результаты индустриализации страны, то есть в производство активно внедрялись новые технологии. Механизированные формы производства требовали совершенно иной организации труда. К работнику предъявлялись новые требования — высокая квалификация, бережное отношение к технике. Внеэкономические методы привлечения к труду (мобилизация, труд заключённых, спецпереселенцев) в силу своих особенностей (незаинтересованность, временность, низкая квалификация) не могли соответствовать требованиям производства. При анализе производительности труда многие хозяйственные и партийные руководители наглядно видели отличие труда подневольного и вольнонаёмного. Хозяйственников, применявших на своих предприятиях экономические формы мотивации труда (хозрасчёт, премии, прогрессивно-сдельную оплату труда), поощряли, их опыт транслировали на другие предприятия, то есть в экономической политике государства появилась чёткая тенденция отказа от масштабного применения принудительных форм организации труда [Шевырин 2011, 71].

При составлении баланса рабочей силы на 1950 год Молотовский обком партии уже не предлагал покрыть дефицит с помощью привлечения новых партий спецконтингента, а предлагал переселить в Молотовскую область 15 000 семей из центральных и южных районов СССР, распространив на них льготы, установленные для переселенцев в Карело-Финскую ССР. Заместителю председателя Совмина СССР М. Г. Первухину было направлено письмо: «Молотовская область располагает большими лесосырьевыми ресурсами, освоение которых, особенно в северной части области, до настоящего времени производится крайне медленно.

...В целях развития лесозаготовок Молотовский обком ВКП(б) просит вас разрешить следующие вопросы.

Ввиду острого недостатка рабочей силы в колхозах Молотовской области и невозможности пополнения постоянного кадра лесозаготовительных предприятий за счёт колхозников Молотовской области необходимо:

1. Переселять в Молотовскую область в 1950 году из центральных и южных районов СССР 15 тысяч семей сельского населения для работы на лесозаготовительных предприятиях комбината "Молотовлес", распространив на них льготы, установленные для переселенцев в Карело-Финскую ССР.

2. Обязать Министерство высшего образования и Министерство лесной и бумажной промышленности СССР направить в 1950 году в предприятия комбината "Молотовлес" 150 инженеров и 300 техников из оканчивающих высшие и средние учебные заведения. И из лесозаготовительных предприятий Украины, Белоруссии, Центральных районов РСФСР направить в Молотовскую область часть инженерно-технических работников».

К письму был приложен проект постановления, в котором описываются экономические льготы, ждущие переселенцев:

«Проект постановления "О мерах по развитию лесозаготовок в Молотовской области"

Переселить в Молотовскую область в 1950 году из центральных и южных районов СССР 15 тысяч семей сельского населения для работы на лесозаготовительных предприятиях комбината "Молотовлес".

По прибытию на место переселения выдавать переселенцам:

А) единовременное пособие на устройство в размере 2 тысячи рублей и по 500 рублей на каждого члена семьи;

Б) ссуду на приобретение скота в размере 2500 рублей;

В) ...

Г) предоставлять квартиру с приусадебным участком и сенокосными угодьями» (ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 16. Д. 432. Л. 13–18).

Белорусская ССР наряду с Калужской областью, Мордовской, Чувашской и Татарской АССР была одним из регионов, закреплённых за Молотовской областью для осуществления переселенческой политики. Так, только в 1951 году в Пермское Прикамье прибыла 1001 семья из Белоруссии, или 3927 человек. Они были представлены выходцами из Брестской (464 семьи, 1833 человека), Пинской (442 семьи, 1690 человек) и Молодеченской областей (95 семей, 404 человека) (ГАПК. Ф. р. 476. Оп. 2. Д. 4349. Л. 27). В последующие годы политика перемещения трудовых ресурсов продолжалась.

Значительную часть переселенцев этого периода приняли леспромхозы области. Сохранились списки переселенцев за 1951–1954 годы и их размещение по леспромхозам области. Всего, по данным отдела по использованию трудовых ресурсов Молотовского облисполкома, в Прикамье в период кампании 1951–1954 годов переехало на постоянное жительство для работы в лесных посёлках 4813 белорусов. В книгах персонального учёта прибывших указаны также и места, откуда они прибыли. Так, белорусы чаще всего приезжали из Гонцевичского, Луницкого, Телеханского, Логищенского районов Пинской области, Каменецкого, Жаблицкого районов Брестской области.

Год	Предприятие	Численность
1	2	3
1951	Пулатовский ЛПХ	4
1952	Вайский ЛПХ	24
	Вивенский ЛПХ	132
	Ветлянский ЛПХ	68
	Вогульский ЛПХ	131
	Говорливый ЛПХ	290
	Ильинский ЛПХ	394
	Косьвинский ЛПХ	502
	Красновишерский ЛПХ	336
	Лысьвенский ЛПХ	35
	Нижне-Луховской ЛПХ	415
	Таборский ЛПХ	8
	Усьвинский ЛПХ	4
	Фокинский район	229
	Чёрмоозский ЛПХ	349
	Шемейный ЛПХ	358
	Шушанский ЛПХ	4
	Итого	3283
1953	Ветлянский ЛПХ	160
	Вивенский ЛПХ	181
	Добрянский ЛПХ	69
	Камарихинский ЛПХ	259
	Кордонский ЛПХ	3
	Кухтымский ЛПХ	182
	Полазненский ЛПХ	16
	Теплогорский ЛПХ	90
	Троицкий ЛПХ	49
	Шушпанский ЛПХ	167
	Щучьеозёрский ЛПХ	8
	Чусовской ЛПХ	46
	Итого	1230
1954	Сивинский ЛПХ	6
	Вогульский ЛПХ	34
	Чёрмоозский ЛПХ	31
	Кухтымский ЛПХ	65
	Косьвинский ЛПХ	2
	Таборский ЛПХ	14
	Вивенский ЛПХ	3
	Мало-Шугорское стройуправление	30

1	2	3
	Красновишерский ЛПХ	75
	Красновишерское стройуправление	36
	Итого	296

*Составлено и подсчитано по: ГАПК. Ф. 1271р. Оп. 1. Д. 127, 128, 131, 137.

Вероятно, проект постановления «О мерах по развитию лесозаготовок в Молотовской области» был принят за основу программы переселения, так как руководство ЛПХ отчитывалось о предоставленных и построенных домах для промпереселенцев, о выдаче ссуды, о предоставлении приусадебных участков. Так, Лысьвенский леспромхоз отчитывался в июле 1951 года о выполнении плана жилищного строительства и ремонта жилья для промпереселенцев по следующим показателям:

Наименование участков	Прибыло семей	Общее число человек	В т. ч. трудоспособных	План строительства домов	Фактически построено	Строится
1	2	3	4	5	6	7
Каменка	49	266	142	5	3	2
В.-Лысьва	23	182	49	0	0	0
Кормовище	10	64	27	0	0	0
Серебряный	1	6	2	0	0	0
Итого	83	518	220	5	3	2

Тем переселенцам, которым не досталось дома, «было выделено по 1 комнате, площадью от 12 до 16 кв. м. Большинство домов не имеют надворных построек, ввиду чего имеющийся у промпереселенцев скот размещён в конных дворах. Все посёлки имеют бани, столовые, магазины, медпункты и красные уголки. Магазины ОРСа имеют достаточное количество продуктов (имеется крупа — манка, гречка, сечка; рыба — тюлька, сельдь, треска; сахарный песок, но нет сахара, на что имеются претензии переселенцев, масло растительное и животное, мясные консервы). Недостаточно промтоваров, особенно обуви, на которую имеется большой спрос» (ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 17. Д. 383. Л. 27).

Трест «Уралзападолес» отчитывался в 1952 году: «Установленный на 1952 год план приёма семей переселенцев по состоянию на 20 декабря с.г. выполнен на 96%. При плане приёма 1300 семей, фактически принято 1252 семьи». Переселенцы были в основном из колхоза

им. Василевского села Митяйки Ружинского района и колхоза «Победа» села М-Старвиц Шерешевского района Брестской области (ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 18. Д. 408. Л. 12–21).

Кордонский ЛПХ отчитывался в 1953 году: «40 семей размещены в стандартных двухквартирных щитовых домиках "Ш-51", остальные 5 семей построили свои дома. Приусадебные участки промпереселенцам расчищены и раскорчёваны, за исключением сенокосных угодий. Для строительства домов были отпущены ссуды на сумму 72 890 руб. Ссуда на покупку коров — 6 тысяч руб.» (ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 367. Л. 1).

Далеко не все переселенческие семьи оставались на территории Молотовской области. В числе причин отъезда были «плохая торговля и снабжение, а также в отдельных случаях неудовлетворительное устройство семей в леспромхозах». Так, на апрель 1952 года из треста «Уралзападолес» выбыло 187 семей (ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 18. Д. 399. Л. 38).

Другими сферами применения трудовых переселенцев стали строительство, сельское хозяйство и промышленность.

Привлечение трудовых ресурсов в 1950-е годы, в том числе и с территории Белорусской ССР, явилось причиной значительного роста числа белорусского населения в Пермском Прикамье. Численность белорусов в регионе, по данным Всесоюзной переписи населения 1959 года, составила 32 800 человек, или 1,1 % от общего населения области (ГАПК. Ф. р-493. Оп. 19. Д. 20). Перепись 1959 года показала наибольшее число белорусского населения в регионе. В сравнении с 1939 годом число белорусов выросло в 2,5 раза (с 13 354 человек в 1939 году). Прирост, отмеченный переписью, является следствием перемещения населения в годы Великой Отечественной войны и переселенческой политики начала 1950-х годов.

Из всего белорусского населения области доля городского (54 %) незначительно преобладала над сельским (46 %). Перепись отметила и степень владения белорусами родным языком. В целом по области 55 % белорусов Прикамья указали на белорусский язык в качестве родного, 45 % отметили в качестве такового русский язык. К 1959 году произошли изменения в расселении белорусов на территории Пермской области. Они в этот период проживали во всех административных территориях Пермской области. Лидерами по числу белорусов оставались северные районы области и Коми-Пермяцкого округа — территории расположения большинства леспромхозов края. Эти территории приняли

и спецконтингент в 1930-е годы, и переселенцев 1950-х, распределённых в леспромхозы области. Часто в одних и тех же посёлках проживали как белорусы, высланные в Прикамье во время раскулачивания, так и приехавшие добровольно в 1950-е годы. Среди сельских территорий значительное число белорусов по-прежнему отмечено в Сивинском районе. Перепись 1959 года зафиксировала увеличение численности белорусов и в промышленных территориях края: Березниках, Губахе, Кизеле.

Особенностью расселения белорусов в этот период в Пермской области был его дисперсный характер. Отмеченные во всех административных районах Прикамья, белорусы только в шести населённых пунктах Пермской области показаны переписью сельских населённых мест 1967 года численно преобладающим населением. Среди них три деревни Сивинского района — Матица (14 белорусов), Жуковка (28) и Морозовка (53), два посёлка в Кочёвском районе — Станомыс (23 белоруса) и Янчер (120), населённый пункт Будка 85 (11 белорусов) Чусовского района (ГАПК. Ф. р. 493. Оп. 19. Д. 19, 21).

В последующем столь значительных организованных миграций в Пермскую область из Белоруссии, как это происходило в 1950-е годы, не отмечено. Однако миграционный приток из белорусских областей наблюдался и в последующие периоды. Часто он зависел от личных или семейных обстоятельств. Кто-то поступал в пермские вузы и после их окончания оставался в Пермской области, кто-то связывал свою судьбу с Прикамьем после службы в армии. Способствовали миграционному притоку и экономические связи пермских промышленных предприятий региона с белорусскими. Так, развитие в северных районах Прикамья калийнодобывающих предприятий вызвало приток специалистов-калийщиков из Белоруссии. Переписи 1970, 1979, 1989 годов фиксируют приток белорусского населения в города Соликамск и Березники. Полевые материалы также позволяют выявить эти миграции: «Когда мы учились, а я заканчивал Солегорский химико-технологический техникум (1970-е годы), многие готовились поехать по распределению именно в Пермскую область, о ней знали. Особенно после запуска здесь 3-го калийного цеха» (ПМ-2013. г. Пермь).

Перепись населения 1970 года отметила снижение численности белорусов в Пермской области. В этом году в Прикамье проживало 22 605 белорусов (68,9% от уровня 1959 года). Изменилась среди них за этот период пропорция городского и сельского населения —

доля городского составила 68,7%. Однако в целом доля городского населения среди белорусов была ниже, чем у всего населения края (78,2%). Для 54,6% белорусов родной язык, согласно данным переписи, был русский. Уменьшение численности обусловлено снижением миграционного прироста. В этот период в Прикамье уже не отмечено массовых миграций из западных областей СССР. Другой причиной уменьшения численности белорусов явились ассимиляционные процессы. Уже в этот период только половина белорусов назвала белорусский язык в качестве родного.

Белорусы в Пермской области в 1970 году*

Район	Всего	Всего белорусов	Белорусы с родным языком / с русским	Всего мужчин	Всего мужчин с родным языком / с русским	Всего женщин	Всего женщин с родным языком / с русским
Область	3008211	22605	10256/12324	12415	5511/6892	10190	4745/5432
<i>Городское население</i>	2354673	15525	6696/8815	8597	3600/4990	6928	3096/3825
<i>Сельское население</i>	653538	7080	3560/3509	3818	1911/1902	3262	1649/1607
Коми-Пермяцкий автономный округ	212141	2408	1178/1227	1220	610/608	1188	568/619
<i>Городское население</i>	40601	303	118/185	149	59/90	154	59/95
<i>Сельское население</i>	171540	2105	1060/1042	1071	551/518	1034	509/524

*Составлено и подсчитано по: ГАПК. Ф. р. 493. Оп. 19. Д. 106, 107.

Последующие переписи также показали дальнейшее снижение численности белорусского населения в крае. Количество белорусов с 1970 по 1979 год сократилось на 2771 и составило 19834 человека (87,7% от уровня 1970 года, 0,67% от численности населения области). Наибольшее число белорусов проживало в городе Перми, а также в Березниках, Губахе, Кизеле, в сельских местностях Добрянского, Красновишерского и Гайнского районов. За исключением Гайнского района, где доля белорусов составляла 3,63%, ни в одном другом районе их численность не превышала 2%, а в большинстве районов она была менее 1%. В Сивинском районе проживало 278 белорусов, или 1,35% от населения района.

Увеличилась доля белорусов, считающих родным языком русский — 61,1 %. Активные урбанизационные процессы сказались на всём сельском населении Прикамья, в том числе и на белорусах. Белорусское сельское население значительно сократилось, составив 4643 человека, или 23,4 % всех белорусов.

Последняя перепись населения, проведённая в СССР в 1989 году, не обнаружила новых существенных изменений в среде белорусского населения Прикамья. Его численность по-прежнему снижалась. С 1979 по 1989 год количество белорусов сократилось на 5,1 %, составив 18 842 человека. Расселение белорусов по территории области было дисперсным, наибольшее количество белорусов также сосредоточилось в крупных городах, ареалы с общей долей 1 % от населения сохранились в северо-восточных районах — Александровском (1,06 %), Гремячинском (1,1 %), Красновишерском (1,71 %), Соликамском (1,07 %), Добрянском (1,17 %) и Чердынском (1,08 %). В большинстве территорий области белорусы составляли менее 1 %.

Перепись 1989 года зафиксировала незначительное снижение городского населения среди белорусов (с 15 233 до 15 098 человек). Однако доля горожан по-прежнему оставалась высокой — 80,1 %. Количество белорусов из сельской местности за 10 лет снизилось на 8,7 % — с 4601 до 3744 человек.

Продолжилась тенденция к увеличению доли белорусов с родным русским языком. По отношению к 1979 году их доля незначительно увеличилась — с 12 119 до 12 324 человек и составила 65,4 %. В целом отсутствие новых миграций и ассимиляционные процессы постепенно приводили к сокращению численности белорусов в Пермском Прикамье.

Таким образом, советский период, в отличие от предшествующего, характеризовался более значительными миграциями белорусов в регион. Наиболее массовыми и существенными были три миграционные волны, обусловленные разными причинами и связанные с разными периодами истории государства: высылка в северные районы Прикамья в 1930-е годы, эвакуация в период Великой Отечественной войны, плановое переселение в 1950-е годы. Перепись 1959 года показала наибольшую численность белорусов в Пермской области за весь исследуемый период. Однако миграции советского времени, в отличие от крестьянского переселения начала XX века, не приводили к формированию компактных ареалов расселения, к развитию комплексов традиционной культуры.

ЭТНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА БЕЛОРУСОВ В УСЛОВИЯХ СПЕЦПОСЕЛЕНИЯ

Быт и особенности культуры белорусских переселенцев XX века в Пермском крае во многом были обусловлены существовавшими политическими и экономическими ограничениями, а также адаптацией к местным природно-климатическим условиям и особенностями взаимодействия с другими переселенцами и местными жителями. Уральская природная среда с длительной и суровой зимой была непривычна белорусам. В летний период удивление вызывали белые ночи, так как это явление сбивало у переселенцев ориентацию во времени. Новыми оказались и условия проживания и деятельности. Спецпоселенцы 1930-х годов были расселены в большинстве случаев в необжитых и непригодных для жизни местах — в болотистой местности, на песчаниках, на которых земледелие, являвшееся основным видом деятельности раскулаченных крестьян, не приносило ожидаемого результата. Лишь с применением удобрений стало возможно поддержание огородничества, а в дальнейшем — достижение успехов в колхозном хозяйстве. Пригодного для жизни в суровых условиях жилья не было. Приехавших размещали в наскоро выстроенных бараках. Обживались на новом месте спецпоселенцы своими силами. Так, по рассказам Софьи Петровны Голиковой (в девичестве Немогай), 1925 г.р., высланной в 1931 году со всей семьёй из хутора Нивки Пуховичского района Минской области в посёлок Сергеевский Гайнского района, её отец сначала построил землянку, где жила их семья, затем, вместе с другими белорусскими семьями, небольшой дом. В нём разместилось шесть семей: *«В этом котловане папа сделал землянку. Сделал землянку, и мы всей семьёй в эту землянку. <...> И папа там выбрал место, подобрал, где посуше. Шесть семей мы, двадцать четыре человека. <...> Тут же леса завалили, разворачивали, рубили. А папа хорошо, значит, пилил продольной пилой. <...> И к поздней осени мы залезли под крышу. Поздно уже осенью. Сбили с глины печку русскую. Шесть семей. Мы, Римашевские, Пароухомчики, Мазаники...»*. Надо отметить, что при строительстве белорусы опирались на свой прежний опыт заготовки и обработки дерева, размещения жилья и хозяйственных построек: все хозяйственные постройки, появившиеся постепенно, ставили отдельно от дома. Дома спецпоселенцев, обследованные в посёлке Сергеевском, отличаются тем, что снаружи они обмазаны глиной и побелены; по устным свидетельствам, пазы данных строений не были утеплены мхом. Подобная же побелка стен в сенях жилища отмечена в соседней коми-пермяцкой деревне Иванчино,

что, возможно, свидетельствует о влиянии переселенцев на культуру быта местных жителей. В посёлке Чуртан Гайнского района до недавнего времени сохранялись дома и хозяйственные постройки, крытые сосновой дранкой. Технологию изготовления дранки ещё помнит старшее поколение: её нарезают, затем сушат, а уже высохшей кроют крыши. Соседнее коми-пермяцкое и русское население такую технологию не использовало.

Одним из наиболее консервативных компонентов национальной культуры считается народная кухня. Спецпоселенцы в первые годы после переселения не имели благоприятных условий для поддержания и передачи кулинарных традиций. Кроме выделяемого пайка у местных жителей выменивались картошка и другие продукты, использовались различные суррогаты и дикоросы: *«Грибы, ягоды, это было. Как только это, так и собираем. Я говорю, насобираем грибов, насолим бочку, ягод наварим. <...> [Трава растёт, траву ели?] Ели, оё-ёй как! Лебеду ели, щавель. По лугам тут полно щавеля было. Лебеду, крапиву»* (Гайнский район, п. Сергеевский). С. П. Голикова, переехавшая на территорию Пермского края в детском возрасте, отмечает, что национальной пищей белорусов считались картошка, сало, из блюд называет драники, вареники с творогом и вишней, домашнюю колбасу, копчёные окорока, которые готовили на новой территории уже в более позднее время. Из заимствованных от местного населения рецептов называет пельмени, брагу, квас и пиво. Несмотря на суровые условия, некоторые белорусские переселенцы так и не привыкли к местным особенностям кухни, например к употреблению дикоросов — пистиков (всходов хвоща полевого) и пиканов (сныти): *«И пистики, и эти не привыкли мы. А нас же тут полно деревенских, они едят. Соседка тут жила, она коми была, мама ешэ, покойница, у меня была. Она как-то бежит: “Ой, ой, ой, я пирожками с пистиками вас угощу”. Я стою, говорю, не надо мне пирожки и пистики, не буду я есть. Мама взяла. Смотрю, мама моя взяла. Она ушла, она: куть-куть-куть — курам этот. Пикан тоже. Непривыкшие мы»* (Гайнский район, п. Сергеевский).

Под запретом власти были традиционные праздники и некоторые семейные ритуалы, включающие народные и религиозные обряды. Их поддержанию у белорусов-спецпоселенцев не содействовал и межэтнический характер поселений, так как в посёлках вместе с белорусами проживали украинцы, русские, литовцы, латыши, татары. К сожалению, по данной теме материала пока недостаточно. По имеющимся же сведениям можно констатировать, что частично традиционные ритуалы

исполнялись, но они утрачивали актуальность среди представителей белорусского народа. В первую очередь отмечается поддержание тех традиций, которые были общими у разных народов. Это хождение ряженных во время Святков, крашение луковой шелухой яиц на Пасху. Сохранившейся можно назвать традицию поминовения усопших на кладбище, но на новой территории изменилось время проведения обряда: если на родине кладбище посещали на Пасху в воскресенье, то здесь уже — в Троицкую субботу, реже на Радоницу (Гайнский район, п. Сергеевский). Белорусы не восприняли местную традицию поминок в день Семика (четверг перед Троицей).

Динамично происходили процессы и в языковой сфере. Для разноэтничного населения посёлков основным языком общения был русский, но, кроме этого, белорусами воспринимались и осваивались другие языки, в частности на территории Коми-Пермяцкого округа — коми-пермяцкий: *«А тут мы, господи, не только мы, и украинские говорили, и пермяцкие. Я щас по коми газеты читаю и разговариваю, мне нет ничего, я с любым пермяком буду по коми говорить, и газету читаю, ничё...»* (Гайнский район, п. Сергеевский). Белорусский язык сохранялся в семейном общении, его фонетические особенности по сей день сказываются в русской речи старших поколений белорусов.

В белорусских поселениях сложилась своя топонимика местности, в частности освоенные или обработанные участки называются в народе по именам или фамилиям домохозяев: Петуховщина, Скуратовичская пасака.

Процессы межэтнического взаимодействия, как видно по многим примерам, протекали активно. В первое время наиболее близкие связи складывались прежде всего со своими соплеменниками, примером служит совместное строительство белорусскими семьями жилья. Общие условия жизнедеятельности объединяли белорусов с другими спецпереселенцами. Неизбежны были отношения и с местными русскими, коми-пермяками. Среди местных жителей ещё до приезда спецконтингента проводилось информационное оповещение, призванное сформировать негативный образ переселенцев: *«Рассказывали в Отпкове, бабы там: нам сказали, что везут сюда бандитов, воров, а вы такие же люди, как и мы...»* (Гайнский район, п. Сергеевский). Отношения с местным населением складывались по-разному, в первое время присутствовали и враждебные настроения, которые проявлялись в прозвищах, например, «ссылные бесы» (Гайнский район, п. Чуртан). Но всё-таки политические информационные акции оказались

малорезультативными, местное население включилось в процесс натурального обмена с переселенцами (обменивали продукты питания на одежду и другие вещи), оказывало помощь в решении бытовых вопросов. Местные жители от спецпоселенцев узнали о новых для себя продуктах — помидорах, огурцах, которые на севере Пермского края крестьяне до этого не выращивали, научились правильно ухаживать за посадками картофеля: *«Раньше картошку не окучивали у нас, а они [спецпоселенцы] окучивали. У нас картошка такая [мелкая], а у них больше. А потом мы научились»* (Кочёвский район, д. Воробьёво). Поселения в Кочёвском районе, в которых произошла массовая гибель спецпоселенцев, в том числе белорусов (Станомыс, Коврижка), коми-пермяки в конце 1990-х — начале 2000-х годов посещали для поминовения на Троицкую субботу, аналогично древним захоронениям, то есть они были причислены народом к сакральным (памятным) местам.

Совсем иначе процессы адаптации проходили среди эвакуированного населения в годы Великой Отечественной войны и переселенцев промышленных посёлков в 1950-е годы. Эвакуированные белорусы не имели намерений основательно обживать на новом месте. Их семьи были расселены в свободные избы и квартиры. После освобождения родной территории они вернулись на родину. Этнические процессы у эвакуированного населения, вследствие кратковременного пребывания на территории Пермского края, проследить довольно сложно, информация по данному вопросу не собиралась и не изучалась. Единственно, что можно отметить по имеющимся фактическим свидетельствам: семьи белорусов уже в послевоенное время продолжали поддерживать связи — вести переписку и обмениваться посылками с местными жителями, с которыми успели подружиться в период пребывания в эвакуации (Косинский район, с. Пуксиб).

Переселенцы 1950-х годов, которых называют промпереселенцами, вербованными, приезжали по собственному желанию. На прикамской территории оседала та часть, которую устраивали местные условия. Переселялись белорусы в это время также семьями, что благоприятствовало сохранению самосознания и некоторых обычаев. По имеющимся в распоряжении полевым материалам, белорусы легко адаптировались в лесных посёлках, для них были характерны межэтнические браки с местным населением, сохранение элементов материальной культуры, в частности кулинарной традиции, сохранение связи с родными в Белоруссии. Для местного населения белорусы-переселенцы

1950-х годов также стали новаторами в определённых видах деятельности. К примеру, по свидетельству Антонины Николаевны Кришталь, её деверь, прибывший в посёлок Сергеевский в 1955 году, одним из первых занялся фотографией. Несмотря на более благоприятные условия, среди переселенцев 1950-х годов происходили интенсивные процессы ассимиляции, что было связано с рассеянным характером их поселения и отрывом от традиционного крестьянского быта. Часть поздних переселенцев со временем покинула территорию Пермского края.

**МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКИХ
ПЕРЕПИСЕЙ НАСЕЛЕНИЯ 1959, 1979, 1989 ГОДОВ
ПО БЕЛОРУССКОМУ НАСЕЛЕНИЮ
ПЕРМСКОЙ ОБЛАСТИ**

**Белорусы в Пермской области по материалам
Всероссийской переписи населения 1959 года***

Район	Всего	Всего белорусов	Белорусов с родным языком/с русским	Всего мужчин	Всего мужчин с родным языком/с русским	Всего женщин	Всего женщин с родным языком/с русским
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>	<i>8</i>
Область	2992876	32800	14662/18117	18114	7950/10144	14686	6712/7953
<i>Городское население</i>	1762450	17965	7459/10503	10364	4269/6095	7601	3190/4408
<i>Сельское население</i>	1230426	14835	7203/7614	7750	3681/4069	7085	3522/3545
Пермь	629118	4899	1934/2913	2904	1168/1731	1995	768/1222
Дзержинский район	142777	1449 1,01%	556/890	823	317/507	626	241/383
Кировский район	87390	746 0,85%	321/424	435	194/241	311	127/183
Ленинский район	87892	543 0,62%	189/351	351	138/212	192	51/139
Мотовилихинский район	97547	439 0,45%	189/250	268	114/154	171	75/96
Орджоникидзевский район	73245	628 0,86%	251/376	383	142/240	245	109/136
Сталинский район	140267	1094 0,78%	428/622	644	263/377	450	165/285
Александровский горсовет	47817	974 2,04%	461/510	509	236/271	465	225/239
Городское население Александровского района	43013	911 2,12%	424/485	477	216/260	434	208/225
г. Александровск	19053	363 1,91%	184/177	192	91/100	171	93/77
Городские поселения Александровского горсовета	23960	548 2,29%	240/308	285	125/160	263	115/148
Сельская местность Александровского горсовета	4804	63 1,31%	37/25	32	20/11	31	17/14
Березниковский горсовет	108304	1101 1,02%	455/645	639	274/364	462	181/281

1	2	3	4	5	6	7	8
г. Березники	106 119	1076 1,01%	443/632	623	266/356	453	177/276
Сельские местности Березниковского горсовета	2185	25 1,14%	12/13	16	8/8	9	5/4
г. Премычниск	38 014	686 1,81%	296/390	385	163/222	301	133/168
Губахинский горсовет	116 541	1877 1,61%	855/1019	1054	466/587	823	389/432
г. Губаха	93 502	1483 1,59%	635/847	830	347/482	653	288/365
Горпоселения Губахинского горсовета	23 039	394 1,71%	220/172	224	119/105	170	101/67
Кизеловский горсовет	125 873	1548 1,23%	738/807	907	430/475	641	308/332
г. Кизел	60 687	739 1,22%	314/424	445	199/345	294	115/179
Центральный Коспыш	22 945	253 1,10%	108/144	136	54/81	117	54/63
Городские поселения Кизеловского горсовета	42 241	556 1,31%	316/239	326	177/149	230	139/90
Краснокамский горсовет	78 675	655 0,83%	250/401	408	171/233	247	79/168
г. Краснокамск	54 389	518 0,95%	201/315	317	139/176	201	62/139
Сельские местности Краснокамского горсовета	23 960	137 0,57%	49/86	91	32/57	46	17/29
г. Кулгунр	64 796	430 0,66%	227/303	269	149/120	161	78/83
Лысьвенский горсовет	100 192	662 0,66%	290/369	411	182/226	251	180/143
Городское население Лысьвенского горсовета	77 414	437 0,56%	172/263	281	118/161	156	54/102
г. Лысьва	72 989	407 0,56%	165/240	262	114/146	145	51/94
п. Кын	4 425	30 0,68%	7/23	19	4/15	11	3/8
Сельские местности Лысьвенского горсовета	22 778	225 0,99%	118/106	130	64/65	95	54/41
г. Соликамск	82 874	1097 1,32%	488/608	619	277/341	478	211/267
г. Чусовой	60 658	593 0,98%	220/372	340	123/216	253	97/156

1	2	3	4	5	6	7	8
Сельские местности Бардымского горсовета	40056	41 0,10%	25/16	36	23/13	5	2/3
Городские поселения Березниковского района	14979	99 0,66%	36/63	62	24/38	37	12/25
Сельские местности Усольского района	29815	824 2,76%	530/293	456	289/167	368	241/126
Сельские местности Берёзовского района	23045	49 0,21%	32/17	25	20/5	24	12/12
Сельские местности Большесосновского района	13613	22 0,16%	10/12	15	8/7	7	2/5
г. Верещагино Верещагинского района	22860	166 0,73%	52/114	97	31/66	69	21/48
Городские поселения Верещагинского района	4153	28 0,67%	3/25	20	0/20	8	3/5
Сельские местности Верещагинского района	26506	59 0,22%	29/30	36	22/14	23	7/16
Городские поселения Верхнегородковского района	9431	93 0,99%	33/59	50	17/32	43	16/27
Сельские местности Верхнегородковского района	30955	826 2,66%	483/340	430	247/180	396	236/150
Городские поселения Верхнемуллинского района	6962	91 1,31%	39/62	50	19/31	41	20/21
Сельские местности Верхнемуллинского района	38329	218 0,57%	94/124	117	44/73	101	50/51
Городские поселения Добрянского района	22449	267 1,19%	116/151	157	69/88	110	47/63
Сельские местности Добрянского района	37638	1495 3,97%	837/656	758	403/355	737	434/301
Сельские местности Еловского района	27655	128 0,46%	68/59	74	40/33	54	28/26
Сельские местности Ильинского района	25724	293 1,14%	146/145	161	73/86	132	73/59
Сельские местности Карагайского района	36488	426 1,17%	196/229	229	111/117	197	85/112
Сельские местности Кишертского района	29665	235 0,79%	115/119	126	59/66	109	56/53
Городские поселения Красновишерского района	15207	400 2,63%	157/243	200	79/121	200	78/122

1	2	3	4	5	6	7	8
Сельские местности Красновишерского района	27334	1172 4,29%	690/482	603	339/264	569	351/218
Городские поселения Куединского района	5316	16 0,30%	5/11	11	4/7	5	1/4
Сельские местности Куединского района	30041	34 0,11%	16/18	21	14/7	13	2/11
Сельские местности Кунгурского района	71939	400 0,57%	196/204	222	106/116	178	90/88
г. Нытва Нытвенского района	19185	74 0,39%	37/36	41	20/20	33	17/16
Городские поселения Нытвенского района	11673	99 0,85%	45/54	71	32/39	28	13/15
Сельские местности Нытвенского района	24914	69 0,28%	38/31	45	26/19	24	12/12
Сельские местности Ординского района	24854	39 0,16%	21/18	26	15/11	13	6/7
Городские поселения Осинского района	12719	67 0,53%	22/45	40	14/26	27	8/19
Сельские местности Осинского района	31773	131 0,41%	66/65	86	37/49	45	29/16
Городские поселения Оханского района	17362	78 0,45%	36/41	43	21/21	35	15/20
Сельские местности Оханского района	18284	79 0,43%	50/29	44	31/13	35	19/16
Городские поселения Очёрского района	20503	80 0,39%	33/47	55	23/32	25	10/15
Сельские местности Очёрского района	12904	19 0,15%	9/10	14	5/9	5	4/1
Сельские местности Пермско-Сергинского района	21707	159 0,73%	86/73	80	41/39	79	45/34
Городские поселения Сивинского района	4440	184 4,14%	44/140	75	12/63	109	32/77
Сельские местности Сивинского района	26309	714 2,71%	94/620	290	35/255	424	59/365
Городские поселения Соликамского района	2333	34 1,46%	16/18	17	6/11	17	10/7
Сельские местности Соликамского района	31059	384 1,24%	192/191	207	105/102	177	87/89
Городские поселения Суксунского района	7731	31 0,40%	9/22	19	7/12	12	2/10
Сельские местности Суксунского района	23294	19 0,08%	8/11	16	6/10	3	2/1
Сельские местности Уинского района	23956	53 0,22%	31/32	33	21/12	20	10/10
Сельские местности Усинского района	21082	23 0,11%	9/14	15	7/8	8	2/6

1	2	3	4	5	6	7	8
Городские поселения Фокинского района	12752	106 0,83%	37/69	57	19/38	49	18/31
Сельские местности Фокинского района	30256	137 0,45%	100/37	80	52/28	57	48/9
Сельские местности Частинского района	18122	191 1,05%	99/91	124	62/61	67	37/30
Городские поселения Чердынского района	11637	143 1,23%	46/97	80	26/54	63	20/43
Сельские местности Чердынского района	49864	666 1,34%	258/406	379	145/232	287	113/174
Городские поселения Чермозского района	23561	230 0,98%	82/146	148	59/88	82	23/58
Сельские местности Чермозского района	17763	1048 5,89%	506/541	544	250/293	504	256/248
Сельские местности Черновского района	17804	29 0,16%	20/9	20	14/6	9	6/3
Городские поселения Чернушинского района	11135	36 0,32%	14/22	23	10/13	13	4/9
Сельские местности Чернушинского района	39084	48 0,12%	23/25	33	18/15	15	5/10
Городские поселения Чусовского горсовета	72878	1230 1,69%	525/705	659	254/405	571	271/300
Сельские местности Чусовского горсовета	9987	109 1,09%	46/63	57	25/32	52	21/31
Городские поселения Щучьеозёрского района	14678	91 0,62%	35/56	58	26/32	33	9/24
Сельские местности Щучьеозёрского района	47214	171 0,36%	73/98	102	41/61	69	32/37
Коми-Пермяцкий национальный округ	217038	4325	1852/2465	2100	859/1237	2225	993/1228
Сельские местности Кудымкарского района	63981	210 0,33%	96/112	109	50/58	101	46/54
Сельские местности Юрлинского района	25844	246 0,95%	135/111	126	58/68	120	77/43
Сельские местности Юсьвинского района	32883	209 0,64%	88/120	110	50/59	99	38/61
г. Кудымкар	21801	250 1,15%	61/189	123	35/88	127	26/101
Сельские местности Гайнского района	33517	2164 6,46%	1184/978	1029	542/487	1135	642/491
Сельские местности Косинского района	19303	727 3,76%	180/545	368	77/290	359	103/255
Сельские местности Кочёвского района	19709	519 2,63%	108/410	235	47/187	284	61/223

* Составлено и подсчитано по: ГАПК. Ф. р. 493. Оп. 19. Д. 19, 21.

Белорусы в Пермской области в 1979 году*

Район	Всего	Всего белорусов	Белорусы с родным языком / с русским	Всего мужчин	Из них с родным языком / с русским	Всего женщин	Из них с родным языком / с русским
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>	<i>8</i>
Область	3 008 211	19834 0,67%	7502/12 119	10 837	4059/6706	8997	3443/5413
<i>Городское население</i>	2 354 673	15233 0,64%	5550/9480	8293	2984/5242	6938	2566/4238
<i>Сельское население</i>	653 538	4601 0,70%	1952/2639	2544	1075/1464	2059	877/1175
г. Пермь	997 349	6792 0,70%	2616/4142	3792	1506/2279	2977	1110/1863
Дзержинский район	142 014	1081 0,76%	421/659	563	207/355	518	214/304
Индустриальный район	126 032	1104 0,88%	355/748	603	173/430	501	182/318
Кировский район	71 700	790 1,10%	270/517	401	133/266	389	137/251
Ленинский район	165 955	510 0,31%	183/326	287	109/177	223	74/149
Мотовилихинский район	109 489	845 0,77%	370/474	487	230/256	358	140/218
Свердловский район	222 363	1617 0,73%	607/1007	921	365/555	696	242/452
Орджоникидзевский район	159 796	822 0,51%	410/411	530	289/240	292	121/171
Александровский горсовет	45 293	534 1,18%	222/312	283	110/173	251	112/139
Городское население Александровского района	36 657	425 1,16%	165/260	222	80/142	203	85/118
Сельское население Александровского горсовета	8 636	109 1,26%	57/52	61	30/31	48	27/21
Березниковский горсовет	188 878	1542 0,82%	495/1046	835	256/578	707	239/468
г. Березники	187 018	1523 0,81%	481/1041	821	247/573	702	234/468
Сельское население Березниковского горсовета	1852	19 1,02%	14/5	14	9/5	5	5/0
Гремячинский горсовет	33 672	399 1,18%	144/253	213	69/143	186	75/110
Городское население Гремячинского горсовета	21 385	395 1,85%	141/252	212	68/143	183	73/109

1	2	3	4	5	6	7	8
Сельское население Гремячинского горсовета	12287	4 0,03%	3/1	1	1/0	3	2/1
Губахинский горсовет	60615	615 1,01%	254/361	333	135/198	282	119/163
Городское население Губахинского горсовета	58914	498 0,85%	186/312	273	101/172	225	85/140
Сельское население Губахинского горсовета	1701	117 6,8%	68/49	60	34/26	57	34/23
Кизеловский горсовет	70140	585 0,83%	211/373	336	106/230	249	105/143
Городское население Кизеловского горсовета	68847	566 0,82%	205/360	323	103/220	243	102/140
Сельское население Кизеловского горсовета	1293	19 1,47%	6/13	13	3/10	6	3/3
Краснокамский горсовет	73361	454 0,62%	138/315	242	69/172	212	69/143
Городское население Краснокамского горсовета	63651	426 0,67%	127/298	227	64/162	199	63/136
Сельское население Краснокамского горсовета	9710	28 0,28%	11/17	15	5/10	13	6/7
г. Кунгур	80890	314 0,38%	108/206	180	52/128	134	56/78
Лысьвенский горсовет	76696	322 0,42%	96/226	193	57/136	129	39/90
г. Лысьва	75270	317 0,42%	93/224	190	55/135	127	38/89
Сельское население Лысьвенского горсовета	1426	5 0,35%	3/2	3	2/1	2	1/1
г. Соликамск	100816	786 0,78%	275/511	409	139/270	377	136/241
г. Чайковский	71380	305 0,43%	83/222	152	28/124	153	55/98
г. Чусовой	55220	345 0,62%	135/209	192	68/123	153	67/86
Бардымский район (сельское население)	33779	13 0,04%	6/5	10	5/5	3	1/0
Берёзовский район (сельское население)	21365	41 0,19%	18/23	28	11/17	13	7/6
Большесосновский район (сельское население)	19537	20 0,10%	7/13	9	1/8	11	6/5

1	2	3	4	5	6	7	8
Верещагинский район	46455	108 0,23%	38/62	53	19/34	47	19/28
Городское население Верещагинского района	27077	76 0,28%	32/44	40	16/24	36	16/20
Сельское население Верещагинского района	19378	24 0,12%	6/18	13	3/10	11	3/8
Горнозаводский район	38150	422 1,11%	167/255	211	82/129	211	85/126
Городское население Горнозаводского района	30725	282 0,92%	95/187	142	49/93	140	46/94
Сельское население Горнозаводского района	7425	140 1,89%	72/68	69	33/36	71	39/32
Добрянский район	54642	779 1,43%	379/400	426	206/220	353	173/180
Городское население Добрянского района	34276	347 1,01%	137/210	194	75/119	153	62/91
Сельские местности Добрянского района	20366	432 2,12%	242/190	232	131/101	200	111/89
Еловский район (сельское население)	15735	19 0,12%	2/17	8	0/8	11	2/9
Ильинский район	27500	122 0,44%	49/73	72	27/45	50	22/28
Городское население Ильинского района	13245	60 0,45%	16/44	37	11/26	23	5/18
Сельское население Ильинского района	14255	62 0,43%	33/29	35	16/19	27	17/10
Карагайский район (сельское население)	25749	151 0,59%	48/103	87	31/56	64	17/47
Кишертский район	20271	57 0,28%	18/38	35	13/22	22	5/16
Городское население Кишертского района	2631	43 1,63%	12/30	25	7/18	18	5/12
Сельское население Кишертского района	17640	14 0,08%	6/8	10	6/4	4	0/4
Красновишерский район	32666	625 1,91%	238/387	333	121/212	292	117/175

1	2	3	4	5	6	7	8
Городское население Красновишерского района	15 755	292 1,85 %	95/197	144	42/102	148	53/95
Сельское население Красновишерского района	16 911	333 1,97 %	143/190	189	79/110	144	64/80
Куединский район	37 821	43 0,11 %	24/19	18	12/6	25	12/13
Городское население Куединского района	8 141	16 0,20 %	8/8	5	4/1	11	4/7
Сельское население Куединского района	29 680	27 0,09 %	16/11	13	8/5	14	8/6
Кунгурский район (сельское население)	50 489	131 0,26 %	56/75	67	23/44	64	31/33
Лысьвенский район	15 827	98 0,62 %	50/48	60	25/35	38	25/13
Городское население Лысьвенского района	2 534	17 0,67 %	6/11	13	3/10	4	3/1
Сельское население Лысьвенского района	13 293	81 0,61 %	44/37	47	22/25	34	22/12
Нытвенский район	46 590	162 0,35 %	55/106	89	32/56	73	23/50
Городское население Нытвенского района	30 462	129 0,42 %	43/85	69	22/46	60	21/39
Сельское население Нытвенского района	16 128	33 0,21 %	12/21	20	10/10	13	2/11
Октябрьский район	42 508	97 0,23 %	41/56	59	21/38	38	20/18
Городское население Октябрьского района	15 958	66 0,41 %	24/42	35	9/26	31	15/16
Сельское население Октябрьского района	26 550	31 0,12 %	17/14	24	12/12	7	5/2
Ординский район (сельское население)	19 292	18 0,09 %	8/10	12	6/6	6	2/4
Осинский район	35 137	82 0,23 %	33/48	45	20/24	37	13/24
Городское население Осинского района	20 485	57 0,28 %	24/32	31	17/13	26	7/19
Сельское население Осинского района	14 652	25 0,17 %	9/16	14	3/11	11	6/5

1	2	3	4	5	6	7	8
Оханский район	18 607	56 0,30 %	24/32	32	14/18	24	10/14
Городское население Оханского района	6947	18 0,26%	6/12	8	3/5	10	3/7
Сельское население Оханского района	11 660	38 0,33%	18/20	24	11/13	14	7/7
Очёрский район	27 304	54 0,19 %	17/37	24	6/18	30	11/19
Городское население Очёрского района	19 232	48 0,25%	15/33	22	6/16	26	9/17
Сельское население Очёрского района	8 072	6 0,07%	2/4	2	0/2	4	2/2
Пермский район	85 409	429 0,50 %	159/270	221	78/143	208	81/127
Городское население Пермского района	23 604	151 0,64%	52/99	66	21/45	85	31/54
Сельское население Пермского района	61 805	278 1,35%	107/171	155	57/98	123	50/73
Сивинский район	20 650	278 0,45 %	38/240	117	20/97	161	18/143
Городское население Сивинского района	2 564	56 2,18%	7/49	18	1/17	38	6/32
Сельское население Сивинского района	18 086	222 1,23%	31/191	99	19/80	123	12/111
Соликамский район	18 764	194 1,03 %	91/103	121	57/64	73	34/39
Городское население Соликамского района	1 850	21 1,14%	3/18	12	1/11	9	2/7
Сельское население Соликамского района	16 914	173 1,02%	88/85	109	56/53	64	32/32
Суксунский район	25 729	32 0,12 %	11/21	21	7/14	11	4/7
Городское население Суксунского района	8 643	29 0,34%	10/19	19	6/13	10	4/6
Сельское население Суксунского района	17 086	3 0,02%	1/2	2	1/1	1	0/1
Уинский район (сельское население)	16 195	35 0,22 %	19/16	20	11/9	15	8/7
Усольский район	19 886	209 1,05 %	96/113	118	47/71	91	49/42

1	2	3	4	5	6	7	8
Городское население Усольского района	10058	50 0,49%	20/30	28	7/21	22	13/9
Сельское население Усольского района	9828	159 1,62%	76/83	90	40/50	69	36/33
Чайковский район (сельское население)	16 498	36 0,22%	13/23	25	8/17	11	5/6
Частинский район (сельское население)	15 776	18 0,11%	5/13	8	2/6	10	3/7
Чердынский район	41 508	535 1,29%	287/248	313	168/145	222	119/103
Городское население Чердынского района	17957	247 1,38%	150/97	144	88/56	103	62/41
Сельское население Чердынского района	23 551	288 1,22%	137/151	169	80/89	119	57/62
Чернушинский район	47 911	80 0,17%	32/48	50	21/29	30	11/19
Городское население Чернушинского района	27 719	62 0,22%	27/35	38	17/21	24	10/14
Сельское население Чернушинского района	20 192	18 0,09%	5/13	12	4/8	6	1/5
Чусовской район	35 072	308 0,89%	149/158	155	66/88	153	83/70
Городское население Чусовского района	23 033	204 0,89%	98/105	102	42/59	102	56/46
Сельское население Чусовского района	12 039	104 0,86%	51/53	53	24/29	51	27/24
<i>Коми-Пермяцкий автономный округ</i>	172 039	1438 0,84%	883	777	469	661	414
Гайнский район	22 731	825 3,63%	332/490	457	199/256	368	133/234
Городское население Гайнского района	4 169	69 1,66%	33/36	30	14/16	39	19/20
Сельское население Гайнского района	18 562	756 4,07%	299/454	427	185/240	329	114/214
Косинский район (сельское население)	11 274	148 1,31%	56/91	69	18/51	79	38/40
Кочёвский район (сельское население)	14 298	189 1,32%	52/135	107	31/74	82	21/61

1	2	3	4	5	6	7	8
Кудымкарский район (сельское население)	43251	47 0,11%	11/35	16	3/13	31	8/22
Юрлинский район (сельское население)	17695	58 0,33%	29/29	34	17/17	24	12/12
Юсьвинский район	32632	171 0,52%	67/103	94	35/58	77	32/45
Городское население Юсьвинского района	9042	42 0,46%	22/20	25	11/14	17	11/6
Сельское население Юсьвинского района	23590	129 0,55%	45/83	69	24/44	60	21/39

* Составлено и подсчитано по: ГАПК. Ф. р. 493. Оп. 19. Д. 303.

Белорусы в Пермской области по материалам Всероссийской переписи 1989 года*

Район	Всего	Всего белорусов	Белорусов с родным языком / с русским	Всего мужчин	Всего мужчин с родным языком / с русским	Всего женщин	Всего женщин с родным языком / с русским
1	2	3	4	5	6	7	8
Область	3 091 481	18 842 0,61%	6 414/12 324	10 109	3 460/6 600	8 753	2 954/5 724
Городское население	2 391 258	15 098 0,63%	5 143/9 969	8 082	2 739/5 328	7 014	2 306/4 641
Сельское население	1 226 440	3 744 0,31%	1 366/2 355	2 027	7 21/12 72	1 739	6 45/10 83
г. Пермь	1 102 448	6 714 0,61%	2 124/4 574	3 538	1 080/2 452	3 176	1 044/2 122
Дзержинский район	162 514	1 073 0,66%	368/704	568	192/376	505	176/328
Кировский район	138 547	771 0,56%	238/532	398	115/282	373	123/250
Ленинский район	72 607	503 0,69%	141/357	270	68/201	233	73/156
Мотовилихинский район	183 575	837 0,46%	264/570	408	116/290	429	148/280
Орджоникидзевский район	122 037	806 0,66%	306/500	449	184/265	357	122/235
Свердловский район	237 484	1 426 0,60%	383/1 040	715	172/542	711	211/498

1	2	3	4	5	6	7	8
Индустриальный район	175628	1239 0,71 %	404/832	701	225/475	538	179/357
Александровский горсовет	44674	475 1,06 %	195/279	265	108/156	210	87/123
Городское население Александровского района	36902	377 1,02 %	147/229	210	79/130	167	68/99
Сельское население Александровского горсовета	7772	98 1,26 %	48/50	55	29/26	43	19/24
Березниковский горсовет	204266	1605 0,79 %	580/1020	888	339/548	717	241/472
г. Березники	202138	1594 0,79 %	576/1013	881	337/543	713	239/470
Сельское население Березниковского горсовета	2126	11 0,52 %	4/7	7	2/5	4	2/2
Гремячинский горсовет	30822	342 1,11 %	128/211	180	61/118	162	67/93
Городское население Гремячинского горсовета	30388	339 1,16 %	126/210	179	60/118	160	66/92
Сельское население Гремячинского горсовета	434	3 0,69 %	2/1	1	1/0	2	1/1
Губахинский горсовет	58245	540 0,93 %	190/399	267	94/172	273	96/177
Городское население Губахинского горсовета	55867	438 0,78 %	143/294	220	76/143	218	67/151
Сельское население Губахинского горсовета	2378	102 4,29 %	47/55	47	18/29	55	29/26
Кизеловский горсовет	61138	522 0,85 %	216/303	307	137/168	215	79/135
Городское население Кизеловского горсовета	60403	506 0,84 %	206/297	297	132/163	209	74/134
Сельское население Кизеловского горсовета	735	16 2,18 %	10/6	10	5/5	6	5/1
Краснокамский горсовет	77033	487 0,63 %	129/357	255	72/183	232	57/114
Городское население Краснокамского горсовета	68259	452 0,66 %	118/333	236	66/170	216	52/163
Сельское население Краснокамского горсовета	8774	35 0,40 %	11/24	19	6/13	16	5/11

1	2	3	4	5	6	7	8
г. Кунгур	81 410	463 0,57 %	145/316	240	72/167	223	73/149
Лысьвенский горсовет	77 191	319 0,41 %	108/210	194	64/129	125	44/81
г. Лысьва	76985	315 0,41 %	108/206	192	64/127	123	44/79
Сельское население Лысьвенского горсовета	206	4 1,94 %	0/4	2	0/2	2	0/2
г. Соликамск	110 068	806 0,73 %	327/479	456	205/251	350	122/228
г. Чайковский	85 723	366 0,43 %	112/254	184	51/133	182	61/121
г. Чусовой	56 735	347 0,61 %	98/246	184	53/130	163	45/116
Бардымский район (сельское население)	29 320	8 0,03 %	2/6	4	2/2	4	0/4
Берёзовский район (сельское население)	19 385	41 0,21 %	19/22	25	14/11	16	5/11
Большесосновский район (сельское население)	16 974	24 0,14 %	8/15	10	5/5	14	3/10
Верещагинский район	46 121	121 0,26 %	36/85	64	21/43	57	15/42
Городское население Верещагинского района	28 531	89 0,31 %	28/61	46	17/29	43	11/32
Сельское население Верещагинского района	17 590	32 0,18 %	8/24	18	4/14	14	4/10
Горнозаводский район	37 301	329 0,88 %	146/183	168	72/96	161	74/87
Городское население Горнозаводского района	32 286	258 0,80 %	108/150	130	49/81	128	59/69
Сельское население Горнозаводского района	5 015	71 1,42 %	38/33	38	23/15	33	15/18
Добрянский район	63 216	742 1,17 %	290/451	396	154/241	346	136/210
Городское население Добрянского района	48 638	459 0,94 %	170/289	254	97/157	205	73/132
Сельские местности Добрянского района	14 578	283 1,94 %	120/162	142	57/84	141	63/78
Еловский район (сельское население)	19 680	19 0,09 %	6/13	10	4/6	9	2/7

1	2	3	4	5	6	7	8
Ильинский район	24502	115 0,47 %	59/56	64	31/33	51	28/23
Городское население Ильинского района	12379	60 0,48%	34/26	36	18/18	24	16/8
Сельское население Ильинского района	12123	55 2,59%	25/30	28	13/15	29	12/15
Карагайский район (сельское население)	25870	127 0,49 %	39/88	88	19/49	59	20/39
Кишертский район	17800	57 0,32 %	21/36	28	10/18	29	11/18
Городское население Кишертского района	2205	36 1,63%	10/26	17	5/12	19	5/14
Кишертский район (сельское население)	15595	21 0,13%	11/10	11	5/6	10	6/4
Красновишерский район	30972	530 1,71 %	189/339	277	87/188	253	102/51
Городское население Красновишерского района	18755	278 1,71%	76/198	145	28/115	133	50/83
Сельское население Красновишерского района	12217	252 2,06%	111/141	132	59/73	120	52/68
Кудинский район	33002	30 0,09 %	14/17	8	5/3	22	9/13
Городское население Кудинского района	8961	15 0,18%	7/8	5	3/2	10	4/6
Сельское население Кудинского района	24041	15 0,06%	7/8	3	2/1	12	5/7
Кунгурский район (сельское население)	47202	119 0,25 %	42/77	65	21/44	54	21/33
Лысьвенский район	17015	90 0,53 %	34/56	53	19/34	37	15/22
Городское население Лысьвенского района	2393	14 0,59%	6/8	9	4/5	5	2/3
Сельское население Лысьвенского района	14622	76 0,52%	28/48	44	15/29	32	13/19
Нытвенский район	50500	184 0,36 %	88/96	102	46/56	82	42/40
Городское население Нытвенского района	35870	144 0,40%	66/78	77	32/45	67	34/33
Сельское население Нытвенского района	14630	40 0,27%	22/18	25	14/11	15	8/7

1	2	3	4	5	6	7	8
Октябрьский район	38098	67 0,18 %	24/43	41	14/27	26	10/16
Городское население Октябрьского района	16986	52 0,31 %	15/37	29	7/22	23	8/15
Сельское население Октябрьского района	21112	15 0,07 %	9/6	12	7/5	3	2/1
Ординский район (сельское население)	17578	14 0,08 %	4/10	9	3/6	5	1/4
Осинский район	35132	90 0,26 %	26/64	53	14/39	37	12/25
Городское население Осинского района	23918	58 0,24 %	18/40	35	10/25	23	8/15
Сельское население Осинского района	11214	32 0,29 %	8/24	18	4/14	14	4/10
Оханский район	18716	62 0,33 %	34/28	34	18/16	28	16/12
Городское население Оханского района	8358	27 0,32 %	17/10	14	9/5	13	8/5
Сельское население Оханского района	10356	35 0,34 %	17/18	20	9/11	15	8/7
Очёрский район	26295	43 0,16 %	11/32	16	6/10	27	5/22
Городское население Очёрского района	19366	38 0,20 %	9/29	16	6/10	22	3/19
Сельское население Очёрского района	6929	5 0,07 %	2/3	0	0/0	5	2/3
Пермский район	88460	398 0,45 %	169/227	199	73/124	199	96/103
Городское население Пермского района	24458	145 0,59 %	68/77	65	24/41	80	44/36
Сельское население Пермского района	64002	253 0,39 %	101/150	134	49/83	119	52/67
Сивинский район	18732	162 0,86 %	31/131	81	19/62	81	12/69
Городское население Сивинского района	2284	37 1,62 %	5/32	16	3/13	21	2/19
Соликамский район	19800	212 1,07 %	88/122	124	52/71	88	36/51
Городское население Соликамского района	1757	18 1,02 %	10/8	11	6/5	7	4/3
Сельское население Соликамского района	18043	194 1,08 %	78/114	113	46/66	81	32/48
Суксунский район	23582	29 0,12 %	16/13	17	11/6	12	5/7

1	2	3	4	5	6	7	8
Городское население Суксунского района	8891	22 0,25%	9/13	13	7/6	9	2/7
Сельское население Суксунского района	14691	7 0,05%	7/0	4	4/0	3	3/0
Уинский район (сельское население)	14058	23 0,16%	9/14	10	1/9	13	8/5
Усольский район	16086	147 0,91%	49/98	82	23/59	65	26/39
Городское население Усольского района	8683	61 0,70%	26/35	29	12/17	32	14/18
Сельское население Усольского района	7403	86 1,16%	23/63	53	11/42	33	12/21
Чайковский район (сельское население)	16909	19 0,11%	4/15	10	2/8	9	2/7
Частинский район (сельское население)	14439	20 0,14%	2/18	6	0/6	14	2/12
Чердынский район	40571	439 1,08%	173/262	282	121/159	157	52/103
Городское население Чердынского района	17629	179 1,02%	71/107	114	48/66	65	23/41
Сельское население Чердынского района	22942	260 1,13%	102/155	168	73/93	92	29/62
Чернушинский район	50751	96 0,19%	44/52	49	21/28	47	23/24
Городское население Чернушинского района	33675	74 0,22%	32/42	40	18/22	34	14/20
Сельское население Чернушинского района	17076	22 0,13%	12/10	9	3/6	13	9/4
Чусовской район	30665	279 0,91%	122/157	142	56/88	137	6/71
Городское население Чусовского района	20694	179 0,86%	76/103	89	36/53	90	40/50
Сельское население Чусовского горсовета	9971	100 1,01%	46/54	53	20/33	47	26/21
Коми-Пермяцкий округ ¹	235924	1220 0,52%	358/850	634	180/446	586	178/404

* Составлено и подсчитано по: ГАПК. Ф. р. 493. Оп. 19. Д. 375, 376.

¹ В материалах переписи 1989 года по Коми-Пермяцкому округу в разрезе владения языков отражены только общие данные по округу.

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Очерк 4

Период 1990–2000-х годов для белорусов Пермского края, как и в целом для народов Пермского Прикамья, можно считать началом нового этапа этнокультурного развития. События начала 1990-х имели серьёзные последствия для белорусского сообщества Прикамья. В августе 1991 года в Минске была принята Декларация о государственном суверенитете Белоруссии (Республики Беларусь), которая положила начало существованию белорусского народа в рамках независимого государства (Декларация 1990). Для многих белорусов, находящихся в России, этот период был связан с выбором гражданства — российского или белорусского, и, как следствие, — кризисом идентичности. Белорусы, оставшиеся жить в России и хранившие свою этническую культуру, как и многие другие народы, начали создавать свои общественные организации.

Для Пермского Прикамья этот период характеризовался изменением векторов миграционного движения в регион, что обусловило снижение миграционного притока населения с западных территорий России и стран СНГ и наряду с естественной убылью населения региона сказалось и на численности белорусов в Пермском крае. Этот период привёл к активизации общественного национального движения, в которое наряду с другими народами края включились и белорусы.

В современной белорусской общине Прикамья наблюдаются противоречивые тенденции. С одной стороны, уменьшается численность белорусов, сокращается поле применения белорусского языка. С другой стороны, белорусы ведут активную общественную работу, нацеленную на сохранение и развитие собственной культуры. Ввиду близости языков и культур белорусам проще адаптироваться и ассимилироваться в местной русскоязычной среде. Эти процессы характерны не только для Пермского края, но и для всей России.

БЕЛОРУСЫ ПЕРМСКОГО ПРИКАМЬЯ ВО ВСЕРОССИЙСКИХ ПЕРЕПИСЯХ НАСЕЛЕНИЯ 2002 И 2010 ГОДОВ

Наиболее полные данные о численности, расселении и составе белорусского населения Пермского Прикамья дают материалы переписей населения, прошедших в России в 2002 и 2010 годах.

Существенные изменения в белорусском сообществе Прикамья отметила уже перепись 2002 года. В сравнении с 1989 годом численность белорусов в регионе сократилась почти в два раза — с 18842 до 10688 человек. Возможно, столь резкое сокращение обусловлено несколькими причинами: миграцией белорусов на историческую родину и ассимиляцией. Одним из путей выхода из кризиса идентичности в постсоветский период для многих белорусов был окончательный переход в русскую этничность. Перепись 2002 года отразила и процессы, характерные для всей страны: впервые в XX веке количество женщин (53,2%) у белорусов превысило количество мужчин (46,8%), а доля городского населения увеличилась до 80,7% (в целом по области — 75,3%). Параллельно с урбанизацией шло и размывание мест компактного проживания. В 2002 году доля белорусов нигде не превышала 1% от населения, за исключением сельских местностей Красновишерского и Гайнского районов. Родным белорусский язык в 2002 году назвали 18,6% против 34% в 1989 году. Наибольшую численность белорусов перепись отметила в городах Перми (3947 человек), Березниках (892 человека), Соликамске (514), Чайковском (412).

Перепись 2010 года показала дальнейшее снижение численности белорусов как в России, так и Пермском крае. Известно, что за период с 2002 по 2010 год численность белорусов в России снизилась с 807970 до 521443 человек¹. Тенденция к снижению была характерна и для Пермского края [Национальный состав населения по субъектам РФ 2010]. В регионе, по данным Всероссийской переписи населения 2010 года, проживает 6570 белорусов (60% от уровня 2002 года). Из всего числа белорусов наибольшее количество проживает в Перми (2479 человек), Березниках (500 человек), Добрянском (303 человека) и Чайковском (280 человек) районах, то есть в наиболее крупных населённых пунктах Пермского края. В Сивинском районе, где проживает значительное число потомков белорусских переселенцев, официальная численность белорусов незначительна — 49 человек, так как большая часть идентифицирует себя с русским народом. Из всего числа белорусов 5127 человек (78,03%) представлены городским населением, 1443 (21,96%) — сельским. Эти данные показывают высокую степень урбанизации у белорусского населения Пермского края.

---

¹ Если в 1989 году белорусы являлись пятым по численности этносом РСФСР, то в 2010 году они не входят даже в десятку крупнейших по численности этносов страны. См.: [Население Российской Федерации 2010].

Данные о возрастном составе также демонстрируют влияние ассимиляционных процессов: большая часть белорусов — представители старшего поколения. Количество белорусов в возрасте 20–29 лет в 8 раз меньше, чем белорусов в возрасте старше 70 лет. Это можно объяснить только тем, что во втором, третьем поколениях белорусы Прикамья уже утрачивают своё этническое самосознание и соотносят себя с русским этносом.

**Белорусы Пермского края
по возрастным группам в 2010 году***

	Всё население	Белорусы	Мужчины белорусы	Женщины белоруски
0–9	301 550	53	25	28
10–19	279 017	84	46	38
20–29	439 345	228	126	102
30–39	395 997	531	273	258
40–49	356 178	1061	567	494
50–59	399 791	1535	738	797
60–69	215 170	1229	561	668
Старше 70	244 912	1820	683	1137
Итого	2 635 276	6570	3037	3533

*Составлено и подсчитано по: Население наиболее многочисленных национальностей по возрастным группам и полу [Электронный ресурс]: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю. URL:http://permstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/permstat/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/score_2010_default (дата обращения: 18.11.2013).

Причины снижения численности белорусов в Прикамье на современном этапе также состоят в естественной убыли населения региона, в отсутствии новых значительных миграционных притоков, в протекании ассимиляционных процессов. Белорусы, родившиеся и выросшие в Белоруссии и приехавшие в разные периоды на территорию края, показывают более устойчивую идентичность, нежели второе поколение, родившееся в Пермском Прикамье. Белорусы достаточно хорошо адаптированы и интегрированы в пермский социум, к доминирующей родственной русской этнокультурной среде Пермского края. Значительно среди белорусов число межэтнических браков.

Кроме белорусов — граждан России, переписи отметили проживающие в регионе и граждан Республики Беларусь. В 2002 году в Пермской области проживало 65 граждан Белоруссии, по переписи населения 2010 года таковых в Пермском крае насчитывалось уже 111 человек [Население по гражданству и возрастным группам 2010].

Материалы переписи показывают и степень сохранения и распространения белорусского языка. По материалам переписи 2002 года, из 10 989 белорусов Пермской области на владение русским языком указали 10 972 человека, или 99,8 % от числа всех представителей народа. При этом на владение белорусским языком в Пермской области указало 3905 человек (35 %) [Щукина 2005, 86]. В отличие от предыдущих переписей число владеющих белорусским языком уменьшилось. Тенденции к уменьшению распространения белорусского языка показали и материалы переписи 2010 года.

По материалам переписи 2010 года, белорусы занимают одно из первых мест среди этнических групп по степени владения русским языком, поскольку 99,9 % (6562 человека) указали, что владеют русским языком [Население Пермского края по национальности и владению языком 2010]. На белорусский язык в качестве родного указали 1010 человек, кроме белорусов на родной белорусский язык указали 34 русских, 1 татарин и 2 украинца [Население наиболее многочисленных национальностей по родному языку 2010]. В то же время на владение белорусским языком в 2010 году переписчикам указало 2072 жителя Пермского края, из которых только 3 не владеют русским языком. Интересен и тот факт, что 419 русских отметили, что владеют белорусским языком, так же ответили 4 татарина, 69 украинцев и 1 башкир [Владение отдельными языками населением наиболее многочисленных национальностей 2010].

Особенности современного миграционного притока из Белоруссии на территорию Пермского края дают статистические материалы УФМС по Пермскому краю. Нельзя не отметить и миграционный приток из Белоруссии в последние несколько лет. В 2008 году на миграционный учёт в Пермском крае встало 543 гражданина этой страны, в 2009-м — 501, в 2010-м — 447, в 2011-м уже 804, а в 2012 году — 983¹. В то же время лишь незначительная часть мигрантов принимает российское гражданство, в 2001 году гражданство России получили 2 гражданина Беларуси [Аналитический обзор 2011].

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИНСТИТУТЫ

В Пермской области, несмотря на то, что на территории проживало немало белорусов, общественной организации областного уровня

---

¹ Данные предоставлены Управлением федеральной миграционной службы по Пермскому краю.

в 1990-е годы создано не было¹. По мнению одного из общественных деятелей В. С. Максимовича, «в этот период общественной работы практически не велось, общение между белорусами ограничивалось личными дружескими связями, семейными праздниками» (г. Пермь, зап. от В. С. Максимовича).

Общественная деятельность белорусов в Прикамье началась в 2000 году, когда в Горнозаводском районе на базе горнозаводского Дома культуры имени Л. И. Бэра был создан Центр белорусской культуры, в рамках которого стали работать белорусский фольклорный коллектив «Белые росы» и детский ансамбль «Чеботок» под руководством Т. Н. Некрасовой [Максимович 2007, 28]. Ансамбль «Белые росы» не раз становился лауреатом и участником всероссийских и международных конкурсов и смотров художественной самодеятельности. В 2009 году в городе Чайковском на IV Межрегиональном фестивале «Бабье лето» детский коллектив ансамбля получил диплом первой степени в возрастной группе от 14 до 19 лет [Образцовый детский фольклорный ансамбль... 2009]. Через год коллектив принял участие в краевом детско-юношеском фестивале-конкурсе национальной песни «Выше радуги» (г. Пермь) и занял второе место. В 2012-м ансамбль «Белые росы» стал призёром XI Фестиваля искусств им. Д. Кабалевского «Наш Пермский край».

Помимо творческой деятельности коллектив занимается популяризацией белорусского языка, культуры, проводит фольклорные экспедиции в районах Пермского края и Белоруссии, регулярно выходит с инициативами проведения просветительских лекций, обучающих мастер-классов, связанных с белорусской культурой, отмечает национальные праздники белорусов (Коляду, Троицу, Ивана Купалу, Зажинки и др.). Помещение Центра оформлено в виде белорусской избы [Белорусский культурный центр «Белые росы» 2002, 2].

В 2012 году в рамках работы выставки, посвящённой белорусам Прикамья, в Пермском краеведческом музее Т. Н. Некрасова, руководитель ансамбля «Белые росы» из города Горнозаводска, и активисты ансамбля провели серию мастер-классов для жителей Прикамья. Через белорусскую речь, фольклор и народные игры было представлено всё многообразие белорусской культуры. Участники научились танцевать белорусский краковяк, разучили белорусские игры «вишенка», «кота печь», «платочек» и др. [Знакомство с культурой белорусского народа 2012].

---

¹ Федеральная национально-культурная автономия «Белорусы России» была учреждена в 1999 году.

В начале 2000-х годов в Пермской области началась вторая волна регистраций этнических общественных объединений, одним из которых стало некоммерческое партнёрство «Общественный центр белорусов Пермской области». Учредительное собрание организации состоялось в Перми 19 сентября 2002 года. Инициаторами создания общества стали наиболее известные и авторитетные выходцы из Белоруссии, а также администрация Пермской области.

Учредителями общества стали:

- директор Пермского книжного издательства Владимир Станиславович Максимович;
- директор Пермской областной филармонии Галина Ивановна Кокоулина;
- руководитель ансамбля «Белые росы» Татьяна Николаевна Некрасова;
- Вера Владимировна Биктагирова;
- Алёна Камильевна Биктагирова;
- Всеволод Николаевич Борисов;
- Лариса Леонидовна Скороходова;
- Алла Григорьевна Семко.

Решением собрания председателем общества был избран Владимир Станиславович Максимович.

Целями Центра, согласно Уставу, были провозглашены:

- содействие удовлетворению этносоциальных потребностей представителей белорусского народа, проживающих на территории Пермской области;
- укрепление исторических, этносоциальных, культурных и других всесторонних связей с народами славянской группы, а также с другими народами, проживающими в Пермской области, Российской Федерации и других странах мира, содействие созданию в обществе атмосферы межнационального согласия и уважения к культурным ценностям других народов;
- создание условий для сохранения, изучения и распространения белорусского языка;
- становление и развитие белорусских национальных образовательных учреждений дополнительного образования;
- сохранение и развитие национально-культурной самобытности обычаев и традиций белорусского народа;
- создание условий для возрождения народных промыслов и традиционных видов хозяйствования.

Поскольку деятельность большинства белорусских общественных объединений в современной России сосредоточена в рамках Федеральной национально-культурной автономии (ФНКА) «Белорусы России», пермский Центр также стал её структурным подразделением.

За время работы НП «Общественный центр белорусов Пермского края» реализовано немало значимых мероприятий. Пермские белорусы ежегодно становятся участниками краевых Дней славянской культуры, межрегионального форума «Русский мир», отмечают календарные праздники белорусского народа, сотрудничают с общественными объединениями белорусов из соседних регионов. В 2006 году при участии Центра организован визит руководителя отделения посольства Республики Беларусь в Пермь, а в 2007 году проведена выставка заслуженного художника РФ С. А. Микулича в городах Белоруссии. С. А. Микулич был награждён благодарственным письмом президента республики А. Г. Лукашенко [Максимович 2007, 28].

В своей деятельности Центр не только способствует распространению белорусской культуры в Пермском крае, но и содействует укреплению отношений Белоруссии и городов Прикамья. Так, при участии организации уже не первое десятилетие проходят мероприятия между городами-побратимами Чернушкой и белорусским Светлогорском (Гомельская область).

Поводом для выстраивания побратимских отношений стали события 1944 года, когда при освобождении Белорусской ССР на территории Светлогорского района, недалеко от деревни Петровичи, погиб экипаж 874-го штурмового авиационного полка под командованием уроженца Чернушки старшего лейтенанта Сергея Леонидовича Краснопёрова. В 1973 году местные краеведы из клуба «Поиск» Николаевской школы города Светлогорска обнаружили останки экипажа и начали работу по поиску родных и близких погибшего. Так начались первые контакты между городами. В 1984 году чернушинский журналист Иван Гурин, собирая материал для книги о С. Л. Краснопёрове, посетил Светлогорск, встретился с местными жителями. 10 июня 1984 года в Светлогорске был открыт памятник Краснопёрову, аналогичный постамент позже открыт и в Чернушке. Летом 1997 года И. Гурин представил свою книгу «Свет погасшей звезды». С этого времени отношения между городами уже не прекращались.

17 сентября 2007 года официальная делегация Чернушинского района посетила место гибели экипажа. А в 2008 году делегация из Чернушинского района уже находилась в Светлогорске на торжествах

по случаю празднования Дня независимости и 60-летия освобождения республики от немецко-фашистских захватчиков. Гости из России побывали во многих местах и приняли участие во всех праздничных мероприятиях. А завершился их визит подписанием договора о дружбе, социально-экономическом и культурном сотрудничестве между Чернушинским и Светлогорским районами. Документ скрепили подписями главы районных администраций О. А. Хараськин и Б. К. Пирштук [Представительная делегация 2008].

За годы сотрудничества городам удалось провести немало ярких и запоминающихся мероприятий.

Особенно интересен в этом плане проект международного детского лагеря «Дружба». Первый зимний детский лагерь состоялся в январе 2006 года, когда при поддержке «Центра белорусской культуры Пермской области» школьники из Чернушки во главе с директором школы и клубом «Земляки» побывали в Белоруссии. Они проехали по маршруту «Чернушка — Москва — Минск — Хатынь — Брест — Светлогорск — Гомель — Москва — Чернушка». А уже летом, с 30 июля по 9 августа, 22 белорусских школьника посетили школу № 6 Чернушки. С гостями встречался и В. С. Максимович, рассказавший ребятам о белорусах в Прикамье.

В 2008 году был подписан договор о побратимстве между школой № 6 города Чернушки и Николаевской гимназией города Светлогорска. В настоящее время ежегодный обмен делегациям продолжается.

«Общественный центр белорусов Пермского края» сегодня активно участвует в этнокультурных акциях и мероприятиях, проводимых в регионе. Председатель Центра В. С. Максимович с 2006 года возглавляет Совет национально-культурных общественных объединений Пермского края [Максимович 2012, 71], входит в Координационный совет по национальным вопросам при губернаторе Пермского края, Общественный совет при главе города Перми. За важный общественный вклад и активную позицию В. С. Максимович не раз награждался благодарственными письмами и грамотами разных уровней.

В планах организации — открытие собственного сайта, издание газеты для пермских белорусов.

Интерес в обществе к истории белорусов в Прикамье в XX веке, их вкладу в развитие региона обусловил ещё несколько общественных инициатив. В 2001 году в селе Юкеево Кочёвского района был открыт общественный музей спецпереселенцев и жертв политических репрессий [Кочёвский районный музей... 2013, 2]. Музей располагается

в доме репрессированного И. И. Корбут (1958 года постройки), сохранена изба семьи Корбут — Полины Васильевны (1923–1997) и Ильи Егоровича (1923–1981). Илья Егорович в 1930 году был выслан с семьёй из Минской области в посёлок Станомыс Кочёвского района. Всю жизнь он проработал в сфере образования, в том числе с 1953 по 1980 год — директором школы. В музее восстановлен быт семьи спецпоселенцев, установлено несколько стендов с фотографиями. Помимо истории репрессий данные экспонаты имеют ценность и с точки зрения этнографии. Местные жители, среди которых немало белорусов, ежегодно в День памяти жертв политических репрессий 30 октября ходят в церковь и посещают музей.

О белорусах, оказавшихся в восточных районах Прикамья, хранит память музей истории репрессий в посёлке Тёплая Гора Горнозаводского района. Здесь представлены экспонаты по истории репрессированных украинцев, белорусов и других народов, оказавшихся в те тяжёлые годы на Урале.

БЕЛОРУСЫ В СИВИНСКОМ РАЙОНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX — НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Во второй половине XX века мы наблюдаем значительное снижение численности белорусов в Сивинском районе, что связано как с миграционными процессами, выездом населения за пределы района, преимущественно в города, так и ассимиляционными процессами, что приводило, с одной стороны, к двойственной белорусско-русской идентичности, а с другой, к идентификации части потомков белорусов с русским этносом. Частыми в Сивинском районе были смешанные браки. Перепись населения 1959 года отметила в Сивинском районе 898 белорусов (ГАПК. Ф. р-493. Оп. 19. Д. 20). Согласно данным статистических бюллетеней, в 1967 году преобладание белорусского населения учтено в трёх деревнях района — Морозовке, Матице, Щуковке (ГАПК. Ф. р. 493. Оп. 19. Д. 10). Большая часть жителей других сохранявшихся белорусских деревень — Борейково, Домикановки, Березников, Ядринцы, Шестинки, Седьминки, Мошково (Замаланья), видимо, учтена уже как русское население. Всесоюзная перепись населения 1979 года отметила в Сивинском районе 278 белорусов, перепись 1989 года учла 162 человека. В дальнейшем число белорусов в районе также продолжало снижаться. В 2002 году, согласно данным переписи, в Сивинском районе проживало 90 белорусов, последняя перепись указала лишь 49 человек, идентифи-

цировавших себя с белорусским этносом (ПСК. Национальный состав населения Пермской области. Пермь, 2005).

И сегодня в Сивинском районе значительно число тех, кто считает себя потомком белорусов-могулей, однако чаще всего они уже идентифицируют себя русскими. Многочисленные примеры раскрывают особенности современного самосознания потомков белорусов Сивинского района. Лишь старшее поколение в некоторых случаях чётко и однозначно идентифицирует себя белорусами: *«Я белорус, и по паспорту был белорус, а как же, мать – белоруска, отец – белорус»*; *«Я себя считаю белоруской. И в паспорте писала белоруской, раз я белоруска, буду писать белоруска»*; *«Я вот тоже белоруска и везде пишу белоруска»*. В то же время для значительной части потомков белорусов характерны двойственность этнической идентичности, осознание своей принадлежности и к русским, и к белорусам: *«Мы кровные, по сути, белорусы, но в переписи я написала, что мы русские. У нас везде вот так русские написано»*; *«Мы и русские, и белорусы, я в документах написана русская и брат у меня русский, а младшая сестра написала, что она белоруска»*; *«Наверно, я белоруска. Но когда паспорт сменили, мне по ошибке написали “русская”. Извинялись, просили переписать паспорт. Я думаю, да ладно уж, буду русская. Так стала русская. [Когда перепись идёт, вы кем записываетесь?] Уже не помню. Вроде, русская, раз в паспорте русская. А вообще я чистый белорус, потому что у меня отец и мать белорусы»*. Однако для значительной части, особенно для среднего и младшего поколения, сегодня характерна устойчивая русская идентичность: *«Дети себя все русскими считают»*; *«Не, мы русские. С Белоруссии деды-то. А мама-то у меня родилась тут, так она русская. Они уже были русские. И мы русские»*; *«Все мы русские, откуда уж белорусы, все здесь родились, здесь выросли»*. В некоторых случаях в семье родители могут считать себя белорусами, а дети – русскими: *«Я белоруска, а дети, у меня один дитё, он русским себя считает»*.

Как известно, одним из существенных факторов определения идентичности выступает родной язык. Однако в случае с белорусами Сивинского района он не является этническим маркером. Старшее поколение хотя и сохраняет лексику и некоторые фонетические особенности, свойственные белорусскому языку, однако информаторы рассматривают свой язык русским, и его, скорее, следует считать одним из специфических говоров русского языка. Обращение к белорусской идентичности у большинства респондентов происходит лишь при рассмотрении исторического контекста, семейной истории. Этнокультурные

традиции также не рассматриваются как дифференцирующие, хотя они и сохраняют некоторые специфические черты, но не выступают важным фактором идентичности.

В последнее время на волне общественного интереса к этнической культуре белорусские традиции актуализируются в общественном контексте района и края. В 2012 году на празднике «День села» в Сиве презентовались блюда традиционной кухни белорусов, приготовленные жителями села Екатерининского и окрестных деревень и посёлков. В 2013 году на фестивале «Белые ночи» в Перми белорусы Сивинского района также представляли традиционную кухню. В настоящее время коллектив Сивинского краеведческого музея работает над экспозицией по этнической истории и культуре региона, особое место в которой займут история и культура белорусов этой территории.

Таким образом, белорусы в Пермском крае сегодня – значительная этническая общность, численно занимающая седьмое место в этническом составе населения Пермского края после русских, татар, коми-пермяков, башкир, удмуртов, украинцев. Характерными чертами группы являются дисперсность расселения, высокая степень интеграции в местное сообщество, слабое владение родным языком и основными компонентами этнической культуры, высокая степень интенсивности ассимиляционных процессов. Тенденции, характерные для современного этапа развития, видимо, сохранятся и в последующее время, следствием чего станет дальнейшее уменьшение численности белорусов в регионе. Однако, несмотря на данные тенденции, белорусам Пермского края удастся сохранять свои уникальность и верность исторической памяти, которые во многом держатся на общественной активности и жизненной позиции самих белорусов, продолжающих жить и работать в Пермском крае.

Белорусы в Пермской области в 2002 году*

Район	Всего	Всего белорусов	Белорусов с родным языком / с русским	Всего мужчин	Всего мужчин белорусов с родным языком / с русским	Всего женщин	Всего женщин белорусов с родным языком / с русским
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>	<i>8</i>
Область	2 819 421	10 688 0,38 %	1722/9253	5304	817/4484	5684	905/4769
<i>Городское население</i>	2 121 647	8626 0,41 %	1332/7284	4102	605/3495	4524	727/3789
<i>Сельское население</i>	69 7774	2362 0,39 %	390/1969	1202	212/989	1160	178/980
г. Пермь	1 010 933	3947 0,39 %	692/3208	1837	314/1503	2110	378/1705
Дзержинский район	153 403	673 0,44 %	137/537	319	65/253	358	72/284
Индустриальный район	160 039	645 0,41 %	119/520	317	57/255	328	62/265
Кировский район	126 960	430 0,39 %	61/366	190	31/157	240	30/209
Ленинский район	57 569	253 0,44 %	37/210	125	11/112	128	26/98
Мотовилихинский район	176 564	59 0,03 %	92/489	251	36/211	338	56/278
Орджоникидзевский район	53 059	483 0,91 %	86/395	228	41/187	338	56/278
Свердловский район	215 487	832 0,39 %	156/657	394	72/316	438	84/341
г. Александровск	36 508	224 0,61 %	18/206	104	6/98	120	12/108
г. Березники	175 297	892 0,51 %	133/751	421	65/350	471	68/99
г. Гремячинск	18 144	143 0,79 %	16/127	62	5/57	81	11/70
г. Губаха	45 955	262 0,57 %	50/210	127	20/106	135	30/104
г. Добрянка	62 580	453 0,72 %	71/392	234	39/195	219	32/187
г. Кизел	35 099	203 0,58 %	36/167	91	19/72	112	17/95
г. Краснокамск	52 380	295 0,56 %	39/151	142	22/128	153	19/133
г. Кунгур	68 943	163 0,24 %	42/120	86	22/65	77	20/55

1	2	3	4	5	6	7	8
г. Лысьва	85 905	240 0,28%	57/183	125	29/96	115	28/87
г. Соликамск	102 531	514 0,51%	90/417	251	43/207	263	47/210
г. Чайковский	109 768	412 0,38%	71/338	214	29/183	198	42/155
г. Чусовой	77 111	309 0,41%	17/291	149	8/137	160	9/150
Бардымский район (сельское население)	13 135	5 0,04%	0/5	2	0/2	3	0/3
Березовский район (сельское население)	8814	27 0,31%	4/22	17	2/14	10	2/8
Большесосновский район (сельское население)	15 295	19 0,12%	1/18	7	0/7	12	1/11
Верещагинский район	43 958	88 0,20%	23/66	42	7/34	48	6/42
Городское население Верещагинского района	22 832	71 0,31%	12/59	40	10/29	42	6/36
Сельское население Верещагинского района	21 126	18 0,09%	11/7	12	1/11	6	0/6
Горнозаводский район	30 172	132 0,44%	17/115	54	8/46	78	9/69
Городское население Горнозаводского района	28 088	113 0,40%	16/97	49	7/42	64	9/55
Сельское население Горнозаводского района	2084	19 0,91%	1/18	5	1/4	14	0/14
Еловский район (сельское население)	13 121	15 0,11%	0/15	9	0/9	6	0/6
Ильинский район	21 141	63 0,30%	14/48	35	7/27	28	7/21
Городское население Ильинского района	10 879	30 0,28%	5/25	18	3/15	12	2/10
Сельское население Ильинского района	10 262	33 0,32%	9/23	17	4/12	16	5/11
Карагайский район (сельское население)	24 972	74 0,30%	15/58	34	7/27	40	8/31
Кишертский район (сельское население)	15 093	32 0,21%	8/24	18	5/13	14	3/11
Красновишерский район	27 871	290 1,05%	12/276	142	8/133	148	4/143
Городское население Красновишерского района	18 260	155 0,85%	2/153	75	1/74	80	1/79

1	2	3	4	5	6	7	8
Сельское население Красновишерского района	9611	135 1,41 %	10/123	66	7/58	69	3/65
Куединский район (сельское население)	31 429	37 0,12 %	8/28	18	3/14	19	5/14
Кунгурский район (сельское население)	46 332	99 0,21 %	9/88	46	4/41	53	5/47
Нытвенский район	47 779	123 0,26 %	20/102	64	10/53	59	10/49
Городское население Нытвенского района	33342	83 0,25 %	16/66	41	6/34	42	10/32
Сельское население Нытвенского района	14 437	40 0,27 %	4/36	23	4/19	17	0/17
Октябрьский район	36 463	47 0,13 %	10/37	24	3/21	23	7/16
Городское население Октябрьского района	15581	31 0,19 %	5/26	14	0/14	17	5/12
Сельское население Октябрьского района	20882	16 0,08 %	5/11	10	3/7	6	2/4
Ординский район (сельское население)	17077	11 0,06 %	3/8	4	2/2	7	1/6
Осинский район	33 666	44 0,19 %	11/33	23	5/18	21	6/15
Городское население Осинского района	23 452	33 0,14 %	10/23	16	4/12	17	6/11
Сельское население Осинского района	10 214	11 0,11 %	1/10	7	1/6	4	0/4
Оханский район	17 873	39 0,22 %	10/29	24	7/17	15	3/12
Городское население Оханского района	7994	16 0,20 %	4/12	9	2/7	7	2/5
Сельское население Оханского района	9879	23 0,23 %	6/17	15	5/10	8	1/7
Очёрский район	25 347	62 0,25 %	11/52	28	6/22	34	5/29
Городское население Очёрского района	18971	47 0,25 %	10/37	24	6/18	23	4/19
Сельское население Очёрского района	6376	15 0,24 %	1/14	4	0/4	11	1/10
Пермский район	91 676	295 0,32 %	56/238	127	23/104	168	33/134
Городское население Пермского района	15 827	39 0,25 %	0/39	19	0/19	20	0/20
Сельское население Пермского района	75 847	256 0,34 %	57/199	108	23/85	148	33/114
Сивинский район (сельское население)	17 445	90 0,52 %	7/83	44	4/40	46	3/43

1	2	3	4	5	6	7	8
Соликамский район (сельское население)	18333	119 0,65%	25/91	64	16/48	55	9/43
Суксунский район	21925	25 0,11%	8/16	10	3/7	15	5/9
Городское население Суксунского района	8495	19 0,22%	4/14	8	2/6	11	2/8
Сельское население Суксунского района	13430	6 0,04%	4/2	2	1/1	4	3/1
Уинский район (сельское население)	13360	15 0,11%	6/9	8	2/6	7	4/3
Усольский район	13398	55 0,41%	8/47	27	4/23	28	4/24
Городское население Усольского района	8061	23 0,29%	2/21	9	0/9	14	2/12
Сельское население Усольского района	5337	32 0,60%	6/26	18	4/14	14	2/12
Частинский район (сельское население)	14675	18 0,12%	1/17	9	1/8	9	0/9
Чердынский район	35152	197 0,56%	31/166	117	21/96	80	10/70
Городское население Чердынского района	13256	66 0,49%	7/59	35	5/30	31	2/29
Сельское население Чердынского района	21896	131 0,60%	24/107	82	16/66	48	8/40
Чернушинский район	53746	101 0,19%	19/81	48	9/38	53	10/43
Городское население Чернушинского р-на	35713	68 0,19%	12/56	35	6/29	33	6/27
Сельское население Чернушинского р-на	18033	33 0,18%	7/25	13	3/9	20	4/16
Коми-Пермяцкий автономный округ	136076	672 0,49%	94/564	350	53/290	322	41/274
г. Кудымкар	31914	106 0,33%	7/99	54	4/50	51	3/49
Гайнский район	8511	312 1,79%	49/257	162	28/131	149	20/126
Косинский район	4169	52 0,61%	1/51	30	1/29	22	0/22
Кочёвский район	12856	75 0,58%	8/64	40	5/33	35	3/31
Кудымкарский район	29528	26 0,08%	10/12	11	6/4	15	4/8
Юрлинский район	12162	13 0,11%	6/7	7	3/4	6	3/3
Юсьвинский район	1756	88 0,37%	13/75	44	5/39	44	8/36

*Составлено и подсчитано по: Материалы Федерального управления государственной статистики по Пермскому краю. Итоги Всероссийской переписи населения по Пермской области. Население по национальности и родному языку. Пермь, 2005.

Белорусы в Пермском крае в 2010 году*

Район	Всего	Всего белорусов	Белорусов с родным языком / с русским	Всего мужчин белорусов	Всего мужчин с родным языком / с русским	Всего женщин белорусов	Всего женщин с родным языком / с русским
1	2	3	4	5	6	7	8
Край	2 635 276	6570	971/5583	3037	420/2609	3533	551/2974
Городское население	1 976 070	5127	782/4333	2309	319/1985	2818	463/2348
Сельское население	659 206	1443	189/1250	728	101/624	715	88/626
Городской округ г. Пермь	991 170	2479	366/2106	1084	154/926	1395	212/1180
Городской округ г. Березники	156 466	500	93/406	218	37/181	282	56/225
Городской округ г. Кунгур	66 074	82	19/63	39	7/32	43	12/31
Городской округ г. Соликамск	97 384	268	33/233	133	16/117	135	17/116
ЗАТО Звёздный	9151	56	6/49	24	2/22	32	4/27
Александровский муниципальный район	31 477	129	29/100	56	10/46	73	19/54
Городское население Александровского района	27 647	109	24/85	62	17/45	47	7/40
Сельское население Александровского района	3830	20	5/15	9	3/6	11	2/9
Бардымский муниципальный район (сельское население)	25 538	7	1/6	3	1/2	4	0/4
Берёзовский муниципальный район (сельское население)	17 042	18	1/17	13	1/12	5	0/5
Большесосновский муниципальный район (сельское население)	13 215	12	0/12	6	0/6	6	0/6
Верещагинский муниципальный район	41 379	52	7/45	28	5/23	24	2/22
Городское население Верещагинского района	22 156	39	7/32	19	5/14	20	2/18
Сельское население Верещагинского района	19 223	13	0/13	9	0/9	4	0/4
Горнозаводский муниципальный район	26 044	78	11/67	29	2/27	49	9/40
Городское население Горнозаводского района	24 574	72	11/61	27	2/25	45	9/36
Сельское население Горнозаводского района	1470	6	0/6	2	0/2	4	0/4

1	2	3	4	5	6	7	8
Гремячинский муниципальный район	13953	86	9/77	36	2/34	50	7/43
Городское население Гремячинского района	6092	83	9/74	35	2/33	48	7/41
Сельское население Гремячинского района	7861	3	0/3	1	0/1	2	0/2
Губахинский муниципальный район	38996	128	16/122	46	1/45	82	15/67
Городское население Губахинского района	36785	102	11/91	35	1/34	67	10/57
Сельское население Губахинского района	2211	26	5/21	11	0/11	15	5/10
Добрянский муниципальный район	57010	303	42/261	149	17/132	154	25/129
Городское население Добрянского района	46439	198	34/164	95	12/83	103	22/81
Сельское население Добрянского района	10571	105	8/97	54	5/49	51	3/48
Еловский муниципальный район (сельское население)	10743	9	0/9	5	0/5	4	0/4
Ильинский муниципальный район	19634	35	3/32	19	1/18	16	2/14
Городское население Ильинского района	10149	17	2/15	11	1/10	6	1/5
Сельское население Ильинского района	9485	18	1/17	8	0/8	10	1/9
Карагайский муниципальный район (сельское население)	22875	40	2/38	18	1/17	22	1/21
Кизеловский муниципальный район	25065	78	11/67	27	2/25	51	9/42
Городское население Кизеловского района	19587	56	9/47	21	2/19	35	7/28
Сельское население Кизеловского района	5478	22	2/20	6	0/6	16	2/14
Кишертский муниципальный район (сельское население)	12777	20	1/19	9	0/9	11	1/10
Красновишерский муниципальный район	22554	180	27/153	82	13/69	98	14/84
Городское население Красновишерского района	16099	117	17/100	53	8/45	64	9/55
Сельское население Красновишерского района	6455	63	10/53	29	5/24	34	5/29
Краснокамский муниципальный район	70272	196	26/170	97	11/86	99	15/84

1	2	3	4	5	6	7	8
Городское население Краснокамского района	56550	173	24/149	85	10/75	88	14/74
Сельское население Краснокамского района	13722	23	2/21	12	1/11	11	1/10
Куединский муниципальный район (сельское население)	26952	28	9/18	9	3/5	19	6/13
Кунгурский муниципальный район (сельское население)	42450	50	9/41	26	4/22	24	5/19
Лысьвенский муниципальный район	78190	142	27/115	84	18/66	58	9/49
Городское население Лысьвенского района	65918	113	21/92	69	14/55	44	7/37
Сельское население Лысьвенского района	12272	29	6/23	15	4/11	14	2/12
Нытвенский муниципальный район	43812	81	13/68	42	7/35	39	6/33
Городское население Нытвенского района	30693	62	11/51	32	5/27	30	6/24
Сельское население Нытвенского района	13119	19	2/17	10	2/8	9	0/9
Октябрьский муниципальный район	30441	33	4/29	14	1/13	19	3/16
Городское население Октябрьского района	14888	18	0/18	7	0/7	11	0/11
Сельское население Октябрьского района	15553	15	4/11	7	1/6	8	3/5
Ординский муниципальный район (сельское население)	15605	5	1/4	1	0/1	4	1/3
Осинский муниципальный район	29513	35	3/32	19	1/18	16	2/14
Городское население Осинского района	21118	25	1/24	13	0/13	12	1/11
Сельское население Осинского района	8325	10	2/8	6	1/5	4	1/3
Оханский муниципальный район	16272	28	4/24	18	3/15	10	1/9
Городское население Оханского района	7250	8	1/7	5	0/5	3	1/2
Сельское население Оханского района	9022	20	3/17	13	3/10	7	0/7
Очёрский муниципальный район	22828	24	6/18	13	4/9	11	2/9
Городское население Очёрского района	17429	21	4/17	10	2/8	11	2/9
Сельское население Очёрского района	5399	3	2/1	3	2/1	–	–

1	2	3	4	5	6	7	8
Пермский муниципальный район (сельское население)	103 444	215	34/181	97	14/83	118	20/98
Сивинский муниципальный район (сельское население)	14 843	49	5/44	27	4/23	22	1/21
Соликамский муниципальный район (сельское население)	17 165	46	6/40	24	4/20	22	2/20
Суксунский муниципальный район	20 099	11	4/7	5	3/2	6	1/5
Городское население Суксунского района	8022	7	3/4	3	2/1	4	1/3
Сельское население Суксунского района	12 077	4	1/3	2	1/1	2	0/2
Уинский район (сельское население)	11 440	7	1/6	4	0/4	3	1/2
Усольский муниципальный район	14 232	44	6/37	25	4/21	19	2/16
Городское население Усольского района	5694	11	0/11	7	0/7	4	0/4
Сельское население Усольского района	8538	33	6/26	18	4/14	15	2/12
Чайковский муниципальный район	103 849	280	56/223	139	25/113	141	31/110
Городское население Чайковского района	82 895	229	47/181	109	20/88	120	27/93
Сельское население Чайковского района	20 954	51	9/42	30	5/25	21	4/17
Частинский муниципальный район (сельское население)	12 817	8	0/8	2	0/2	6	0/6
Чердынский муниципальный район	24 568	80	20/60	44	12/32	36	8/28
Городское население Чердынского района	10 443	37	11/26	21	6/15	16	5/11
Сельское население Чердынского района	14 125	43	9/34	23	6/17	20	3/17
Чернушинский муниципальный район	50 593	58	6/51	23	2/20	35	4/31
Городское население Чернушинского района	33 272	42	4/38	18	1/17	24	3/21
Сельское население Чернушинского района	17 321	16	2/13	5	1/3	11	1/10
Чусовской муниципальный район	71 187	187	21/166	93	9/84	94	12/82
Городское население Чусовского района	55 322	131	12/119	55	3/52	76	9/67

1	2	3	4	5	6	7	8
Сельское население Чусовского района	15865	56	9/47	38	6/32	18	3/15
Коми-Пермяцкий округ	116 157	403	33/369	207	19/187	196	14/182
Городской округ г. Кудымкар	28967	72	2/70	34	0/34	38	2/36
Гайнский муниципальный район (сельское население)	13802	175	20/154	85	12/72	90	8/82
Косинский муниципальный район (сельское население)	7246	41	4/37	29	2/27	12	2/10
Кочёвский муниципальный район (сельское население)	11 167	42	2/40	22	2/20	20	0/20
Кудымкарский муниципальный район (сельское население)	25808	17	3/14	11	2/9	6	1/5
Юрлинский муниципальный район (сельское население)	9609	7	0/7	5	0/5	2	0/2
Юсьвинский муниципальный район (сельское население)	19558	49	2/47	21	1/20	28	1/27

* Составлено и подсчитано по: Материалы Федерального управления государственной статистики по Пермскому краю. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года по Пермскому краю. Национальный состав населения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История белорусов в Пермском Прикамье насчитывает более столетия. Она началась в конце XIX – начале XX века и продолжается до настоящего времени. На протяжении этого периода белорусы в Пермском крае стали одним из наиболее значительных этнических сообществ. Если в конце XIX века в западных уездах Пермской губернии проживали лишь отдельные представители белорусского народа, то уже к середине XX века белорусы входят в число десяти наибольших по численности народов региона.

Разные причины приводили к миграциям белорусского населения в Пермский край, это были и добровольное, и принудительное переселение. Миграции белорусов в Пермский край на протяжении всего периода имели волнообразный характер. Наиболее значительными миграционными волнами были: переселение и освоение белорусскими крестьянами Сивинского имения Крестьянского поземельного банка и других территорий, спецссылка раскулаченных с территории Белоруссии в 1930-е годы, добровольное переселение, организованное в рамках политики привлечения трудовых ресурсов в промышленные регионы страны в 1950-е годы. Эти три волны имели наибольшие масштабы. Они имели организованный характер и, как добровольные, так и принудительные, были инициированы властью. Активное миграционное перемещение белорусов было характерно для периода первой половины и середины XX века, в дальнейшем происходит снижение притока белорусского населения в край.

В формировании пермского сообщества белорусов принимали участие выходцы из разных территорий Белоруссии, как её восточных, так и западных районов. В итоге миграций начала XX века в крае сформировался значительный ареал компактного расселения белорусов в Сивинском районе Пермского края. Сельский характер и сохранение компактности в расселении, в том числе и моноэтнических сельских поселений вплоть до начала XX века, способствовали сохранению и адаптации комплексов традиционной культуры в этих территориях. Значительная сохранность белорусских традиций отмечена в системе питания, календарных праздниках и обрядах, в меньшей степени в других комплексах этнической культуры. В Сивинском районе белорусская

культура активно взаимодействовала с культурой соседнего русского старожильческого населения, переселенцев из других территорий западных губерний России.

В более поздний период преобладал дисперсный характер расселения. Значительная часть белорусов уже с 1930-х годов была городским населением, что не способствовало сохранению и трансляции комплексов этнической культуры. Лишь некоторые районы спецпоселения раскулаченных имели посёлки с преобладанием белорусского населения, в которых вплоть до 1970-х годов продолжали бытовать отдельные элементы этнической культуры.

Ассимиляционные процессы достаточно рано стали проявляться в белорусском сообществе региона, не только в городах и районах дисперсного расселения, но и в местах компактного ареала в Сивинском районе. Причины этого прежде всего в этнокультурной близости языка и традиций белорусов и основного русского населения региона. Этнокультурная близость способствует и быстрой адаптации, и интеграции в местное сообщество. Родной язык и основные компоненты этнической культуры сохраняли и сохраняют лишь мигранты первого поколения, второе и третье поколения обычно уже не владеют белорусским языком и культурными традициями, не всегда сохраняют белорусскую этническую идентичность. Для значительного большинства потомков белорусов Прикамья актуализация белорусской этничности происходит лишь при обращении к историческому прошлому семьи.

В настоящее время белорусское сообщество региона по-прежнему является одним из наиболее многочисленных в крае. Отсутствие новых миграционных притоков, активно идущие ассимиляционные процессы способствуют сохранению тенденции к уменьшению численности белорусов в Пермском крае, наметившейся в последние десятилетия. В некоторой степени консолидации белорусского сообщества края способствует деятельность общественных институтов.

Белорусы в Пермском Прикамье внесли свой вклад в развитие региона. В разные исторические периоды они занимались освоением новых земель, развитием сельского хозяйства, лесной промышленности, других отраслей народного хозяйства, а также образования и культуры. Наряду с адаптацией к новым условиям белорусы также воздействовали на культуру местного населения, привнося собственный опыт и западные эталоны в различные сферы деятельности. Несмотря на протекающие современные процессы, история и этнические традиции пермских белорусов – составная часть истории и этнокультурного наследия многонационального Пермского края.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

АМЦИПР (аудиоколлекция Мемориального центра истории политических репрессий «Пермь-36»).

Кассеты 2000 г., п. Ныроб, г. Чердынь Чердынского района, п. Берёзовая Старица Красновишерского района.

АОАСР (Архивный отдел администрации Сивинского района, с. Сива Пермского края).

Ф. 75. Оп. 1. Д. 49, 58, 60.

АП «Мемориал» (архив Пермского краевого отделения Международного общества «Мемориал», г. Пермь).

Ф. 5. Оп. 2. Д. 1.

Ф. 5. Оп. 16. Д. 4.

Ф. 5. Оп. 32. Д. 4.

Ф. 5. Оп. 210. Д. 1.

АФМ ПГНИУ (архив фольклорных материалов кафедры русской литературы Пермского государственного научно-исследовательского университета).

Тетрадь № 175. 1973. Сивинский район.

Тетрадь № 176А. 1973. Сивинский район.

Тетрадь № 353. 1985. Сивинский район.

ГАПК (Государственный архив Пермского края, г. Пермь).

Ф. 176, 302, 1313.

Ф. 476, 493, 1271.

Ф. 77. Оп. 1. Д. 72.

Ф. 204. Оп. 1. Д. 11, 44, 70, 98, 756.

Ф. 297. Оп. 3. Д. 314.

Ф. 571. Оп. 1. Д. 1.

Ф. 716. Оп. 3. Д. 1185.

Ф. 719. Оп. 9. Д. 16, 1240, 1241, 1242, 1253, 1254, 1256, 1258, 1259, 1260, 1261, 1262, 1263, 1264, 1265, 1266, 1268.

Ф. 719. Оп. 6. Д. 237, 238, 241.

Ф. 790. Оп. 5. Д. 872.

Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 9.

Ф. Р-25. Оп. 2. Д. 8.

Ф. Р-176. Оп. 6. Д. 66.

Ф. Р-302. Оп. 3. Д. 356.

Ф. Р-476. Оп. 2. Д. 4349.
Ф. Р-493. Оп. 19. Д. 10, 19, 20, 21, 106, 107, 303, 375, 376.
Ф. Р-1271. Оп. 1. Д. 127, 128, 131, 137.
Ф. Р-1313. Оп. 1. Д. 115.
Ф. Р-1366. Оп. 1. Д. 652.

Коми-Пермяцкий краеведческий музей им. П. И. Субботина-Пермяка.
КП ОФ 4845/3-20; 23-24. Материалы экспедиции 2001 г. в Гайнский район
(рук. И. А. Подюков).

**ПермГАНИ (Пермский государственный архив новейшей истории,
г. Пермь).**

Ф. 1. Оп. 1. Д. 623.
Ф. 58. Оп. 1. Д. 18.
Ф. 105. Оп. 7. Д. 150.
Ф. 105. Оп. 9. Д. 303.
Ф. 105. Оп. 11. Д. 172.
Ф. 105. Оп. 12. Д. 138.
Ф. 105. Оп. 14. Д. 135.
Ф. 105. Оп. 16. Д. 432.
Ф. 105. Оп. 17. Д. 383.
Ф. 105. Оп. 18. Д. 399, 408.
Ф. 105. Оп. 20. Д. 367.
Ф. 200. Оп. 1. Д. 400, 404.
Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 4611, 11293, 11995.

ПКМ (Пермский краеведческий музей, г. Пермь).

Карта Сивинского имения. Нач. XX в.

**ПСК (Территориальный орган Федеральной службы государственной
статистики по Пермскому краю, г. Пермь).**

Итоги переписи населения 2010 г. по Пермскому краю.

Сивинский районный краеведческий музей.

Разные коллекции.

Полевые материалы авторов. Список информаторов.

2009 год. Сивинский район

с. Екатерининское
Мосолович Нина Семёновна, 1933 г. р.

с. Сива
Русецких Василиса Александровна, 1936 г. р.

2012 год. Сивинский район

д. Диево
Сединина (Шебеко) Татьяна Владимировна, 1946 г. р., место рождения —
д. Седьминка.

д. Морозовка
Копанская Любовь Ивановна.

- д. Мошково
Конюшевич Галина Дмитриевна, 1956 г. р.
Конюшевич Наталья Филипповна, 1927 г. р.
- д. Шестинка
Касаткина (Стук) Елена Тимофеевна, 1965 г. р.
Симаш (Стук) Светлана Ивановна, 1960 г. р.
- д. Шулынды
Филимонов Александр Иванович, 1949 г. р.
Филимонова Наталья Александровна, 1950 г. р.
- с. Екатеринбургское
Глухих Любовь Ивановна, 1947 г. р.
Купцевич Анатолий Тихонович, 1926 г. р., место рождения — д. Березники.
Купчина Анна Евдокимовна, 1923 г. р., место рождения — д. Мошково.
Мосолович Нина Семёновна, 1933 г. р., место рождения — д. Ядринцы.
Стельмах Вячеслав Иванович, 1949 г. р.
Стук Михаил Тимофеевич.
Любовь Ивановна, 1950 г. р., место рождения — д. Мошково.
- с. Сатино
Баженов Александр Васильевич, 1941 г. р., место рождения — д. Мусиха.
Баженова Нина Ивановна, место рождения — д. Елабуга.
Логунова Антонина Ивановна, 1936 г. р.
Логунов Алексей Иванович.
Могунова Лидия Михайловна, 1937 г. р.
Козлова Ольга Васильевна.
Пожарский Иван, 1951 г. р.
Щербова (Хрущелёва) Вера Иосифовна, 1934 г. р., место рождения — д. Козловка.
Щербова Ева Семёновна, 1925 г. р.
Щербов Николай Дмитриевич, 1934 г. р., место рождения — хут. Горбуновка.
- с. Сива
Костицина (Соколовская) Мария Григорьевна, 1938 г. р., место рождения — д. Мошково.
- п. Северный Коммунар
Гречуха Тамара Михайловна, 1945 г. р.
Мусихина Лидия Лукьяновна.
Покладок Анастасия Петровна, 1932 г. р.
Стук Зинаида Ефимовна, 1926 г. р.
- п. Юбилейный
Баранова (Воробьёва) Зинаида Ивановна, 1949 г. р., место рождения — д. Папоротка.

2012 год. Гайнский район

- п. Сергеевский
Голикова (Немогай) Софья Петровна, 1925 г. р.

Кришталь Антонина Николаевна, 1937 г. р., место рождения — д. Иванчино.

2013 год. Сивинский район

с. Буб

Пожарских Раиса Ивановна, 1954 г. р., место рождения — с. Сива.

Федосеева Валентина Дмитриевна, 1947 г. р., место рождения — д. Борейково.

Щенникова Виктория Дементьевна, 1942 г. р.

с. Сива

Абричкина Раиса Михайловна, 1941 г. р., место рождения — д. Жуковка.

Ермолович Екатерина Петровна, 1925 г. р., место рождения — д. Березники.

Матюшкина Эльвира Ивановна, 1945 г. р. (мать была родом из хут. Песковский).

Тихова Тамара Ивановна, 1948 г. р. (мать была родом из хут. Песковский).

п. Северный Коммунар

Старовойтов Фёдор Григорьевич, 1924 г. р.

Тюлюпо Леонид Гаврилович, 1933 г. р.

2013 год. г. Пермь

Максимович Владимир Станиславович, 1954 г. р.

ЛИТЕРАТУРА

И ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Агапкина 2002 — *Агапкина Т. А.* Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. — М.: Индрик, 2002. — 816 с.

Азбелев 1993 — *Азбелев С. Н.* Предание // Восточно-славянский фольклор. Словарь научной и народной терминологии. — Минск: Навука і тэхніка, 1993. — С. 275.

Алфёрова 1998 — *Алфёрова Е. Ю., Бакунин А. В., Иванов В. П., Крючков М. Т.* Железнодорожный транспорт // Уральская историческая энциклопедия. — Екатеринбург, 1998. — С. 198.

Аналитический обзор 2011 — Аналитический обзор миграционной ситуации и деятельности по реализации государственной политики в сфере миграции в Пермском крае за 2011. Пермь, 2011.

Багашев 2010 — *Багашев А. Н., Фёдоров Р. Ю.* Принципы расселения и этнокультурные процессы в среде белорусских переселенцев Урала и Западной Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2010. — № 2 (13). — С. 148–152.

Багашев 2012 — *Багашев А. Н., Фёдоров Р. Ю.* Особенности этнокультурной идентичности белорусских переселенцев в Западной Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2012. — № 3. — С. 124–129.

Баженова 2011 — *Баженова К. Е.* Деятельность организаций Всероссийского земского союза и Всероссийского союза городов Пермской губернии

по оказанию помощи беженцам в годы Первой мировой войны // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. — № 12 (227). История. — Вып. 45. — С. 21–27.

Байбурин 1993 — *Байбурин А. К.* Ритуал в традиционной культуре. — СПб.: Наука, 1993. — 339 с.

Батяновский 2000 — *Батяновский В. Н.* Депортация польских граждан в Пермскую область (1940–1941 гг.) // Политические репрессии в истории России. Тезисы научно-практической конференции. — Пермь, 2000. — С. 71–74.

Белова — *Белова О. В.* Славяне и евреи о «своих» и «чужих» календарных праздниках [Электронный ресурс]. ЛитМир — Электронная библиотека. URL: <http://www.litmir.net/br/?b=128951>

Белорусский культурный центр 2002 — Белорусский культурный центр «Белые росы» // Пермь великая — Пермь многоликая. Национально-культурные центры и автономии Прикамья — кто есть кто? Буклет. — Пермь, 2002. — С. 2.

Белорусы 2011 — Белорусы // Народы России: атлас культур и религий / отв. ред. А. В. Журавский, О. Е. Казьмина, В. А. Тишков. — М., 2011. — С. 99.

Белорусы в Оренбуржье 2001 — Белорусы в Оренбуржье: проблемы, противоречия, опыт: Мат. науч.-практ. конф., 6 апр. 2001 г. — Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 2001. — 208 с. — (Сер. «Многонац. мир Оренбуржья»; Вып. 13).

Белорусы в Сибири 2000 — Белорусы в Сибири. — Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. — 146 с.

Белорусы в Сибири 2011 — Белорусы в Сибири: Сохранение и трансформация этнической культуры. — Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2011. — 424 с.

Белорусы 1998 — Белорусы. — М., 1998. — 503 с.

Бережнова 2006 — *Бережнова М. Л.* Особенности погребального обряда белорусов Омского Прииртышья (о возможности реконструкции традиций погребального обряда прошлого) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Красноярск; Омск, 2006. — С. 41–45.

Бережнова 2007 — *Бережнова М. Л.* Опыт историко-этнографического картографирования мест расселения белорусов в Омской области // История и культура русских Сибири: Сб. науч. тр., посвященный 15-летию Омского филиала Объединённого института истории, филологии и философии Сибирского отделения Российской академии наук. — Омск, 2007. — С. 166–184.

Бережнова 2009 — *Бережнова М. Л.* Первые шаги на новой родине: Новые модели природопользования белорусских переселенцев в урмане // Известия Алтайского государственного университета. Сер. История. — Барнаул, 2009. — № 4/3 (64). — С. 32–36.

Богордаева 2010 — *Богордаева А.А., Фёдоров Р.Ю.* Самоходы и вогулы Северного Урала (по материалам полевых исследований в Таборинском районе Свердловской области в 2002–2003 гг.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. — № 2 (13). — С. 163–171.

Вайман 2008 — *Вайман Д.И., Черных А.В.* Немецкие хутора Прикамья: история и традиционная культура (XX — начало XXI в.). — СПб.: Маматов, 2008. — 224 с.

Верещагин 1978 — *Верещагин П.Д.* Крестьянские переселения из Белоруссии. — Минск, 1978. — 144 с.

Ворончихина 2003 — *Ворончихина О.Б.* О праздновании дня Ивана Купалы самоходами Таборинского района Свердловской области // Традиционная культура Урала. Альманах. — Екатеринбург: Свердловский областной дом фольклора, 2003. — Вып. III. — С. 80–84.

Ворончихина 2004 — *Ворончихина О.Б.* Цикл весенне-летних праздников белорусов-самоходов Таборинского района Свердловской области // Традиционная культура Урала. Альманах. — Екатеринбург: Свердловский областной дом фольклора, 2004. — Вып. 4. — С. 123–151.

Всесоюзная перепись... 1928 — Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. IV. Вот. р-н, Ур. обл., Башк. АССР. Отдел I. — М., 1928.

Всесоюзная перепись... 2002 — Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион: Сборник материалов / сост. В. П. Мотревич. — Екатеринбург, 2002.

Григорьева 1994 — *Григорьева Р.А.* Белорусы // Народы России: Энциклопедия. — М., 1994. — С. 110–111.

Гросман 1913 — *Гросман В.Ю.* Летопись Сивинского имения // Вестник землеустройства Северного района. 1913. — № 20. — С. 4–5.

Гура 1997 — *Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. — М.: Индрик, 1997. — 912 с.

Давыдов 1968 — *Давыдов Л.* Биография края Тюменского // За коммунизм (газета Сивинского района). — 1968. — 20 янв. — С. 3.

Дашкевич 2007 — *Дашкевич В.И.* Белорусы // Мы — оренбуржцы: Историко-этнографические очерки. — Оренбург, 2007. — С. 178–179.

Долгорукова 2005 — *Долгорукова Л.В.* Промышленность, строительство и транспорт Кунгура в 1941–1945 гг. // И помнит мир спасённый... (Материалы научно-практической конференции 27 апреля 2005 г.). — Пермь, 2005. — С. 12–17.

Ефремова 1998 — *Ефремова Е.М.* О сохранности календарно-обрядового фольклора у потомков белорусских поселенцев конца XIX — начала XX в. // Русский вопрос: история и современность. Мат. III Всероссийской научной конференции. — Омск, 1998. — С. 237–240.

Здоровец 2005 — *Здоровец Я.И., Мухин А.А.* Диаспоры и землячество: вопросы влияния. — М., 2005. — 208 с.

Зеленин 1991 — *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. — М.: Наука, 1991. — 522 с.

Ивлева 1994 — *Ивлева Л.М.* Ряженье в русской традиционной культуре. — СПб.: Российский институт истории искусства, 1994. — 233 с.

История ГУЛАГа 2004 — История сталинского ГУЛАГа. Спецпереселенцы в СССР. Т.5. — М.: РОССПЭН, 2004. — 824 с.

История Урала 1977 — История Урала. Т. 2. — Пермь: Пермское книжное издательство, 1977. — 543 с.

История 1996 — История России с древнейших времён до конца XVII века / отв. ред. А. Н. Сахаров, А. П. Новосельцев. — М., 1996. — 576 с.

Каменских 2011 — *Каменских М.С.* Китайцы на Среднем Урале в конце XIX — начале XXI в. — СПб.: Маматов, 2011. — 352 с.

Касперович 1991 — *Касперович Э.А.* Спецпереселенцы. — Минск: Беларусь, 1991. — 112 с.

Касперович 2012 — *Касперович Г.И., Новогородский Т.А.* Традиции питания // Кто живёт в Беларуси. — Минск: Беларусь. наука, 2012. — С. 88–105.

Кортин 2011 — *Кортин Б.* Есть горы, которые вижу во сне...: Исторические хроники. — Екатеринбург: Реал-Медиа, 2011. — 357 с.

Кочёвский районный музей... 2012 — МБУК «Кочёвский районный музей этнографии и быта» // Кочёвская жизнь (газета Кочёвского района). — 2013. — № 5 (49). — 15 марта. — С. 2.

Кривощёков 2006 — *Кривощёков А., Гудовщиков Г.* Места расселения и трудоустройства спецконтингента на территории Коми-Пермяцкого округа 1929–1954 гг. — Кудымкар, 2006. — 68 с.

Криничная 1987 — *Криничная Н.А.* Русская народная историческая проза: Вопросы генезиса и структуры. — Л.: Наука, 1987. — 325 с.

Криничная 1993 — *Криничная Н.А.* Предания о заселении и освоении края // Восточно-славянский фольклор. Словарь научной и народной терминологии. — Минск: Навука і тэхніка, 1993. — С. 277.

Кто живёт 2012 — Кто живёт в Беларуси. — Минск: Беларусь. наука, 2012. — 799 с.

Купальские песни 2012 — Купальские песни белорусов-самоходов Свердловской области / сост. А. А. Мехнецов. — Екатеринбург, 2012. — 40 с.

Курцев 1999 — *Курцев А.Н.* Беженцы Первой мировой войны в России // Вопросы истории. 1999. — № 8. — С. 100–101.

Кухаронак 2012 — *Кухаронак Т.И.* Календарные праздники, обычаи и обряды белорусов // Кто живёт в Беларуси. — Минск: Беларус. навука, 2012. — С. 170–197.

Липинская 2001 — *Липинская В.А.* Адаптивно-адаптационные вопросы в народной культуре питания русских // Традиционная пища как отражение этнического самосознания. — М.: Наука, 2001. — С. 18–40.

Лихоманов 1985 — *Лихоманов М.И., Позина Л.Т., Финогенов Е.И.* Партийное руководство эвакуацией в первый период Великой Отечественной войны. 1941–1942. — Л., 1985. — 169 с.

Майничева 1997 — *Майничева А.Ю.* Переселенцы из Белоруссии в Приобье (середина XIX — начало XX в.) // Вопросы краеведения Новосибирска и Новосибирской области. — Новосибирск, 1997. — С. 170–174.

Майничева 1998 — *Майничева А.Ю.* Питание переселенцев из Белоруссии в Сибири: Конец XIX — первая треть XX в. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. — Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1998. — С. 448–453.

Майничева 1999 — *Майничева А.Ю.* Новые материалы о поселениях белорусов в Приобье в начале XX столетия // Культура этнических образований Сибири (Духовное возрождение — краеугольный камень современности): Тез. III науч.-практ. конф. — Новосибирск, 1999. — С. 11–12.

Майничева 2001 — *Майничева А.Ю.* Питание белорусов, греков и эстонцев Верхнего Приобья в первой половине XX в. // Традиционная пища как выражение этнического самосознания. — М.: Наука, 2001. — С. 99–111.

Макашина 1982 — *Макашина Т.С.* Ильин день и Илья-пророк в народных представлениях и фольклоре // Обряды и обрядовый фольклор. — М., 1982. — С. 83–101.

Максимович 2007 — *Максимович В.С.* В Прикамье есть потребность изучать белорусскую культуру // Народы Пермского края. Альманах. — Пермь, 2007. — С. 28.

Максимович 2012 — *Максимович В.С.* О Совете руководителей национально-культурных объединений Пермского края // Пермский край — территория межнационального согласия. — Пермь, 2012. — С. 71.

Милюченков 2011 — *Милюченков С.А.* Функциональная специфика и названия традиционных построек в этнокультурных ареалах Белоруссии и соседнего зарубежья // Белорусы в Сибири: сохранение и трансформация этнической культуры. — Новосибирск, 2011. — С. 248–294.

Молчанова 1968 — *Молчанова Л.А.* Материальная культура белорусов. — Минск: Наука и техника, 1968. — 232 с.

Мухин 1998 — *Мухин В.В.* Всеволожские // Уральская историческая энциклопедия. — Екатеринбург, 1998. — С. 132.

Народы 1964 — Народы Европейской части СССР. — М., 1964. — Ч. 1. — 984 с.

Народы Башкортостана 2002 — Народы Башкортостана: историко-этнографические очерки. — Уфа, 2002. — 480 с.

Население России 2000 — Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. 1. — М.: РОССПЭН, 2000. — 436 с.

Никитина 2002 — *Никитина С.Е.* Виды миграций и динамика устной культуры народных конфессиональных групп // Актуальные проблемы полевой фольклористики. — М., 2002. — С. 23–31.

Никифоровский 1895 — *Никифоровский Н.Я.* Очерки простонародного житья-бытья в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности. — Витебск: Губернская типография, 1895. — 548 с.

Озерникова 2003 — *Озерникова Т.* Принуждение к труду в переходной экономике // Вопросы экономики. — 2003. — № 9. — С. 100–110.

Очерки истории 2002 — Очерки истории белорусов в Сибири в XIX–XX вв. — Новосибирск: Наука-Центр, 2002. — 241 с.

Ощепков 2010 — *Ощепков Л.* Оборонные предприятия Молотовской области // Ретроспектива. Историко-архивный журнал. — Пермь, 2010. — № 2. — С. 17–22.

Первая 1904 — Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Т. XVI. Вып. 29–32. Губернии: Орловская, Пензенская, Пермская, Подольская. — СПб., 1904.

Подюков 1998 — *Подюков И.А.* «Суженый-ряженный, приди ко мне снаряженный»: Рецепты народных гаданий / И.А. Подюков, А.В. Черных. — Пермь: ПОНИЦАА, 1998. — 28 с.

Подюков 2004 — *Подюков И.А., Хоробрых С.В., Антипов Д.А.* Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья. — Пермь: Пермское кн. изд-во, 2004. — 360 с.

Поездка 1909 — Поездка в Сивинское имение // Пермские губернские ведомости. — 1909. — 12 сент.

Поляки 2009 — Поляки в Пермском крае: Очерки истории и этнографии / Под ред. А.В. Черных. — СПб.: Маматов, 2009. — 304 с.

Потёмкина 2006 — *Потёмкина М.Н.* Эваконаселение в Уральском тылу (1941–1948). — Магнитогорск: Изд-во МаГУ, 2006. — 265 с.

Представительная делегация 2008 — Представительная делегация // Гомельская правда. — 2008. — 24 янв.

Приказчикова 2009 — *Приказчикова Ю.В.* Устная историческая проза Вятского края: материалы и исследования. — Ижевск: Уд. ИИЯЛ, 2009. — 392 с.

Пропп 2000 — *Пропп В.Я.* Русские аграрные праздники (Опыт историко-этнографического исследования). — М.: Лабиринт, 2000. — 192 с.

Русские дети 2006 — Русские дети: Основы народной педагогики. Иллюстрированная энциклопедия / Авт.: Д. А. Баранов, О. Г. Баранова, Т. А. Зимина и др. — СПб.: Искусство, 2006. — 566 с.

Русский Север 2004 — Русский Север: Этническая история и народная культура XII—XX веков. — М.: Наука, 2004. — 848 с.

Саматья 2003 — *Саматья В.Р.* Проблема беженцев в Беларуси в годы Первой мировой войны [Электронный ресурс] // Белорусский журнал международного права и международных отношений. — 2003. — № 2. URL: <http://evolutio.info/content/view/631/54/>

Сборник 2002 — Сборник документов и материалов по истории Псковского края (IX—XX вв.). Учебное пособие. — Псков, 2002. — 628 с.

Сивинский район 2004 — Сивинский район: От истоков до наших дней. — Сива: ООО «Печатник», 2004. — 452 с.

Сидельников 1973 — *Сидельников С.М.* Аграрная реформа Столыпина. Учебное пособие. — М., 1973. — 338 с.

Славянские древности 1995 — Славянские древности. Этнолингвистический словарь. В 5 т. Том 1. А—Г. — М.: Международные отношения, 1995. — 590 с.

Славянские древности 2009 — Славянские древности: Этнолингвистический словарь. В 5 т. Т. 4: П (Переправа через воду) — С (Сито). — М.: Индрик, 2009. — 656 с.

Соколова 1979 — *Соколова В.К.* Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев, белорусов. — М.: Наука, 1979. — 285 с.

СПГ 2000 — Словарь пермских говоров. — Пермь: Кн. мир, 2000. — Вып. 1: А—Н. — 608 с.

СПГ 2001 — Словарь пермских говоров. — Пермь: Кн. мир, 2001. — Вып. 2: О—Я. — 576 с.

Список: Кунгурский округ 1928 — Список населённых пунктов Уральской области. Т. VI. Кунгурский округ. — Свердловск, 1928. — 160 с.

Список: Пермский округ 1928 — Список населённых пунктов Уральской области. Т. VIII. Пермский округ. — Свердловск: Издание орготдела Уралоблисполкома, 1928. — 482 с.

Справка 1911 — Справка о положении иногубернских и иноуездных переселенцев в Сивинском имении, согласно данным подворной переписи 1910 г. — Пермь, 1911. — 30 с.

СРГКПО 2006 — Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа. — Пермь: ПОНИЦАА, 2006. — 272 с.

СРНГ 1981 — Словарь русских народных говоров. — Л., 1981.

Старовойтов 2001 — *Старовойтов А.* Кто такие могилы? (к вопросу переселения белорусов в Пермскую область) // Жизнь национальностей. — 2001. — № 4. — С. 21.

Степанов 2005 — *Степанов М. И.* Оборонный комплекс Западного Урала. // И помнит мир спасённый... (Материалы научно-практической конференции 27 апреля 2005 г.) — Пермь, 2005. — С. 19–24.

Суслов 2003 — *Суслов А. Б.* Спецконтингент в Пермской области (1929–1953). — Екатеринбург — Пермь, 2003. — 331 с.

Титовец 2011 — *Титовец А. В.* Фольклорно-этнографическая традиция и её трансформация в пространстве и времени // Белорусы в Сибири: сохранение и трансформация этнической культуры. — Новосибирск, 2011. — С. 97–133.

Толстая 1981 — *Толстая С. М.* Солнце играет // Славянский и балканский фольклор. — М., 1981. — С. 8–11.

Толстая 1999 — *Толстая С. М.* Дождь // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. В 5 т. Т. 2: Д–К. — М.: Международные отношения, 1999. — С. 106–111.

Томан 1997 — *Томан И.* Венок праздников: Традиции немецких крестьян в России. — М., 1997. — 50 с.

Тулвинские татары 2004 — Тулвинские татары и башкиры: Этнографические очерки и тексты / Черных А. В. [и др.]. — Пермь: Пермское кн. изд-во, 2004. — 456 с.

Тяпкина 2011 — *Тяпкина Т. К.* Традиционная свадьба белорусов-переселенцев Сибири в восприятии белорусского исследователя // Белорусы в Сибири: Сохранение и трансформация этнической культуры. — Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2011. — С. 88–91.

Украинцы 2000 — Украинцы. — М.: Наука, 2000. — 535 с.

Уральский ежегодник 1925 — Уральский статистический ежегодник 1923–1924 гг. — Свердловск, 1925. — С. 32.

Фёдоров 2009 — *Фёдоров Р. Ю.* Проблемы этнокультурной идентичности белорусов-самоходов Приишимья // Питанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі. — 2009. — Вып. 7. — С. 349–353.

Федосеева 2001 — *Федосеева В. Д.* История возникновения деревни Борейково, основанной переселенцами из Белоруссии // На родной земле: газета Сивинского района Пермского края. — 2001. — 18 мая. — С. 3–4.

Федосеева 2006 — *Федосеева В. Д.* Верный сын земли. — Сива — Пермь: Издательско-полиграфический комплекс «Звезда», 2006. — 240 с.

Феоктистова 2003 — *Феоктистова И. К.* Предания и легенды русских сибиряков // Традиционная культура русских Западной Сибири XIX–

XX вв. Очерки истории и быта. — Омск: ООО Издательский дом «Наука», 2003. — С. 75–85.

Фурсова 1999 — *Фурсова Е. Ф.* Взаимоотношение этнического и природного факторов в системе жизнеобеспечения сибирских украинцев и белорусов // Тез. докл. III конгр. этнографов и антропологов России. — М, 1999. — С. 67–68.

Фурсова 2000 — *Фурсова Е. Ф.* Традиционно-бытовые особенности культуры белорусов-переселенцев конца XIX — начала XX в. (по материалам этнографических экспедиций) // Белорусы в Сибири. — Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. — С. 102–120.

Фурсова 2003 — *Фурсова Е. Ф.* Календарные обычаи и обряды восточно-славянских народов Новосибирской области как результат межэтнического взаимодействия (к. XIX — XX в.). — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. — Ч. 2: Обычаи и обряды летне-осеннего периода. — 268 с.

Фурсова 2011а — *Фурсова Е. Ф.* Семейно-свадебные и погребальные обычаи и обряды белорусских переселенцев Сибири // Белорусы в Сибири: Сохранение и трансформация этнической культуры. — Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2011. — С. 50–88.

Фурсова 2011б — *Фурсова Е. Ф.* Календарные обычаи белорусских переселенцев Сибири // Белорусы в Сибири: сохранение и трансформация этнической культуры. — Новосибирск, 2011. — С. 150–221.

Чагин 2010 — *Чагин Г. Н.* Беженцы Первой мировой войны в Чердынском крае: история переселения, обустройство на новом месте, дальнейшие судьбы // Вестник Пермского университета. — 2010. — Вып. 1 (13). — С. 54–64.

Черных 2001 — *Черных А. В.* Поведенческие нормы в рекрутской обрядности (по материалам Пермского Прикамья) // Мужской сборник: Мужчина в традиционной культуре. — М., 2001. — С. 142–150.

Черных 2006 — *Черных А. В.* Русский народный календарь в Прикамье: Праздники и обряды конца XIX — середины XX в. Ч. I. Весна, лето, осень. — Пермь: Пушка, 2006. — 368 с.

Черных 2007 — *Черных А. В.* Русский народный календарь в Прикамье: Праздники и обряды конца XIX — середины XX в. Ч. II. Зима. — Пермь: Пушка, 2007. — 368 с.

Черных 2010 — *Черных А. В., Голева Т. Г., Шевырин С. А.* Эстонцы в Прикамье: очерки истории и этнографии. — СПб.: Маматов, 2010. — 244 с.

Черных 2012а — *Черных А. В.* Рождественско-новогодний цикл календарной обрядности белорусов Пермского Прикамья // Современные проблемы культурно-языковой регионалистики. Материалы межвузовской научной конференции (г. Пермь, 26–28 ноября 2012 г.). — Пермь, 2012. — С. 173–180.

Черных 2012б — *Черных А.В.* Календарные праздники и обряды белорусов Пермского Прикамья // Апотропейные функции материальной культуры народов Урала и Беларуси: Материалы международного научного семинара, 7–9 октября 2012 г., г. Минск. — Пермь, 2012. — С. 98–122.

Черных 2013а — *Черных А.В.* Особенности традиционной кухни белорусских переселенцев в Прикамье в XX — начале XXI в. // Традиционная культура. — 2013. — № 2. — С. 29–39.

Черных 2014 — *Черных А.В., Каменских М.С.* Этнодисперсные группы народов Пермского края. Белорусы // Вестник Пермского научного центра. — 2014. №1. С. 44–53.

Шевырин 2011 — *Шевырин С.А.* Принудительный труд в ГУЛАГе. На примере лагерей и колоний Пермского края (конец 1920-х — середина 1950-х гг.). Lambert Academic Publishing. — Саарбрюкен, 2011. — 237 с.

Шитова 2002 — *Шитова С.Н.* Белорусы // Народы Башкортостана: историко-этнографические очерки. — Уфа, 2002. — С. 295–318.

Шумилов 1998 — *Шумилов Е.Н.* Сива // Уральская историческая энциклопедия. — Екатеринбург, 1998. — С. 477.

Щукина 2005 — *Щукина Р.И.* Об основных тенденциях этноязыковой ситуации в Пермской области на современном этапе в аспекте сравнительного анализа // Национальные языки России: Региональный аспект. Материалы Международной научно-практической конференции (20–21 октября 2005 г., г. Пермь). — Пермь, 2005. — С. 83–87.

Этнология 2006 — Этнология / Под ред. Миськовой Е. В., Мехедова Н. Л., Пименова В. В.: Учебное пособие. — М.: Академический проект; Альма Матер, 2006. — 624 с.

Беларускія народныя абряды 1984 — Беларускія народныя абряды. — Минск: Беларусь, 1994. — 128 с.

Беларусы 2001 — Беларусы. Т. 5. Сям'я. — Минск: Беларуская навука, 2001. — 375 с.

Беларусы 2002 — Беларусы. Т. 6: Грамадскія традыцыі. — Мінск: Беларуская навука, 2002. — 606 с.

Бялявіна 2002 — *Бялявіна В.М., Ракава Л.В.* Жаночы касцюм на Беларусі. — Мінск, 2007. — С. 90.

Каляндарна абрадавая паэзія 2001 — Каляндарна-абрадавая паэзія. — Мінск: Бел. навука, 2001. — 515 с.

Кухаронак 2007 — *Кухаронак Т.І.* Славянскія каляндарныя этнакультурныя традыцыі беларусаў // Беларусы: Славянскія этнакультурныя традыцыі. Т. 10. — Мінск, 2007. — С. 385–506.

Лицьвінка 1998 — *Лицьвінка В.* Святы і абрады беларусаў. — Мінск: Беларусь, 1998. — 176 с.

Bohler 1956 — *Bohler R.* Feiertage bei uns Daheim // Heimatbuch. — 1956. — S. 123.

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ

Белорусы: Народы России — Белорусы [Электронный ресурс]: Народы России. URL: <http://www.narodru.ru/article1192.html> (дата обращения: 12.05.2012).

Владение отдельными языками населением наиболее многочисленных национальностей 2010 — Владение отдельными языками населением наиболее многочисленных национальностей [Электронный ресурс]: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю. URL: http://permstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/permstat/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/score_2010_default (дата обращения: 18.11.2013).

Декларация о государственном суверенитете — Декларация о государственном суверенитете Белорусской ССР [Электронный ресурс]: Российский правовой портал: библиотека Пашкова. URL: <http://constitutions.ru/archives/2941> (дата обращения: 21.05.2012).

Знакомство с культурой белорусского народа 2012 — Знакомство с культурой белорусского народа [Электронный ресурс]: Пермский краеведческий музей. URL: <http://www.museum.perm.ru/news/334> (дата обращения: 18.11.2013).

Итоги Всероссийской переписи 2005 — Итоги Всероссийской переписи населения по Пермской области. Население по национальности и родному языку [Электронный ресурс]. Пермь, 2005. URL: http://permstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/permstat/ru/census_and_researching/census/national_census_2002/

Итоги Всероссийской переписи 2010 — Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года по Пермскому краю. Национальный состав населения [Электронный ресурс]. Пермь. URL: http://permstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/permstat/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/score_2010_default

Население наиболее многочисленных национальностей по возрастным группам и полу 2010 — Население наиболее многочисленных национальностей по возрастным группам и полу [Электронный ресурс]: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю. URL: http://permstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/permstat/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/score_2010_default (дата обращения: 18.11.2013).

Население наиболее многочисленных национальностей по родному языку — Население наиболее многочисленных национальностей по родному языку [Электронный ресурс]: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю. URL: http://permstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/permstat/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/score_2010_default (дата обращения: 18.11.2013).

Население Пермского края по национальности и владению языком 2010 — Население Пермского края по национальности и владению языком [Электронный ресурс]: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю. URL: http://permstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/permstat/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/score_2010_default (дата обращения: 18.11.2013).

Население по гражданству и возрастным группам 2010 — Население по гражданству и возрастным группам [Электронный ресурс]: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю. URL: http://permstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/permstat/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/score_2010_default (дата обращения: 18.11.2013).

Население Российской Федерации 2010 — Население Российской Федерации по владению языками. Предварительные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года [Электронный ресурс]: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики РФ. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/per-itog/tab5.xls (дата обращения: 28.02.2012).

Национальный состав 2010 — Национальный состав населения по субъектам Российской Федерации [Электронный ресурс]: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики РФ. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/per-itog/tab7.xls (дата обращения: 28.04.2012).

Образцовый детский фольклорный ансамбль... 2009 — Образцовый детский фольклорный ансамбль «Белые росы» завоевал высшую награду IV межрегионального фестиваля «Бабье лето» [Электронный ресурс]: Правительство Пермского края. URL: <http://www.permkrai.ru/edu/municipal/gornozav/?nid=178722.09.2009> (дата обращения: 18.11.2013).

Предварительные результаты — Предварительные результаты переписи 2009 года. Население отдельных национальностей по полу, возрасту, состоянию в браке, образованию, источникам средств к существованию, лингвистическим признакам [Электронный ресурс]: Национальный статистический комитет Республики Беларусь. URL: http://belstat.gov.by/homep/ru/perepic/2009/publications/selected_nationalities.rar (дата обращения: 27.05.2012).

Распределение населения — Распределение населения Республики Беларусь по национальностям и языкам в 1999 году [Электронный ресурс]: Нацио-

нальный статистический комитет Республики Беларусь. URL: <http://belstat.gov.by/homep/ru/pereric/p6.php> (дата обращения: 27.05.2012).

Таборинский район — Таборинский район [Электронный ресурс]. Википедия. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D2%E0%E1%E0%E8%ED%F1%EA%E8%E9_%F0%E0%E9%E0%ED

Федеральная автономия — Федеральная национально-культурная автономия (ФНКА) «Белорусы России» [Электронный ресурс]: Белорусы Москвы. URL: <http://www.belmos.ru/index.php> (дата обращения: 25.05.2012).

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
Очерк 1. БЕЛОРУСЫ В ПЕРМСКОМ ПРИКАМЬЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА	13
Общие сведения о белорусах	14
Белорусы в России и на Урале	15
Белорусы в Пермском Прикамье по данным переписи 1897 года....	18
Белорусские переселенцы в Сивинском имении Крестьянского поземельного банка начала XX века	24
Исторические и семейные предания пермских белорусов	38
Итоги освоения Сивинского имения	44
Белорусские переселенцы в Стряпунинской волости Оханского уезда	51
Белорусские переселенцы в Богородской волости Красноуфимского уезда	52
Белорусские беженцы в Прикамье в годы Первой мировой войны	54
Очерк 2. ХОЗЯЙСТВО И БЫТ БЕЛОРУССКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В ПЕРМСКОМ ПРИКАМЬЕ	61
Хозяйственные занятия	63
Поселения, усадьба и жилище	68
Особенности традиционной кухни белорусов в Пермском Прикамье	76
Одежда	96
Календарные праздники и обряды	101
Семейные обычаи и обряды	129
Родильная обрядность	129
Уход за младенцами	135
Практики народного врачевания детей	137

Ритуалы первых лет жизни ребёнка	140
Народная педагогика	141
Игрушки и игры	143
Детский фольклор	145
Проводы солдата в армию	147
Ритуалы строительства и заселения в новый дом	151
Свадебные обычаи и обряды	153
Похоронно-поминальные обряды	187
Очерк 3. БЕЛОРУСЫ В ПРИКАМЬЕ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД	195
Белорусы в Прикамье в 1920–1930-е годы	196
Белорусы в спецсылке в Пермском Прикамье	198
Белорусы в Пермской области по материалам переписи 1939 года	207
Белорусы в Прикамье в годы Великой Отечественной войны	213
Белорусы в Прикамье в послевоенный период	215
Этническая культура белорусов в условиях спецпоселения	225
Материалы Всероссийских переписей населения 1959, 1979, 1989 годов по белорусскому населению Пермской области	230
Очерк 4. СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ	247
Белорусы Пермского Прикамья во Всероссийских переписях населения 2002 и 2010 годов	248
Общественные институты	251
Белорусы в Сивинском районе во второй половине XX – начале XXI века	256
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	268
Список источников и литературы	270

Научное издание

Александр Васильевич Черных
Татьяна Геннадьевна Голева
Михаил Сергеевич Каменских
Сергей Андреевич Шевырин

БЕЛОРУСЫ В ПЕРМСКОМ КРАЕ: ОЧЕРКИ ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ

Координатор проекта *Г.Ю. Цыганкова*

Редактор *А.М. Прокофьева*

Вёрстка *Л.В. Черных*

Корректор *И.И. Плотникова*

Б43 **Белорусы в Пермском крае: очерки истории и этнографии /**
А. В. Черных, Т. Г. Голева, М. С. Каменских, С. А. Шевырин. —
Пермь, 2013. — 288 с.: ил.

В книге использованы фотографии:
А. В. Черных, Д. И. Ваймана, Т. Г. Голевой, О. В. Евдокимовой,
из фондов Пермского краеведческого музея,
из архивов общественных организаций,
из личных архивов информаторов

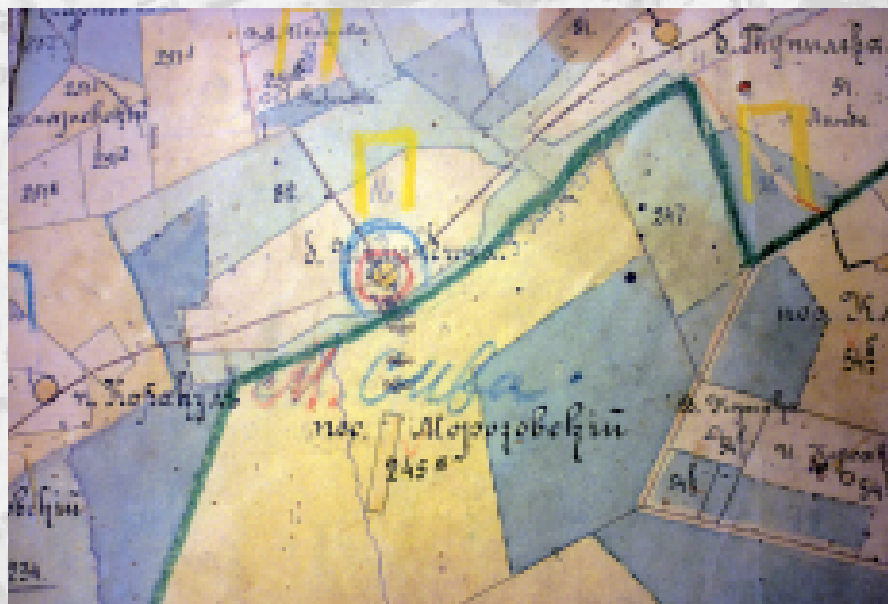
Издательство «Маматов»
190068, г. Санкт-Петербург, Вознесенский пр., 55а,
www.mamatov.ru

Подписано в печать 5.12.13. Формат 60х90/16.
Печать офсетная. Тираж 1000 экз. Заказ ????

Отпечатано с готовых файлов в ООО «ПК «АСТЕР»
614064, г. Пермь, ул. Усольская, 15, тел.: (342) 206-06-86

Белорусские посёлки и хутора на карте Сивинского имения
Крестьянского поземельного банка. Начало XX века

**Белорусы-переселенцы в Сивинском имении
Крестьянского поземельного банка. Начало XX века.
*Из фондов ПКМ***

**Группа переселенцев Мошковского товарищества.
Оханский уезд Пермской губернии. Начало XX века.
*Из фондов ПКМ***

Мошковское товарищество.
Начало XX века.
Из фондов ПКМ

Кричевское товарищество.
Оханский уезд Пермской губернии. Начало XX века.
Из фондов ПКМ

Могилёвское товарищество.
Оханский уезд Пермской губернии. Начало XX века.
Из фондов ПКМ

Здание Крестьянского поземельного банка в селе Сива Оханского уезда Пермской губернии. Начало XX века

**Современный вид здания Крестьянского поземельного банка.
Село Сива. 2009 год**

Переселенцы Екатерининской дачи встречают
Пермского губернатора И. Ф. Кошко
(хлеб и соль подносит белорус Думченко)

**Р. М. Абричкина (Стародуб) с мамой С. М. Стародуб
в деревне Жуковке Сивинского района
(на заднем плане – хозяйственная постройка, крытая дражкой).
1960-е годы**

**У колодца С. М. Стародуб.
Деревня Жуковка
Сивинского района. 1960-е годы**

Свадьба в деревне Жуковке Сивинского района. 1970-е годы

**Жених и невеста
с родственниками.
Деревня Жуковка
Сивинского района.
1970-е годы**

**Девушки в свадебных венках.
Сивинский район. 1920-е годы**

**Белоруски-переселенки.
Сивинский район.
1920-е годы**

Белорусская семья.
Сивинский район.
1960-е годы

Белорусы. Сивинский район. Середина XX века

**Семья И. Борейко.
Деревня Борейково
Оханского уезда. 1910-е годы**

**Жители деревни Борейково
Оханского уезда
(среди них Дмитрий
Иванович Борейко
и Акулина Давыдовна
Листратова). 1917 год**

Вид на деревню Борейково Сивинского района. 1960-е годы

На деревенской улице. Деревня Борейково Сивинского района. 1960-е годы

Деревня Борейково Сивинского района. 1960-е годы

На строительстве. Деревня Борейково Сивинского района. 1960–1970-е годы

**Встреча жителей Жуковки Сивинского района
на месте бывшей деревни. 1980 год**

**Семья и родственники Борейко на месте родительского дома
в деревне Борейково**

**Лесозаготовители-спецпереселенцы из Белоруссии
в посёлке Булатово Чердынского района. Середина 1930-х годов**

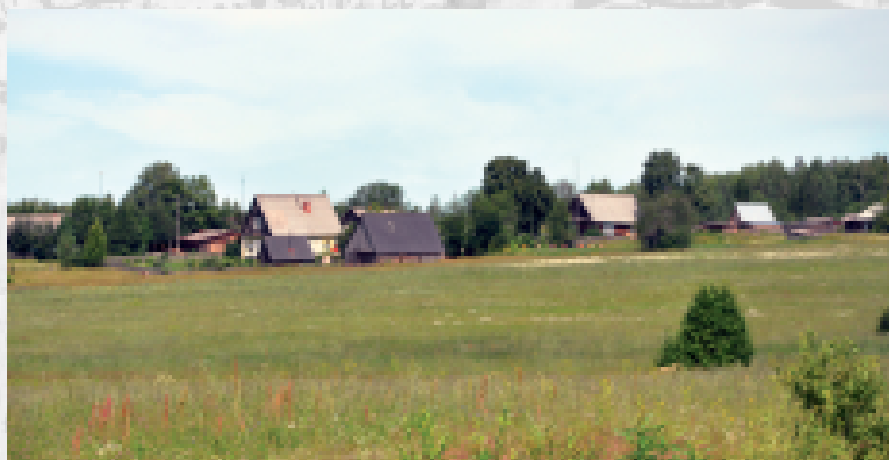

**А. Ф. Цвирко
с матерью Ю. Ф. Цвирко,
спецпереселенцы
из Могилёвской области.
Посёлок Булатово
Чердынского района.
Середина 1930-х годов**

Музей спецпереселенцев и жертв политических репрессий
(дом семьи Корбут). Село Юкеево Кочёвского района. 2013 год

Вид на деревню Седьминку Сивинского района. 2012 год

**Усадьба.
Деревня Седьминка
Сивинского района.
2012 год**

Предметы быта. Деревня Седьминка Сивинского района. 2012 год

Ухват

Сковородник

Весы

Туес

Корыто

Рубель и каток для глаженья белья

Предметы быта. Деревня Седьминка Сивинского района. 2012 год

Корчага

Бутыл в тусесе

Жаровня-латка

Горшок

Ручная мельница

Маслобойка

Долбленка

Прялка. Деревня Седьминка Сивинского района. 2012 год

Белорусские полотенца. 2009 год.
Из фондов Сивинского районного
краеведческого музея

Полотенце.
Село Буб Сивинского района.
Середина XX века

Полотенце.
Деревня Папоротка Сивинского
района. Первая треть XX века

Полотенце. Деревня Елабуга Сивинского района.
Первая треть XX века

Полотенце, г. Пермь

Полотенце. 2009 год.
Из фондов Сивинского районного
краеведческого музея

**Блюда традиционной кухни.
Посёлок Юбилейный Сивинского района. 2013 год**

Шарики из теста «лопки»

Драники

Корчага. Село Екатерининское
Сивинского района. 2013 год

Зинаида Ивановна Баранова
с традиционным белорусским
блюдом «лопики».
Посёлок Юбилейный
Сивинского района

Выступление фольклорного ансамбля «Белые росы»
из Горнозаводска на фестивале «Бабье лето» в городе Чайковском.
2011 год

Фольклорный ансамбль «Белые росы» из города Горнозаводска на фестивале «Белые ночи» в Перми, 2013 год

Материалы о белорусах Пермского края на выставке «С запада на Урал» в Пермском краеведческом музее. 2012 год